Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Пичугин Виталий Григорьевич

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант — Кафтан Виталий Викторович,
доктор философских наук, профессор

Москва – 2025

Оглавление

Введение…… 4
Глава 1 Теоретико-методологические основания исследования социального конструирования исторического сознания..... 25
1.1 Основные методологические принципы и уровни изучения исторического бытия и сознания …… 25
1.2 Теоретический базис постижения исторического сознания общества……..... 47
Глава 2 Историческое сознание как объект социального конструирования……... 92
2.1 Основные подходы к определению исторического сознания общества и личности……. 92
2.2 Симулятивные образования памяти в современном историческом сознании…… 122
Глава 3 Управление историей как социальный механизм …….. 158
3.1 Роль и место истории в стабильном развитии социума…… 158
3.2 Этапы становления и развития управления историей…….. 191
Глава 4 Основные характеристики процесса социального конструирования истории…… 227
4.1 Сущностные черты практик социального конструирования истории…….. 227
4.2 Репрезентация образов прошлого в практиках социального конструирования истории…… 265
Глава 5 Противодействие деструктивным практикам трансформации российского исторического сознания……..... 295
5.1 Политика прошлого как системная деконструкция исторического сознания России…… 295

5.2 Модель системной защиты исторического сознания российского общества…… 321
Заключение……... 352
Список литературы……... 369

Введение

Для социальных субъектов во все времена возникал соблазн, так или иначе, использовать прошлое для воздействия на настоящее. Одни из них, создают новую историю, которая подтверждает исторически права и властные полномочия, другие стараются найти свои корни в далёком прошлом, после чего настаивают и требуют от современников чтить установленные традиции, кто-то возвеличивает мифических или реальных исторических личностей и по лекалам жизни прошлого строит настоящее, некоторые используют историю для доказательства древности определённых групп, обособляя их по этническому или географическому признаку, что даёт право на территорию и природные богатства.

Однако, в последние годы, благодаря применению всё новых информационно-коммуникативных технологий, появляются возможности не только отдельных изменений исторического знания, нового прочтения исторических документов, фальсификации прошлого, но и полной деструкции исторического сознания с целью его дальнейшей трансформацией, начиная с определённых социальных групп и заканчивая обществом в целом, это можно квалифицировать как целенаправленный и планомерный процесс социального конструирования истории.

Как отмечал П. Бурдье: «чтобы процесс конструирования социальной действительности был эффективен, необходимы стратегии, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего» [38, с. 95].

Актуальность темы исследования обусловлена:

Во-первых, имеющимися тенденциями в общественном сознании, проявляющимися в отказе от исторической преемственности, разрыве межпоколенческой связи, забвении традиций.

Во-вторых, созданием все новых открытий и изобретений в области цифровых коммуникаций, которые не только кардинально трансформируют

всю структуру социального взаимодействия, но и активно создают внешне привлекательные, но духовно чуждые, не прошедшие испытание временем нравственные образцы поведения, навязывающие новые аксиологические ориентации.

В-третьих, имеющимся стремлением некоторых социальных акторов пересмотреть исторические факты, по-новому интерпретировать события прошлого в целях создания новой выгодной для них исторической реальности.

В-четвёртых, наличием информационно-коммуникативных практик, способных деконструировать базисные элементы исторического сознания, способствуя тем самым перестройке мировоззренческих координат объектов их воздействия.

В-пятых, важностью разоблачения и дискредитации исторических симулякров и фейков для сохранения исторической правды для потомков.

В-шестых, необходимостью обеспечения духовной безопасности российских граждан и социума в целом и его всемерной защиты от разрушительного влияния многочисленных войн памяти, исторических фальсификаций и технологий постистории.

Степень разработанности темы исследования. Социально-философское осмысление процессов управления историей представлено совокупностью теоретических источников, объединённых в несколько групп.

Первую группу составляют труды Т. Адорно [4], Ф. Р. Анкерсмита [8], М. Блока [26; 315], Ж. Бодена [29], Ж. Делёза [90; 91; 92;], Г.-Г. Гадамера [53], Г. Гегеля [53; 54; 55; 56], Ж. Гурвича [320], Э. Гуссерля [80], Б. Латура [150; 151], И. Пригожина [219], П. Рикера [227], Ж.-П. Сартра [234], Л. Февра [260], Ф. Энгельса [305] и других, посвящённые методологическому базису исследования ретроспективного бытия. Августин Блаженный [2], Дж. Вико [45], Гесиод [58], Л. Н. Гумилев [79], Н. Я. Данилевский [81], М. Маклюэн [162; 163; 164], К. Маркс [170; 171; 172;], К. Поппер [216; 217], П. А. Сорокин [240], А. Тойнби [247], Э. Тоффлер [250; 251], Д. Харауэй [282], О. Шпенглер

[303] и другие рассматривали различные модели понимания истории и их возможности в формировании исторического сознания.

Ко *второй группе* следует отнести работы Ф. И. Гиренка [63], А. Грамши [68], Б. Грушина [74], М. К. Мамардашвили [168], Г. Маркузе [175], А. К. Уледова [258], З. Фрейда [267; 268], М. Хоркхаймера [289; 290; 291], К. Юнга [308; 309; 310] и других, в которых изучаются особенности общественного сознания. В трудах Р. Арона [14], М. А. Барга [411], И. А. Гобозова [65], В. Дильтея [99], Р. А. Каменской [121], А. В. Леопы [155], А. И. Панюкова [201], М. Ю. Ширмановой [298] и других рассматривается специфика исторического сознания как его особой формы. Изучению симулятивных конструкций памяти в историческом сознании уделяли внимание Я. Ассман [14], В. Беньямин [21; 22], Ж. Бодрийяр [30; 31; 32; 33;], Э. Ги Дебор [83], Ж. Деррида [94; 95; 96], Р. Дж. Коллингвуд [138], П. Нора [191], Л. П. Репина [225; 226], М. Хальбвакс [280] и другие.

Третью группу объединяют работы Г. И. Герасимова [413], Г. Ю. Глущенко [414], В. В. Дегтярева [84], В. Г. Кикнадзе [131; 132; 133], В. О. Ключевского [135; 136], О. Ю. Малиновой [165], Б. Г. Соколова [239], В. Г. Удальцова [458], А. С. Шишкова [300] и других, в которых изучается особенности управления историей как особого механизма осуществления власти над социумом. Специфика временных вех создания социального механизма управления памятью о прошлом раскрывается в трудах Аристотеля [11; 12], Ф. Броделя [37], И. Валлерстайна [41], К. Мангейма [169], Ф. Петрарки [204], Ф. Ратцеля [223], Ф. Фукуямы [275], П. Я. Чаадаева [294; 295] и других. Л. Вульф [52], Ж. Деррида [94; 95; 96], О. А. Матвейчев [176; 177; 178], М. Мафессоли [179], Э. Саид [233], М. Фуко [271; 272; 273; 274], М. Хайдеггер [278; 279;], Г. Харман [283; 284; 285], М. Эпштейн [306; 307] и другие исследовали возможности и ограничения использования некоторых технологий управления историей.

Четвёртая группа консолидирует труды авторов: П. Бергера [23], Л. Витгенштейна [47; 48], Н. Гудмена [77], Т. Лукмана [23], Д. Остина

[196], М. Фуко [271; 272; 273; 274], С. Цоколова [293], Э. фон Глазерсфельда [319], Д. Серля [329] и других, направленные на определение различных практик социального конструирования реальности.

Книги Р. Барта [17], Э. Кассирера [418], И. А. Мальковской [167], Г. Г. Почепцова [218], Д. Рашкоффа [224], И. Д. Тузовского [254], В. А. Шнирельмана [302] и других посвящены выявлению особенностей создания и репрезентации практик конструирования истории. В исследованиях Д. Аркуиллы [313], Ю. В. Громыко [352], Л. Де Моза [82], М. Деланды [88; 89], А. М. Ильницкого [109], Дж. Тоша [237], А. И. Фурсова [276] и других раскрывается специфика представления образов прошлого в практиках социального конструирования истории.

Пятая группа включает в себя исследования по тематике защиты исторического сознания от деструктивного влияния практик управления историей. Общеметодологические подходы к исследованию проблемы обеспечения безопасности когнитивно-исторического пространства российского социума наиболее полно определены в трудах С. С. Антюшина и С. А. Тюшкевича [9], А. Г. Иванова [110], О. А. Матвейчева [177; 178], П. В. Петрия [205], П. И. Чижика [296] и других.

Работы А. И. Миллера [182], Г. А. Бордюгова [35], И. А. Василенко [42], А. Михника [430] и других позволяют уяснить наиболее значимые формы использования знания о прошлом в исторической политике и последствия их проявлений в условиях современности.

Труды исследователей А. Э. Вайно [40], В. Н. Иванова [111], М. Калдор [120], А. А. Кобякова [40], М. А. Кривко [144], С. Е. Кургиняна [145], Н. А. Нарочницкой [187; 188; 189], В. Н. Сараева [40], В. К. Сергеева [111], А. И. Фурсова [276; 287] и других акцентируют внимание на нарастающих попытках фальсификации истории со стороны коллективного Запада, анализируют специфику различных стратегий, методов и приемов деятельности по подрыву исторического сознания россиян. Работы В. В. Кафтана [126; 127; 128], В. Г. Кикнадзе [131; 132; 133],

В. Ю. Крашенинниковой [143], А. С. Панарина [198; 199; 200], П. В. Петрия [205] и других предлагают различные меры по противодействию фальсификации истории России, обосновывают необходимость защиты исторического сознания россиян, выработку конструктивных направлений деятельности по сохранению и развитию исторической памяти и гордости за историю России.

Таким образом, можно констатировать, что проблематика влияния новых технологий в сфере коммуникации и современной социальной, социально-психологической, политической реальности на возможности исторического развития общества пока в достаточной мере не имеют системного научного освещения в соответствующих трудах, что является основанием для настоящего социально-философского исследования.

Отмеченная актуальность поставленной проблемы исследования, её теоретической и практической значимости, определён предмет, объект, цели и задачи диссертационного исследования.

Цель исследования: разработка социально-философской концепции социального конструирования исторического сознания российского общества.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд следующих взаимосвязанных **научных задач:**

1) раскрытие методологии исследования материальных и духовных процессов истории общества;

2) нахождение теоретического базиса исследования исторического сознания;

3) определение сущностных аспектов исторического сознания общества;

4) выявление ложных образов прошлого;

5) раскрытие значения истории для развития социума;

6) нахождение механизма проективности явлений и процессов в истории;

7) выявление и обоснование практик социального конструирования истории;

8) нахождение и классификация специфических черт практик социального конструирования истории;

9) анализ влияния конструирования исторического сознания на качество исторических процессов;

10) выявление возможностей и ограничений противодействия деконструкции исторического сознания российского социума.

Гипотеза исследования состоит в доказательстве наличия коммуникативных практик, трансформирующих историческое сознание общества в интересах социально-политических акторов и определения возможностей противостояния наиболее деструктивным их проявлениям, представляющим опасность для нормального функционирования общественных процессов, связей и отношений.

Объект исследования: духовно-историческое бытие и сознание российского общества.

Предмет исследования: социальные практики конструирования и деконструкции исторического сознания российского социума.

Область исследования диссертации соответствует п. 47. «Влияние массовых коммуникаций на социальные процессы. Социально-коммуникативные теории и практики» Паспорта научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Научная новизна диссертационного исследования выражается:

1) в определении методологии изучения исторического бытия и исторического сознания общества (С. 25-47);

2) в определении теоретических основ изучения исторического сознания общества и личности (С. 47-92);

3) в выявлении механизмов влияния на историческое сознание общества и уточнение его содержания (С. 92-122);

4) в раскрытии сущностных и содержательных черт псевдообразов прошлого (С. 122-158);

5) в выявлении основных детерминант влияния истории на социум (С. 158-191);

5) в выявлении особенностей различных проектов истории (С. 158-191);

6) в конкретизации значения истории для развития социума (С. 192-227);

7) в характеристике механизма конструирования истории (С. 227-265);

8) в нахождении особенностей воплощения практик социального конструирования истории (С. 265-295);

9) в уяснении возможных последствий конструирования исторического сознания (С. 295-321);

10) в предложении и обосновании модели защиты исторического сознания российского общества (С. 321-352).

Теоретическая значимость работы состоит в уяснении роли исторического сознания в современном социуме, расширении и углублении социально-философских знаний о процессах управления прошлым в интересах политической власти, особенностях конструирования и репрезентации исторических и псевдоисторических образов, выявлении информационно-коммуникативных технологий деконструкции исторического сознания, анализе практик войн памяти, применяемых политическими противниками в целях забвения исторических подвигов и свершений народов России, разрыва межпоколенческих связей между предками и потомками, дискредитации духовного единства, основанного на общей истории, ценностях и традициях, а также в предложении путей предотвращения и снижения последствий указанной разрушительной деятельности.

Результаты изучения данной темы могут быть реализованы в последующих исследованиях проблем манипулирования историческим

сознанием, сохранения памяти о победах и поражениях российского государства и общества и коммуникативных практик их инфернализации и демонизации, передачи достоверного исторического знания молодежи, защиты от все новых приемов и способов ведения информационной войны в пространстве социальной памяти, сохранения российской исторической ментальности и социокультурной идентичности.

Практическая значимость работы заключается в применении полученных социально-философских обобщений в ходе организации конкретных мероприятий по реализации положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1] по преодолению искажений истории и созданию препятствий пересмотру роли России в мировой истории и обеспечения защиты национальных интересов в сфере сохранения культурного и исторического наследия народа России. Содержание работы, авторские выводы дают возможность уяснения механизма и способов практической реализации технологий, конституирующих личностное и массовое историческое сознание. Идеи, высказанные и обоснованные в работе, имеют важное значение для российских государственных и общественных структур, занимающихся проблемами исторического просвещения, сохранения духовных традиций, преумножения историко-культурного наследия, сбережения исторической памяти, а также научных объединений, занимающихся исследованием проблем определения вызовов и угроз духовной безопасности страны и ее граждан, сохранения ценностных оснований российского общества, способствования устойчивому развитию российской цивилизации, а также предотвращения трансформации исторического сознания социума в интересах геополитических противников и организаторов информационного противоборства.

Методологию и методы исследования составили основные положения социальной и политической философии с использованием её категориального аппарата, онтологический, гносеологический, аксиологический и социокультурный подходы к решению основных задач исследования, а также

методологические исследовательские программы диалектики и метафизики, феноменологии и герменевтики, экзистенциализма и синергетики, совокупность частно-научных и общенаучных методов, конкретных подходов: социально-философский анализ, контент-анализ, дискурс-анализ, акторно-сетевой подход и другие.

Эмпирической основой исследования являются: материалы научных статей, массив данных и результаты специальных социально-гуманитарных исследований, контент-анализ научных трудов, публикации научной периодики, а также данные социологических исследований Института социологии РАН, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центра по тематике социальной политики и памяти, исторической политики и отношения россиян к событиям прошлого, противодействия историческим фальсификациям.

Положения, выносимые на защиту:

1) в целях взвешенного изучения исторического сознания, опираясь на постнеклассическую рациональность, комплементарность и мультипарадигмальность современного научного знания следует выделить взаимосвязанные *методологические бинарные принципы*: *объективизма* (беспристрастность оценки исследователя) и *субъективизма* (личностная аксиологическая позиция ученого) исторических явлений; *детерминизма* (причинной обусловленности) и *индетерминизма* (случайности) исторических событий; *историзма* (признание прогрессивной логики истории) и *антиисторизма* (неподотчетности личности суду истории); *коллективизма* (акцент на истории социума) и *индивидуализма* (внимание личностным характеристикам исторических персонажей); *материализма* и *идеализма* во влиянии на процессы исторического развития (С. 25-32);

2) теоретической основой исследования является группа концепций эволюционного развития человечества, а также исторического сознания социума: *негативного* и *прогрессивного* направления исторических изменений, а также *квалитического* направления

(количественно-качественных и скоростных изменений социума). В каждом из указанных направлений выделяются: в группе регрессивного исторического моделирования: *линейно-регрессивная модель,* рассматривающая историю как последовательную социальную деградацию человечества (Гесиод, Конфуций); *разъединительная модель* на основе идеи возвращения к дохристианскому, мифологическому укладу жизни – организации культа «сверхчеловека» (Ф. Ницше, Г. Вирт), *модель антиисторицизма,* опирающаяся на замену единой истории человечества бесконечным множеством историй, связанных с приобретением власти (К. Поппер), *финитивная модель* ориентирована на идеологическую победу либерализма и конец истории (Ф. Фукуяма), *модель постистории* состоит в отказе от линейного времени и бесконечном рециклировании беспредметных событий (Ж. Бодрийяр); в группе прогрессивного исторического моделирования: *линейно-прогрессивная модель* ориентирует на исполнение божественного эволюционного плана и спасение праведников (Августин Блаженный, Мани), *спиритуальная модель* строится на признании духовным источником развития Абсолютной идеи (Г. Гегель), *спиралевидная модель* предполагает преемственность и поступательность, сохраняя равновесное начало материального и идеального, при циклическом возвращении социума к состоянию более высокому и усложнённому (К. Маркс); в группе квалитического направления: *циклическая модель*, ставящая во главу угла изменение личностных характеристик исторических этапов богов, героев и людей (Д. Вико), *синусоидная модель* отслеживает динамику пульсации социоисторических организмов (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), *историко-аксиологическая модель* уделяет внимание анализу ценностных ориентиров социокультур (П. А. Сорокин), *историческая флеш-модель* выделяет пассионарные вспышки в истории культур и последующие социальные изменения (Л. Н. Гумилев), *куматоидная модель* отслеживает волновые технологические изменения и их влияния на социум (Э. Тоффлер), коммуникативно-историческая модель связывает исторические

трансформации с лавинообразным внедрением медиа-технологий (М. Маклюэн, М. Кастельс), *тентакулярная модель* ориентирована на отмену исторического прошлого, «времени на ощупь» в сети взаимодействия живых объектов и не-людей (Б. Латур, Д. Харауэй) (С. 47-91);

3) *историческое сознание* представляет собой формируемую стихийно или целенаправленно средствами воспитания, самообразования, пропаганды у личности, группы, общества в целом, знаково-образную реальность памяти о прошлом, на основе восприятия знаний о минувшем, с помощью устных, письменных, печатных, аудиовизуальных и сетевых медиа (*когнитивный аспект*), а также оценки значимости произошедших событий для настоящего (*аксиологический аспект*), чувственно-эмоционального отношения к деяниям предков (*эмоциональный аспект*) и готовности к определенным действиям во имя сохранения или отрицания (непризнания, забвения, разрыва) межпоколенческой коммуникации (*праксиологический аспект*) (С. 109-117);

4) в современном информационном противоборстве активно используются образы псевдоистории, которые направлены на полное замещение ретроспективной реальности – искусственно создаваемыми симулятивными конструкциями виртуального характера, которые вообще не имеют никакой связи с действительностью, но настолько яркие, творческие и привлекательные, что представляют особую убедительность для исторического сознания социума.

Реализация псевдообразов осуществляется с помощью совокупности информационно-коммуникативных технологий, таких как: *вербализация-девербализация* (образование или искажение смысла, заключённого в словесном образе прошлого), *символизации-десимволизации* (установление значений для символов посредством создания нового либо придания изменений существующему, знаковое отражение или сущностное знаковое искажение вещей, установление или разрывание связей между исторической действительностью и её принятым в обществе значением),

текстуализации-детекстуализации (организация либо дезорганизация знаковой связанности и последовательности, придание сложности или редукция множественности значений и смыслов, упрощение до примитивности исторических текстов), *визуализации-девизуализации* (представление или стирание образа, заключающего в себе идею, для придания ей значения или разрушения её смыслового содержания), *фетишизации-дефетишизации* (создание или деструкция образов, считающихся сакральными), превознесение либо осмеяние чрезвычайно важных смыслов исторической преемственности духовно-нравственных идеалов) и *виртуализации-девиртуализации* (кардинальная трансформация ретроспективной действительности в компьютерной реальности, связанная со свободной трактовкой значений по принципу множественности истин и свободного самовыражения) (С. 122-157);

5) значение истории для поступательных социальных изменений заключается в ее понимании *как основы управления государством* (государство монополизирует свое видение прошлого, уделяет внимание сохранению контроля над историей как духовным базисом власти, к которому она постоянно апеллирует в ходе своей реализации); *как ресурса и объекта современной политики* (политика прошлого выступает инструментом в политической и идеологической борьбе и для власти и для оппозиции); *как фактора стабильности или дестабилизации* (опосредованно оказывает серьезное влияние на решение общественных проблем консолидации или разобщенности, позитивного или негативного вектора развития общества); *как области творчества* (исследование исторических событий через их личностную интерпретацию, абсолютизацию индивидуального восприятия и субъективную оценку способствует раскрытию предназначения истории и в то же время манипуляции общественным сознанием); *как искусства памяти* (способствует построению картины прошлого для современников на основе раскодирования субъективных исторических образов очевидцев, летописцев, ученых, деятелей искусства, содержащихся в исторических фактах,

воспоминаниях, артефактах, документах, художественных полотнах, кинохрониках) (С. 158-190);

6) проекты управления историей: *древнегреческий* (противопоставление собственной высокоразвитой культуры, демократического правления и прогрессивного развития варварской Азии диких племён, не имеющих ни прошлого, ни будущего), *эллинистический* (сочетание греческой культуры с культурой народов Древнего Востока при поиске и обоснования права римской империи на всемирное господство), *византийский* (как воссоздание преемственной цивилизации, восходящей своим основанием к Римской империи), *христианско-католический* (создание царства праведников под эгидой церкви), *возрожденческий* (возврат к историческим идеалам античности при забвении «темных веков»), *просвещенческий* (мир рационален и становится на путь прогресса с отменой прошлой исторической традиции), *постмодернистский* (исторические события получают новую интерпретацию на основе идеи рециркуляции), *виртуализационный – пронизан идеей вторичности прошлого, его утилитарной функции для создания будущего, преобразования на основе поиска базиса с одной стороны,* а с другой, частичное или полное отрицание прошлого, слом устоявшихся исторических традиций и замена их искусственно создаваемыми структурами.

Наибольшим эвристическим потенциалом для анализа этапов управления российской историей, в силу вхождения современного общества в информационно-коммуникативное состояние, обладает проект, построенный на медиа-детерминистской модели, в рамках которой, переходы от одной исторической галактики к другой, выступают своего рода коммуникативными революциями:

– *лингвистической* (Аркаим, «Велесова книга»);

– *письменной* («Повесть временных лет» Нестора, «Слово о законе и благодати» Илариона, послания Иосифа Волоцкого и Филофея);

– *печатной* (богослужебные книги Никона и послания Аввакума, «Философические письма» П. Я. Чаадаева [275], книги и статьи западников и славянофилов);

– *кино-радио-телевизионной* (кинофильм «Броненосец Потемкин» и западные радиоголоса);

– *сетевой* (создание образов постистории, рециклирования и симулякризации прошлого) (С. 158-191);

7) под *практиками социального конструирования истории* следует понимать комплекс социально-управленческих действий различных акторов общественного развития, выраженных в форме специализированных алгоритмов реализации социогуманитарных концептов по управлению общественным сознанием масс через оказание системно-организованного воздействия на историческое измерение социума [456] (проектирование прошлого; формирование исторического сознания общества; реконструкция исторической памяти; деконструкция символической значимости исторических образов; репрезентация фейковой ретрореальности исторических событий и другие) (С. 227-264);

8) в *настоящем практика социального конструирования имеет своим основным содержанием совокупность определённых стратегий войны: консциентальной* – направленной на разрушение общественного сознания и поведения личности, того, на чём базируется идентичность человека, в том числе, историческая мессианско-трансграничная против глобальной мультиидентичности (Е. Л. Шифферс, Ю. В. Громыко), психоисторической – состоящей в социальном воздействии посредством фальсификации исторических фактов, их пакетирования и принятия чужих смыслов в качестве руководящих и направляющих идеалов властной и интеллектуальной элит (А. И. Фурсов, С. Б. Переслегин), *ментальной,* в основе которой лежит изменение мировоззренческих ориентиров, цивилизационной основы общества противника, лишение его политического, экономического, духовного суверенитета с помощью манипулятивных технологий постправды,

фейков и забвения критического мышления (А. М. Ильницкий), *войн памяти* – «выступающих коммуникативной практикой, в которой используется огромный потенциал информационных сил, а также медиа-средств для кардинального замещения исторической реальности на искусственно созданные образы в целях переформатирования исторического сознания общества в интересах тех или иных социальных акторов, что направлено на получение преимуществ в политической борьбе» [460] (В. А. Шнирельман) и *гибридной* – основанной на конфликте (языковом, идентификационном, потребностно-мотивационном, социально-историческом, и прочих), что обосновывается интерпретацией исторического прошлого и имеет в настоящем научный, социально-экономический, политический характер (Ж. Делез, М. Деланда, П. А. Цыганков) (С. 265-295);

9) в условиях современного информационного противоборства, наряду с другими заинтересованными акторами, государство является главным субъектом влияния на историческое сознание общества, через политическое мифотворчество, применения информационно-коммуникативных технологий посредством представления определённых форм исторической политики: *традиционалисткой экстраполяции* (перенесение или наложение исторически-сложившихся традиций в их низменной форме на новые реалии современности); *традиционалисткой интерпретации* (творческое переосмысление сложившихся ценностей и образцов поведения в русле нового времени); *консервативной модернизации* (фрагментарные изменения коллективного «актуализированного» прошлого) и *радикальной модернизации* (полный пересмотр ретробытия и замена его новыми социально-историческими проектами) (С. 295-320).

Конструирование исторического сознания российского общества может иметь следующие негативные последствия:

– при наличии традиционализма в исторической политике – *отсутствие централизованной системы образования и воспитания* (присутствие в системе сил влияния, отсутствие защиты молодёжи от злонамеренного

воздействия); *наличие феномена антиисторизма собственной истории* (историомор, чрезмерная идеологизация истории, политический «менеджмент истории»); *распространение низкопробных продуктов исторического сознания* (антиисторические «архивы», «музеи», «мемориальные комплексы», «исторические произведения» и так далее);

– при функционировании политики консервативной модернизации истории – забвение прошлого и конструирование общества «Иванов, не помнящих родства» посредством внедрения в общественное сознание концепций *«инфернализации»* прошлого и *евроцентризма* («Запад – колыбель цивилизаций», «Всеобщая религиозная матрица», концепции «Гуманизма и господства права как основы социальной системы» и «представление материального благополучия»);

– при функционировании политики кардинального изменения прошлого – *культурно-идеологическое перекодирование* (аккультрация и ассимиляция), *гражданская война* (организация управляемого хаоса) и *всеобъемлющая зачистка исторического пространства* (уничтожение исторических памятников, мест памяти, торговля археологическими находками, упразднение языка предков, общественных культурных традиций, документов архивного хранения и другое) (С. 299-320);

10) модель защиты исторического сознания российского общества является системно организованной и целенаправленной программой действий по принятию решений и воплощению их в жизнь субъектами общественного развития страны, что должно быть направлено на сохранение, укрепление и развитие у граждан России адекватной исторической памяти в строгом соответствии с происходившими событиями прошлого и настоящего и способную обеспечить управление данным процессом в целях формирования любви и гордости за свое Отечество.

Модель защиты исторического сознания россиян должна включать следующие направления деятельности:

– на уровне государства – создание системы исторического просвещения и пропаганды исторических знаний, включая всю социально-эмоциональную палитру восприятия прошлого, как героического, так и трагического, что должно формировать смыслы настоящего и будущего;

– на общественном уровне – объединение усилий всех заинтересованных субъектов, интеграция их возможностей и полномочий для планомерного и всестороннего социально-политического развития Российской Федерации, с целью сохранения и преумножения ценности исторической правды о прошлом страны и гордости за великие свершения предыдущих поколений;

– на личностном уровне – всестороннее способствование самоопределению и самосовершенствованию человека, развитию его личностных качеств на основе понимания и принятия им жизненных ориентиров и идеалов исторического прошлого, что должно способствовать активному включению индивида в решение задач созидания и процветания страны, противостоянию угрозам и вызовам внешнего и внутреннего характера (С. 295-368).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность исследования обеспечена системным и комплексным подходом, теоретико-практической обоснованностью научной позиции диссертанта и его личным участием в проведенной научной работе, что позволило достигнуть поставленных основных целей, задач.

Основные положения диссертационного исследования и его результаты были обсуждены на заседании кафедры гуманитарных наук Финансового университета, в рамках апробации результаты исследования были представлены в выступлениях на международных, российских научно-практических конференциях, семинарах: на Всероссийском научно-практическом семинаре «Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном пространстве» (Москва, Институт художественного образования и культурологии Российской

академии образования, 29 ноября 2018 г.); на III Международной научно-практической конференции «Социальное и профессиональное самоопределение личности» (Москва, Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, 1 февраля 2019 г.); на VII Всероссийской научно-практической конференции «Творчество и креатив в коммуникациях: теория и практика» (Москва, Московский государственный институт культуры, 4 декабря 2019 г.); на Международной научно-практической конференции «Антикризисное управление человеческим капиталом в условиях новой реальности» (Москва, Финансовый университет, 5 апреля 2022 г.); на III Международной научно-практической конференции «Лингвистика дистанцирования: власть языка и современные реалии» (Москва, Финансовый университет, 26-27 января 2023 г.); на Международной научно-методической конференции «Форсайт образования: возрождение традиций vs декларируемое новаторство» (Москва, Финансовый университет, 1-3 февраля 2023 г.); на V Международном Социогендерном форуме «Институт семьи как эпицентр формирования духовных ценностей и идентичности нации» (Москва, Финансовый университет, 26-27 октября 2023 г.); на Всероссийской научной конференции с международным участием к 100-летию образования СССР «Страна, опередившая время» (Москва, Финансовый университет, 15-16 декабря 2023 г.); на Международной научно-методической конференции «Форсайт образования: портрет преподавателя будущего» (Москва, Финансовый университет, 1-2 февраля 2024 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Психология экономического поведения личности в виртуальной среде» (Москва, Финансовый университет, 22 апреля 2024 г.); на Всероссийской научной конференции «Коммуникативная реальность цифровой трансформации современного российского общества» (Москва, Финансовый университет, 16 мая 2024 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Основы российской государственности: передовой опыт преподавания курса и формирования мировоззрения

студентов» (Москва, Финансовый университет, 17-18 октября 2024 г.); на Международной научно-практической конференции «Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. Полное освобождение территории СССР от немецко-фашистских захватчиков». Секции 3: ответственность современной гуманитарной науки за формирование у молодёжи исторической памяти и уважения к достижениям своей страны (Москва, Финансовый университет, 30-31 октября 2024 г.).

Материалы исследования использованы в научной деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» при выполнении научно-исследовательской работы по теме: «Разработка системы снижения социальных рисков конфликтогенности в сфере высшего образования» (Государственное задание, приказ Финуниверситета от 20.04.2021 №0897/о).

Материалы диссертационной работы использованы в практике работы Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связям, в частности, предложенная в исследовании модель системной защиты исторического сознания российского общества, что в результате способствовало совершенствованию практической работы комитета в рамках его полномочий.

По материалам диссертационного исследования внедрены в практическую работу воскресной школы для взрослых Храма Христа Спасителя концептуальные основы понимания роли и места Православной Церкви в историческом прошлом и настоящем нашей страны, важность и принципиальная необходимость активного участия Православной Церкви в поддержании духовной безопасности и социальной стабильности в российском обществе, что в результате способствовало совершенствованию практической работы в социально-просветительской сфере деятельности.

Основные положения диссертационного исследования использованы в практической деятельности Российской государственной библиотеки, в частности, внедрены в практическую работу концептуальные основы,

изложенные в модели защиты исторического сознания российского общества (социально-культурный аспект), что в результате способствовало совершенствованию практической работы в социально-культурной сфере деятельности, в рамках реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и практической работы с творческими и управленческими кадрами в сферы культуры

Материалы диссертации использованы в учебном процессе Кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, в частности, разработанная в диссертации система информационно-коммуникационных практик, описание методик социального влияния на массовое сознание современного общества. Выводы и основные положения диссертации использованы в преподавании дисциплины «Психология массовых коммуникаций и конфликтология», «Философия», «Социальная философия», что в результате способствовало получению студентами, обучающимися по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» фундаментальных и научно-практических знаний по изучаемой дисциплине.

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 21 публикации общим объемом 14,99 п.л. (авторский объем – 11,39 п.л.), в том числе 19 работ общим объемом 12,9 п.л. (авторский объем – 10,8 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России, из которых 12 работ опубликованы в изданиях, отнесенных к категории К2, а также 2 работы общим объемом 2 п.л. (авторский объем – 0,55 п.л.) опубликованы в издании, индексируемом в международной цитатно-аналитической базе «Scopus» и отнесенном к Q2 в предметной области «Образование» и «Психология». Все публикации по теме диссертации.

Структура и объем диссертации отражают цели и задачи проведённого исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы из 472 наименований. Текст диссертации изложен на 418 страницах, включает 1 таблицу.

Глава 1

Теоретико-методологические основания исследования социального конструирования исторического сознания

Для глубокого изучения проблемы исторического бытия и исторического сознания общества необходимо обозначить некоторые методологические подходы, которые могут выступать инструментами постижения исследуемых объектов. При этом следует учитывать, то, что перспективная научная теория, обладающая объяснительными, прогностическими возможностями, соответствующая критериям научности, в концентрированном виде может выступать основой такого рода методологии. Поэтому рассмотрение различных теорий, объясняющих ход и исход исторического процесса, особенности восприятия истории личностью, социальной группой и обществом в целом, а также специфику влияния истории на различные сферы социума представляет особый интерес в рамках данного исследования.

1.1 Основные методологические принципы и уровни изучения исторического бытия и сознания

Стратегия исследования изучаемого предмета требует выявления и обоснования методологических принципов, опираясь на которые, ученый способен не только выявить некоторые содержательные черты изучаемой социальной реальности, но и определить сущность социального явления, а также приблизиться к пониманию социальных закономерностей, сделавших возможным его воплощение в действительности.

В современной науке, в рамках постнеклассической рациональности и плюралистического подхода, принято воспринимать реальность как текучую, изменчивую и многогранную. В полной мере эту многозначность можно

зафиксировать, придерживаясь *принципа комплементарности* или взаимодополнительности. Согласно физику Н. Бору, понять крайне непредсказуемый характер взаимодействий между субатомными частицами возможно попираясь на понятие комплиментарности (лат. *complementum* – дополнение). Принцип комплиментарности означает наличие разных позиций согласованных и прямо противоположных, которые взаимно дополняют друг друга. Сегодня принцип комплиментарности стал общенаучным и особенно применим в социальных исследованиях, отличающихся одновременным сосуществованием множества теорий описывающих общество с совершенно разных точек зрения. Следуя идее русско-французского социального мыслителя Ж. Гурвича: «необходимо отметить, что комплементарный принцип, с его различными взаимодополняющими теоретическими подходами наиболее обоснован, когда речь идет об исследовании такой сложной ткани социального бытия, как историческая» [320, с. 46].

Сегодня возникает понимание, что ни один из методологических подходов, ни одна социальная теория, выглядящая как устарелая или идеологически неудобная не должна быть исключена из рассмотрения. Они могут стать основанием для переосмысления определённых феноменов общественной жизни исходя из принципа мультпарадигмальности и требований быстро изменяемой реальности. Так, например, методологический подход к анализу исторических явлений, предложенный итальянским мыслителем Д. Вико XVII в. о делении истории на три, повторяющиеся в своем кругообороте эпохи: *века богов* (власть жрецов, ориентация на сакральные смыслы), *века героев* (власть аристократии, культ жертвенности и сильного человека), *века людей* (бюрократическая власть, крайний индивидуализм и эгоизм), может быть воспроизведен и сегодня для выявления, например, особенностей духовного бытия современного века людей – общества потребления [45].

Поскольку в настоящем исследовании избран чрезвычайно сложный для изучения объект, имеющий дуальную природу (материальную и идеальную), в качестве закономерности следует отметить устойчивый характер бинаризма, понимаемого как восприятие и оценка окружающего мира, исходя из наличия или отсутствия тех или иных, противоположных друг другу его характеристик (верх – низ, жизнь – смерть, свет – тьма, добро – зло). Зародившись в лингвистике (Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой) в виде констатации фоновых признаков языка (вокальность-невокальность, яркость-тусклость, звонкость-глухость и других), бинаризм стал характеристикой вообще присущей мышлению европейского человека. «*Бинарные оппозиции* (от лат. binarius – двойственный и oppositio – противопоставление) позволяют, опираясь на сравнение двух противоречащих друг другу признаков явления, определить сущностные и содержательные черты исследуемого объекта во всем многообразии его проявлений» [422, с. 61]. Классический тип рациональности западной культуры, основанный на структурной дихотомии: субъект – объект, Запад – Восток, внешнее – внутреннее, мужское – женское выполняет роль несущих осей, организующих мыслительное пространство, что по мнению Ж. Дерриды генерирует превосходство одного из элементов над другим. Бинаризм постоянно воспроизводится в отношениях между историческим сознанием (идеальным конструктом) и историческим бытием (материальной сущностью).

Рассмотрим более детально наиболее важные бинарные принципы изучения исторических объектов.

Принципы объективизма и субъективизма**.** *Принцип объективизма* состоит в недопущении влияния личностных интересов и предпочтений ученого на исследуемые им исторические явления. Ученый должен подняться над личными пристрастиями, симпатиями и не должен стремиться «подогнать» результат к заранее определенному финалу какими бы обстоятельствами или «заказом» это ни было обусловлено. Именно это отличает настоящего ученого от идеолога, политика и пропагандиста,

стремящихся использовать любые исторические факты для продвижения собственной ангажированной повестки.

Принцип субъективизма ориентирует исследователя на личностную оценку изучаемого исторического объекта. При этом, данное положение не означает беспринципность и ситуативную реакцию, зависящую от настроений или сиюминутных предпочтений ученого в отношении изучаемого исторического явления. Субъективность трактуется здесь не как недостаток, а как принципиальная позиция, основанная на убеждениях и духовных ценностях исследователя, которые он воплощает в своей деятельности.

Принципы детерминизма и индетерминизма. Позиция детерминизма (лат. determinare – определять) базируется на признании причинно-следственной связи между явлениями и их взаимной обусловленности. Детерминистский принцип делает возможным выявление ведущих социальных факторов и условий, выступающих движущими силами социальных изменений. Так, различные философы выделяли факторы: *духовный* (Августин Блаженный [2], Г. Гегель [54]), *географический* (Ш.-Л. Монтескье [184]), или *материальный* (К. Маркс, Ф. Энгельс [170]). Сюда можно отнести и коммуникативный фактор, обоснованный М. Маклюэном [163], позволяющий рассматривать коммуникацию как социальный процесс по передаче информации, эмпатии и интеракции от коммуникатора к коммуниканту в качестве драйвера истории развития общественных отношений.

Принцип индетерминизма означает отрицание устойчивой связи между явлениями или она признается случайной. Ж. Делёз и Ф. Гваттари заявляют, что не существует истории как чего-то интегрального, единого, унифицированного, непрерывного. Философы, исследуя событие, утверждают, что: «оно не существует в настоящем, каждое событие либо уже состоялось, либо только должно произойти. Исходя из этого, интерес представляет не прошлое и не будущее, а сам момент становления настоящего, история при этом теряет свою линейность и превращается в прерывистость

событий «вечное мгновение настоящего» на горизонтальной поверхности ризомы» [92, с. 21].

Принципы историзма и антиисторизма. *Принцип историзма* основан на идеях И. Гердера, Г. Гегеля и К. Маркса о логике последовательного развития исторического процесса и наличии у него прогрессивной цели. Именно поэтому любое исследование должно обращаться к историческим истокам явления, поиску его истоков и причин, на основе которых можно понять уже сам ход его развития. Для исторического развития характерна спиральная модель бесконечных количественно-качественных изменений, понимание этих циклов способствует выявлению дальнейших перспектив исследуемого объекта.

К. Поппер, крайне критично относясь к гегельянству и марксизму обосновал принцип *антиисторизма*, согласно которому в истории развития общества отсутствует кокой-либо план, в том числе и эмансипации человека и поэтому говорить о социальном прогрессе не представляется возможным. Для Поппера неприемлема позиция прогрессистов-историцистов, которые всюду революционным путем пытаются ускорить социальные изменения, а человек вместо цели таких изменений превращается лишь в средство – «ременной привод истории». Для историцистов характерно подвергать личность «суду истории» и осуждать или превозносить его деятельность исходя из реализации им мнимых прогрессивных целей.

Эта идея, характерная для всех коллективистических обществ, по мнению Поппера должна быть замещена в «открытых обществах» индивидуалистического типа убеждением в высшей самоценности личности, той или иной исторической эпохи. «Люди... разглядели в истории сюжет, ритм, предопределенный образец... Я же вижу лишь то, как одна неожиданность сменяется другой...». В основе истории лежит «свобода быть необычным и не походить на ближнего своего», «не соглашаться с большинством и идти своим путём» [217, с. 64].

Принципы коллективизма и индивидуализма. Коллективизм как принцип предполагает наличие приоритета общественного в социальной жизни, а не личностного. Данный принцип в исторических исследованиях акцентирует внимание на изучении общественной жизни в целом, а не конкретных его социальных атомов. Таким образом, некоторые исторические события, которые воспринимаются с точки зрения жизни конкретного человека крайне негативными, такие, например, как разорение Древней Руси Батыевым нашествием, сопровождавшемся гибелью сотен тысяч людей и полным уничтожением развитых городов, могут трактоваться как позитивное явление, способствовавшее прекращению раздробленности государства на удельные княжества и его консолидации, «объединении земель вокруг Москвы». В этой связи можно вспомнить личность Великого князя Александра Невского, который в 1251 г. отверг предложение папы Римского Иннокентия IV о предоставлении защиты со стороны Европы от нашествия монголов в обмен на духовное подчинение католической церкви. Александр Невский покорился власти хана Золотой орды, сохранив тем самым православную веру и культурную самобытность в обмен на экономическую зависимость. Как говорил историк Г. Вернадский: «отдать в рабство тело, но не исказить душу» [44, с. 557]. Завоеватели не претендовали на душу завоеванных, а лишь на их кошелек, в то время как католики требовали именно душу. Ханская власть способствовала объединению разрозненных удельных княжеств, к чему стремился Великий князь, который ради сохранения духовного ядра российского общества, поступился личными ценностями.

Принцип индивидуализма направлен на приоритет частного по отношению к общественному. На первый план выходит декларируемое со времен Возрождения и актуализированное мыслителями эпохи Просвещения представление об индивиде как самодостаточном существе, которое и не должно быть средством для достижения любых целей, в то время как сам он является целью своего существования, реализующего в истории общества свои личные права и свободы. В данном случае ученый ориентирован на

противопоставление личностных характеристик исторического персонажа тем обобщенным признакам, которые присущи большим группам людей. Здесь можно вспомнить о личности князя Михаила Всеволодовича Черниговского (Чермного), который в 1246 г. прибыв на поклон к хану Батыю в Орду, несмотря на уговоры других князей, отказался выполнить языческий обряд пройти между двумя кострами «сквозь огонь» и поклониться «солнцу и кусту».

Князь говорил о том, что царю, которому отдала русскую землю воля Господа он поклониться готов, но как христианин идолам поклониться не может. Отступник Даман по приказу хана после избиения, отсек Михаилу голову. Потом предложили отречься ближнему боярину Феодору, посулив ему Черниговское княжество и когда он отказался, так же мучили его и обезглавили [28]. Получается, что Михаил пошел на смерть ради своих личностных христианских убеждений.

Принцип материализма и идеализма. Принцип материализма указывает не необходимость рассмотрения истории через признание первичности исторического бытия над историческим сознанием. В историческом материализме К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина это означает, что основой исторических изменений являются объективно обусловленные материально-экономические обстоятельства, а не усилия конкретных личностей, которые являются лишь проводниками указанных кардинальных изменений.

Так, антиперсоналистская традиция в выяснении вопроса роли личности в истории указывает на детерминированность действий личности внешними условиями и отсутствие значительного влияния личности на ход исторического процесса.

Принцип идеализма подчеркивает самостоятельность влияния исторического сознания на социальные процессы. Опираясь на учение Г. Гегеля, можно определить историю, например, как развитие Абсолютной идеи, идеальной природы, трансформирующейся вначале сама в себе,

переходя из одной диалектической категории в другую («Наука логики»), впоследствии вырвавшись в материальный мир, развивает природу («Философия природы»), и на третьем этапе достигает высшей стадии развития Абсолютного духа в ходе последовательной трансформации общества («Феноменология духа»). Причем истинная причина исторического развития заключается в стремлении Абсолютной идеи отражаться как можно более полно в разных состояниях себя самой. Ученый призывает к нахождению в исторических событиях, в качестве их причин, идеального начала.

Здесь можно вспомнить Орлеанскую деву, Жанну д'Арк, вдохновившую на освободительную борьбу французов с захватчиками-англичанами, после видения ей архангела Михаила, который вручил ей меч и святых Екатерины и Маргариты, призвавших ее спасти Францию в эпоху Столетней войны. Хрупкая 17-летняя девушка, вооруженная божественным откровением, была примером для сильных мужчин. И когда Жанна попала в плен, подлинное предательство совершили не король Карл VII, который отказался ее выкупить и даже не бургундцы, которые не ощущали себя французами и сохраняя верность вассальной зависимости присягнули английскому королю Генриху VI, а теологи из Сорбонны, к которым обратился французский религиозный суд, во главе с епископом П. Кошоном, для экспертизы вынесенного обвинения Жанне в богохульстве и идолопоклонничестве и действиях под влиянием демонических видений. Несмотря на свою неграмотность и поддержку обвинения парижскими учеными Жанна сопротивлялась наветам и лишь благодаря обману председателя суда, обещавшего церковное прощение и заточение ее в монастыре, подписала свое признание. Но затем вторично преданная своими соотечественниками-французами была передана английской администрации для казни через сожжение как нераскаявшаяся грешница 30 мая 1431 г.

Примечание – Эти обстоятельства судебного процесса подробно раскрываются в фильме французского режиссера Л. Бессона «Жанна д'Арк» (1999 г.).

Для исследователя важны не только принципы, но и порядок их реализации, поэтому следует обратить внимание на обоснование методологии изучения непосредственно исторического сознания. При этом методология понимается как система взаимосвязанных элементов (методов, приемов, способов), каждый из которых оказывает влияние на других.

Для немецкого социального мыслителя К. фон Байме характерен взгляд на методологию, заключающийся в том, что ученые занимающийся исследованием общественных процессов и явлений, основной упор делают на эмпирические исследования, без разработки их концептуального базиса. Такое недостаточное внимание к методологии ведет поверхностному изучению социальных явлений и результаты такого рода деятельности имеют слабые перспективы прикладного использования. «Единство теории и методологии в этом случае достигается лишь на самых высоких уровнях абстракции, таких как диалектический критицизм или теория самопорождающихся систем. Полное единство теории и метода так же пагубно сказывается на эмпирических исследованиях, как и полное их расхождение» [314].

Методология является не простым объединением различных методов познания, а представляет собой стройную систему, основанную на глубоко разработанной научной теории, воплощающей в концентрированном виде ее эпистемологический потенциал.

Среди множества методологических подходов наибольшей глубиной отличается многоуровневая методологическая концепция, включающая три уровня на которых расположены: *всеобщие, общенаучные, частнонаучные* методы, кроме того, имеют значение также методы комплексного (междисциплинарного) исследования.

Всеобщие (философские) методы отражают наиболее существенные признаки исследуемых объектов, опираясь на традицию философской

рефлексии. На этом уровне методологии представлены диалектический, метафизический, феноменологический, герменевтический и другие методы.

Диалектика (др. греч. διαλεκτική – искусство вести беседу) ориентирована на признание всесторонней причинно-следственной связи между явлениями, находящимися в постоянном изменении. Диалектический подход дает возможность, базируясь на особых законах, понимать источники развития, которыми являются действующие на предмет исследования противоречия, этапы развития, связанные с количественно-качественными изменениями, а также признание в новом – элементов старого. Историческая действительность и историческое сознание, с позиции диалектики находится в постоянной трансформации и в то же время, в них надо различать определенную устойчивость.

Кроме идеалистической диалектики Г. Гегеля, материалистической диалектики К. Маркса, имеются также и другие виды диалектики, особо необходимо отметить «негативную диалектику» Т. Адорно, которую во многом можно считать основой современных манипуляций с историей. Активно критикуя Гегеля с его диалектическим законом отрицания отрицания как источника развития Адорно заявил, что этот приводит к дискредитации всего особенного в угоду всеобщему. По мнению немецкого мыслителя даже фашизм стал возможен из-за формирования специфического диалектического мышления, способствующего стереотипизации и усреднению: «общее подавляет единичное и особенное» и «Аушвиц показал господство тождественного и смерть инакового». Поэтому в «негативной диалектике» предлагается отказаться от всеобщего, внимание уделить исследованию распадающегося, нетождественного, основным способом существования которого является страдание, понять которое можно с помощью произведений культуры [4]. Такого рода логикой распада можно объяснить стремление многих современных режиссеров обратьсяся к теме «маленького человека» на войне, его страданиям и сомнениям, как в фильме режиссера М. Сегала «Франц + Полина» в ущерб раскрытию образа героя, делающего шаг к своему

бессмертию, жертвуя своей жизнью за других, а война из страшной народной трагедии превращается в своего рода романтический фон для развития любовных отношений.

Примечание – Фильм «Франц + Полина» снятый в 2006 г. по книге О. Адамовича «Немой». По сюжету новобранец из числа эсэсовцев влюбляется в белорусскую девушку, убивает своего командира и спасает ее из сожженной карателями деревни. На протяжении всего фильма бывший солдат следует за своей любимой, скитаясь по лесам, вместе с беженцами, пока мальчик, у которого нацисты не убили всю семью, поменяв отцовские часы на обрез, не убивает Фрица.

Метафизика (др. греч. μετὰ τὰ φυσικά – то, что после физики), воспринимается как противоположность диалектике и базируется на индетерминизме, исключительное внимание уделяя роли не закономерности, а случайности в развитии. Метафизика исследует природу и фундаментальные структуры реальности, особое внимание уделяя самым общим категориям, их свойствам и отношениям между ними. К числу таких вопросов относятся: причинность, законы природы, время, статус материальных объектов, возможные миры и более специальные проблемы, такие как тождество личности во времени или свобода воли [140]. Метафизика может быть использована для выявления таких особенностей явления, которые недоступны обычным научным методам.

Поскольку понимание особенностей исторического сознания тесно связано с историческим временем и пространством, предпочтение следует оказывать специфическим онтологическим приемам. Так при изучении социального бытия философами-постмодернистами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, с помощью такого рода философских штудий была выявлена особая природа взаимодействия пространства-времени, отличная от традиционной линейной, зафиксированная ими в понятии «ризома», метафорически выражающее, в противовес линейно-вертикального развития корня, его ветвисто-горизонтальное развитие, образующее некую грибницу, которая может распространять себя как под поверхностью, так и над ней, при этом искажая пространственно-временную последовательность. Темпоральное представление времени распадается на два измерения:

хронос – это вечное неизменное настоящее на поверхности ризомы, где не происходит никаких событий и эон – это спонтанный росток, который выбрасывает ризома, в нем нет настоящего, а только прошлое (корень) и будущее (стебель). Каждое из эонических времен случайно и ни в чем не имеет преимуществ идет ли речь об истории могущественных империй или ситуативной группы фанатов музыкальной группы. Пространство в ризоме так же имеет два измерения: *карта*, которая постоянно находится в процессе уточнения и расширения и не имеет смысла и содержания (соответствует хроносу) и калька – пространство-копия, воспринятое ранее (соответствует эону), и представляет собой симулякр – копию, которая стремится подменить собой оригинал [92]. Опираясь на изложенные идеи возможно понять онтологические основания исторических фальсификаций.

Феноменология (от греч. φαινόμενον – являющееся; λόγος – учение, наука), согласно Э. Гуссерлю, призывает исследователя не изучать окружающую реальность с помощью органов чувств, которые могут вводить в заблуждение, а используя врожденное свойство сознания – *интенциональность,* направленность на вещи, познавать мир, переключаясь на саморефлексию [80]. Итак, феноменологический метод позволяет как бы пропустить объект через себя, сосредоточившись не на его изучении, а на фиксации его восприятия собственным сознанием.

Для ученого это означает необходимость созерцания исторического бытия через саморефлексию, посредством прямого диалога исследователя и тех исторических персонажей, которые стали предметом его рассмотрения, как бы «примеривая» их поступки на себя.

Английский философ К. Уилсон своей фантастической книге «Паразиты сознания» пишет об ученом-археологе Г. Остине, который обнаружил, что человечеством скрытно управляют некие враждебные сущности инопланетного происхождения, некое «единое целое, вроде гигантского желеобразного спрута, чьи щупальца способны отделяться от тела и передвигаться сами по себе, как самостоятельные живые существа»,

обитающие в самой отдаленной части коллективного бессознательного, которые питаются энергией человеческого гнева и ненависти и с целью удовлетворения этой потребности искажают историю, генерируют на Земле войны, революции и другие социальные катастрофы [257].

Паразиты сознания вносят диссонанс между восприятием мира сознанием и поиском смысла вещей разумом, они как бы «смазывают» чувства людей, не дают использовать потенциал сознания, внушают неуверенность человека в своих силах, генерируя «умственный туман», заставляют верить в беспомощность людей перед силой необходимости, вынуждают рассматривает себя как пассивную «думающую машину».

Используя феноменологический метод Гуссерля, ученый предлагает путь освобождения от паразитов сознания, который состоит в обучении каждого человека внутренней дисциплине, реализации возможности размышлять о том, как работает собственное сознание, эмоции и восприятие «научиться путешествовать по миру своего сознания», отказе человека от привычки «уделять всё свое внимание внешнему миру, считать воображение лишь способом бегства от него, а не дверью, ведущей в обширные неведомые страны мира внутреннего» [80, с. 261-262].

Несмотря на вымышленный характер произведения, некоторые идеи Уилсона вполне можно применить практике защиты исторического сознания.

Герменевтика (др. греч. ἑρμηνευτική – истолкование, объяснение) тесно связана с феноменологией и согласно немецкому философу Х.-Г. Гадамеру базируется на понимании, которое является универсальным способом освоения мира человеком, а поскольку весь мир понимается в широком смысле слова как текст, то любая информация, получаемая человеком, должна быть правильно интерпретируема им. Здесь важно не столько уяснить смысл исторического источника, сколько вчувствоваться в состояние автора, раскрыв тем самым его видение современного ему мира [53].

В герменевтике применяются приемы интерпретации текстов, истолкования летописей, уяснения трудов историков, и в целом литературы на историческую тему.

Следуя герменевтическому подходу, необходимо сосредоточить усилия на выяснении смысла через анализ средств выражения текста: лингвистические обороты и тропы, знаково-символические конструкции и даже имеющиеся ошибки, и недосказанность. П. Рикёр считает, что в основе герменевтики «...определенная конструкция смысла, которую можно было бы назвать двусмысленной или многосмысленной» [227, с. 17]. Другими словами, имеющиеся противоречия в жизни и тексте являются не препятствием к уяснению сути, а напротив позволяют внимательному исследователю выявить размытые и неявные контексты и коннотации. Для этого ему следует не только вчувствоваться как это происходит в феноменологии, но и правильно истолковать, поняв и интерпретировав историко-культурную ситуацию со стороны всех ее участников.

В то же время некоторые философы истории, такие как Ф. Анкерсмит, активно критикуют герменевтику, заявляя, что она, как и семиотика и структурализм чересчур зависят от языка, но ведь значение текста существует только в самом читателе, и возникает только тогда, когда он не просто прочитал, а «воспринял» текст и после этого сконструировал собственную репрезентацию текста в соответствии со своим жизненным опытом чтения. Анкерсмит предлагает обратиться к непосредственному опыту восприятия прошедших времен. Вначале при прикосновении к историческому опыту, мы понимаем, что это время минуло и испытываем утрату, затем мы стремимся восстановить прошлое испытывая желание и любовь. По мнению философа, надо стремиться к получению опыта (его проживанию и прочувствованию), поскольку «историческая истина недостижима», в силу отсутствия объекта изучения, «возвышенный исторический опыт с точки зрения определенных культурных и цивилизационных контекстов возможен в отсутствие каких-либо субъектов опыта» [8, с. 34-35].

Экзистенциализм (от лат. *exsistentia* – существование) видит в каждой личности самостоятельного индивида, способного совершить ответственный выбор траектории своей судьбы, и этот выбор определяет его сущность. Создатель экзистенциализма, Ж.-П. Сартр, активно критикует жесткую оппозицию между субъектом и объектом восприятия мира, по его мнению, исследователь должен быть не отстраненным существом, а открывать мир через собственное существование – экзистенцию [234]. Такая форма познания строится на фиксации уникальности происходящих исторических событий, на интуитивном схватывании реальности с точки зрения ее глубоко личностного переживания.

В библейской Книге Бытия (22:1-19), божественный посланец передал требование праотцу Аврааму совершить жертвоприношение своего сына Исаака. Но когда Авраам занес нож над своим любимцем, ангел удержал его: «Авраам! Авраам! <…> не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт. 22: 11-12). Датский философ С. Кьеркегор, в своем произведении «Страх и трепет» призвал трактовать историю с Исааком не с этической, а с метафизической точки зрения, не как убийство, а как подчинение воли человека Богу.

Другое сказание из Библии (Судьи 11:39) описывает сходный случай, произошедший с полководцем и девятым из судей Израильских Иеффаем (Ифтахом) из Гилеада, который будучи изгнан своими родными в пустыню, основал там разбойничий отряд и грабил караваны, но когда его соотечественники, уставшие от постоянных набегов аммонитян, призвали его возглавить ополчение, собиравшееся на битву с врагом, он внял мольбам и вышел на бой. Перед решающим сражением устрашенный силой аммонитян и понимая, что победить их он может только с помощью Господа он пообещал ему, что если он дарует победу, то Иеффай принесет в жертву первого, кто выйдет из его дома. Когда утомленный, но счастливый Иеффай возвращался с победой, ему навстречу выбежала его любимица – единственная дочь Яала с

тимпаном и сочиненной ей хвалебной песней. Военачальник вынужден исполнить свой обет, а его дочь соглашается стать добровольной жертвой, вымолив у отца несколько дней, чтобы она могла оплакать с подругами свою долю несостоявшейся невесты, жены и матери.

Л. Фейхтвангер, на основе нескольких библейских строк написал роман, посвященный беззаветной любви дочери к отцу, которая, понимая, что тот не может обмануть Бога, сама просит его исполнить свою клятву и добровольно идет на смерть. Однако, в какой-то момент Яалу охватывает страх, она представляет, как над ней занесен нож, и ее пронзает щемящее желание остаться в живых. Но она преодолевает это чувство, и в ее душу входит Бог. Он похож на ее отца. И она сочиняет песню о своей смерти. Гигант Иеффай, могучий гордец, сделан словно из куска скалы, но хрупкая девочка-ангел со своей верой оказывается сильнее его, и он смиряется, подчиняется воле Яалы, которая в момент своей смерти заставляет его улыбаться и он, безмерно любя ее выполняет это последнее желание [261]. Иеффай ненадолго пережил свою любимицу, объединив Израиль, через 6 лет он умер в одиночестве, не оставив после себя потомства.

Итак, экзистенциальный подход выявляет личностное отношение человека и переживание им ключевых событий, подчеркивает роль индивида в принятии решения в пограничной ситуации, которое является воплощением его подлинного существования и от которого будет зависеть дальнейший ход истории.

Синергетический подход заключается в таком понимании объективной реальности, где самоорганизация лежит в основе жизнедеятельности. По мнению В. Г. Буданова, синергетика представляет собой учение о становящемся бытии, которое надо рассматривать «как технологию универсалий, реализуемую в практической деятельности» [412, с. 198].

По мнению представителей синергетической методологии И. Пригожина и И. Стенгерс, в ходе развития сложной неравновесной системы, она может достигнуть состояния точки бифуркации в которой

обладает высокой неустойчивостью и неопределенностью и дальнейший ход развития не может определяться детерминистическим принципом; «...траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего» [219, с. 227-228].

Содержательно бифуркация представляет собой скачкообразную перестройку системы, изменение ее структуры вследствие плавных изменений определенных параметров. Состояние объекта в развилке принципиально невозможно определить в силу наличия множества вариантов и спонтанности выбора и непредсказуемыми последствиями в другом месте, это состояние получило название «эффект бабочки». У фантаста Р. Брэдбери имеется рассказ «И грянул гром», в котором в далеком будущем организуются сафари в доисторическом прошлом Земли, с помощью машины времени. Организатор путешествия предупреждает о том, что даже незначительное отклонение от безопасного маршрута может привести к непредсказуемым последствиям: «Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы» [36, с. 607]. Несмотря на предостережения один человек из команды, случайно наступает на бабочку и запускает тем самым цепь кардинальных трансформаций истории, создавая альтернативную линию исторического развития.

Следуя синергетическому подходу, необходимо обратить внимание на необходимость замены манипулятивного управления историческим сознанием его самоорганизацией и устойчивым саморазвитием.

Общенаучные методы носят такое название в связи с чрезвычайно широкой применимостью в любой из научных областей. Такого рода методы имеют, с одной стороны, теоретическую направленность (логические методы), выстраивая своего рода понятийную схему, позволяя определять наиболее

существенные признаки явления (абстрагирование), выделять общее и единичное (дедукция и индукция), целое и частное (синтез и анализ), не смешивать разное (типизация), сопоставлять между собой факты (сравнение). С другой стороны, эмпирические методы позволяют описать изучаемое явление и раскрыть его свойства, что даёт возможность выявить практические особенности (наблюдение), систематизировать данные (анализ документов), проанализировать мнение экспертов (анкетирование) и так далее.

В 1930-е годы Л. Февр и М. Блок предложили новый подход к изучению исторических документов, получивший впоследствии название «Новой исторической науки» или Школы Анналов [260]. Историки этого направления призвали уйти от ставшего классическим восприятия учеными истории как последовательности фактов, а перейти к проблематике повседневности, в которой жизнедеятельность людей прошлого изучается в системе их связей различного характера: экономических, культурных, религиозных, языковых.

Сегодня возникают конфликтные отношения между указанными методами, выражающиеся в некотором забвении теоретических методов и преимущественное использование эмпирических подходов. При этом чрезмерное увлечение математическо-статистической составляющей социального исследования и усиление внимания к цифровым показателям может привести к манипуляциям с истиной и даже прямому подлогу.

Так, математики А. Фоменко и Г. Носовский разработали «новую хронологию», согласно которой в Новое время историки искусственно удлинили официальную историю примерно на тысячу лет [266].

Примечание – Труды группы Фоменко насчитывают более 100 книг, общим тиражом более одного миллиона экземпляров.

Авторы, ссылаясь на обрывочность и недостоверность летописных сведений предлагают с помощью математических методов искать в истории разных народов повторяющиеся события, например годы правления римских царей античности и английских королей средневековья и находя параллели,

созданные заговором ученых, создавших фантомные события, предлагают исключать целые периоды традиционной истории, ссылаясь на то, что это симулякры прошлого.

На третьем уровне *частнонаучные методы* представляют собой совокупность способов и приемов и алгоритмов их применения к постигаемому явлению в рамках конкретной программы исследования.

Значительную трудность в определении частнонаучных методов представляет то обстоятельство, что данное исследование реализуется в контексте социально-философского направления. Между тем известно, что социальная философия и социальная наука – пересекающиеся понятия, и все же часть социально-философского знания выходит за рамки точного знания и может быть представлена в виде различных мировоззренческих позиций, по сути, метафизических (по О. Конту).

Социально-философский анализ. Так как в социальной философии исследуется сущность социального как рода ретроспективного, действительного и потенциального бытия в мире, всеобщие условия и механизмы его реального существования, наиболее важным методологическим инструментарием на общенаучном уровне является социально-философский анализ, который направлен на рассмотрение сложной системы «человек – общество», выявление всеобщих, инвариантных свойств выражающих родовую, исторически константную сущность в конкретном общественном объединении общности, группы, организации, институте [245; 67]. Социально-философский анализ позволяет, на основе диалектического принципа (от абстрактного к конкретному), создавать концепт социальной модели, включающей в себя реальное отношение сходства и подобия среди конкретных обществ во всем их многообразии.

Здесь важно восприятие общей модели социума, но не следует забывать и о значительном многообразии форм воплощения исторической реальности. Опыт строительства коммунистической формации в странах Азии и Африки, не прошедших нескольких предыдущих исторических этапов,

свидетельствует о недопустимости подгонки реальности под умозрительные рациональные построения.

Социально-философский анализ, впрочем, как и другие методы не является исключительным, поэтому важно дополнять другими более конкретными методами, позволяющими детализировать исследуемую историческую реальность, определить специфику частных проявлений исторического процесса. К числу такого рода методов можно отнести контент-анализ, аксиологический анализ и другие.

Контент-анализ (от англ. – *contents* – *содержание*) предназначен для выявления скрытой информации, разбросанной по большому объему источников, например, публицистических изданий, опираясь на подсчет встречаемости, выявленной инструментами статистики. Здесь не следует увлекаться формальным порядком изучаемого массива данных (исторических документов, медиатекстов), а надо сосредоточиться на раскрытии неявной информации, рассеянной по крупицам в исследуемом материале, что позволяет определить тенденции, ведущие тренды, латентные мотивы движущих сил истории, а также возможные будущие состояния исторического бытия и сознания.

Аксиологический анализ опирается на общие предпосылки в понимании ценностей как неких означенных объектов, что обретают определённый смысл в работах разных исследователей, выстраивающих собственную ценностную модель, на основании которой наделяется смыслом изучаемая социальная действительность.

В качестве комплексной методологии аксиологического анализа исторического сознания как социального явления выступает совокупность *религиозного* (признание божественных ценностей устанавливаемыми свыше), *трансцендентного* (универсальные потусторонние ценности выступающие в виде идеального ориентира для посюстороннего поведения человека), *семиотического* (ценности как особо значимые символы), *материалистического* (природа ценностей материальна и выражает

распредмеченные смыслы), *социологического* (социальная общность консолидируется на основе разделяемых ценностей, что определяет отношения внутри их и между ними), *структуралистского* (ценности как структуры метафизических сущностей, единые для самых разных культур), *мотивационного* (ценности как устойчивое побуждение действующего индивида к активности), *архетипического* (ценности как образцы для подражания скрытые в глубине коллективного бессознательного), *культурологического* (ценности как жизненные конструкты, дух народа, модели, определяющие самобытность культурных проявлений), *прагматического* (ценности как выгодные в практическом отношении ориентиры, которые позволят добиться преимущества в какой-либо деятельности), *экзистенциального* (самоопределении человека в том, что считать для себя ценностями в соответствии со своим духовно-нравственным выбором), *коммуникативного* (ценности как причина вступления человека в общение, необходимое условие диалога между людьми), *системного* (ценности как совокупность несводимых к простой сумме взаимосвязанных аксиологических элементов, детерминирующих социокультурную деятельность, направленную на развитие человеческого общества), *постмодернистского* (принятие множественности ценностных позиций как отказа от единого восприятия мира, признаваемого тоталитарным, плюрализм оценок, приводящий к ситуации перемешивания, совмещения несовместимых аксиологических систем) подходов к пониманию ценностей [128].

Междисциплинарный уровень, объединяя в определенную целостность различные теоретические подходы, каждому из которых в одиночку не под силу глубоко проникнуть вглубь изучаемого явления, может обеспечить разнообразные знания об изучаемом явлении и, таким образом, в сочетании дать более широкое понимание проблемы. Комплексный подход должен принципиально отличаться от эклектизма, в котором смешиваются абсолютно разные идеи, без всякой привязки друг к другу. Всесторонне рассмотрение

объекта возможно в сопоставлении имеющихся научных позиций с определением вида знаний, содержащегося в каждой из них.

Акторно-сетевая методология. Большую роль в истории играет археология, занятая поисками материальных остатков исчезнувших времен. Своеобразное толкование вещей-артефактов и их влияния на историческое познание осуществлено Б. Латуром, высказавшем идею, согласно которой в конструировании социальной реальности активно участвуют не только сами люди и социальные образования (общности, группы, организации и институты), но и вещи (материальные объекты), объединенные в гетерогенные сети (множественные пространства). Такого рода *актор-сеть*, является способом социальной пересборки, суть которого состоит в постоянной поддержке коммуникативных связей взаимодействия между акторами [151].

Значит, и в исследовании исторического сознания необходимо учитывать сети, связывающие людей, принимавших исторические решения и нелюдей, взаимодействующих друг с другом. По мнению Латура [150], Толстой в своем романе «Война и мир» пытался показать, что не гениальность полководцев (Наполеона или Кутузова), отдающих точные приказы и безусловная их исполнительность подчиненными являются залогом победы.

Толстой, понимая сложности с доставкой приказов, их своевременностью и правильной интерпретацией, ориентируется на рассмотрение событий и действий масс людей. Ему удалось раскрыть новые аспекты руководства войсками, вопросы подчинения и исполнения распоряжений. Оказывается, что исполнение приказа обусловлено не столько сложностью его доставки адресату, сколько желанием исполнителя этот приказ принять и реализовать.

Сведение масштабных действий армии к самостоятельным действиям отдельных людей позволило Толстому создать сеть, в которой от каждого участника (резюмирующего то, что делают другие, пытаясь придать хаосу осмысленность), его личных свойств, привычек, условий и целей зависит успех общего дела. Кроме того, актантами этой сети являются и не-люди.

Ссылаясь на роман «Война и мир» Л. Н. Толстого, Б. Латур, утверждает, что в сражении под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 г. ключевую роль в победе Наполеона по Толстому сыграл густой утренний туман.

Это связано с тем, что от командования объединенных российско-австрийских войск ускользнуло важное обстоятельство. Наполеон за ночь подтянул свои войска в непосредственную близость к русской армии, и когда наутро ее передовые части спустились в долину укрытую густым туманом, они были обречены: «Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману (как будто он только ждал этого для начала дела), он снял перчатку с красивой белой руки, сделал ею знак маршалам и отдал приказание начинать дело» [248, с. 60].

То есть, согласно Латуру туман, усилив дезориентацию русской армии, сыграл роль участника событий, актанта, выступив своего рода союзником французской армии.

Методология целостного исследования бытия прошлого и исторического бытия и сознания не исчерпывается представленными методологическими ориентирами, однако учет в исследовательской деятельности бинарных принципов, многоуровневых методов позволяет не только противостоять фальсифицированию отдельных исторических фактов, но и разоблачать целостные картины создаваемых политическими акторами искусственных реальностей, описывающих псевдопрошлое и имеющих сегодня большое влияние на широкие массы аудитории старых и новых медиа.

1.2 Теоретический базис постижения исторического сознания общества

Анализируя проблематику социального управления историей, следует отметить, что теория моделирования исторического прошлого эволюционировала от рассмотрения ее как практики фальсификации некоторых фактов исторической действительности до формирования целых

виртуально-исторических пространств со своими уникальными формами общественно-исторических сознаний, которые используется определенными социальными акторами в рамках ведения современного информационного противоборства.

Для уяснения сущности социального управления историей и логики его взаимосвязи с сознанием современного российского социума необходимо проанализировать наиболее значимые модели, описывающие историю развития человечества и выступающие в качестве фундамента для формирования тех или иных форм общественно-исторического сознания.

Важно отметить, что попытки когнитивного моделирования исторического сознания социума волновали научное сообщество исследователей на протяжение всей истории развития человечества. При этом на каждом этапе существования человека выдвигалось множество схожих (имеющих общее основание) или противоположных (отрицающие существования друг друга), а порой даже и вовсе неповторимых моделей развития истории и соответствующих им форм исторического сознания общества.

Первые попытки такого рода конструирования были реализованы мыслителями античности в рамках представления мифологических моделей истории (Пифагор, Гераклит, Фалес, Анаксимандр и другие). В эпоху Средневековья христианские теологии утверждали религиозную модель (библейская традиция). В Новое время большую популярность в обществе завоевали идеалистические («Мировой дух» Г. Гегеля) и материалистические (формационная концепция К. Маркса) исторические модели.

Своеобразный вариант представлений о причинах исторических событий был предложен волюнтаристами эпохи Просвещения в рамках популяризации модели исторической конспирологии (от лат. *conspiratio* – заговор), утверждавших, что большинство важных исторических событий происходит в результате решений, принятых тайными организациями.

Весьма интересна историческая модель, предложенная отечественным философом Ю. А. Чернавиным. По его утверждению, история есть развертывание социальных событий, суть которых связана со становлением в обществе определенных социальных структур и институтов. Так, историю развития советского государства он представляет как последовательную смену трех социальных проектов:

– «*Ленинский проект* (интернационально-социалистический) – нацеленный на подготовку и осуществление мировой революции и победу социализма на глобальном уровне («Соединенные Штаты мира»);

– *Сталинский проект неоимпериализма* – отход от ленинского проекта мировой революции и построение социализма в одном государстве в опоре на партийно-государственное правление, не связанное ни законами, ни контролем общества;

– *Примиренческий проект Горбачева*, основная суть которого заключается в отказе от идеалов коммунизма и превращении страны в одного из сателлитов западного мира» [462, с. 30-35].

Другой современный исследователь – американский биолог М. Моффет в своем труде «Человеческий рой. Естественная история общества» [186] упрощает историю развития человечества до уровня социальных насекомых: пчел, муравьев, рассматривая исторические процессы развития общества через призму эволюционных процессов в животном мире.

Исходя из рассмотрения наиболее развитых концепций, рассматривающих историю эволюции человечества и развитие общественно-исторического сознания общества, следует выделить три группы подходов.

К *первой группе* относятся исторические модели развития, выделяющие в качестве основания для классификации негативные направления исторического развития общества (социальная деградация, стагнация, упадок нравственности и другое) как социальных явлений, способствующих

закреплению в массовом сознании социума определенных элементов его аксиологического пространства (Гесиод, Конфуций, Ф. Ницше, К. Поппер).

Вторую группу составляют исторические модели развития, в основаниях которых заложены идеи исторического прогресса и двух противоположных, конкурирующих между собой подходов к пониманию эволюционизма (Августин Блаженный, Г. Гегель) и революционизма (К. Маркс, Ф. Энгельс).

Методологическим основанием для *третей группы* квалитической направленности являются научно-философские воззрения, акцентирующие свое внимание на скорости и качестве изменений социоисторических систем в процессе их развития (Д. Вико, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, Л.Н. Гумилев, Э. Тоффлер, М. Маклюэн, М. Кастельс).

Здесь важно отметить, что в структурном плане каждый из подходов включает в себя ряд определенных подсистем – исторических моделей, организованных по принципу от менее консервативных до наиболее радикальных вариантов исторического моделирования.

Рассмотрим указанные подходы более детально.

Сторонники *регрессивно-исторического моделирования* полагают, что история эволюции человечества представляет собой некий процесс нисхождения общества вниз – на менее качественный этап своего развития, выступающий в качестве особого результата (цены), который обеспечивает сохранение в массовом сознании его граждан каких-либо исторических ценностей, идеалов или традиций. Опираясь на представленный подход, можно выделить следующее модели развития исторической действительности.

Наиболее консервативной вариацией подобного осмысления исторического прошлого является *линейно-регрессивная модель* (Гесиод, Конфуций), рассматривающая историю как последовательную социальную деградацию человечества. Древнегреческий рапсод Гесиод описал в произведении «Труды и дни» мифологическое повествование процесса исторического развития, где этапы меняются последовательно, от золотого по

нисходящей до железного, что характеризуется социальным и духовным вырождением общества.

«Золотой век» Гесиод представляет как блаженство и беззаботность: «люди были незнакомы ни с каким горем, жили они долго и тихо, как сон, была их смерть… кормилица-земля в изобилии приносила плоды свои, а многочисленные стада паслись у них на полях…» [58, с. 42].

Следующие поколение людей – «*серебряное»*, отличное от своих предшественников нет только в телесном плане, но и благонравием: «свое бытие они омрачали диким безрассудством: легко вступая между собою в распри; буйные и дерзкие, рассыпая друг другу различные оскорбления. Также, не чтили они богов, не принося им подобающие жертвы, за что последние и покарали их полным истреблением» [58, с. 43].

Третье поколение – *«медного века»*, это могучее и жестокосердечное людское общество. «Жестко, как алмаз, и неукротимо было их сердце; роста они были исполинского, силы непомерной; страшна была тяжёлая рука их. Из меди они строили дома и из нее же выделывали орудия войны и труда; черного железа еще не было. Дикие и войнолюбивые, они истребили друг друга и без имени низошли в Аид – как ни были они могучи, а не осилили смерти черной» [58, с. 44].

Четвертое поколение людей *(«героический век»*) было поколением героев-полубогов, которые совершали великие подвиги и сражались с различными чудовищами, населявшими в то древнее время землю.

И наконец, «железный век». Люди стали использовать обработанное железо, но это не привело к процветанию, ни духовному, ни ценностному развитию. «Отец не любит сына, сын – отца; хозяин не верен гостю, друг – другу; между братьями нет той любви, какая была во времена былые. Самоуправство всюду; один разрушает у другого город; везде царят неправда, клятвопреступление, надменность, зависть, злоба, и человек дурной и вероломный в большей силе, чем справедливый…» [58, с. 47-48].

Особый вклад в развитие линейно-регрессивной модели внес древнекитайский мудрец Конфуций. Так, в годы его жизни древнекитайское общество находилось в состоянии социально-духовного кризиса, причины которого мыслитель усматривал в отсутствие соответствия формы (социальное положение) и содержания (социальное поведение) в массовом сознании народа: «Когда имена неправильны, суждения несоответственны, дела не исполняются …» [249, с. 108]. Для разрешения этих противоречий мудрец разработал доктрину «Чжэнмин» (кит. 正名 – «Исправления имен»), представляющую из себя социальную технологию по управлению общественным сознанием, предполагающую внесение гармонии (согласованность имен реалиям) в отношении китайского социально-исторического дискурса.

Идеи регрессивного развития часто находили применение в политической идеологии и практике. Так, в основании идеологии исламского фундаментализма лежат идеи «салафийя» (араб. «первые поколения мусульман») и «джихада» (араб. «священная война против неверных»), выдвинутые в разное время мусульманскими теологами Ибн Таймией и Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом. По мнению Ибн Таймии, духовное возрождение исламского социума возможно только лишь посредством организации образа социальной жизни по примеру праведных предков (восстановление чистоты уммы) и повсеместного отказа от культурных и технологических инноваций невеяных западным миром.

Противоположную позицию в этом отношении занял аль-Ваххаб. Так, помимо культивирования ценностей «истинного ислама», он провозгласил необходимость ведения священной войны против всех неверных, а также против представителей других религиозных течений ислама. В результате деятельности сторонников ваххабизма были уничтожены многие памятники культурного наследия.

Второе рождение эти идеи получили после гибели Советского Союза (особенно в Сомали, Ираке, Ливии, Афганистане) как ответ на гуманитарную

интервенцию Запада и связанных с ней социальных явлений: рост криминала, наркомании, коррупции, эксплуатации бедного населения и другие.

По оценкам различных экспертов в условиях современности в мире функционирует несколько сотен радикальных организаций, предпринимающих активные попытки реализовать исламистский проект возвращения к догосударственному состоянию на практике. Наибольших успехов в этом направлении достигла террористическая организация «Исламское государство», которая смогла установить в 2013–2015 гг. свой контроль над значительной частью Сирийской Арабской Республикой и Ираком и только помощь российской стороны по просьбе законного правительства САР помогла восстановить контроль над большей частью захваченных территорий.

Следующей моделью описания исторической действительности выступает *разъединительная модель* (Ф. Ницше, Х. Хербигер, Г. Вирт, А. Гитлер, и другие), в основании которой заложена идея возвращения к дохристианскому, мифологическому укладу жизни – организации культа «сверхчеловека».

В 1933 году после прихода нацистов к власти, Гитлером был инициирован историко-мифологический проект, направленный на разработку и обоснование националистической концепции развития германского этноса. Основой для него послужила идея о возрождении «арийской расы» как расы господ (нем. *Herrenvolk*) в лице германского народа, которые являются их «чистокровными» потомками, и как следствие превосходящие в биологическом и культурном плане все остальные народы Европы.

В результате в немецком обществе широко распространилось множество околонаучных оккультных школ, которые осуществляли псевдоисторические исследования в области «расологии». К их числу следует отнести, например, группу немецких историков во главе с Х. Хербигером, разработавших мистическую хронологию событий мировой истории и историческое учение о «вечном противоборстве огня и космического льда», включающую в себя

теорию катастроф, идеи о людях-богах (арийцах) и Атлантиде. Оккультная школа голландского мистика Г. Вирта развивала доктрину полой Земли и занималась разработками псевдонаучной теории о высокоразвитой «гиперборейской» (арктической) цивилизации [16].

К числу регрессивно-исторических моделей следует также отнести концепцию «*антиисторицизма*», изложенную британским философом-постпозитивистом К. Поппером в его трудах «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма». Используя в качестве методологического инструмента учение номиналистов, К. Поппер всеми силами стремился доказать несостоятельность теории К. Маркса «о материалистическом понимании истории» и ошибочность его суждений в отношении «грядущей, неминуемой гибели капиталистического мироустройства». По мнению К. Поппера, в окружающей действительности заключена совокупность множества феноменов, которые образуют историческое развитие, представляющее собой череду событий: «Единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них – история политической власти» [216, с.45].

Исходя из этого, антиисториицизм К. Поппера, следует рассматривать как стремление западного научного сообщества организовать социальный проект, направленный на разрушение марксистской парадигмы в развитии социума путем ограничения методологических инструментов постижения истории, а также попытки насаждения в массовом сознании идеи мультикультурализма в целях сохранения либерализма как наиболее доминантной формы сознания.

Финитивная модель исторического пространства (лат. *finitum* – «конечный, замыкающий») представляет историческую действительность как «оконченный продукт» сознания, направленный к своему логическому окончанию или пределу.

По мысли мыслителя Русского Зарубежья А. В. Кожева «конец исторического» означает «прекращение Действия в самом сильном смысле этого слова. Что практически означает следующее: исчезновение кровавых

революций и войн. А также и исчезновение Философии: раз Человек по сути своей больше не меняется, то нет больше оснований и для того, чтобы изменять (истинные) принципы, лежащие в основе познания Мира и Я» [87, с.31].

Наиболее известным сторонником финитивного подхода к истории является американский философ Ф. Фукуяма, который провозгласил, что установление во всем мире либеральных ценностей демократии приведет современный социум к концу его социокультурной эволюции (то есть, настанет «конец истории человечества»). По его мнению, капитализм есть высшее проявление человеческого творения, тот Рубикон, перешагнуть которой ныне существующему обществу уже нельзя**:** «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [275, с. 290-291].

Сегодня мы находимся на переходном этапе и все мировое социальное пространство разделено на два противоборствующих лагеря: первый – это общества постисторического пространства (те, которые уже разделяют ценности либерализма) и вторые – те, которые остаются еще в историческом пространстве старого мира. При этих обстоятельствах начинается процесс рециклирования, то есть многократного воспроизведения одних и тех же лишенных смысла событий (смешения прошлого и настоящего), направленных только на разрешение этого возникшего противоречия.

Противоположную позицию занимает отечественный философ и методолог А. Г. Дугин. Философ рассматривает всю историю человечества как процесс функционирования трех парадигм.

Парадигмы понимаются как фундаментально организованные системы мысли: *премодерн* (традиционное общество), *модерн* (общество Нового

времени) и *постмодерн* (постиндустриальное общество). Дугин утверждает, что «каждая парадигма несет в себе гигантский пропагандистский заряд. И наиболее активная и агрессивная парадигма – парадигма модерна – стремится описать переход от парадигмы премодерна к себе самой как естественное, необратимое и само собой разумеющееся явление» [102, с.17].

В рамках *парадигмы премодерна,* в центре мироздания стоит *сакральное мировоззрение,* согласно которому, миром напрямую управляет некая сверхчеловеческая сущность и во всех проявлениях бытия можно видеть божественные знаки. Все окружающие явления содержат частичку божества и человек может стать кем-то еще переродившись в животных, растения или даже божество, посредством своей аватары.

Примечание – В древнеиндийской мифологии аватара – одно из воплощений богов, выполняющих на Земле какую-либо миссию. Так, в эпосе «Махабхарата» – истории войны между двумя группами индусских царей, на стороне пандавов выступает Кришна – аватара бога Вишну, бога гармонии и охранения, на стороне их противников, кауравов – бог разрушения Шива.

В индуизме «Атман (личная душа) есть брахман (мировая душа») и в то же время индивид, обладая самостоятельностью, всегда есть нечто иное. Необходимость и обоснованность разделения общества на касты основано на вере, что высшая каста приближается к раскрытию сакрального аспекта бытия, в то время как низшая может воплотить своё приближение к сакральному лишь отчасти, ведя полурастительное существование.

В *парадигме модерна* возникает самодостаточная личность, «тождественная самой себе», ориентированная не на духовное самосовершенствование и приближение к божественному идеалу, а на обретение материального благополучия и комфорта. Осмысливая тезис Р. Декарта – одного из главного мыслителей эпохи модерна о том, что существует только сознание (субъект) и протяженность (объект), а их бытие выводится из мышления («Я мыслю, следовательно, я существую»). Формируется важнейшее антропологическое тождество данной эпохи: человек равен человеку. Функционирующий автономно, посредством

рассудка, индивидуум (с рассудком и телом) получил точно установленное место в обществе и возможность рационального осмысления как себя, так действительности [450]. Например, осмысление человека в идеологиях: либерализма (эгоистический гуманист), марксизма (классовый человек), фашизма (сверхчеловек или человек этноса).

Постмодернистское мировоззрение активно навязывает образ постобщества, в котором на место индивидуумов (лат. *idividuum* – неделимый), целостных личностей модерна приходят *дивидуумы* (лат. *dividuum* – делимый) фрагментарно организованные социальные атомы, с клиповым мышлением, не только обладающих собственными убеждениями, социальной солидарностью и восприятием общего социального объединения, но и не имеющим даже возможности собрать самого себя из разрозненных деталей физической и духовной мозаики, представляющей собой личность постмодерна. Каждый из дивидуумов живет вместе с другими, и в то же время в одиночку, ничего не желая знать о Другом. Человек превращается в постчеловека, имеющего цифрового двойника, виртуального клона, в перспективе способный к генетическим и биомеханическим «улучшениям».

Таким образом, наступает время постполитики – власть становится частью повседневного тотального шоу («Общество спектакля» Ги Дебора), постистории (симулякры Ж. Бодрийара), когда исчерпала себя циклическая идея премодерна и теория однонаправленного времени модерна (ризома Делеза и Гваттари) и в результате «конца истории», ей на смену приходит циркулирование одного и того же, в рамках которого мультикультуризм и постистина возводится в ранг божественных идолов, которым поклоняются народные массы.

Прогрессивный подход ставит во главу угла понимание исторической реальности как последовательного прогрессивного движения в науке, техническом и культурном развитии, возвышении искусства, разумного обустройства жизни социума. В ходе этого процесса происходит

противоборство двух проектов развития – эволюции и революции, в первом случае подразумевается наличие экспансии и подавления при видимой свободе, а во втором полное разрушение прошлого и строительство нового будущего.

Согласно *линейно-прогрессивной модели* (Августин Аврелий) все исторические события и процессы представляются в форме реализации определенного эволюционного плана, представляющего историю как особую иерархическую структуру, совокупность отрезков (периодов), которые следуют один за другим и направляют общество к прогрессу.

Общеизвестно, что история формируется из людских поступков, в рамках которых ход исторических событий представляется результатом их целенаправленного и сознательного взаимодействия в обществе. Именно, поэтому историки-исследователи в поисках первопричин исторической событийности всегда обращаются к выявлению различных мотивов, побуждающих людей к каким-либо действиям.

В этой связи особый интерес для исследования представляет мистическо-религиозная концепция исторического развития человека, предложенная римским философом-богословом Августином. Мыслитель полагал, что ход и исход всех протекающих в обществе событий и процессов есть результат влияния высшей божественной силы (провидения). История в этой связи мыслится как реализация некоего божественного плана, задуманного богом и разделенная на этапы от первородного греха до спасения (сотериология), которое должно завершиться вторым пришествием Иисуса Христа, страшным судом и концом мира (эсхатология) [2].

Движущей силой истории является противостояние «двух градов» – *земного* (лат. *terrena*) и *небесного* (лат. *coelestes*) как борьба добра и зла, которая должна завершиться их полным разделением в ходе страшного суда.

Кто живёт жизнью праведной, обретёт и жизнь блаженную в царствие Божьем, живущие «по плоти», влекомые желаниями и страстями, будут

низвергнуты к вечному наказанию. И только в одной «христианской империи» возможно спасение как в «Единой апостольской Церкви».

К прогрессивным моделям исторического развития общества также можно отнести *манихейство* – религиозно-философское учение, названное по имени своего основателя – Мани (др. греч. *μανηζ* – духовный учитель), возникшие на территории современного Ирана в III веке и распространившаяся в короткие сроки на всю известную ойкумену. Данное учение образует целостную религиозно-гносеологическую систему, содержащую мифологизированную драму начала и развития Вселенной, возникновения жизни в общем, и человека, в частности. В этой связи в своем содержании оно опиралось на многочисленные заимствования из других религий – христианства, буддизма и зороастризма, а также на некоторые еретические представления религиозных сект (катаров, зиндиков, павликиан и других), описывающих двойственный характер бытия человека.

Так, первоначалом всего, согласно Мани, выступает две изначально чужеродные и никак невзаимосвязанные между собой силы: *«Свет»* (активное начало – «Верховное божество») и *«Мрак»* (материя – жар, холод, наслаждение). Манихейская история мира начинается с момента борьбы двух первоначал, в результате которой из материи возникли природа, звери, растения и в конце концов из плодов одного дерева появились первые люди – мужчина и женщина.

Из двух указанных начал проистекает истинная вера в Свет, а ее носители понимаются как «воины света». Периодически вера искажается ложными толкованиями, и как следствие возникают новые религии. В этой связи манихейство претендует на роль первейшей религии, что позволило ему встраиваться в самые разные исторические и культурно-религиозные контексты – от античного до китайского. Однако, по определению отечественного историка-религиоведа Е. Б. Смагиной, манихейство стало не мировой религией, а «мировой ересью» и дало методологическую основу для развития исторических концепций из области конспирологии [236, с. 32].

Спиритуальная модель исторического развития общества. По Гегелю, «история человечества является общественным отражением развития Абсолютной идеи – от *«субъективного духа»* (развитие индивидуального сознания) через *«объективный дух»* (становление государственности, формирование нравственных и правовых норм) к высшей форме *«абсолютного духа»* (единство религии, философии, искусства)» [54, с. 109]. Так, всеобщий исторический прогресс реализовывается посредством эстафеты народов – носителей абсолютного духа: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, который мы должны познать в его необходимости» [54, с. 19]. В этой связи движение истории рассматривается мыслителем как во времени, так и в пространстве с Востока на Запад и представляет собой не столько временные эпохи, сколько определенные территориальные «миры». «Египетский мир» (восточная эра, где полной свободой может обладать только один – фараон, царь, император), «римский мир» (эра античности и средневековья – свобода в руках аристократической элиты) и «германский мир» (германская эра – эпоха свободного общества).

Таким образом, немецкий мыслитель установил в массовом сознании идею, согласно которой приоритет в историческом развитии общества принадлежал Западу как царству абсолютного духа, а именно германскому народу как высшей стадии развития свободного социума.

Другая модель, *спиралевидная,* определившая во многом понимание исторических процессов. Она предлагает рассматривать историю как закономерный процесс перехода от одного типа общества к другому, при этом сохраняя некоторые атрибуты и параметры предыдущих типов, но на ином, более высоком и качественном уровне.

Определенной теоретической базой для создания данной модели стали идеи французского социолога А. Сен-Симона. В своей исторической концепции он выделяет античную, средневековую и новую эпохи, каждая из которых базируется на функционировании определенных социальных систем с характерными только для нее формами эксплуатации человека. Так, эпоха

античности связывается автором с рабством и установлением рабовладельческих отношений. Средневековому феодализму соответствует организация крепостнического уклада жизни, а эпоха нового времени – индустриализация социума и появление наемной рабочей силы [113].

Дальнейшие развитие спиральная модель получила в середине XIX в. в научных трудах основоположников концепции диалектического материализма и связана с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Обобщая опыт исторического развития народов Западной Европы через теорию становления «абсолютного духа» Гегеля, Маркс выдвигает идею, что единство исторического процесса раскрывается в наличии определенных социально-экономических (производственных) отношений и соответствующих им способов производства материальных благ, характерных для того или иного исторического этапа развития мирового социума. Для описания этого единства он вводит понятия *«общественно-экономическая формация»* (далее – ОЭФ) – исторически сложившейся тип социальной системы (общественно-экономический уклад жизни людей), развивающийся по общим и специфическим законам на основе господствующих способов производства. Иными словами, ОЭФ представляет собой некий «живой организм», в котором экономические отношения – это «скелет, облеченный плотью и кровью» все другие отношения, явления, процессы жизнедеятельности социума (политика, культура, наука, искусство, образа жизни и другие) [174].

Таким образом, всю историю К. Маркс сводит к пяти типам ОЭФ, которые следуют одна за другой в определённой последовательности. За первобытнообщинной следует рабовладельческая, за ней феодальная, далее капиталистическая и как стадия завершения истории – коммунистическая. Однако отдельно обращает на себя внимание азиатский способ производства, который сочетает типологические характеристики других формаций и, как следствие, выступая спорным моментом для многих последователей марксизма.

Вышеуказанные формации формируют две группы: первая – ОЭФ, ядром которых являются *«частная собственность»* и вторая – *«коллективная собственность».* Следуя утверждениям Маркса, история развития общества начинает свое движение, когда появляется коллективная собственность (первобытнообщинная формация), и возвращается к ней на самом высоком этапе своего развития (коммунистическая формация).

Смена формаций осуществляется по принципу экономического детерминизма, в соответствии с законами диалектики, когда на определенном этапе своего функционирования, происходят изменения в способе производства: его материальный компонент – производительные силы перестают соответствовать идеальному компоненту – производственными отношениями, например, по поводу собственности. Итогом такого противоречия является «*социальная революция»,* осмысливаемая как высшая форма социального творчества народных масс, и в рамках которой реализовывается закономерный переход от одной общественно-экономической формации к другой.

Таким образом, концепцию строительства коммунистического общества Маркса можно представить, как социально-историческую программу, в рамках которой посредством социальной революции осуществляется уничтожение старого мира «насилия и эксплуатации человека» до самого основания и на его месте возводится совершенно новый мир, характеризуемый как пространство «общежития» без наличия государственной власти, когда процветает всеобщие социальные свободы и равенство.

Квалитический (качественно-количественный) подход к историческому моделированию человеческого прошлого стремится к деполитизации и деморализации исторической науки, акцентируя свое внимание на количественных (скорость эволюции, рост технологий) и качественных характеристиках (духовность, культура) исторического развития человека.

Циклическая модель истории Д. Вико. Поиски «однообразности» и «повторяемости» социальных явлений и процессов в истории привели

некоторых исследователей к созданию концепций циклического развития. Рождение, расцвет, гибель составляют историю социально-исторических организмов, чему свидетельствуют примеры Римской империи, Персии, Вавилона, и других.

Концепция исторического круговорота имеет глубокие исторические корни, некоторые ее идеи встречается еще во «Всеобщей истории» Полибия и «Мукаддимы» Ибн Халдуна [213]. Но первая детально разработанная концепция была разработана итальянским мыслителем Дж. Вико.

По мысли исследователя, вся история человечества подвластна таким же незыблемым общим закономерностям, что и мир природы и может быть разделена на определенные циклы развития. Начальная точка развития человечества, по Вико, когда собственно истории еще нет (*«звериное состояние»*). Человек в эту эпоху был «неразумным и тупым» существом и подчинялся инстинктам. Страх выковал веру в богов и состоялся переход от звериного бытия к человеческому обществу: возник брак, зародилась семья и частная собственность, начался рост населения. Этот этап истории развития человечества был назван мыслителем *«божественным веком»*. Затем наступил *«героический век»* – время возникновения государства в форме республиканского правления, социальных сословий и гражданских свобод. Далее, его сменил *«человеческий век»*, ознаменованный возрастающим экономическим неравенством и ожесточенной борьбой за власть между представителями «патрициев» и «плебеев». Результатом такого противоборства стало появление монархии, при которой, власть заботилась только об общих интересах, предоставляя свободу разрешению личных дел. Монархию уничтожает состояние «вторичного варварства», причину которого, автор усматривает во внутренних и внешних факторах (установления чужеземного господства, гражданских войнах, коррупции, голода, эпидемий и так далее) и которое откатывает человечество назад на начальную стадию [45].

Таким образом, в рамках циклической трактовки история трактуется как круговорот, представляющий из себя ускоренное движение повторяющихся процессов и событий, стремящееся приблизить очередной этап (век героев как время благоденствия и свободы).

В рамках *синусоидной модели* (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби) все процессы динамики социоисторических организмов рассматриваются с позиции особой пульсации (взлета и угасания) культур и цивилизаций.

Н. Я. Данилевский предложил теорию «культурно-исторических типов», изменение которых детерминирует мировое развитие социума. Каждый тип представляет собой самобытные культуры (цивилизации), с целостными и неповторимыми мировоззренческими системами, которые присущие тому или иному народу. Среди всего существующего многообразия исторических культур, автор выделяет следующие: египетский, древнесемитический (Междуречье), китайский, индийский, еврейский, иранский, греческий, римский, аравийский и германо-романский (европейский) и два погибших насильственной смертью мексиканский и перуанский культурно-исторических типа, а также славянский, который находится на этапе своего становления. Каждый из них, по утверждению исследователя, проходит три стадии: первую – *этнографическую или первобытную* (этап зарождения); вторую – *государственную* (приобретение ресурсов для последующей активности) и заключительную стадию – *цивилизационную* (время расцвета и растраты сил, с последующим отмиранием) [81].

Немецкий философ О. Шпенглер в своем труде «Закат Европы» стремился понять, что случилось с западной культурой и с миром в целом (годы Первой Мировой войны, когда все достижения современной научной мысли были направлены на создание технологий массового истребления людей). В своих изысканиях мыслитель пришел к выводу, что культура есть неповторимая «историческая личность», развивающаяся определенной судьбой, в рамках которой она зарождается, расцветает, неизбежно стареет, а

затем обречено гибнет из-за всеобщей технизации социума, уничтожающей все творческое и живое.

В свою очередь английский экономист и историк А. Тойнби рассуждает о некотором образе жизни социума определённого народа с его материальным и культурным уровнем развития в конкретном времени и пространстве, что автор называет «цивилизация».

В своих работах он выделяет следующие типы цивилизаций: «полностью развившиеся» (англ. *full-blown*) – западная, православно-христианская, исламская, индуистская и дальневосточная цивилизации; «приостановленные» цивилизации (англ. *arrested*) – эскимосы, кочевники, спартанцы, османы; «недоразвитые» (англ. *abortive*) – скандинавская и сирийская и «несуществующие» цивилизации, которые функционировали в прошлом (например, египетская, вавилонская, эллиническая и другие) [247].

Таким образом, Тойнби предлагает рассматривать историю мира как существование в сочетании элементов общественной структуры, свободных друг от друга и образующих общий социум (цивилизацию), которая проживает свой уникальный путь: появление, активный рост, надлом, распад (замирание).

Прогресс цивилизаций опосредован определённой необходимостью соблюдения двух законов. Сначала должен быть «вызов», для получения «ответа», так называемый закон «Вызова-и-Ответа», который и определяет историческую ситуацию, складывающуюся под воздействием множеством определённых факторов (социально-географических, политических, экономических). Именно появление перед обществом острой проблемы (вызова), опосредует его дальнейшее позитивное развитие.

Ярким примером таких цивилизаций является египетская и шумерская, возникшие в пустынных районах в руслах больших и полноводных рек. Другой закон определяет главные движущие силы развития цивилизации, которыми выступает *«творческое меньшинство»* – неординарные личности, способные своей «творческой энергией» максимально вдохновить

общественные массы (пролетариат) на решение стоящих перед обществом проблем.

В эпоху катаклизмов природного, социального, военного характера творческое меньшинство не всегда адекватно имеющемуся вызову и тогда цивилизация гибнет. В стремлении предотвратить ее крах меньшинство инициирует создание высшей религии – «вселенской церкви», основы всеобщей цивилизации будущего. Таким образом, гибель цивилизации не связана с действием внешних факторов, она есть следствие утраты обществом силы самодетерминации.

Историко-аксиологическая модель. Один из основоположником социологической науки в России П. А. Сорокин полагал, что история является процессом непрерывной смены социальных культур, под коими он понимал социальное пространство, содержащее в себе смыслы и материальную культуру.

В основе социокультуры лежит определенный набор ценностей, с гибелью одного культурного образования происходит, с одной стороны, исчезновение «старых» ценностей, а с другой, возникновение новой аксиологической системы.

Имеется три типа социокультур, фиксируемых исходя из преобладающего набора ценностей и соответствующих проявлений исторического сознания: *религиозно-идейная* (идеальная), *материально-чувственная* (сенсативная) и *промежуточная* (идеациональная) [240].

Таким образом, синусоидное моделирование представляется стремлением в массовом сознании социума репрезентовать ход истории через призму плюрализма исторического пространства, состоящего из различных развивающихся и угасающих (по принципу биологических организмов) культурно-исторических типов (цивилизаций, культур, аксиологических матриц). В плане социального управления историей вышеприведённые модели являются основанием для использования политтехнологами

некоторых стран Запада идей мультикультурализма и «микроисторий», внедрения их в общественную жизнь, в рамках чего осуществляются манипуляции с исторической истиной и социальной памятью народов.

Исторические флеш-модели. Советский ученый Л. Н. Гумилев описывает историческую действительность как процесс взаимодействия больших (*«суперэтносов»*) и малых (*«этносов»*) этнических систем, в которых главной движущей силой развития выступают «пассионарные толчки», своего рода мгновенные вспышки, вызванные социальной активностью некоторых субъектов.

В своих исследованиях автор трактует феномен «*пассионарности»* в разном понимании. Во-первых, как противостоящую инстинкту самосохранения внутреннюю силу (мощную и непреодолимую), направленную на благие цели; во-вторых, это форма активности некоторых субъектов социального взаимодействия, имеющая направленность на позитивные изменения социальной жизни общества и в-третьих, это социально-исторический феномен, характеризующийся наличием в ограниченном ареале большего количества индивидов со специфическими возможностями к деятельности (сверхусилие и сверхнапряжение).

По Гумилеву, история развития любого этноса имеет следующий вид: толчок или дрейф (начальный период развития человечества, не отраженный в истории) → инкубационный период (появление первых пассионариев, отображен в мифах) → подъем (рост пассионариев) → акматическая фаза (количество пассионариев достигает своего предела) → надлом (резкий спад, характеризуемый социально-духовными кризисом в обществе или гражданскими войнами) → инерционная фаза (растрата пассионарного импульса) → обскурация (этап вырождения пассионариев и деградации общества в целом) → мемориальная фаза (сохранение только памяти о жизни этноса) → гомеостаз (последняя фаза – «переход в никуда», вывести из которой может только новый толчок) [79].

Таким образом, наличие в обществе социально-активных и неординарных личностей-пассионариев обеспечивает его развитие в исторической плоскости и движение всей истории в целом.

Волновые (куматоидные) исторические модели связаны с идеей постепенных технологических изменений (накатывание волн), которые приводят к кардинальной трансформации общества. К числу подобного рода построений социоисторических систем следует отнести работы таких выдающихся мыслителей как Э. Тоффлера [250], Дж. Гобсона [66], Ж. Бодена [29], Г. Гроция [72], Ф. Бэкона [39], Ж.-Б. Дюбо [104] и других.

Так, американским мыслителем А. Тоффлером предложена концепция *«трех волн»* истории, или *традиционной* (сельскохозяйственной), *промышленной* (индустриальной) и *постиндустриальной* (информационной) цивилизаций. В основе такого рода трансформаций на пути развития лежит переход на новый экономико-технологический уклад.

Теоретик *идей империализма* Дж. Гобсон придерживается противоположной позиции. Он предлагает рассматривать весь исторический процесс развития социума через призму осуществления технологического паразитизма одной социальной общности над другой, в рамках которого организуется различные производства, совершаются географические открытия, повышается качество жизни и так далее [66].

Но особый интерес для настоящего исследования представляет позиция М. Маклюэна и М. Кастельса, выраженная ими в коммуникативном подходе к развитию истории.

Так, сущность *коммуникативно-исторической модели* сводится исследователями к тому, что двигателем исторической эволюции являются технологические инновации социума, обусловленные преобразованием способов коммуникаций как расширений человеческого тела во вне. Восприятие социальной действительности опосредовано быстротой распространения информации, а главенствующий тип коммуникации – определяет общественное устройство.

В данном подходе можно выделить следующие этапы:

Первый этап – *первобытная (племенная) культура,* в которой только зарождаются элементы знаковой передачи информации посредством слов, петроглифов, означающих для первобытного человека определенные понятия, социальные операции и действия, в целях передачи важной информации внутри своего племени с помощью рассказа или наскальных рисунков. Появление данной технологии позволило человеку синхронно соединить свое восприятие окружающей действительности и передачу накопленных знаний в целостном формате будущим поколениям. Ярким примером выступает наскальная живопись, представленная в пещерах Альтамира. На стенах пещеры художник изобразил сцены бытия первобытного мира, рассматривая которые историк-исследователь может сделать соответствующие суждения о жизни и быте древних людей.

Вторым этапом выступает «*фонетическая культура»* (вхождение в обиход алфавита и письма) – эпоха становления «цивилизованного» общества. Подобно тому как иероглифы являлись для цивилизаций древности насущной необходимостью для перехода от племенной организации общества к формированию народа, алфавит сделал возможным появление государства, что наиболее наглядно проявилось в «греческим чуде» античности [162].

Динамика восприятия индивидом окружающего мира на данном этапе характеризуется определенными трансформациями в его сознании. Так, письменное слово даровало человеку специализированные инструменты, посредством которых он получил возможность фрагментировано описывать свое окружающее пространство, вследствие чего произошел разрыв между визуальным отображением и смыслом. Следует отметить, что использование письменного текста применительно к историографии заложило основу для манипуляций историческими фактами и формированию у общества фрагментированного исторического сознания.

Третий этап *«галактика Гуттенберга»* связан с появлением в Европе первого печатного станка и названый в честь его создателя И. Гуттенберга.

«Книгопечатание – если смотреть на него просто как на хранилище информации или как на новое средство быстрого восстановления знания – положило конец ограниченности и трайбализму как психически, так и социально, как в пространстве, так и во времени» [162, с.110-111].

В этой связи печатное слово можно осмыслить как прототип индустриальной революции, движущая сила, которая произвела в католической Европе Реформацию (индивидуализм, всеобщую образованность, национальные государства и другое), преобразовав таким образом картину мира средневекового социума и подготовив его к капиталистическому образу жизни.

Создание в 1897 г., итальянским изобретателем Г. Маркони, первого радиотелеграфа следует обозначить как становление эпохи электричества – *«Электрической галактики»*.

Примечание – Вопрос первенства в изобретении радио излишне политизирован. Следует отметить, что признание итальянского инженера Г. Маркони создателем радио произошло в ряде зарубежных стран, в основном англоязычных. За два года до опыта Маркони, русский ученый А. С. Попов 7 мая 1895 г. показал работу прибора, позволяющего регистрировать электромагнитные колебания.

Кульминацией широкомасштабного распространения электрических средств массовых коммуникаций (радио, телевидение, кино) стал переход от механистической картины восприятия мира к виртуально-органической, спровоцировавший за собой трансформации убеждений индивида, его ценностных идеалов, поведения, привычек и так далее. Итогом этих изменений явилось объединение различных социальных общностей в одно демократическое виртуальное целое, где электронные коммуникации выступают инструментами управления массовым сознанием: «Электричество, как и мозг, дает средство вхождения в контакт со всеми гранями бытия сразу» [163, с. 163].

По утверждению испанского философа М. Кастельса, современный этап развития исторического сознания общества представляется как становление «*галактики Интернет*» и тесно взаимосвязан с

информационно-коммуникативными технологиями мгновенной передачи информации: гипертекст, социальные сети, мобильные гаджеты, «Большие данные», «интернет-вещей» и другими. Эти технологические новшества сжали социальное пространство современного индивида до статуса «*глобальной деревни»* [124] и ввергли его в состояние виртуальной «племенной вовлеченности» (создание «homo communicates») [124], что в итоге привело к «технологической симуляция сознания» [124] (в том числе и исторического).

Таким образом, *коммуникативная модель* (М. Кастельс, М. Маклюэн) исторического сознания сводится к технологическому прогрессу человечества в сфере создания информационно-коммуникативных технологий, позволяющих в геометрической прогрессии расширять чувства человека во вне. Эволюция исторического сознания общества в контексте рассматриваемой концепции движется от *целостного восприятия* (символы), через *фрагментированное* (письмо, книги), к *аудиовизуальному* (радио, телевидение, кино) и далее к использованию почти всего комплекса ощущений (*виртуальная реальность*) и в перспективе к тотальной «технологической *симуляции сознания»* [124].

Тентакулярная модель истории. Идеолог киберфеминизма Д. Харауэй выделяет две исторические эпохи развития человечества: историческое прошлое – периоды *Антропоцена* и *Капиталоцена* (время, когда человек властвовал над природой) и эпоха современности – *Хтулуцен,* основанная на тантикулярном (лат. *tentaculum* – «щупальце») взаимодействии живых и неживых агентов. Человеческая реальность в Хтулуцене полностью аннигилирована (уничтожена). Индивид утрачивает последовательность времени, остаётся только настоящее, а прошлого и будущего просто не существует.

Примечание – Хтулуцен – по Д. Харауэй, этап современного развития индивида, названный в честь вымышленного морского чудовища Ктулху, жаждущего уничтожить все человечество. Ктулху – это великий Древний бог, спящий на дне Тихого океана, разными частями тела он подобен осьминогу, кальмару, медузе и карикатуре на человеческий облик.

У него ужасная голова кальмара с извивающимися щупальцами и гигантское студенистое тело с длинными когтями на руках и огромными крыльями за спиной. Он хлюпает и истекает слизью при движении, а его желеобразное тело, похожее на медузу, имеет зеленой, студенистый вид, и источает зловоние тысячи могил.

В этой связи историческая действительность предстает перед Харауэй не линейной траекторией развития, а картой историй, носящей ризомный характер. Для установления этих историй она предлагает использовать особую методологию, получившую название «СФ» – практика прослеживания, следования за нитью в темноте, в опасной правдивой истории о приключении, в которой кто выживет, а кто умрет и как, станет яснее в процессе культивирования многовидовой справедливости [282].

Анализируя все вышеизложенное, следует признать, что функционирование вышеуказанных исторических моделей в когнитивном пространстве современного общества устанавливает в массовом сознании определенные формы восприятия прошлого, позволяющие определенным акторам общественного развития осуществлять социальное давление на различные процессы его жизнедеятельности, контролировать поведение людей, а также управлять общественным сознанием масс, особенно в условиях современности в контексте информационного противостояния западной и восточной политической системы.

В этой связи важно учитывать, что некоторые исторические модели подвергаются различным изменениям, а иногда и вовсе разрушаются. Как правило, эти задачи достигаются путем модификации (создания – разрушения конструкции), например, понятий и категорий, традиционно используемых в исторической науке, путём создания новых хронологий, видоизменения старых, зачастую, просто откровенной фальсификацией, а также предвзятой субъективно окрашенной трактовкой событий истории.

В качестве примера такой деструктивной деятельности можно рассмотреть расширение содержания фундаментальных понятий применительно к марксистской модели осмысления хода исторической эволюции социума. Так, на Youtube-канале «Разгадки истории» в

пятнадцатиминутном видеоролике «Что прикрыли крестьянским восстанием Пугачева?» представляется псевдоисторический материал, в рамках которого автором осуществляется попытка отождествления персоны Пугачева – «бандита с большой дороги» и донского казака Степана Разина, выступившего против боярской власти с образом вождя социальной революции, а их «кровавые» бунты, направленные против власти, презентовать как первые гражданские революции, которые были преднамеренно сокрыты советскими историками [404].

Ещё можно привести в пример активное распространение в сети интернет различных проектов *«публичной истории»*, которые построены на так называемых технологиях «цифровой истории» (3D-моделирование, корпусная лингвистика, исторические ГИС-системы и так далее), как более глубокого аналитического метода исследования и наиболее доступного способа ее визуализации для широкой аудитории пользователей (цифровые архивы, хроники событий, интерактивные карты).

Так, к числу наиболее популярных отечественных проектов «цифровой истории», существующих в настоящее время, следует отнести: цифровой музей «Нового взгляда на историю», электронная библиотека «Мое семейное древо», медиапарк «Россия – моя история», а также отечественные медиаресурсы «Проект 1917. Свободная история», посвященные истории становления и развития российского государства и другие. Основная задача этих проектов, по словам их авторов, предложить рядовому пользователю свой собственный путь изучения исторического материала, следуя тому, что наиболее соответствует его конкретным интересам – «альтернативному чтению».

Общеизвестно, что многие существующие отечественные исторические архивы являются огромным полем для фальсификации и вольной интерпретации фактов исторической действительности. В этой связи отечественным политтехнологом И. Ашмановым в 2022 году была предпринята попытка проанализировать процессы распространения в

цифровых исторических архивах и социальных медиа недостоверной или полностью сфальсифицированной информации о Великой Отечественной войне. По итогу проведённой работы, было установлено значительное увеличение публикаций, подвергающих сомнению итоги Великой Отечественной Войны. Так на различных российских интернет-платформах, являющихся проектами цифровой истории, начиная с середины 2014 г. стали в массовом порядке появляться электронные публикации, объединённые одним посылом – очернение Великой Победы. Среди них исследователь выделяет наличие множества архивных материалов, дискредитирующих подвиги бойцов Красной армии; поддельные документы о «союзе Сталина и Гитлера» или об «оккупационной политике СССР» в после военные годы и другое [335].

Итак, важной проблемой современности становится процесс генерализации информационно-коммуникативных технологий путём их интеграции практически во все области научных знаний и сфер деятельности, например, в исторические исследования, что приводит научное сообщество к необходимости включения информационно-коммуникативных технологий в методологию практически всех гуманитарных наук: психологию, философию, лингвистику, социологию, в том числе и историю. Рефлексию данного процесса можно найти у Маклюэна: «Когда технология приводит к расширению одного из наших чувств, то вместе с ней происходит перестройка форм восприятия» [163, с. 55]. Иными словами, новейшие технологии с одной стороны удовлетворяют желания каждого индивида в приобщении к историческим архивам, а с другой существенно сокращают возможности их критического анализа.

Еще одним примером выступает французская историческая компьютерная игра «Лучший мир» (англ. *«A Better World»*), в которой игроку представляется возможность изменять атракты – ключевые моменты в эволюции человечества (например, открытие письменности, изобретение колеса и парового двигателя и многие другие) и перезаписывать

соответственно всемирную историю наново. В результате новая «переписанная» история человечества приобретает совершенно фантастический вид: в XIX в. начинается колонизация космоса, создается суперкомпьютер с искусственным интеллектом, решается проблема старения и так далее. Но наряду с позитивными изменениями, также можно получить и плачевные результаты, например, инициировать начало Третьей мировой войны или уничтожить всю биологическую жизнь на планете. В этой связи подобные игры призваны расширить восприятие индивидом исторического пространства как особого инструмента по управлению его социальной действительности посредством создания новых хронологий развития человечества.

Далее, предлагаем проанализировать возможные общественно-исторические формы восприятия исторической действительности применительно к социальному управлению историей на примерах воплощения различных философско-гносеологических концепций познания окружающего бытия, среди которых отметим следующие: *синкретизм, монизм, дуализм, хаотизм* и *абсурдизм*.

Рассмотрим их более детально.

Синкретизм (от др. греч. *συγκρητισμος* – «держаться в месте на манер критян») – особая форма консолидации общества. Термин предложил древнегреческий мыслитель Плутарх, описывая социальное поведение (жителей Крита), выраженное в объединении перед общей бедой, угрозой, врагом, забывая на время внутренние распри.

Дальнейшее развитие данное учение уже получило в религиозной плоскости в годы кульминации конфликта между Папской курией и сторонниками идей реформации в середине XVII века. Это развитие связано, в первую очередь, с именем одного из последователей идей Лютера, теологом из Хельмштедта Г. Каликстом, который в 1645 году на церковном собрании в г. Торне (Польша) предпринял попытку примирить разрозненные конфессии. По утверждению богослова, различие, возникавшие в спорных вопросах

ортодоксальной полемики, является несущественным и в этой связи возможно «поверхностное» объединение людей разной веры и разных религий в целом. В результате он попал под перекрестный огонь как со стороны реформаторов, так и католиков, а его попытка их объединения была заклеймена как религиозный «синкретизм» (ложное примирение), которая в дальнейшим получила названия «Синкретическая распря» [406].

Учение синкретизма, применительно к общественно-историческому сознанию социума, следует представить, как «беспринципную попытку», поверхностного синтеза (сочетания) отдельных, невзаимосвязанных между собой частей (единиц) истории в один исторический бриколаж. Другими словами, история предстает в сознании индивида в форме некоего исторического калейдоскопа разрозненных фактов исторической действительности.

Ярким примером подобного видения исторического пространства являются преисториологические труды античного историка и мыслителя Геродота по «Истории» (V в. до н.э.). Так, основным сюжетом сочинения «Отца истории» является последовательное изложение истории греко-персидских войн (начиная с возвышения Персидской империей и образованием ключевых сатрапий, и заканчивая – взятием греками Сеста, персидского города, лежащего близ Геллеспонта). Помимо представления фактов исторической борьбы его произведение также является хранилищем другой важной исторической информации (географические, этнографические, библиографические и литературные сведения) раскрывающие читателю различные поучительные примеры минувшей эпохи [57].

Другой значимой персоной в отношении развития синкретического учения как установки осмысления истории отдельных частей является римский историограф Корнелий Тацит. В своем труде «Анналы» (ориг. название «*от кончины божественного Августа*», лат. «*Ab excess divi Augusti*»), включающая в себя 18 отдельных произведений, автор попытался зафиксировать социальные проблемы древнеримского социума, сложившиеся

в годы правления первых императоров. Так, в книгах I-IV – он описывает социальную жизнь римлян в период правления императора Тиберия (14-28 гг.), части XII-XV – повествуют о «темных временах» правления Калигулы, Клавдия и Нерона (первая половина I в. н.э.), а тома VI, XI, XVI – посвящены отдельным исторические моменты того времени [243].

В условиях современности идеи синкретизма нашли свое отражения в историческом проекте «История Российского государства» отечественного публициста Б. Акунина (Г. Ш. Чхартишвили), предпринявшего попытку сформировать в сознании россиян новый исторический образ развития государства.

В своем интервью «Новой газете», он высказал следующее: – «Я пишу для людей, плохо знающих Российскую историю и желающих в ней разобраться. Я не выстраиваю никакой концепции. Это история не страны, а именно государства» [333].

Исходя из факта, что история является политически ангажированной наукой, Акунин предлагает рассматривать отечественную историю с позиции достоверности фактов и «открытости» их от каких-либо идеологических систем, посредством проведения тщательного и множественного анализа исторических сведений (дат, чисел, имен, объективной оценки исторических суждений и так далее) из различных источников и использования «свободного» языка беллетристики.

Примечание – Беллетристика – (от фр. *belles lettres* – изящная словесность) – общее название художественной литературы в стихах и прозе, либо же исключая стихи и драматургию. Словари русского языка выделяют три значения слова беллетристика: во-первых, как обозначение художественной литературы в отличие от документальной и научно-популярной; во-вторых – как название прозы в отличие от поэзии и в-третьих – как название «лёгкого чтения» в отличие от «серьезного».

Вся серия книг, состоящая из 9 томов, включает в себя повести, романы исторического содержания, что, представляется для читателя как один исторический бриколаж, сотканный из множества лоскутов разнородной материи, с некоторой долей фактического материала и наличием

достоверности, а также литературной обработки эпизодов русской истории, иногда просто фантастического синтеза жизнеописания и реального бытия обычных людей.

Таким образом, синкретизм как форма общественно-исторического сознания рассматривает историческое прошлое как историю отдельных частей, калейдоскоп исторического события, составленный из разрозненных исторических фактов и представлений. Данная форма исторического сознания характерна для регрессивных исторических моделей.

Следующей значимой формой исторического сознания современного социума выступает *монизм* (от др. греч. *μονος* – единственный) признание единственной мировоззренческой позиции при рассмотрении любого явления. Здесь можно представить три вида монизма: *идеализм* (человеческое сознание как общественно-исторический феномен), *материализм* (материя есть причина, а сознание – следствие), *нейтральный монизм* (энергия как вместилище материи и идеи).

Начало онтологическому кризису библейской парадигмы было положено в эпоху Ренессанса, когда человек занял центральное звено во всей цепи космического бытия – установление в обществе главенства идей антропоцентризма и гуманизма. Итальянский мыслитель Л. Альберти по этому поводу отмечает: «Природа, то есть Бог, вложила в человека элемент божественный и небесный, несравненно более прекрасный, чем что-либо смертное... Человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование в бездействии, а чтобы работать над великим и грандиозным делом» [5, с. 40-43]. Результатом таких рассуждений явилась склонность к обожествлению человека, а весь исторический процесс стал представляться гармоничным развитием нравственности и свободы личности.

Эпоха Просвещения породила идею «человека – творца», который, имея разум и знания, обладает неограниченными способностями менять мир. Гегель, усматривая в жизни природы и человека имманентную силу триадного развития абсолютной идеи (тезис – антитезис – синтез), движущей мировой

процесс и обнаруживающей себя в нем, утверждал, что категории суть объективных форм действительности, в основе которой лежит «мировой дух». По мысли философа, это есть деятельностное начало, создавшее импульс к возникновению и развитию мира и человека, в частности.

Деятельность абсолютной идеи заключается в мышлении, цель – в самопознании. В процессе самопознания разум мира проходит этапы субъективного, объективного и наконец, абсолютного духа как вершины развития истории [55].

Следствием гегелевской философии истории становится полный крах библейской исторической парадигмы объяснения истории человечества и установление идеи, что разум человека есть общественно-исторический феномен, а история есть целостный диалектический процесс его эволюции в одной всеобщей пространственно-временной плоскости.

Наиболее значимый вклад в рассмотрение истории через призму монизма внесли труды К. Маркса и Ф. Энгельса, которые отвергнув идеалистические взгляды Гегеля на развитие истории, но взяв за основу его диалектику, предложили материалистическое видение данной проблемы. Как утверждал Г. В. Плеханов: «методологическое значение материалистического объяснения истории заключалось в том, что историческая концепция, предложенная Марксом, указывает не на причины отдельных явлений, характеризующих исторический процесс, а на то, как надо подходить к обнаружению и объяснению этих причин, т.е. как возможно историческое знание, что лежит в основе философского понимания исторического процесса» [210, с. 452].

Предложенная форма исторического сознания, претендовала на всестороннее толкование процессов исторического развития, поэтому диалектический материализм стал быстро завоёвывать главенствующую роль в СССР и странах социалистического содружества. Между тем, после развала Советского Союза, идеи коммунизма перестали быть столь актуальными как прежде, поэтому материалистический монизм потерял былую значимость, на

смену ему пришли постмодернистские концепты представления процесса исторического развития.

Таким образом, монизм как форма общественно-исторического сознания социума есть результат установления прогрессивных моделей развития исторической действительности человечества.

Еще одной концептуальной формой исторического сознания общества, которая развивалась в рамках установления прогрессивных моделей развития исторического прошлого (а именно манихейской модели), является *дуализм* (от лат. *dualis* – «двойственный») – это рассмотрение исторического знания через дихотомию развития общества в сфере культуры, религии, науки, искусства или социальной жизни. Ярким примером осмысление исторического пространства подобным образом является социальный проект *глобального Просвещения* – противопоставление цивилизованного западного мира миру варваров и дикарей.

Данная парадигма получила широкую известность в Новое время, благодаря работам Р. Декарта [85], Ж. Руссо [231], Ш. Монтескье [184], Ж. Бодена [29]. Например, первые колонизаторы Америки столкнулись с коренным населением и были удивлены их странностью. Странность выражалась в привычках, обычаях, понимании ценностей. Так, повсеместно была распространена традиция жертвоприношения, но к действительно дорогому и важному, по мнению европейцев, к золоту – отношение было безразличным, что было названо «дикостью», а людей, живущих подобным образом стали называть «дикарями» [322].

В научный оборот понятие «дикость» и «варварство» ввел французский мыслитель Ж. Боден для фиксации первичного состояния человека, находящегося на примитивной стадии развития. По его мнению, народы, которые раньше населяли Европу, тоже являлись дикарями, но благодаря совершенным открытиям в области науки, естествознания, техники они поднялись до состояния «civil societas» – цивилизационного общества [29].

Исходя из этой точки зрения, коренные американцы не сумели достичь подобных успехов и остались на стадии дикости (варварства).

Важно отметить, что многие ученые, которые разделяют идеи исторического дуализма, часто, нарочно отказывались видеть определённые научные и культурные достижения, достигнутые, так называемыми, невежественными обществами «дикарей» и «варваров» в процессе своего развития. К ним можно отнести такие достижения как строительство каменных дорог и циклопических храмов в империи мая и ацтеков, наличие глубоких знаний в области биологии и знахарского ремесла у африканских народов и других. Результатом такой деятельности стало установление в сознании европейского общества парадигмы «социального превосходства», в рамках которой осуществлялось осознанное целенаправленное преувеличение достижений одних народов и занижения подобных у других.

Сходной позиции, относительно главенства европеоидов, придерживался и французский социолог Г. Лебон, приравнивая другие существующие расы к американским индейцам-дикарям и варварским племенам эпохи античности: «Кроме первобытных рас (к ним автор относит племена австралийцев и индонезийцев) существуют еще низшие расы, главными представителями которых являются негры. К средним расам мы относим китайцев, японцев, монголов и семитические народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами. Среди высших рас могут занимать место лишь индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, какого достигла ныне цивилизация» [152, с. 30].

Таким образом, идеи исторического дуализма глубоко укоренились в историческом массовом сознании западного общества, особенно в английском, французском, итальянском и немецком социуме, а в дальнейшем

эта эстафета была передана американцам. В результате в западном социуме произошли существенные изменения, которые привели к формированию целого ряда негативных явлений и процессов в сферах его жизнедеятельности. К ним следует отнести: во-первых, установление хищнической колониальной политики *«Западного Просвещения»* по отношению к государствам, имеющим низкий уровень социально-экономической жизни (в основном страны Африки, Южной Америки, Индия, Китай), что нашло своё выражение в политике *гуманитарного интервенционализма* [288]; во-вторых, предание забвению масштабного истребления так называемых народов «дикарей», ликвидация многих цивилизаций и культур, создание технологического процесса управления правдой (внедрение концептуального дискурса развития цивилизаций, основанного на презумпции тайного как движущей силы (заговор) и фальсифицированных исторических событиях); в-третьих, нарастание кризисных явлений в западном общественном сознании, деградация нравов и моральный упадок (появление практики «расчеловечивания» и «отмены», дегуманизация общественной жизни, культурно-духовная дегенерация); в-четвёртых, легитимитизация и распространение расистских и шовинистических идей (фашизм, как основа итальянского и германского политических режимов) и в-пятых, распространение войн в мировом масштабе и тому подобное.

Хаотизм как форма исторического сознания. Итогами Первой мировой войны, унесшей жизни миллионов людей, стало то, что историческое знание утратило свою значимость и те важные интеллектуальные заделы в сознании европейцев, которые оно занимало в прошлом, когда царствовала академическая историография (вера в прогресс человечества, идея органического развития), уступив свое место другим более творческим и релевантным формам познания социального бытия человека.

Ж.-Ф. Лиотар представляет характеристику этого периода: «эпоха кризиса исторического – отказ от парадигмы модернистского общества, в рамках которого под сомнение была поставлена сама способность

человеческого разума постигать истину, а соответственно, раскрывать смысл исторической действительности» [158, с. 18].

Ж. Бодрийяр рассуждает о мифологизации истории, она более не связана причинно-следственной логикой развития: «В этих условиях история выступает своего рода нормативным дискурсом, тоталитарной матрицей смысла, инструментом насилия над «новым», не позволяющего «новому» себя проявить таким, как оно есть» [33, с. 63].

Немецкий социолог Ю. Хабермас замечает: «Так как история идей завершилась, можно со вздохом констатировать, что мы вошли в этап постистории» [277, с. 9]. Под *постисторией* (лат. *post* – «после»; то, что следует после истории), автор понимает, особое состояние истории в постиндустриальном социуме, при котором традиционное линейное осмысление событийности, протекающих явлений и процессов из прошлого в будущее, заменяется установками на *темпоральность* (локальное время), *рециклирование* (повторение одного и того же), *дромосферность* (ускорение настоящей действительности) и *множественности истины*.

Результатом этих изменений явилось формирование нового типа исторического сознания, которое следует обозначить как *хаотизм.*

В греческой мифологии под *«хаосом»* (др. греч. χαίνω – «зевать, зиять») представляют пространство, на имеющее дна, изначальное мироздание, характеризующиеся неупорядоченным «беспорядком», имеющим качество животворного истока всего сущего. Например, в космогонии Аристофана хаосом нарекается древнее мифологическое божество, которое находясь в союзе с Эросом – богом любви, дает начало мировой жизни [13]. Противоположная трактовка значения данного понятия встречается у римлян. Так, в «Метаморфозах» римского поэта Овидия хаос отождествляется со смертью и описывается как «всепоглощающая бездна, в которой все разрушается и тонет» [193, с. 470-482].

К идеям античного хаоса активно стали обращаться в эпоху развития романтизма в Европе, представляя его как особую форму свободы духа,

лишенной гармонии и разума. Особенно широко это было отмечено в творческих кругах различных представителей искусств. Ярким примером здесь выступает поэтическое стихотворение отечественного мыслителя Ф. М. Тютчева, описывающие первородный хаос:

«О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!
О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!» [255, с. 70].

К середине XX в. синергетика развивалась уже как научное знание, предметом которого, в том числе, являлась проблематика творения порядка из хаоса. Исходя из позиции античных философов, что «хаос породил космос» последователи синергетической традиции предприняли попытку описать математическими формулами акт возникновения (самоорганизации) хаоса из космоса как особой формы организации порядка Вселенной. В результате исследований было установлена взаимосвязь, объясняющие алгоритм *возникновение порядка из хаоса*, а также принципы перехода из одного состояния в другое [219].

Постмодернисты Ж. Делез и Ф. Гваттари, полагают, что в прошлом мир человека обладал устойчивостью, целостностью и определенной упорядоченностью. Пользуясь понятийно-категориальным аппаратом мыслителей античности, он являлся «Космосом» (*порядком*), который в условиях развития современности вдребезги рассыпался на тысячи фрагментов локальных микроисторий, смыслопорождений и социальных идентичностей. Его место занял *«мир-ризома»* – новый мир, построенный по принципу грибницы, в которой нет покоя (*наличие субъектно-объектных отношений*), ибо в ней властвует одна лишь самоорганизация (*колеблющееся состояние между хаосом и порядком*). Для описания этой новой реальности ученные вводят понятие «хаосомос» как способа организации «порядка из хаоса».

Исходя из этого, общество с его историческим сознанием, тоже пребывает в хаосомосе, состоящим из множества рециклируемых истин, фактов, концепций, источников исторических данных, фривольных интерпретаций хронологий социальных событий и явлений, а также различных фрагментов социальной памяти и образов восприятия прошлого. В результате человек утрачивает свою связь с исторической действительностью, а его сознание становится фрагментированным: он перестает мыслить понятийно и правильно анализировать прошлое, он не знает ни Героев, ни места боевой славы, ни значимые памятные даты, историческое знание больше не актуально. Важным в этой ситуации остается только одно – это те события-симулякры и маргинальные идеи, что транслирует для него современные медиа. Все это создает огромное поле возможностей для информационного манипулирования сознаем масс в контексте управления историей.

Ярким примером здесь может выступать функционирование на Западе и на бывших территориях постсоветского пространства научно-исследовательских сообществ, сосредоточенных на пересмотре исторических фактов и манипулировании истиной (некоторые исследователи, причисляющие себя к «Школе Анналов», исследовательский фонд

Дж. Сороса, Институт пересмотра истории в США), а также квазинаучные течения типа «фолк-хистори», которые целенаправленно воспроизводят и популяризируют маргинальные и конспирологические идеи таких же теорий, например о «ДНК-генеалогии» славян, «Новой хронологии» Н. Фоменко и ряда других. Российские историки С. А. Панарин и В. А. Шнирельман полагают, что первооткрывателем в этом направлении был советский ученый Л. Н. Гумилев, чья пассионарная теория этногенеза откупорила шлюзы для вала исторического субъективизма: «Именно Лев Николаевич подготовил и почву для бурного произрастания разнообразных творцов псевдоисторического бреда (типа Анатолия Фоменко, Мурада Аджи и же с ними), и необходимую аудиторию потребителей их продукции. Без него ни первые не были бы столь самоуверенны, ни вторые столь многочисленны. Ибо Гумилев своим авторитетом как бы санкционировал произвольное обращение с историей» [464, с.32-33].

Но особо стоит, отметить деятельность голливудской и прозападно настроенной медиаиндустрии в отношении производства художественно-развлекательной продукции на историческую тематику (исторические кинофильмы, сериалы, видеоролики) под грифом «основано на реальных событиях», которая имеет мало или совсем ничего общего с реальными фактами и событиями исторического прошлого.

В 2018 телеканал BBC One и медиакомпания Netflix анонсировали новый телесериал «Падение Трои» (англ. «Troy: Fall of a City»). Главным отличием от многочисленных экранизаций произведения Гомера «Илиада» явилось то, что английские режиссеры О. Харрис и М. Брозел пригласили на роль бойца без страха и упрека Ахиллеса чернокожего актера Д. Гаяси, в то время как другие персонажи, остались с белым цветом кожи. Получается, что в угоду нынешним либеральным ценностям толерантности и мультикультурализма древние греки стали принадлежать не только к разным племенам, но и разным расам.

Подобные исторические нестыковки формируют в сознании зрителя ложный исторический образ и создают почву для формирования клипового мышления, которое деструктивно влияет на развитие человека как самостоятельной личности и благоприятствует возможностям манипулирования его сознанием в угоду реализации каких-либо утилитарных целей.

Представление хаотизма в виде формы исторического сознания общества, активно развивается ввиду связанности с распределительной моделью исторического пространства. В таком контексте история становится «нарративом», который представляет собой хаотичное разнообразие рассказов, в рамках которых историческое знание о прошлом представляется просто информацией, лишенной всякого смысла.

В последние годы в рамках развития так называемых «темных теорий» *спекулятивного реализма* (К. Майясу, Г. Харман, Б. Вудард, Н. Лэнд и другие) наблюдается формирование новой формы исторического сознания общества, которую можно обозначить как *абсурдизм* (от лат. ad absurdum – «исходящий из уст глухонемого») – доведение какой-либо идеи до нелепости, противоречащей здравому смыслу.

Французский мыслитель современности К. Майясу полагает, что современные науки (в том, числе и история) способны конструировать знание о «доисторических» мирах и объектах (архиископаемое), а также описывать их как «нечто неданное». Примерами такого знания могут выступать научные описания фактов и процессов исторической действительности, которые предшествовали зарождению биологической жизни на Земле. В этой связи он задается вопросами: «Какой смысл придается научному высказыванию о данности мира, который полагается до возникновения мышления и даже жизни – т.е. такого мира, который рассматривается, как предшествующий какой бы то ни было форме человеческого отношения к миру?» [180, с. 19].

Автор находит ответы на поставленные вопросы в философии современности, форма которой имеет возможность превзойти «фактичность»

корреляционной зависимости и выйти за ограничения человека, обратившись к «великому Внешнему».

Другую позицию предлагает Г. Харман, согласно которой выходом из этой проблемы является использования метода «Объектно-ориентированной онтологии». Сущность данного метода заключается в лишении индивида прав на субъектность, то есть уравнение его с объектом. По Харману, в мире все есть объекты (реальные и интенциональные), которые находятся в бесконечных отношениях друг с другом. Применительно к историческому сознанию, это означает, что история есть некое движение всех объектов во времени, где каждый из них обладает своей уникальной историей [283].

Выразительным примером применения идей «темных теорий» к осмыслению исторического сознания социума является концепция американского философа и коммуникатолога Б. Вударда, который представляет историю как последовательное движение человечества к «тепловой смерти Вселенной». В своей концепции «Темный витализм» (от лат. *vitalis* – «жизненный») он предпринимает попытку рассмотреть исторический процесс развития общества через призму жизнедеятельности «разумных» внечеловеческих форм жизни таких как споры, грибы, плесень и так далее [51].

По результату исследований японских учёных (2008 г.) со штаммами плесени «Physarum polycephalum» было установлено, что макроорганизмы имеют способности к запоминанию положения в пространстве.

Исследователи поместили штаммы в лабиринт, а в его центре разместили питательную субстанцию, двигаясь к ней впервые, плесень совершала ошибки и заходила в тупики и снова возвращалась на исходные позиции. Но во второй раз она уже продвигалась строго к намеченной цели, как если бы плесень запомнила маршрут [405].

Таким образом, постмодернистский концепт «ризомы» как модель построения исторического пространства, демократии вещей и суверенитета материи приобретает еще более конкретные очертания при описании

процессов и технологий социального управления истории спекулятивного реализма.

По мнению Н. Лэнда, у капиталистического общества как формы общественно-исторического сознания, имеется направленность на уничтожение человечества. Сопровождающие этот процесс технологические и научные инновации приведут к замене человека вычислительными и цифровыми устройствами, что в итоге создаст всеобщий Искусственный Интеллект и наступит эра сингулярности. Иными словами, «посткапитализм» как состояние будущего не имеет автономного смысла, он есть «капитализм настоящего», главная миссия которого уничтожить человека и установить историю господства «вечного движения материи».

История – пишет Лэнд, – это некий сценарий «остывания Земли», являвшейся в прошлом раскаленной массой материи. В ее горячем центре находится ядро, называемое «Cthell» (от др. греч. *χθών* – «подземный мир, земля» и англ. *hell* – «ад») и осмысливаемое как истина, сокрытая в бездне. Именно образование земной поверхности и ядра, оставшегося в первородном – звездном состоянии и есть материальная истина, лежащая ниже уровня жизни и опознавания индивида, определяет содержания исторической действительности [324]. Все это является теоретическим основанием и возможностью социального управления историей.

Рассмотрев некоторые модели понимания истории и их возможности в формировании различных состояний исторического сознания, можно прийти к выводу о том, что в условиях острой конкуренции проектов дальнейшего развития социума, данные концептуальные обобщения исторической реальности не теряют своей актуальности и продолжают активно использоваться различными социальными акторами в целях социального управления обществом.

Подведем некоторые итоги первой главы.

1) Методологическая основа исследования имеет свою структуру, содержащую уровни: *всеобщий, общенаучный*, *частнонаучный*. *Всеобщий*

уровень генерализирует сущность объективной исторической реальности и сознания, включает в себя следующие методы и подходы: синергетический, экзистенциальный, феноменологический, метафизический, диалектический. *Общенаучный* уровень служит для выявления наиболее важного в изучаемом предмете, позволяет сравнивать и анализировать разные исторические факты, исторические документы, результаты опросов экспертов. *Частнонаучный* – направлен на сбор и обработку исторической информации и базирующийся на разработанных в различных отраслях социогуманитарного знания теориях и смыслах, к которому относятся некоторые виды анализа: социально-философский, контент-анализ, аксиологический, дискурсивный.

2) В настоящем исследовании обозначены теоретические концепты истории эволюционного развития человечества, а также исторического сознания общества: социальное развитие негативного направления; прогрессивного направления исторических изменений; квалитического направления (количественно-качественного и скоростного) измерения трансформации социума.

В группе регрессивного исторического моделирования имеются: *линейно-регрессивная модель,* воспринимающая историю как постепенную дезорганизацию и примитивизацию общества (Гесиод, Конфуций); *разъединительная модель* призывающая к реставрации мифологического дохристианского, образа жизни воспевающего сильную личность «сверхчеловека» (Ф. Ницше, Г. Вирт), *модель антиисторицизма,* опирающаяся на замену единой истории человечества бесконечным множеством историй, связанных с приобретением власти (К. Поппер), *финитивная модель* ориентирована на конец истории (Ф. Фукуяма), *модель постистории*, состоящая в отказе от линейного времени и бесконечном рециклировании беспредметных событий (Ж. Бодрийяр).

К группе прогрессивного исторического моделирования следует отнести: *линейно-прогрессивную модель*, которая ориентирует на исполнение божественного эволюционного плана и спасение праведников

(Августин Блаженный, Мани), *спиритуальную модель* – строится на признании духовным источником развития Абсолютной идеи (Г. Гегель), *спиралевидная модель* предполагает преемственность и поступательность, сохраняя равновесное начало материального и идеального, при циклическом возвращении социума к состоянию более высокому и усложнённому (К. Маркс).

В составе группы *квалитического* направления выделяются: *циклическая модель*, ставящая во главу угла изменение личностных характеристик исторических этапов богов, героев и людей (Д. Вико), *синусоидная модель* отслеживает динамику пульсации социоисторических организмов (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), *историко-аксиологическая модель* уделяет внимание анализу ценностных ориентиров социокультур (П. А. Сорокин), *историческая флеш-модель* выделяет пассионарные вспышки в истории культур и последующие социальные изменения (Л. Н. Гумилев), *куматоидная модель* отслеживает волновые технологические изменения и их влияния на социум (Э. Тоффлер), *коммуникативно-историческая* модель связывает исторические трансформации с лавинообразным внедрением медиа-технологий (М. Маклюэн, М. Кастельс), *тентакулярная модель* ориентирована на отмену исторического прошлого, «времени на ощупь» в сети взаимодействия живых объектов и не-людей (Б. Латур, Д. Харауэй).

Глава 2
Историческое сознание как объект социального конструирования

Динамичное технологическое развитие человечества, порождает невиданный ранее трансформационный процесс общественных отношений, глобальные изменения в культурном пространстве. Одновременно с этим, продолжаются активные попытки западных акторов односторонне и предвзято интерпретировать события истории и их влияние на сегодняшний день, экспансивно распространять и внедрять в сознание либеральные ценности, отвергать традиционные устои, разрушать социальный мир настоящего, что вызывает неподдельный интерес к изучению истории, и не просто получению исторических знаний, но обращение к идеалам прошлого, культурным, духовным ценностям, накопленным человечеством, поиска возможности социально-экономических и политический преобразований в будущем, что взывает к осознанию смысла истории, её актуальности для настоящего, позволяет прогнозировать возможное будущее всего человечества. Становится понятно, почему интерес к проблеме исторического сознания проявляется как у представителей научного сообщества, занимающегося социально-гуманитарным направлением, так и граждан, желающих понимать смысл исторического процесса.

2.1 Основные подходы к определению исторического сознания общества и личности

Исследуя настоящее и предвосхищая будущее, люди смотрят на историю своего жизнебытия. Это даёт возможность рефлексии своей жизни, пониманию ближайшего и дальнего социального окружения, осознанию общих достижений и побед, а также возможности увидеть личную роль в

социуме будущего. Поэтому, одно из главных оснований идентификации себя и общества, определения ценностных ориентаций, цивилизационной тождественности, является историческое сознание.

Посредством выражения историко-социального предназначения личности и общества в целом историческое сознание определяет уровень культурного развития социума на всех этапах его развития.

Методологические принципы, определённые ранее, являются необходимыми и крайне важными для исследования исторического сознания общества, уяснения основных понятий сознания и истории, их философского осмысления.

Философский анализ указанной терминологии позволяет исследовать историческое сознание с разных сторон и в особенности с точки зрения его воздействия на социальные процессы.

Общеизвестно, что человек, что бы ни делал, с чем бы ни сталкивался, он всегда имеет дело с сознанием, то есть сознание как феномен человеческой жизни вмещает в себя весьма богатую культурно-философскую историю. Это говорит о том, что проблема сознания прочно занимает особое место в социокультурной жизнедеятельности человека и общества, постоянно вызывает неподдельный интерес и внимание в контексте научного познания. На этот счет весьма интересна позиция советского философа М. К. Мамардашвили об особой роли и места проблемы сознания в жизни человека и общества. В частности, он выделяет два обстоятельства, а именно: «Во-первых, сознание предельное понятие философии как таковой. Будь то философия природы, общества, права, науки, морали и так далее. Основным орудием и предпосылкой анализа в любом случае здесь будет являться и выступать так или иначе понимаемое сознание, открывающее философу возможность его личной реализации, находящей выражение в тексте и тем самым существующей в культуре. Не просто в виде достигнутой суммы знаний, а в виде именно реализованной мысли и способа бытия.

И второе обстоятельство, делающее эту проблему особенно сложной, состоит в том, что одновременно сознание – это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь» [168, с. 263-264].

Рассуждения М. К. Мамардашвили говорят о том, что к проблеме сознания необходимо относится весьма внимательно и с опорой на рассмотрение разных подходов, философский теорий и моделей, как настоящего, так и прошлого, чтобы всесторонне подойти к пониманию одного из самых загадочных феноменов человеческой экзистенции – сознания.

В понимании Р. Декарта знание о сознании должно быть истинным (истиной). Отсюда попытки ученого разрешить принципиальный вопрос о самой возможности нахождения истинного знания. Эти попытки приводят Декарта к пониманию пути получения истинного знания через универсальное сомнение. Однако сам факт сомнения – не только свидетельство способности мыслить, но и гарант существования мыслящего субъекта, то есть человека. Отсюда знаменитое утверждение Декарта «Cogito ergo sum», означающее «мыслю, следовательно, существую!»

«...Я – субстанция, – провозгласил философ, – вся сущность, или природа которой состоит в мышлении, и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи» [85, с. 269]. Такое понимание позволяет Декарту утверждать, что сознание и есть настоящее существование.

Попытки Р. Декарта подойти к разрешению проблемы сознания послужили основанием для появления множества точек зрения на сознание среди мыслителей прошлого и настоящего.

Кратко остановимся на представлении некоторых из них. По Г. Гегелю Абсолютный дух является истоком и сущностью сознания. В работе «Феноменология духа» говорится о первом формообразовании духа, которое представляет собой непосредственное и конкретное единство индивида и рода в процессе общественного взаимодействия индивидов.

Характерной особенностью данного представления у Гегеля выступает тот момент, что социальное сознание носит объективно-исторический характер и проходит несколько этапов эволюции. Первый этап представляет собой личностное сознание, присущее отдельной личности, здесь сознание воспринимает исторический путь чувственно-образным способом и ориентируется на собственные ощущения. Другая ступень уже принимает характер общественного сознания и пытается рационально рассмотреть прошлое, но пока не поднимается на уровень обобщений и выводов. И наконец, третья стадия, делает возможным осмысление не только отдельных исторических фактов, их хронологии и действующих лиц, но и пытается понять смысл истории в целом.

Именно на этой стадии развитие сознания человека есть отражение Абсолютного духа. Другими словами, человек, пытаясь познать суть природного мира и своего внутреннего сознания, приходит к пониманию их сущности как Абсолютного духа (идеи). При этом возможности познания, согласно Гегелю, здесь носят весьма ограниченный характер, поскольку, сознание личности является лишь одной из форм Абсолютной идеи, именно поэтому познание человеком истории мира, есть познание идеей самой себя [56].

Таким образом, понимание сознания Гегелем определяется как первопричина и сущность мира посредством развития Абсолютного духа. Общая методологическая установка у Гегеля выражалась в стремлении применить к анализу динамики духовно-исторического опыта логические понятия, то есть использовать диалектическую триаду «тезис – антитезис – синтез», которая позволяла выделить (обособить) в этом анализе такое содержание, в котором становится явным процесс развития.

Труд, как основание возникновения и дальнейшего развития сознания, по мнению К. Маркса, является также базовым элементом общественных отношений. К. Марксу удалось поставить, по словам Ф. Энгельса, диалектику Гегеля с головы на ноги, применительно к историческому сознанию, это

означало признание в качестве природной основы общественного сознания не идеалистические конструкты, а материальную основу. Маркс, совместно с Энгельсом, пришли к выводу об обусловленности сознания общественно-экономической практикой, социальным развитием. Сознание стало пониматься как осознанное материальное бытие, то есть возникает знаменитый марксистский постулат «бытие определяет сознание». При этом классиками марксизма были выделены две важнейшие группы факторов, формирующих сознание: биологические и социальные. Стоит добавить, что К. Марксом в свете разработки проблемы сознания была доказана и обоснована очевидная связь культуры и индивидуального сознания.

Методологическая позиция К. Маркса состоит в объяснении взаимодействия индивидуальных и общественных форм сознания человека, и это взаимодействие представлено как процесс постепенного повышения роли индивидуальной формы сознания, зависимого от общественной жизни. Данная позиция интересна своей постановкой вопроса об истоках внутренней активности сознания, находящихся в диалектике социально-исторической практики.

Весьма оригинальный подход к пониманию проблемы сознания предложен психологом, психоаналитиком З. Фрейдом. Австрийский мыслитель определяет сознание как ощущения и переживания, осознаваемые человеком в каждый момент жизнебытия. «Сознание есть работа отдельной системы… Так как сознание есть главным образом восприятие раздражений, приходящих к нам из внешнего мира, а также чувств удовольствия и неудовольствия, которые могут проистекать лишь изнутри нашего психического аппарата» [268, с. 394]. Им вводится понятие «бессознательное», которое не противопоставляется, а дополняет сознание и служит для более полной характеристики всего того, что находится вне сознания. З. Фрейд полагал: «в бессознательном вытесненное желание продолжает существовать и ждет только первой возможности сделаться активным и послать от себя в сознание искаженного, ставшего неузнаваемым заместителя» [268, с. 360].

В целом, по З. Фрейду, сознание человека содержит в себе в основном бессознательные душевные процессы и комплексы, которые есть у каждого индивида.

Другой представитель философии психоанализа, К. Юнг полагал, что внутренняя детерминанта человека является определяющей его сознание через символические и спонтанные образы, символы подсознания, это опосредует образование в социуме универсальных структур коллективного бессознательного (архетипов).

Определяя сознание, К. Юнг отмечает: «Размышляя о том, что же такое есть на самом деле сознание, мы не можем не испытать глубокого изумления перед лицом следующего поистине чудесного обстоятельства: событие, происходящее вне нас, в космосе, одновременно порождает внутренний образ, то есть происходит, так сказать, также и внутри нас, тем самым становясь достоянием сознания» [308, с. 543-544]. К. Юнг полагал, что посредством сознания человек управляет своим поведением, выбирает нужные действия, принимает решения: «На долю сознания приходится критика, выбор и решение» [309, с. 131].

К. Юнг, описывая структуру личности, соотношение сознательного или бессознательного, отмечает: «наше сознание не создает само себя; оно, подобно роднику, бьет из каких-то неведомых глубин. Сознание постепенно пробуждается в детстве; в течение всей последующей жизни оно ежеутренне пробуждается из глубокого сна, из бессознательного состояния. Оно – словно дитя, рождающееся каждый день заново из первичного материнского лона бессознательного» [308, с. 544].

Анализ подходов З. Фрейда и К. Юнга сегодня весьма полезен и актуален для понимания и объяснения содержания и направленности общественного развития современной планетарной цивилизации. Учёт не только сознания, но и бессознательных процессов в личностном становлении, влияния бессознательного на формирование социальной реальности, поведения больших групп людей, достаточно важно. Используя бессознательное, можно

манипулировать личностным и массовым сознанием. Бессознательное может быть одновременно и фактором творчества, изучения и познания человеком себя, но и фактором аморальности, бездуховности. Так, сложилось, что в современном мире на первый план выходит негативная направленность бессознательного, представляющего возможности скрытого воздействия на сознание.

В целом, можно сказать, что посредством сознания и бессознательного осуществляется влияние на общество и индивида, их функционирование и развитие.

Несмотря на такую востребованность исследований сознания, весьма дискуссионным остается вопрос наличия общественного сознания. Большинство зарубежных ученых в целом не признаёт наличие общественного сознания, а, следовательно, и отрицает наличие исторического сознания, это во многом вызвано отрицанием коллективизма и наличием устойчивой индивидуалистической традиции. Для большинства ученых существует лишь «масса» (Г. Лебон), «толпа» (Г. Тард), «коллективное бессознательное» (К. Юнг) или некая надчеловеческая эзотерическая сущность, например, «Великий вселенский план» (А. Бейли).

В западной философской мысли вопрос существования надличностного сознания был инициирован гегельянством (идеалистическая диалектика) и получил наибольшее развитие в марксизме (материалистическая диалектика).

Марксизм придавал особую роль общественному сознанию, правда формируемому на основе социального бытия для трансформации общества на пути прогресса. Итальянский неомарксист А. Грамши в своей *философии практики*, при рассмотрении общества, основной упор делал на его культуре, точнее культурном ядре власти (своего рода общественном сознании), основанной не на насилии, а на согласии (гегемонии). Он считал, что массы не способны усваивать какую-либо идею в виде философии (то есть на научном уровне), а только маленькими порциями, в упрощенном виде, но с устойчивым постоянством истин, ставших прописными [68]. Поэтому требуется

революционную идеологию разбить на маленькие части и внедрять их, используя все возможности и каналы современных медиа. Но для создания чего-то нового требуется освободить место, этой цели как нельзя лучше приспособлены современные мессенджеры как видео «Ютуб», так и текстового «Телеграм» характера. Для примера, в Телеграме имеется много каналов, сеющих сомнение в порядочности историков и достоверности классической истории, поэтому подписчикам предлагается ознакомиться со «скрытым» историческим знанием, «разоблачить» якобы имеющийся заговор историков, и таким образом полностью трансформировать историческую картину мира [388]. Культура имеет своим содержанием основание (ядро), представляющее собой – «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве» [122, с. 64-65].

Рассуждения А. Грамши о сознании в первую очередь связаны с его теорией классовой борьбы – это борьба сил, защищающих свою гегемонию, и революционных масс. Философ отмечал: в этой борьбе противоборствующие силы имеют одинаковые шансы: у трудящихся имеется здравый смысл «стихийная философия», в то время как у буржуазии в наличии «фантастические мифы», предназначенные для подавления здравого смысла [68].

Представители неомарксистской Франкфуртской школы социальных исследований, а именно: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и другие в числе основных проблем рассматривали вопрос манипуляции массовым сознанием. В частности, в этом плане следует выделить идеи Г. Маркузе, изложенные им в работе «Одномерный человек» (опубликована в 1964 году). В ней Маркузе представляет общество позднего капитализма как тотально контролирующее человека, который в комфорте современной жизни

стал одномерным, управляемым через сформированные (придуманные) потребности медиакультурой, стоящей на службе капитала: «Развитая цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе. В самом деле, что может быть более рациональным, чем подавление индивидуальности в процессе социально необходимых, хотя и причиняющих страдания видов деятельности» [175, с. 17].

В центре философских исканий представителей Франкфуртской школы постоянно фигурируют практически все сферы жизни человека в эпоху развитого индустриального общества с навязываемой им идеологии потребления. В современном капиталистическом обществе, несмотря на декларируемые демократические права и свободы господствует инструментальная рациональность, которая является скрытой формой тоталитарного господства, реализуемого посредством массовой культуры [270]. Личность в таком обществе превращается в одномерного человека, отвлеченного от защиты своих социально-политических интересов мельканием на экране своего телевизора ярких, но пустых образов, превращающих жизнь в постоянное шоу. При этом как отмечает С. Жижек, в названным свободном обществе, свобода по факту имеется не у личности, а у частного предпринимательства, равенство имеется в том смысле, что люди, имеющие разное материальное состояние формально имеют одинаковые стартовые возможности, в таком социуме человек является тотально несвободным [107]. Даже сам выбор, тех или иных политических партий, кандидатов на выборах, товаров в магазинах является мнимым. По мнению Хабермаса: «Принятое в результате выборов решение определяет в целом только персоналии руководящего состава, а его мотивы оказываются за пределами дискурсивного контекста, воздействующего на волеизъявление» [460, с. 127].

Мнимость свободного выбора обеспечивается с помощью двух технологий. Одна из них названная *конструктивной*, навязывается

государством, под видом выдвижения новых программ улучшения жизни. Другая технология – *селективная*, направлена на исключение из публичного дискурса неудобных для власти тем и вопросов. Это «достигается с помощью либо социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения, либо деформацией структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации» [460, с. 127].

Философы Франкфуртской школы полагали, что в таком случае появляется идеологическое обоснование социума, основой которого является потребление, что по мнению Р. Барта: «...работает главным образом на уровне коннотаций, а затем на уровне бессознательных смыслов, которые осуществляют тексты и действия» [17, с. 48]. Это говорит о том, что в обществе излишнее потребление навязывается, как и придуманные, ненужные блага, сомнительные идеи и мнения, непонятный ритм жизни. Вытесняются естественные и комфортные для человека образ мысли, идеалы поведения и другие компоненты сознания, помогающие в самореализации, душевном спокойствии без давления массового потребления товаров и услуг.

Отечественные философы внесли огромный вклад в исследование сознания как общества, так и личности. По мнению А. К. Уледова, под термином «сознание» следует понимать общественный феномен, возникший и функционирующий как «продукт общества» [258]. Социум одновременно является воспроизводителем и носителем общего сознания. В данной связи ученый предлагает выделить категорию общественного сознания и соотнести его с индивидуальным. В анализе содержания общественного сознания А. Уледов особо подчеркивал определяющую роль общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

Б. А. Грушин представляет «массовое сознание» как особый тип общественного сознания. Отмечая вклад исследователя в проработку вопроса о массовом сознании, стоит в первую очередь отметить его малый интерес к особенностям влияния сознания на деятельность широких масс [74].

Ф. И. Гиренок рассматривает концепцию «клипового сознания», связанного с виртуализацией социальной жизни, где важен аффект, а не знания и логика, поэтому значимо быстрое мышление, точнее восприятие.

В рамках предмета исследования представляется весьма интересным следующие рассуждения Ф. Гиренка: «...главное открытие философии XX века состоит в следующем: жизнь современного человека стала жизнью после сознания. А это значит, что язык – это теперь наше сознание. На агрессию языка сознание ответило клипом. Не наука, а искусство раскрывает перед нами клиповую сторону сознания. Именно в науке применение стандартных приемов сознания оказалось наиболее спорным. Апроприация, пастиш, палимпсест выявили в науке ее «свое иное», ее тяготение к скрытым заимствованиям и открытому плагиату» [63].

Ф. Гиренок полагает, что решение данной проблемы в возвращении к рассмотрению наличия идеи как: «социально приемлемой паранойи, которая может быть выражена в линейном порядке слов. Но все эти слова, как рисунки в пустыне Наска, до недавнего времени должны были прочерчиваться одной линией. Эта линия не должна была прерываться, потому что, прервавшись, она создавала разрыв в порядке, трещину в бытии, в которой мог обосноваться хаос. А хаос – это, как броуновское движение атомов, ничем не связанные между собой серии и потоки множественного, образовавшегося на месте сингулярного (единичного). Теперь идея должна визуализироваться и приспособиться к серии множественного» [63, с. 13].

Появилось множество современных подходов к пониманию детерминант и сущности общественного сознания, исходя из его духовно-практического основания. Рассматриваются биомолекулярные процессы, квантово-механические, информационные в концепции информационно-коммуникативной модели. Такие подходы породили множественность попыток определения термина «сознание», которых на сегодняшний день и в философской, и литературе других научных направлений, имеется не менее нескольких десятков. Так, например, имеются

подходы, объясняющие природу сознания, посредством онтологии, существуют гносеологические, аксиологические, информационные, лингво-коммуникативные, семиотические подходы. Однако все эти определения говорят о признании сознания как свойства высокоорганизованной материи отражать объективную действительность, посредством определённых психических процессов создавать образы, вербализировать их, выражать в знаково-символическом значении.

Таким образом, изложенные выше и иные подходы есть обоснование тезиса о сознании, как методологии познания, что является условием и необходимым основанием достоверности знания, полученного посредством мыслительной деятельности познающего субъекта. Сознание есть человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении.

В контексте настоящего исследования необходимо выявить особенности специфического вида общественного сознания, каковым выступает историческое сознание. Дж. Вико одним из первых обратил внимание на особенности исторического сознания. Говоря о циклической смене, веков богов, героев и людей, он предлагал понять логику их бытия, для чего необходимо выявить особенности их мышления, восприятия действительности.

Вольтер, призывая человечество на путь прогрессивного развития, отмечал необходимость философской рефлексии не только самого исторического процесса, но и мышления исторических деятелей, мотивы их поступков, а следовательно, и исторического сознания той или иной эпохи.

Имеется большое множество различных определений исторического сознания, большая часть которых разработана в лоне отечественной философии, представители которой призвали к глубокому анализу духовно-исторического опыта во взаимодействии его индивидуальных и общественных форм.

М. А. Барг, отечественный историк, в своей монографии «Эпохи и идеи. Становление историзма», написанной в 1986 году, привёл одно из первых определений исторического сознания: «Это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее» [411, с. 16].

На формирование идентичности и межпоколенческой связи обращает внимание И. С. Кон в своём определении исторического сознания: «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» [424, с. 15].

Похожую позицию представляет И. А. Гобозов: «Историческое сознание – есть осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим» [65, с. 361]. А. В. Леопа дополняет вышеприведённые определения: «Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего, а настоящее как результат предыдущего развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшее развитие общества» [427, с. 109].

М. Ю. Ширманова раскрывает суть исторического сознания через его определение как отражение действительности прошлого на конкретных этапах развития общественного сознания [298].

В. А. Ельчанинов связывает хронологическую и пространственную составляющую явления: «историческое сознание включает в себя не только осознание времени, но и социального пространства и многих других моментов социальной реальности, к каковым относится осмысление характера преемственности в развитии общественной жизни, переживания ...прошлого и т.д.» [106, с. 123].

Эти и другие взгляды на понимание исторического сознания подчеркивают наличие весьма своеобразного момента – это определение субъектности данного явления. Отсюда можно заключить, что: «в

структурном отношении историческое сознание представляет собой своеобразный синтез разнообразных исторических знаний и соответствующих убеждений, имеющих эмоциональную окраску. Таким образом, историческое сознание является качественной характеристикой личности, социальной общности, всего общества в целом» [459, с. 119]. Другими словами, историческое сознание представляет собой сложный духовный феномен, в котором отражаются как личностный (историческое сознание личности), так и общественный (историческое сознание общества) аспекты исторического сознания.

Практически во всех определениях исторического сознания ведущую роль играет историческая память. Действительно, если память о прошлом отсутствует, то трудно вести речь о связи прошлого с настоящим, а тем более с будущим.

Память в жизни человека играет огромную роль. В познании мира через чувства и образы создаётся субъективная картина реальности, в которой индивид совершает конкретные действия. «Рациональное познание активирует память, что даёт возможность воспроизводить мыслительные действия, на основе ранее полученного опыта. Творческий процесс во многом основан на интуитивном познании мира, когда мыслитель задействует подсознание, оперирующее ресурсами долгосрочной памяти вне сознательной деятельности. Задачи и наработки могут быть «загружены» в память, а потом, через определённое время появляется решение, которое воспринимается как творческое озарение, открытие. Во многом, именно память о прошлом позволяет человеку чувствовать себя личностью, знать и оценивать свои неудачи и победы, добиваться успехов в личностном развитии» [442, с. 70].

Особенности памяти человека заключаются не только в функции помнить, но и забывать. М. М. Бахтин полагал, что функцией забвения достигается равнодушие, как бы освобождение от «многообразия бытия», устранение несущественного. Даже хорошо выученная и запомненная информация зачастую не может быть воспроизведена, поскольку к ней

утрачен или затруднён доступ. Отсюда следует, что процесс припоминания бывает важнее запоминания. Избирательность памяти означает, что субъект в восприятии мира не будет запоминать все увиденное, услышанное, прочитанное, а скорее связанное с его личными интересами, потребностями, практической деятельностью. Запоминание исторической либо любой другой информации не означает возможность её автоматического и точного воспроизведения. Часто, для этого необходима осознанная волевая потребность развивать прочность и полноту воспоминания. Сами методы «загрузки памяти» могут иметь своим содержанием любые дефиниции, слова, тексты, образы, что вместе влияет на эффективность использования ресурсов памяти: «Ресурсы памяти ограничены, и эффективное использование этих ресурсов является ключом к успешному обучению. Загрузка памяти влечет за собой активное использование и расширение знаний…» [470]. Отсюда важно в практическом плане создавать цифровые платформы «загрузки памяти», где достоверная историческая информация, посредством определённых триггеров будет доступна, как для запоминания, так и воспоминания.

Историческая память представляется своеобразной основой (базисом, ядром) исторического сознания: «...коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [455, с. 147]. Если говорить о различии данных понятий, то отметим, что «историческая память, в отличие от исторического сознания, актуализирована (реалиями настоящего и будущего) и весьма избирательна.

«В кризисных ситуациях историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения людей в данный период времени» [455, с. 148].

Историческая память формируется посредством восприятия исторического знания, включающего в себя содержание исторических процессов, фактов и событий. Вследствие этого, историческую память можно представить на личностном, групповом, общественном уровне. Данные формы тесно взаимосвязаны, переплетены между собой и выражают собой закрепление знаний о прошлом. Так, личность включает в свою собственную оценку событий те смыслы, ценностные предпочтения, образцы подражания и поведения, которые выработаны, определены, усвоены и предпочтительны как для всего общества, так и для определенной социальной группы. Личная историческая память, в конечном итоге, выступает в качестве основы преемственности, связи поколений, формирования национальной идентичности и гражданской позиции и так далее. Она, по сути, есть основа общественной и групповой исторической памяти человечества.

Историческая память имеет зигзагообразный характер развития, отражая ритмичность протекания исторических событий, проявляется избирательно (в зависимости от важности и значимости того или иного события для субъектов общественного процесса), а также она выделяет те или другие исторические события (факты) в качестве первоосновы для использования их в перспективе для решения определенных задач со стороны личности, группы или общества. В данном ключе историческая память нередко приобретает персонифицируемый вид, то есть на первый план выходит историческая личность с ее оценкой деятельности, через которую формируется представление о позитивной или отрицательной роли прошлого для использования в настоящем или в будущем человека.

В этих условиях главное – не остаться без исторической памяти, не потерять ее, не стать героем выражения: «Иван, не помнящий родства» по отношению к своей истории, истории своего народа, государства, к тем событиям, участниками которых были прошлые поколения, которые оставили после себя возможность созидать, творить и развивать свое настоящее и будущее» [436, с. 111]. Такого рода людей с рекламной памятью клипового

содержания, появляется всё больше, что подтверждается, действиями некоторых лиц, которые после начала Специальной военной операции на Украине ринулись за границу, якобы выражая таким образом свое несогласие с официальной политикой российского руководства. Они потеряли родных, близких друзей, веру в свою страну, отвергли традиции и преемственную связь. К сожалению, это люди, не имеющие принципов, забывшие о благодарности: быстро и своевременно при первой же опасности для себя забыли добро и возможности, которые предоставляла им своя страна, отвергли свою культуру, историю, память своих предков и отношение своих современников. О таких наших «современниках» весьма точно сказал более 100 лет назад М. Е. Салтыков-Щедрин в «Мелочах жизни»: «Без идеи, без всякого понятия о добре и зле, Непомнящий стоит на страже руководительства, не веря ни во что, кроме пятнадцати рублей, которые приносит подписчик…» [355].

Потеря исторической памяти, конечно же, грозит серьезными издержками позитивной направленности развития общества. По мнению отечественного ученого-историка Д. С. Лихачева, беспринципные и «беспамятные» люди опасны для общества, его функционирования и развития. Они неспособны на добрые, бескорыстные поступки; они не привыкли беречь память о прошлом, испытывать чувство благодарности к предкам, к их труду и успехам. Отношение к таким людям должно быть негативным и критическим, только так можно сохранить память о прошлом и передать ее последующим поколениям.

Данное основание, то есть выделение исторической памяти позволяет говорить о наличии различных форм ее проявления. По мысли исследователя Е. В. Бильченко, в последние несколько десятилетий на западе активно развиваются memory studies (исследования памяти) в ходе которых, опираясь на высоконаучные концепции философии истории, происходит не изучение прошлого, а его искусственная трансформация для решения политических задач. Именно в формате подобного рода «научных изысканий» были

сформированы институты национальной памяти, которые, по факту, эту память создают заново, предлагая варианты альтернативной истории, основанной на искажении прошлого.

«Возникает вопрос о степени академической непредвзятости штудий памяти, которые, соединяя философию, филологию, культурологию, психоанализ, социологию, политологию, исторические исследования и исследования ментальности, этнографию и этнопсихологию, – изучают механизмы формирования исторических представлений в массовом сознании» [25]. Автор на основе выделения и анализа своеобразных проявлений памяти в современной социальной действительности утверждает о появлении и закреплении в обществе таких ее форм как: индивидуальная и коллективная; социальная и автобиографическая; архивная и культурная; доминантная и полифоническая; рекламная и другие [25, с. 292] и все они направлены на пересмотр устоявшихся исторических истин и призваны сеять сомнения в незыблемости исторической памяти не только у потомков, но и еще живых свидетелей минувших дней.

Историческое сознание представляет собой формируемую у личности, группы, общества в целом, знаково-образную реальность памяти о прошлом, на основе восприятия знаний о минувшем, с помощью устных, письменных, печатных, аудиовизуальных и сетевых медиа (когнитивный аспект), а также оценки значимости произошедших событий для настоящего (аксиологический аспект), чувственно-эмоционального отношения к деяниям предков (эмоциональный аспект) и готовности к определенным действиям во имя сохранения или отрицания (непризнания, забвения, разрыва) межпоколенческой коммуникации (праксиологический аспект) [439].

Очевидно, что основными видами исторического сознания являются тесно связанные между собой исторические сознания личности, группы и общества.

Историческое сознание личности конструируется на основе ее ценностных предпочтений в оценке прошлого и алгоритма действий по

созиданию будущего в контексте настоящего. «В рамках индивидуального исторического сознания личность фиксирует свое отношение к прошлому, настоящему, будущему и нравственные предпочтения, приобретенные в процессе социокультурного взаимодействия в указанных временных координатах» [429, с.193].

Следуя идеям отечественного философа А. Г. Спиркина, необходимо в личностном историческом сознании выделить четыре основных его компонента (которые в свою очередь могут быть представлены в своеобразном виде и в историческом сознании группы и общества.

Когнитивный компонент ориентирован на получение исторических знаний, в его рамках необходимо не только иметь представление о том, что, где и когда происходило, но и разбираться в причинах исторических событий, их последствиях, также важно умение сопоставлять получаемую и информацию и делать осознанный выбор, относя часть ее к достоверной, а другую часть к малообоснованной и даже ложной. Однако, в настоящее время возникает серьезная угроза для когнитивной части исторического сознания, связанная с форматом обучения. Так, одним из последствий введения Единого государственного экзамена в России, который по предмету истории представляет собой тестовую форму его проведения, усилия учащихся в основном сводятся к поверхностному ознакомлению с датами исторических событий, к зубрежке основных фактов прошлого. Данная ситуация приводит не только к непониманию молодежью логики истории, глубинных причин и движущих сил исторического процесса, но и к быстрому забвению, уже уясненного материала.

Ценностный (аксиологический) компонент состоит в придании прошлому определенных значений, оценке важности или неважности исторических событий, анализе нравственных последствий соотнесении с должным и недолжным. Ценностная часть исторического сознания также находится сегодня под ударом. Непоследовательность оценок прошлого, а зачастую их полный пересмотр вообще присущи российской культуре. Так, из

школьного образования исчезли, например, пионеры-герои, подростки совершившие настоящие подвиги в годы Великой Отечественной войны. Если ранее их биографии подробно изучались, им были посвящены школьные музеи, тематические мероприятия, стенды, теперь информация о молодых героях полностью исчезла или оказалась насильственно искажена как это произошло с комсомольцами-молодогвардейцами, Зоей Космодемьянской, когда под предлогом установление исторической истины, которая, как утверждалось, была чужда советской пропаганде, исчезло главное – понимание и признание подвига, принесения в жертву себя для общей Победы.

И напротив, стали раздаваться голоса, которые под видом необходимости примирения с прошлым, призывали к пересмотру преступлений коллаборационистов и реабилитации предателей, таких как бывший генерал Красной Армии А. Власов.

Примечание – В настоящее время у власовцев появились идейные наследники в лице ультраправых российских националистов «Русского добровольческого корпуса», созданного Д. Капустиным при поддержке Главного управления разведки Украины и легиона «Свобода России», состоящего якобы из пленных и добровольцев, основанного беглым депутатом Госдумы И. Пономаревым, которые воюют на стороне ВСУ в ходе Специальной военной операции, а по существу совершают бандитские налеты на приграничные области Российской Федерации Брянскую и Белгородскую, позируя на фоне временно захваченных административных объектов и убивая мирных жителей под предлогом борьбы с авторитарной властью в стране.

Чувственный компонент включает в себя эмоциональное восприятие поступков исторических персон, даёт возможность со одной стороны сентиментального отношения к истории, а с другой – прочувствовать все спорные моменты, примерить их на себя, задать вопрос, а как бы я действовал на месте своего предшественника?

Особенностью чувственной составляющей исторического сознания является его уязвимость перед массовидными процессами общественной психологии. Такого рода влияние напрямую воздействует на сильные эмоции аудитории, вызывая в зависимости от транслируемых на толпу сообщений весь спектр чувств от массовой эйфории до всеобщей ненависти. Так, в ходе

Евромайдана в Киеве зимой 2013–2014 г. в ходе так называемой Революции достоинства украинская поэтесса А. Дмитрук написала стихотворение «Никогда мы не будем братьями ни по родине, ни по матери», в котором имеются такие слова: «Вас так много, а, жаль, безликие. Вы – огромные, мы – великие… Воля – слово, вам незнакомое, вы все с детства в цепи закованы». Сочинение тут же было положено на музыку и стала своего рода гимном у главной движущей силы майдана – украинских националистов. Появились также «кричалки»: «Хто не скаче, той москаль!», «Москляку на гіляку!» (то есть призыв повесить русского на суку), «Москалів на ножі!». Главной целью подобных информационных поводов было обращение к чувственному компоненту исторического сознания для посева национальной розни, неприязни и даже ненависти между представителями исторически единого народа.

Волевой (праксиологический) компонент позволяет взглянуть на прошлое с точки зрения героического поступка, помогает рассмотреть особенности принятия решений и их выполнения личностями, изменившими ход истории, оценить эффективность этих действий и извлечь определенные уроки.

Для волевого компонента известным риском является имеющийся в преподавании отечественной истории перекос в сторону исторических фактов и закономерностей в ущерб роли личности в истории, ее ответственности за принятые решения и поступки. Обучаемые формируют и свои волевые качества воспринимая историю, через рассказы об исторических персонажах, которые имели свой неповторимый образ и характер, их отношениях, заблуждениях, победах и поражениях.

У австрийского писателя С. Цвейга имеется сборник новелл «Звездные часы человечества», в которых французский капитан Р. де Лиль за одну ночь сочиняет песню Великой французской революции «Марсельеза».

Конкистадор и авантюрист Васко Нуньес де Бальбоа, скрываясь от преследований испанского короля, стремясь найти путь в Новую Индию,

перейдя через панамский перешеек открывает для человечества океан, названный Тихим: «вот оно, море, новое море, неведомое, до сих пор только грезившееся и никогда не виданное, легендарное, долгие годы Колумбом и всеми его преемниками тщетно разыскиваемое море» [410].

Английский путешественник Р. Скотт рискуя жизнью при полуденной температуре в - 42°, стремившийся первым достичь Южного полюса, обнаруживает следы лагеря лишь на месяц опередившего его другого исследователя из Норвегии Амундсена и замерзает на обратном пути, ведя до последнего свой дневник и написав письма народу, детям и своей супруге, просит переслать их своей жене, зачеркнув омертвевшей рукой «жене» и написав «вдове». Через несколько дней путешественников находят их спутники и делают достоянием общественности письма: «подвиг, казавшийся напрасным, становится животворным, неудача – пламенным призывом к человечеству напрячь свои силы для достижения доселе недостижимого: доблестная смерть порождает удесятеренную волю к жизни, трагическая гибель неудержимое стремление к уходящим в бесконечность вершинам. Ибо только тщеславие тешит себя случайной удачей и легким успехом, и ничто так не возвышает душу, как смертельная схватка человека с грозными силами судьбы – эта величайшая трагедия всех времен, которую поэты создают иногда, а жизнь – тысячи и тысячи раз» [292, с. 26].

Цвейг соединяет личный подвиг конкретного человека и поворотные моменты истории, превознося ответственность одного человека, его волевого стержня перед судьбами всего мира.

Историческое сознание личности формируется не только через целенаправленное овладение знаниями о прошлом, но и в процессе повседневной жизнедеятельности человека через следующие формы передачи исторических фактов: рассказы предшествующих поколений, их память о прошлом, обычаи, памятные места, личный опыт, кино, радио, телевидение, музеи и другие. Таким образом, историческое сознание индивида имеет своей основой достояние общества как совокупности знаний о прошлом,

осмысления и принятия героического и трагического в истории народа, идентичности на основе общего прошлого. Социализируясь, индивид на сознательном и бессознательном уровне присваивает исторический опыт социума с учётом множества факторов субъективности восприятия, пристрастий, вызванных наличными потребностями. Формирование исторического сознания личности в процессе социализации и поиска идентичности опосредуется необходимостью экзистенциального выбора. Страх перед «Ничто», временным континуумом, утратой собственного «Я» характерен для общества любой исторической эпохи. Память человека о «ближнем и дальнем круге» социального окружения позволяет противостоять хаосу и неупорядоченности субъективного восприятия сложного и многообразного мира, а сам процесс идентификации (поиска корней) происходит одновременно с необъяснимым экзистенциальным страхом отвержения, неустроенности, отсутствия со-бытия. В историческом сознании индивида отражается не только стремление избавиться от страха оказаться за границей со-бытия, но и желание быть причастным к смыслу духовно-нравственного созидания в настоящем на основе значимого общего прошлого, которое объединяет и создаёт ощущение целостности и со-общности.

Значимой проблемой современного информационного социума является противостояние двух стремлений индивидуума. С одной стороны жизненно важная потребность быть в обществе, чувствовать сопричастность, с другой поглощение индивидуальности и появление «человека массы, мировоззрением которого является конформизм» [471]. Как следствие, возникает внутриличностный конфликт, вызванный страхом отчуждения и одновременно страхом поглощения, потери своего «Я». Страхи, связанные с социальными отношениями более устойчивы и: «имеют более высокий уровень организации. Это относится, в частности, к страху отсутствия общественного признания, страху одиночества, страху толпы и дополнительным страхам успеха и неудачи» [471], что во многом определяет

в историческом сознании индивида процессы восприятия исторического прошлого в обществе, отношения к должному и запретному, важному и второстепенному.

Групповое историческое сознание следует характеризовать общими взглядами на дела давно минувших дней, социального объединения людей, связанного между собой общими условиями своей жизни, духовными симпатиями и антипатиями, интересами и чувствами в оценке прошлого. Однако, здесь имеется опасность оценки всей истории исходя из интересов только одной группы, например класса. Так, следуя классовому подходу оказалось, что можно найти в истории человечества героев, которые были с этой точки зрения носителями общественного сознания – революционерами. Например, с легкой руки довоенных советских историков, предавших забвению слова А. С. Пушкина о бессмысленности и беспощадности русского бунта, многие главари мятежников, исторические авантюристы и просто лихие люди, такие как И. Болотников, С. Разин, Е. Пугачев превратились в классово близких советским руководителям, вождей народных восстаний и организаторов крестьянских войн, действуя якобы на пути революционных преобразований. Так продолжалось до того момента, когда после неудач начального периода Великой отечественной войны, И. В. Сталин не обратился к народу, впервые назвав советских граждан не товарищами, а братьями и сёстрами и преодолев классовые предрассудки призвал к всеобщему отпору немецкому агрессору, с опорой на исторические образы Александра Невского, А. В. Суворова, М. И. Кутузова.

Историческое сознание общества, в свою очередь, представляет собой сложное образование, в котором присутствуют не только общественно значимые события, факты, эпизоды, данные о специфике возникновения и развития конкретных обществ, их взаимосвязях друг с другом и с всеобщей историей, но и личностное историческое сознание [444]. Общественное историческое сознание формируется и развивается не только на основе научных знаний, но и исторических мифах, былинах, эпосах, занимающих

важное место в духовном менталитете каждого народа. Именно через такую форму своего существования конкретная общность людей на основе знаний своего прошлого осознает себя как народ, учитывая свой прошлый исторический опыт, вырабатывает стратегию последующих действий и сохраняет неразрывную связь и преемственность прошлого, настоящего и будущего.

Необходимо заметить, что историческое сознание личности, группы и общества тесно взаимосвязаны, переплетены и взаимодополняют друг друга. Данное обстоятельство лишь подчеркивает весьма сложную *структуру исторического сознания*, которая по мнению И. А. Гобозова и А. А. Радугина включает в себя четыре уровня.

Первый уровень (обыденно-практический). На этом уровне историческое сознание формируется и опосредуется процессом накопления жизненного опыта индивидуумом, его диссоциированным наблюдением или включением в определённые исторические события, он может впоследствии вспоминать о них и даже писать мемуары, о том, чему являлся свидетелем или современником. Здесь велик уровень искажений, стереотипного восприятия исторических персонажей и героев, зависящий от личных особенностей познающего, приверженности к тем или иным убеждениям.

Второй уровень (эмоционально-психологический) вырабатывает соответствующее чувственное отношение к истории, которое формируется под воздействием произведений культуры и искусства: литературы, кинематографа, телевидения, исторических памятников и так далее. Этот уровень также, как и предыдущий возникает стихийно и является в большей степени манипулятивно-идеологическим.

Третий уровень (идеологический) составляет систему школьных знаний о прошлом, которые бывшие ученики берут в свой жизненный багаж и могут давать соответствующие оценки прошлому, опираясь на критическое его восприятие.

Четвертый уровень (научно-теоретический) функционирует в ходе получения специальных исторических знаний теоретического характера, которые позволяют понять причины и ход исторических событий, понять их закономерности, это поле деятельности историков и философов истории [65]. Этот уровень наиболее близок к познанию исторической истины, но и здесь возможны искажения прошлого, создаваемые уже целенаправленно и непосредственно с помощью специальных информационно-коммуникативных технологий и исторических практик для управления как личностным, так и общественным историческим сознанием.

В конечном итоге, каждый рассмотренный уровень, на котором осуществляются поиски исторической истины, и фальсификация прошлого базируется на специфической коммуникации. Следует отметить, что историческое сознание направлено не только на интерпретацию прошлого. На самом деле историческое сознание отражает как прошлое, так и представляет собой коммуникацию между ретроспективным бытием, бытием настоящего и бытием будущего.

Для понимания прошлого, кроме рассмотренных уровней исторического сознания большое значение имеют также формы его воплощения.

Здесь среди ученых также отсутствует единство во мнениях. Например, исследователи, придерживающиеся позиции материально-экономического детерминизма, говорят о наличии у каждой общественно исторической формации особого исторического сознания (А. В. Леопа, И. А. Гобозов). Например, если рассматривать первобытнообщинную формацию, то для неё характерно наличие очень небольшого интервала для исторического мышления, которое ориентировано на личный опыт или самых близких предков, опирается на мифологические образы и предания, в то время как историческое сознание капиталистической формации базируется на научных изысканиях, имеет систематизированный характер и призвано к всесторонней оценке каждой личностью прошедшего времени в соответствии с определенным культурно идеологическим кодом.

Ученые, придерживающиеся медиа-коммуникативной парадигмы, в качестве форм исторического сознания выделяют различные технологические новации, влияющие на определенный этап исторического процесса (М. Маклюэн [162], М. Кастельс [124]). Например, для Б. Андерсона возникновение книгопечатания, говоря маклюэновским языком «Галактики Гутенберга», привело к особой форме исторического сознания, повлиявшей на формирование так называемого «принт-капитализма». Благодаря новой технологии и желанию использовать это достижение в предпринимательстве, в Европе стала активно конструироваться письменность на национальных языках, сформировался потребитель соответствующей печатной продукции, что в конечном итоге и привело к новой исторической эре, формированию национальных государств и системы политических отношений между ними [6].

Третья группа теоретиков (А. И. Панюков [201], Р. А. Каменская [121], М. Ю. Ширманова [298]) в качестве основания для выделения исторического сознания называют способы передачи знания о прошлом. С этой точки зрения необходимо указать на такие формы исторического сознания как нарративная, летописная, мемуарная, эпическая, образно-художественная, концептуальная.

Для нарративной формы характерен устный рассказ о прошедших событиях, который переходит из поколение в поколение со всеми присущими такому рассказу обобщениями, искажениями, упущениями, поэтому он зачастую приобретает элементы легенды и мифа. Образно-художественная форма представляет в своей основе различные продукты культурной деятельности, отражающие определённую историческую реальность в той или иной степени, например: исторический роман может содержать, когда вполне достоверное описание событий, а часто – художественный вымысел. Также и с картинами, кинофильмами, памятниками – в них сочетание исторического, ограничено субъективным мировосприятием автора с его законным правом на художественный вымысел.

Таким образом, историческое сознание представляет собой одно из воплощений (форм) общественного сознания и является специфическим отражением прошлого (отдельных событий, исторического процесса в целом) в виде его рефлексии на разных уровнях структурной иерархии, формах реализации представлений о минувшем времени и оказывающих ведущее воздействие на социальные традиции, обычаи, ценности.

Вмесите с тем в историческом сознании имеется ряд существенных противоречий.

Противоречие между опорой на знания и на чувства вызвано тем, что индивидуум, получая исторические знания, выучивает наизусть множество фактов, дат, для последующего автоматического воспроизведения в тестах, как это часто происходит в ходе сдачи Единого государственного экзамена. В то же время понимание, прочувствование этих событий, утрачивается, что ведет к работе лишь кратковременной памяти и не позволяет в полной мере осознать и понять, например, триумфы и трагедии отечественной истории.

Французский философ Р. Арон, утверждал, что: «Сегодняшний человек лучше знает свою историчность, чем человек любой другой эпохи, и эта историчность одновременно *биологична* (происхождение человека из животного) и *социальна* (крайнее разнообразие племен, обществ и культур). Творец самого себя и своей среды с помощью науки и техники, человек не может не обратиться к самому себе, к своим социальным действиям и изменениям духа науки, с помощью которой он подчинил себе природу» [14, с. 459-460].

Противоречие *между сложностью и примитивностью* состоит в том, что с одной стороны для уяснения всех аспектов прошедшего времени необходимо освоить большое количество данных, для избегания деструктивного воздействия исторических фальсификаций, требуется сохранять в памяти объемные сведения о прошлом, уметь не только критически рассматривать деяния исторических лиц, но и отстаивать свою позицию в спорах, как это делают в частности участники конкурса «Умницы и умники», проводимого

для школьников, будущих абитуриентов МГИМО профессором Ю. П. Вяземским.

Огромный объем информации, который ежедневно только увеличивается, зачастую не позволяет, особенно представителям молодого поколения, подверженного в наибольшей степени влиянию клипового сознания, сохранять ясность исторической мысли и возможности свободного обращения к историческим фактам для усиления своей аргументации. Отрицательную роль играет здесь и огромное количество альтернативных источников информации (учебников, статей, научных трудов), транслирующих разные, а иногда и противоположные взгляды на конкретные исторические события. Все это приводит к тому, что зачастую средний представитель молодежи, окончивший школу, не может ответить на элементарные вопросы о прошлом, как это любил показывать в своей передаче «Момент истины» журналист А. Караулов, чьи интервьюеры отлавливали подростков на Красной площади и задавали неудобные вопросы, делая выводы о деградации всего нового поколения.

Противоречие между формализацией и уникальностью. Памятные места, как это показал П. Нора, и мероприятия, связанные с празднованием годовщины исторических событий имеют мощное символическое значение для исторического сознания, впрочем, как и для общественного. Как показывает ежегодное шествие «Бессмертный полк», организуемый на 9 мая в знак межпоколенческой связи между героями Великой Отечественной войны и их нынешними потомками, они позволяют не только не забывать великие свершения предков, но и сверять свою жизнь с их достижениями. Однако, имеющая место формализация мероприятий, нарочито театральный характер, обязательное копирование и воспроизводство отдельных элементов, отсутствие инициативы и инноваций, нежелание проведения духовной подготовки и разъяснений участникам соответствующего действа, а также принудительное и неосмысленное участие в них, приводят к обратному эффекту и не только не способствуют закреплению в памяти истории, а

напротив, вызывают стойкое неприятие, ожесточенную критику и даже провоцирующие действия не только со стороны оппонентов, но и самих участников. Так, в ходе выполнения решения руководства Украины о фактическом запрете в стране деятельности Украинской православной церкви, захвате храмов и изгнании священников в апреле 2023 г., основной движущей силой стали не столько силовые структуры или националисты-радикалы, сколько юноши и девушки, часто несовершеннолетние, зараженные русофобией, неистово скандирующие прихожанам канонической церкви: «Чемодан – вокзал – Россия!», в ответ на религиозные песнопения, под видом утонченной иронии, выкрикивающие сатанистские лозунги, а также совершающие бесовские пляски вокруг верующей, читающей молитву на коленях перед ними.

Противоречие между управляемостью и манипулятивностью. Является очевидным, что формирование исторического сознания не может происходить без влияния на этот процесс государства, что безусловно должно учитывать социологические данные: убеждения и верование граждан, их восприятие истории, отношение к патриотизму, наличие ценностных и мировоззренческих ориентаций, в то же время, необходимо учитывать и неоднозначные страницы прошлого, которые могут отличаться от современных норм морали и нравственности. Также всегда имеется риск использования различными политическими структурами, в том числе и государственными контроля над историческим сознанием в интересах трансляции национальной, расовой и культурной исключительности как это уже было в истории Третьего Рейха и происходит сегодня на Украине.

Нидерландский философ и историк Й. Хейзинга с тревогой писал, что в XX веке история во многом превратилась в инструмент обмана широких масс в ходе реализации государственной политики. Поэтому он предупреждал, что «Историческое сознание нашего времени должно быть бдительным, дабы не были воздвигнуты от имени истории кровожадные идолы, которые поглотят культуру!» [241, с. 430-431]. В кризисное время, по мнению ученого, и с этим

следует согласиться, история должна стать средством достижения необходимого согласия людей во имя достижения общих целей.

2.2 Симулятивные образования памяти в современном историческом сознании

Большинство имеющихся сегодня псевдобразов исторического сознания так или иначе связаны с воздействием на человеческую память. Ведь утрачивая память, индивид расстаётся с большей частью своего «Я». Теряется возможность ориентироваться в окружающей действительности, распадается личность [435]. Оставшиеся образы в памяти уже не образуют упорядоченной картины мира. Разбитая мозаика бытия генерирует в сознании причудливую реальность, в которой человек действует способами, кажущимся другим людям странными.

Американский режиссёр К. Нолан, в своём фильме «Мементо» описывает проблему утраты памяти. Главный герой Л. Шелби, после перенесённой травмы, может удерживать в памяти только последние 15 минут, другая информация о его жизни пропадает.

Сюжет фильма имеет свою остроту не описанием амнезии, а тем, что герой картины, будучи практически без памяти, старается вычислить человека, убившего его жену. В отсутствии собственной памяти Шелби вынужден подозревать всё окружение. Ориентироваться в действительности ему помогают маленькие хитрости, например оставление записок самому себе и тому подобное.

В режиссёрских комментариях к фильму К. Нолан писал о том, что его фильм – это взгляд внутрь, возможность взглянуть на мир глазами другого человека: «в личную реальность человека, в его жизнь; взгляд в то, с чем вынужден постоянно бороться человек: сам с собой и, конечно, с окружающей реальностью тоже. Кроме того, это взгляд на жизнь и мысли человека, чьё восприятие реальности и чей способ жизни полностью отличается от

общепринятого. И я очень надеюсь, что мы поможем задуматься над собственным подходом к жизни» [407].

Имеются различные философские концепции, каждая из которых по-своему объясняет сущностные черты социальной памяти, применительно к возможностям оказания на нее соответствующего воздействия.

Концепция памяти угнетенных. По мнению немецкого философа В. Беньямина, отраженному в его незавершенных тезисах «О понятии истории», история пишется победителями-угнетателями, которые стремятся овладеть и овеществить прошлое, передавая собственные традиции и культуру, которые выступают инструментом господства, а голос угнетенных остается не слышим. Невозможна единая мировая история, пока человечество не освободится от властного диктата.

В. Беньямин полагает: «Ничто из того, что когда-либо происходило, не должно быть потеряно для истории» [21, с. 237]. Следует сохранить память об угнетенных в классовой борьбе: «чесать историю против шерсти». Беньямин выступал за *мессианское время*, противопоставляя его *прогрессивному времени*, называемому им квазирелигиозным (оно наследует эсхатологизм христианства), однородным и пустым, которое лишь отдаляет и затемняет для людей актуальность прошлого опыта. Философ также критиковал и *эволюционное время* социологов-позитивистов (К. Каутский, И. Дицген), перенесших биологическую теорию Ч. Дарвина на общественные отношения. Прошлое по мнению Беньямина должно быть понято не с помощью установления причинно-следственной связи («молитвой на четках»), а в его связи с определенным прошлым и, таким образом, может быть понято только как *настоящее время*, которое содержит фрагменты («осколки») мессианского времени.

Беньямин считает, что сторонник исторического материализма обязан реконструировать историю, посредством разрыва традиции. При этом опираться он должен не на официальные документы, а на летописца (рассказчика), который не проводит селекцию великих и малых событий, как

действует историзм в интересах господствующего класса, а «пересчитывает все души, как слабых, так и сильных мира сего», создавая историческую хронику и оставляя тем самым следы для возможного восстановления истории угнетенных.

Для историка материалиста нет иной возможности быть на стороне справедливости, иначе как освещать хотя бы некоторые фрагменты истории, зная, что: «враг, если он одолеет, не пощадит и мертвых» [21, с. 253].

Если у В. Беньямина в качестве угнетенных выступает пролетариат, то современные идеологические практики феминизма в качестве эксплуатируемой группы выделяют женщин. Согласно К. Миллет с самого создания человеческого общества существует патриархат – система власти мужчин, которые с помощью сексизма, угнетения по половому признаку, принуждают женский пол к беспрекословному подчинению. Лидеры феминизма, следуя заветам Биньямина, призывают к пересмотру истории, с целью «восстановления» скрываемой, по их мнению, мужчинами, роли женщин в историческом процессе, этим целям отвечает так называемая «еёстория» (англ. – herstory) [326, с. 272].

Одним из проявлений еёстории является фильм американского режиссера Ле-Ван Кьета «Принцесса» 2022 г., в котором на башню средневекового замка, где находится единственная дочь короля, нападают рыцари-наемники, стремящиеся ее похитить по заданию соседнего властителя, чтобы, насильно женившись на ней, обеспечить свои наследственные права на королевство. Однако, принцесса, получившая ранее навыки ратного искусства, не только дает отпор заставшим ее врасплох могучим воинам, но и постепенно спускаясь по этажам башни, практически в одиночку убивает почти всех своих врагов. При этом ни сам король, ни его приближенные, оказываются не в силах, каким-либо образом оказать ей вооруженную поддержку. В этом фильме налицо феминистский пересмотр роли женщины в средневековом сюжете хронотопа рыцарского романа.

Примечание – *Хронотоп* (от др. греч. *χρονος* – время, *τοπος* – место) – по мысли М. М. Бахтина представляет собой взаимосвязь литературного образа с пространственно-временным измерением. Именно хронотоп отражает эпоху с помощью связи между прошлым и будущим, генерируя тем самым смысл произведения.

Бахтин раскрывает смысл хронотопа средневекового рыцарского романа следующим образом, это сказочно-чудесный мир, в котором действует герой-рыцарь, лучший представитель этого мира. Рыцарь без страха и упрека, сражаясь за свою прекрасную даму, борется с обстоятельствами и врагами в одиночку. Время не совпадает с реальным, эмоциональные переживания его расширяют, а события сжимаются и даже вовсе исчезают. С пространством также происходят символические искажения [20].

Если в историческом романе В. Скотта «Айвенго», главной героине леди Ровене, схваченной рыцарем-храмовником, ничего не остается, чтобы отбиться от притязаний благородного бандита, как пригрозить ему выпрыгиванием из окна замка, то «современная» принцесса вполне может постоять за себя с оружием в руках, физически уничтожить своих обидчиков, здесь налицо преднамеренное искажение хронотопа рыцарского романа.

Концепция коллективной памяти. Французский историк и философ М. Хальбвакс предложил концепцию коллективной памяти. По мнению учёного, коллективная память является вариацией личностного конструкта памяти, отражающегося в том или ином социальном окружении.

По Хальбваксу: «память человека содержит только его телесные ощущения. Формируется индивидуальная память зачастую неявным образом, в контексте социального общения и развития, поэтому зависит от определённого окружения и коллективной памяти. Отсюда неустойчивость, недолговечность и зависимость индивидуальной памяти от коллективной» [280, с. 41].

Нормы или «как правильно» также формируются посредством личных воспоминаний и повторения коммуникативных актов в групповом общении. В результате складываются общеразделяемые стереотипные образы, общие концепты о должном [449] – «социальные рамки», выход за которые порицаем

в определённом социуме. Посредством социально-психологического феномена группового давления (конформизм) происходит влияние на личность и многие люди начинают верить, что они в действительности переживали какие-либо события, которые отсутствовали в реальности.

Характерный пример представлен в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», где писатель изложил процесс формирования и встраивание в общество определённых рамок коллективной памяти. Организация с «кричащим» названием «Министерство правды» занимается на регулярной основе изменением прошедших событий, когда они не совпадали с обещаниями или прогнозами партийных руководителей.

«Министерство правды переписывало статьи и программные речи представителей элиты, поэтому лидеры никогда «не ошибались». То, что истинно сейчас, истинно от века и на веки вечные. Все очень просто. Нужна всего-навсего непрерывная цепь побед над собственной памятью. Это называется «покорение действительности»; на новоязе – «двоемыслие» [195].

Концепция символической памяти. П. Нора полагал, что: «в связи с постоянным ускорением социального развития, хронической информационной перегрузкой и разрывом новых поколений с традициями, память становится непостоянной, прошлое «быстро удаляется», забвению подлежит то, что еще недавно составляло основу знания о минувшем» [191, с. 17-28].

Для анализа влияния на историческое сознание знаково-символических образов Нора предложил термин «коммеморация».

Коммеморация имеет своим содержанием *«места памяти»* знакового порядка, такие как памятники, мемориальные комплексы, кладбища, информационные доски, памятные дни, что образует символическое единство идеального и материального, то, что остаётся от прожитого в настоящем, влияет на социализацию и обретение идентичности личностью, поскольку «места памяти» в знаковой и символической форме содержаться в

общественном сознании, приобщая индивида к общей социальной памяти о прошлом.

Коммеморация выступает своего рода посредником (медиумом) между прошлым и настоящим, активно влияя на историческое сознание, транслируя последующим поколениям традиции, ценностные идеалы, своего рода «ментальные послания», в которых в символическом виде представлены образы событий, исторических личностей и действий.

П. Нора полагал, что имеется три обязательные характеристики мест памяти: «коммеморация *существует в пространстве* (имеет материальное воплощение и конкретное географическое местоположение), *исполняет определенную функцию в обществе* (формирует социокультурную идентичность) и *обладает особым символическим значением»* [191, с. 39-50].

В настоящее время на основе идей Нора создается множество коммеморативных технологий, призванных манипулировать памятью, создавая, разрушая или пересоздавая исторические смысли и влияя тем самым на историческое сознание.

Например, акция реконструкторов в 2019 г. в Киевской области в поселке Ворзель, которая была приурочена к 76-й годовщине победы над фашистами и освобождения Украины, где участвовали молодые люди, переодетые в форменное обмундирования солдат немецкой и советской армий. После окончания мероприятия к памятнику павшим советским солдатам были возложены цветы. В почетный караул у памятника в одном строю встали реконструкторы, одетые в форму бойцов Красной армии и бойцы, облаченные в эсэсовскую форму. Причем никого из собравшихся подобное кощунство не удивило, напротив, считалось, что реконструкторы таким странным образом отдают дань памяти павшим освободителям.

Концепция живой памяти. Историк, археолог и философ Р. Коллингвуд полагал, что память – это всего лишь мысль, созданная историческим воображением: «...Прошлое не может стать объектом чьей бы то ни было перцепции, так как оно уже не существует в настоящем, но с помощью

исторического воображения оно становится объектом нашей мысли» [138, с. 231]. При этом историческое знание – это воспроизводство в мысли настоящего – мысли о прошлом, возрождение минувшего в современности. Данное возрождение происходит благодаря «живому прошлому», тому, что ещё, как бы есть в настоящем (в сознании историка), существующем как «способе мышления того времени».

Другими словами, память представляет собой интерпретацию особенностей мышления людей прошлого, попытку проникнуть в мысли исторического персонажа [138]. Однако, прикосновение к ретрореальности уже невозможно, сделать это можно только изучив исторический контекст в комплексной картине прошлого, включающего самые разные модели его интерпретации. Субъективность отличных друг от друга свидетельств, исторических памятников помогает вскрыть особенности противоречий изучаемого времени, точнее разницу в его восприятии современниками, поэтому даже текст, искажающий действительность сохраняет свою значимость как исторический источник, который может быть интерпретирован как тексты, повествующие о подлинном положении дел.

В 1943 г. советским режиссером Л. Луковым в эвакуации в Ташкенте была снята кинокартина «Два бойца». В фильме показана судьба двух друзей Аркадия Дзюбина (М. Бернес) и Саши Свинцова (Б. Андреев), которые не раз выручали друг друга в бою. Фильм и сегодня притягивает внимание, в нем звучат песни Бернеса «Шаланды полные кефали», «Темная ночь», ставшая своеобразным гимном для любимых, которые ждут солдат с войны домой. От этого фильма пошла присказка «Саша с Уралмаша», он полон юмора и лирики. В картине находится место не только показу суровых военных будней, но и раскрываются любовные чувства Саши к девушке, а также высмеивание его робости бойким Аркадием перед сослуживцами и последующей ссоры между друзьями. И только тяжелый бой, в котором Саша вытащил своего друга, защищавшего ДОТ с поля боя, позволяет восстановить их добрые отношения. При этом в фильме чрезвычайно карикатурно изображен враг, буквально от

каждого выстрела советских солдат падает несколько нацистов. Гитлеровские солдаты, вопреки очевидным фактам, показаны недалекими и трусливыми при первой возможности, старающимися сбежать с передовой.

В фильме американского режиссера Д. Эйра «Ярость» (2014 г.) повествуется об экипаже американского танка «Шерман» (англ. «Fury»), руководимого сержантом Д. Кольером (Б. Питт), который в последние дни войны сражается на западном фронте с нацистами. После смерти командира роты Кольер берет командование подразделением на себя и с большим трудом потеряв три танка из четырех американским танкистам удается подбить один немецкий танк «Тигр». Кульминацией фильма является ночной бой «Ярости», подорвавшейся на мине и обездвиженном, с повреждённым орудием против целого батальона эсэсовцев. Вне всякой логики, обученным и прошедшим множество сражений, хорошо вооружённым, солдатам немецкой армии не удаётся в течение всей ночи справиться с бравыми вояками, которые стреляют из пулеметов и кидают гранаты в противника, причем одна из них брошенная неудачно, чуть не убивает весь экипаж. Только под утро удается сломить сопротивление танкистов, причем последний из них раненный Эллисон, получивший ранение и замеченный молодым эсэсовцем не выдан им своим товарищам. Несмотря на некоторые вполне достоверные кадры, показывающие, например, слабую броню американских танков, последний бой явно страдает излишком фантазии.

Концепция культурной памяти. Я. Ассман утверждает наличие двух видов памяти коммуникативной и культурной. *Коммуникативная память* выражает устную традицию (нарратив), который передается от одного рассказчика другому. Это память очевидцев, непосредственных участников событий о пережитом. Она существует довольно краткое время и передается в результате межпоколенческой коммуникации трем-четырем поколениям, после чего угасает. *Культурная память* представляет собой некий ритуал, застывшую символическую форму культуры, которая как бы передается по наследству от предков – их потомкам. Передаваясь из поколения в поколение,

культурная память в виде церемоний, культурных артефактов удерживает лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции [15].

В социальной культуре через символы, ритуалы происходит активное влияние на индивида как на уровне сознания, так и подсознания, создавая внутренне ощущение сопричастности и принадлежности к определённому социуму с его героическим и трагическим прошлым. В результате сам человек далеко не всегда может осознавать процессы формирования культурной памяти, но, по результату, точно определяет принадлежность к своей социальной культуре [441].

Американский фотограф С. Шерман в 1977-1980 гг. выставила серию фотографий «Кадры из фильмов» (англ. «Film Stills»). На черно-белых малоформатных фото Шерман воспроизводила саму себя, в купленной на барахолках старой одежде, пытаясь изобразить героиню безоблачного для американцев периода 1950-х годов в виде типажей «активной жгучей брюнетки; блондинки, воплощающей ожидание, в вечернем платье, в котором она раскинулась поперек гостиничной кровати; женщину, горько плачущую над своим коктейлем в одиночестве». Зрители, побывавшие на этой выставке, утверждали, что не могут вспомнить названия фильмов, но они определенно ранее уже их смотрели. Но на самом деле они узнали в представленных кинообразах свои фантазии об этом историческом периоде, у них возникли соответствующие чувства, которые позволили отождествить рукотворный киномиф и реальность. «Шерман фактически нас отсылает к зоне того коллективного опыта, аффективного в своей основе, она нас как бы отталкивает от изображения в собственном смысле, направляя в сторону весьма неопределенных, разделяемых сообща состояний» [207, с. 34-36].

Концепция утраченной памяти о том, чего не было. Ж. Деррида, на основе образа «призрака коммунизма», который «бродит по Европе» из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса [173], создал хонтологию (англ. *haunt* – призрак, др. греч. *ὄντος* – сущее) – «учение о призраках»

[95, с. 17-18]. В данном учении он утверждал, что «Призрак коммунизма еще не наступил. Но он никогда и не наступит. Ибо у призрака нет и не может быть реального бытия. Нет у него и смерти – призрак никогда не умирает, ибо он всегда возвращается к живым» [95, с. 34-35]. Призрак – никогда не существовал и не существует, но все же оказывает влияние на настоящее. Согласно Дерриде, основной характеристикой хонтологических объектов является щемящая ностальгия по прошлому, когда память человека чрезвычайно идеализирует ушедшее навсегда время и прошлое на некоторое время становится настоящим. В условиях, когда согласно М. Прусту «время утрачено» [221] или как писал об этом В. Шекспир, вкладывая слова в уста Гамлета – «Порвалась дней связующая нить» [297], инициируется страх перед будущим и люди пытаются найти опору в прошлом, «вспоминая» то, что на самом деле не было.

Ситуация такого рода утраченного времени по словам Х.-У. Гумбрехта возникает в нынешнем восприятии советского прошлого, например, в ходе осмотра статуй в московском метро на станции Площадь Революции: «я ощущаю присутствие этой эпохи, проходя по бесконечно монументальным пространствам московского метро. Советский Союз осязаемо присутствует там в числе прочих вещей, на которые люди стараются не смотреть и, проходя мимо них, ускоряют шаг…» [78, с. 146].

Концепция рекламной памяти. Украинский культуролог Е. Бильченко, критически исследуя, распространившиеся в последние годы на Западе memory studies [25], считает, что произошел переход от академических теорий памяти к целенаправленной идеологии формирования манипулятивной памяти, названной ею рекламной памятью. Рекламная память представляет собой создание искусственных воспоминаний, конструирование коллективных репрезентаций прошлого, предполагающее отбор, новое означивание и переописание исторических событий с помощью маркетинговых коммуникативных технологий. По мнению автора, рекламная память, будучи постмодернистским конструктом «фиксирует не просто

кодификацию/фальсификацию памяти в историческом тексте и ее использование в политической пропаганде, но и вхождение памяти в символическое пространство рынка в качестве неолиберального бренда» [25, с. 297-298].

Е. Бильченко, основываясь на примерах генерирования крайнего национализма на Украине, создания культа коллаборционистских формирований ОУН и УПА, глорификации бандеровцев как борцов за «вильну Украину» и в то же время умолчания их действительных «подвигов» как убийц и палачей собственного народа, раскрывает следующие манипулятивные приемы рекламной памяти:

– принуждение к массовым воспоминанию и забвению;

– уравнение агрессора и жертвы, личины и террора, оригинала и копии;

– подмена события – основания (события-истины) на событие-спектакль (перформативную личину);

– девальвацию вины и ответственности через релятивацию этики;

– «тирания всеобщего покаяния»;

– легитимация непристойной изнанки сентиментальности в виде оправдания неонацизма как ресентимента;

– ремедиацию и премедиацию как механизмы создания коммуникативной событийности в противовес событийной коммуникации (первая предполагает рождение события из дискурса, вторая – дискурс вокруг состоявшегося события, первая предполагает рождение значения из знака, вторая – отражение процессом означивания действительного смысла) [25].

Подобные приемы активно применяются и в России, в целях дискредитации Великой Победы, пересмотра ее результатов и забвения подвигов победителей [442].

Следует отметить, что в проанализированных концепциях памяти, фиксируется общее представление о невозможности воссоздания и реставрирования прошлого и речь идет о конструировании, реконструировании, деконструировании различных его образов,

составляющих значимую часть исторического сознания, которыми активно занимаются не только историки, но и представители культуры.

Данная позиция приводит к тому, что единой официально зафиксированной и закрепленной, неизменной на разных этапах исторической памяти не существует, что создает большие возможности для ее использования в интересах тех или иных социальных субъектов.

По естественной причине временной отдалённости событий истории, их нечёткого или фрагментарного запечатления на материальных носителях, неоднозначности в интерпретации наблюдателями, субъективно окрашенными личными предубеждениями, большую значимость для восприятия прошлого приобретают исторические образы.

Как отмечал В. Беньямин: «История распадается на образы, а не на повествования», при этом любой «образ прошлого всегда вписан в какую-либо конфигурацию власти» [21, с. 241]. Исторический образ имеет свою специфику. Это, в первую очередь, максимальная генерализация и шаблонность, стремление в абстрагировании избежать концентрации на сиюминутном, чтобы обратить внимание на общее, что проходило связующей нитью через социальную реальность, людей и события в далеком прошлом.

Образ представляет собой фрагментарное восприятие мира, благодаря сознательно-бессознательному толкованию получаемой информации и ее упорядочивания на основе категоризации ранее имевшихся общественных практик взаимодействия с реальностью.

Ведущую роль в создании образов и их уяснении играет процесс отражения, близкий по своей сущности к такой форме чувственного познания как ощущение. По мнению В. И. Ленина: «логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [154, с. 75].

Отражение выступает всеобщим свойством материальных объектов и представляет собой реакцию (отпечаток, след) любой вещи (явления), взаимодействующей с другой вещью. Отражение присуще всем материальным

объектам при взаимодействии с другими: «Каждая вещь – эхо и зеркало Вселенной» [170, с. 180], это и след на песке и отпечаток древнего животного на камне, отражение лица в воде и солнечного света Луной. Само сознание выступает высшей формой отражения и способно создавать на основе чувственной и рациональной воспринимаемой информации самостоятельные нематериальные образы реальности (распредмечивание), причем эти образы могут воплощаться с помощью активной деятельности по изменению мира в материальные объекты (опредмечивание).

Исследователь социальных образов Е. Петровская отмечает, что именно с помощью образа, который выступает и отпечатком и одновременно инструментом, те или иные социальные общности могут ухватить «их призрачную историчность… «Образ – то, что опрокидывает саму логику представления/изображения/зрелища в пользу всегда неоформленных сил материального. Исторически он и выражает общность» [207, с. 9-10].

Как отмечает Л. П. Репина, применительно к анализу исторической реальности «образы принимают форму различных культурных стереотипов, символов, мифов и выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и совершать конкретные действия по отношению к нему» [225, с. 20].

Специфика «представления реальности как раз состоит в том, что в ней огромное количество различных знаковых систем и языковых игр разных порядков и все они так сложно переплетены. При этом для человеческого сознания настолько важно все делить на два класса – на вещи и знаки, на действительное и выдуманное, что ему (сознанию) представляется, что это деление имеет абсолютный онтологический характер» [230, с. 14]. Другими словами, реальность – это не действительность, существующая сама по себе, независимо от человека, а напротив, создаваемый и интерпретируемый им образ бытия.

Одна из главных характеристик образа состоит в консолидации разнородных компонентов восприятия ощущений в одно целое. Другим

важным свойством является фокусировка целостности сознания путём упорядочивания хаоса множественности элементов чувственного познания.

Аристотель полагал: «Мыслящее мыслит формы в образах, и в какой мере ему в образах проясняется, к чему следует стремиться и чего следует избегать, в такой мере оно приходит в движение и в отсутствие ощущения при наличии этих образов... Иногда с помощью находящихся в душе образов или мыслей ум, словно видя глазами, рассуждает и принимает решения о будущем, исходя из настоящего» [11, с. 438-439].

С одной стороны, конструирование образа реальности позволяет увидеть и воспринять мир во всем его многообразии, образ является очень удобным объектом для восприятия, позволяет разом рассмотреть целый период социального развития, составить общее представление о прошлом, и даже дать ему определенные оценки, культурного, технологического, этического, эстетического характера.

Однако, у образного восприятия истории имеется обратная сторона медали, связанная с принципиальной неоконченностью трактовок канувших в лету времён, открытостью для последующих интерпретаций и толкований, а также возможностью воспроизводства искусственных образов, которые вообще никак не связаны с имевшими место историческими событиями.

Все это позволяет управлять и манипулировать историческими образами с целью влияния на социальные процессы, встраивания в историческое сознание личности и общества ложных конструктов ретроспективной реальности.

В этой связи, в полный рост встаёт вопрос подлинности и ложности исторических образов социального бытия.

Одними из первых философов, поставившим вопрос о подлинности реальности следует считать мыслителей индийской школы *ньяя*, основанной на авторитетных текстах древних Вед. Согласно представителям этой даршаны, а также и наиболее значимой сегодня школы *веданты*, люди ничего не могут знать точно об окружающей действительности (санскр. *авидья*), а мир

представляет собой иллюзию (санскр. *майя*). Мы пытаемся держаться за какие-то собственные представления о мире, между тем как он всего лишь сон божества Брахмы, который длится миллионы лет, но, когда господь проснётся, мир будет уничтожен и впоследствии возродится вновь, чтобы ничего не помнить о призрачном прошлом.

В древнеиндийском эпосе «Махабхарата» раскрывается история военного столкновения между двумя группами индийской элиты – пандавами и кауравами. Первым помогает Кришна – *аватара* Вишну, бога гармонии, в теле возничего, других прикрывает бог разрушения Шива. Глава пандавов Арджуна на поле битвы Куру испытывает большие сомнения, стоит ли ему вступать в кровопролитную схватку, ведь среди врагов, находится большое количество хитростью завлеченных в их ряды близких и родственников. Кришна уверяет Арджуну, что всё есть изначальный божественный промысел, и войны, и произвол, не от слабости человека и его рассудка, а по воле высшей силы.

Платон в диалоге «Государство» представляет «Миф о пещере», согласно которому узник пещеры способен улавливать лишь образные тени и эхо подлинных вещей и только мыслящий человек способен перевести образ в смысл. Другими словами, в концепции двух миров: подлинного мира – мира идей и мира копий – мира вещей, хоть какое-то подобие истинности имеют образы, которые выступают итогом анамнезиса – припоминания.

Примечание – Анамнезис (др. греч. ἀνάμνησις – припоминание) – концепция познания, разработанная Платоном в диалоге «Менон», согласно которой изучение подлинного мира строится на воспоминании души, которая до своего рождения в теле-копии созерцала идеи в ином мире, образы призваны возбуждать припоминание души.

«Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и, его свет… И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства,

не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах» [209, с. 517].

Древнегреческие скептики Пиррон и Секст Эмпирик подвергали сомнению саму возможность познания окружающего мира. Любые попытки уяснить его подлинность или мнимость обречены, по их мнению, на неудачу. Так Пиррон полагал, что никто не может знать о качествах вещей и поэтому невозможно ничего утверждать или отрицать о их сути, наши ощущения и мнения по их поводу не могут ни истинны и ни ложны, а обусловлены человеческими свойствами и обычаями: «людские поступки руководятся лишь законом и обычаем» [100, с. 379] и поэтому следует воздерживаться от любых суждений об этом мире.

Августин Блаженный, будучи создателем первой историософской модели развития общества, считал Град Земной (лат. *civitas terrena*), современную ему Древнеримскую империю, миром неподлинным, управляемый людскими пороками и соблазняемы дьяволом и противопоставлял ему Град Божий (лат. *civitas Dei*) – созданную на основе духовной общности Церковь, состоящую из праведников и потому претендующих на истинность.

Всю историю мира Августин рассматривает как вселенскую войну между Богом и дьяволом метафизического характера. В этом сражении Божественное Провидение ведёт политические силы, которые в объединении с католической Церковью (справедливая война) могут противодействовать всеми способами, не исключая военные, тем движениям, что связаны с Градом Земным. Эта концепция мировой истории, и сегодня является частью официальной доктрины Римско-католической церкви как заявлено на Втором Ватиканском Соборе (1965): «...вся человеческая жизнь, индивидуальная или коллективная, проявляется драматической борьбой между добром и злом, между светом и тьмой... Господь является целью человеческой истории, центром стремлений истории и цивилизации, центром человеческого рода, радостью каждого сердца и ответом на все его стремления» [372].

Р. Декарт подверг сомнению то, каким образом человек воспринимает мир и задал вопрос о том, а что, если существует «Бог-обманщик», который поставил своей целью транслировать человеку ложную действительность, никак не соответствующую реальности? «Итак, предположу, что не всеблагой бог, являющийся источником истины, но какой-нибудь злой гений, настолько же обманчивый и хитрый, насколько могущественный, употребил все свое искусство для того, чтобы меня обмануть. Я стану думать, что небо, воздух, земля, цвета, формы, звуки и все остальные внешние вещи – лишь иллюзии и грезы, которыми он воспользовался, чтобы расставить сети моему легковерию. Я буду считать себя не имеющим ни рук, ни глаз. Ни тела, ни крови, не имеющим никаких чувств, но ошибочно уверенным в обладании всем этим» [80, с. 340]. Что же может свидетельствовать, являться опорой реального бытия, ведь «те же мысли, какие мы имеем, когда бодрствуем, могут появиться у нас и во сне, причем ни одна из них не является в этот момент истиною, я решил вообразить, что все когда-либо приходившее мне на ум не более истинно, чем обманчивые сновидения» [85, с. 415]. И Декарт приходит к мысли, что без сомневающегося не может быть самого сомнения, и сама возможность мыслить означает уже достаточное основание реальности: «Я мыслю, следовательно я существую» (лат. Cogito ergo sum) [85, с. 282].

Ф. Ницше считал, что жизнь общества опутана ложью, фальшивыми устаревшими идеями. Предлагая, избавится от догматического диктата разума, он обозначает проблему: «Нельзя ли перевернуть все ценности? И, может быть, добро есть зло? а Бог – выдумка и ухищрение дьявола? И может быть, в последней основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики? И не должны ли мы быть обманщиками?» [190, с. 67]. Ф. Ницше также полагал, что ценности были навязаны эпохой Просвещения и еще ранее христианским вероучением, он считал, что они сформировали культ слабого человека, не наделенного талантами, представителя толпы, не способной творить, а лишь потреблять, в ущерб одаренным людям, непохожим на других и обладающих сильной волей.

В. Беньямин назвал промышленную эру эпохой «технической воспроизводимости», в которой вещи лишаются своей уникальности и превращаются в массово тиражируемые предметы – и репродукции, однако именно на ауре подлинности основывалась историческая традиция, значит ли это то, что сегодня мы обречены на бесконечное повторение копий?

Репродукционная техника, тиражируя копии, заменяет уникальное проявление предмета массовым, навязывая его человеку. Это приводит к глубокому потрясению «традиционных ценностей – потрясение самой традиции, представляющее обратную сторону переживаемого человечеством в настоящее время кризиса и обновления» [22, с. 15].

Ги Э. Дебор, в своей книге «Общество спектакля» (1967) рассматривает тотальное засилье образов в новом состоянии социума, понимаемого им как сплошное зрелище-шоу. Если во времена К. Маркса и классического капитализма рабочий был отчужден от результатов своего труда, то в обществе спектакля он превращается в существо, отделенное от его истинных желаний различными проявлениями массовой культуры (кино, телевидение). Так, стереотипы транслируемых по телевидению молодых модников или бунтарей становятся образцами поведения для подражания. «Шоу – это не набор образов, а социальные отношения между людьми, опосредованные образами» [83, с. 23]. В этом мире спектакль превращается в легкодоступный товар, фетишизированную иллюзию, которую активно навязывает экономика потребления. Человек погружен в псевдо-наслаждения, которые выступают избыточным развлечением. «Во всех своих частных формах, информации или пропаганде, рекламе или прямом потреблении развлечений, зрелище составляет нынешнюю модель социально доминирующей жизни» [83, с. 25].

Для такого социума в историческом плане характерна позиция забвения прошлого с помощью *концентрированного спектакля* в социалистической системе и распыленного – в *капиталистическом*.

В 1988 г. в «Комментариях к Обществу зрелища» Дебор описал эволюцию общества зрелища в том, что рыночные отношения полностью слились в новую форму *интегрированного спектакля* [83].

Дж. Агамбен *для итальянского перевода* «Комментариев к Обществу *спектакля»* написал, что: «Для того, чтобы интегрированный спектакль был полностью реализован и в своих странах, правительства Востока отказались от ленинской партии, точно так же, как правительства Запада уже давно отказались от баланса сил и реальной свободы мысли и коммуникации во имя мажоритарной избирательной машины и контроля над мнением СМИ (оба из которых развились в современных тоталитарных государствах)» [405].

Ж. Бодрийяр предложил *концепцию гиперреальности*, определяемой как конструкт социальной действительности, имеющей виртуальный характер. Такая гиперреальность субъективно привлекательнее в представлении потребителя по сравнению с унылыми буднями настоящего и раплывчатыми тенями прошлого [31].

Симулякры являются основой формирования гиперреальности. Символические копии вещей со временем перестают быть похожи на свои прототипы, проходя через множественные изменения посредством современных средств массовой коммуникации, что в конце концов приводит к полному замещению реальности копией, уже не имеющей оригинала [33].

Формами восприятия истории могут являться: образы истории, образная история, исторические образы, образы из истории, образы в истории, образы псевдоистории. Рассмотрим их более детально.

Под *образами истории* следует понимать уяснение развития общества с помощью не конкретного перечисления фактов и анализа событий, а через чувственное восприятие посредством создания и репрезентации образов широкой аудитории. К числу таких образов истории следует отнести создаваемые культурными деятелями произведениях искусства: картинах, скульптурах, романах, песнях, инсталляциях композиции, которые с помощью художественных средств передают содержание прошедшей эпохи.

Так, художник-баталист П. В. Рыженко, создал диораму «Великое стояние на Угре». Каждый посетитель диорамы, расположенной на берегу реки Угры в ските Свято-Тихоновой пустыни погружается в атмосферу грандиозного и бескомпромиссного противостояния древнерусских дружин великого князя московского Ивана III с воинами осколков Золотой Орды хана Ахмата. Тогда, в 1480 г. историческое противостояние двух армий на реке Угре положило конец многовековому монголо-татарскому игу.

Когда речь идет о *образной истории* имеется в виду построение знания о прошлом в виде череды наглядных картинок, отображающих какие-либо аспекты минувшего, связанные между собой. В качестве источника здесь можно отметить деятельность музеев, где экспонируется визуальная реальность, история в иллюстрациях, что легко воспринимается детьми [262], различные комиксы, предоставляющие визуальный ряд хронологической последовательности прошлых событий и тому подобное.

Ночью накануне 9 мая 2021 г. над Ржевским мемориалом в воздух поднялись 1000 дронов, каждый из которых был запрограммирован на создание светового шоу, в котором памятник советскому солдату на месте кровопролитнейшей битвы в истории словно оживает, его святящаяся копия как бы оживает и превращается в улетающих ввысь белых журавлей, а потом над затаившими дыхания зрителями простирает свои крылья голубь мира, машущий своими крыльями. Исполнительный директор Российского движения школьников И. Плещева заявила: «Главное, чтобы, переводя в цифру, мы не забыли базовую для нас ценность, важную, системный файл, если хотите. Наш культурный код. Нашу победу в Великой Отечественной войне. Видимо, это мирное небо, эти фонарики здесь благодаря тем, кто когда-то не вернулся из боя» [366].

Исторические образы представляют собой «выхваченные» из прошлого и определенным образом представленные для широких масс персонажи времен, канувших в лету с приданными им характеристикам из настоящего, в целях их возвеличивания или напротив – демонизации.

В фильме Д. Файзиева «Легенда о Коловрате» (2017) речь идет о воеводе рязанской земли, первой принявший на себя удар Батыева нашествия в 1237 г., Евпатии Коловрате, который вернулся из соседних княжеств, где он хотел найти помощь, но вернувшись и увидев свою землю разорённой, несмотря на немногочисленное войско, вступил в отчаянную схватку с врагом, после чего монголы сказали – «Это мертвые рязанцы встали и преследуют нас». Режиссер показал Коловрата простым молодым дружинником, который после травмы головы в битве с кочевниками, стал терять связь с реальностью и даже забывать свою жену и детей, получается, что в его подвиге, когда он и товарищи пошли на верную смерть, нет никакого геройства, ведь, согласно этой версии, он не вполне помнил за что именно он сражается. Имеются вопросы и к образу Батыя, который выведен в фильме не в виде воина в доспехах и при оружии как на сохранившихся изображениях, а в виде женственного юноши в китайском шелковом халате с драконами, с золотым макияжем на лице, что якобы объясняется приверженностью полководца последним веяниям китайской моды.

Образы из истории следует понимать как представление отдельных примеров из прошлого (событий, людей, обстоятельств), которые имеют назидательно-поучительный характер для настоящего времени. К числу такого рода образов следует отнести *фолк-хистори* (история для народа) – популярно-развлекательное повествование, связанное с историческими событиями в виде псевдо документалистики, художественной интерпретации, театрализованных постановок, что призвано скорее развлечь массовую аудиторию, чем дать правдивую информацию. Однако, такое «легкое чтиво» может использоваться и для формирования определенной оценки исторических событий. Как писал на этот счет А. С. Пушкин: «Сказка – ложь, да в ней намек – добрым молодцам – урок!». Здесь можно вспомнить фильмы по книгам В. Пикуля, посвященные событиям русско-турецких войн «Баязет» и «Гамбит», фильм А. Джоли «В краю крови и меда» о войне в Югославии. В 1990–2000 годы, в лёгком и доступном изложении, были весьма популярны

исторические программы в авторской интерпретации некоторых журналистов, имеющих историческое образование: Э. Радзинского и Н. Сванидзе, тележурналистов: Е. Киселева (передача «Новейшая история»), Л. Парфенова (передача «Намедни»), Л. Млечина (передача «Особая папка»).

Образы в истории раскрывают роль и место выдающихся людей в исторических событиях, показывают их как движущую силу развития общества, при этом зачастую умалчивая об объективных обстоятельствах, поднявших их на эту высоту.

Фильм «Викинг», вышедший в 2016 году, (режиссёр А. Кравчук), был посвящён жизни и становлению молодого князя Владимира, который представлен абсолютно нерешительным и несамостоятельным, он во всем слушается своего наставника викинга Свенельда. Создатели фильма всячески пытаются оправдать даже такие его неблаговидные поступки как насилие над княжной Рогнедой на глазах ее родителей, тем что он принял дурманящее снадобье из рук варягов, которые его окружают.

Д. Козловский, сыгравший роль князя Владимира, был приглашен также М. Херстом (автором сценария) и режиссером С. Леджером, создателями канадско-ирландского сериала «Викинги» 6 сезона (2019) на роль другого великого князя – Олега. Здесь фантазия авторов сериала развертывается по полной. Олег выступает в роли кровожадного властителя, не вполне психически здорового человека, который убил свою любимую жену, но похоронив ее в церкви, продолжает с ней разговаривать. Правя Киевом от имени своего родственника маленького князя Игоря, он убивает своего брата Аскольда, правителя Новгорода и сажает на цепь своего брата Дира, обвинив в том, что они настраивают дружину (облаченную в кожаные доспехи монголов и характерные малахаи) против него и пытаются передать власть Игорю. Когда в его державе появляются бежавшие со своей Родины викинги, сыновья легендарного Рагнара, изгнанные другими своими братьями, Олег берет под свою опеку одного из них – Ингвара и даже летает с ним на воздушном шаре, открывая ему свою мечту о захвате Норвегии. Когда Олег и

его армия решаются воплотить задуманное, они перемещаются через балтийское море на небольших колесных (водометных) кораблях. Нелишне вспомнить, что описываемые события происходят в IX веке и очень странно видеть желание Олега захватить свою нищую прародину, состоящую из одних «камней, на которых растут деревья», в то время как он повелевал Киевской Русью или как называли этот край сами викинги-варяги Гардарикой («страной городских стен») и контролировал богатейший купеческий путь того времени «из варяг в греки».

Образы псевдоистории означают полную замену ретроспективной реальности искусственно создаваемыми симулятивными конструкциями виртуального характера, которые вообще не имеют никакой связи с действительностью, но настолько яркие, творческие и привлекательные, что имеют особую убедительность для исторического сознания социума. Бодрийяр назвал существование в информационном обществе «состоянием после оргии». Под оргией он понимал освобождение как взрывообразный революционный процесс. В ходе политической, социальной и духовной эмансипации бессознательных импульсов, женщины, ребенка, искусства и так далее. Старые ценности и идеалы отброшены, уступая место новым правам свободам. Но сегодня человечеству сохраняется только возможность симулировать освобождение, «изображать оргию». «Все что нам остается – тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [31, с. 8-22].

Примечателен фильм «4 дня в мае» режиссёра А. фон Борриса (2011 г.). В основу фильма положен вымысел журналиста Д. Фоста, который, якобы, со слов маршала СССР К. С. Москаленко, написал в сценарии фильма реально происходившие события.

Красноармейцы-разведчики попадают в немецкий приют для девочек, размещенный старинном замке. В ходе инспекции приюта советский командир батальона пытается изнасиловать одну из воспитанниц, которую спасает командир разведгруппы. Посрамленный комбат покидает замок, но впоследствии возвращается во главе своего батальона и пытается штурмом взять приют, который защищают разведчики и подоспевшие немецкие солдаты и офицеры (из части, пытавшейся сбежать в Данию, переплыв морской залив), которых позвал на помощь 12-летний мальчик из Гитлерюгенда, ранее стрелявший в разведчиков, но отпущенный ими. Д. Фост в придуманном сюжете показал, что в войне нет «своих» и «чужих», а нацисты уже не враги красноармейцам, а «братья по оружию» в борьбе со злом.

Конструкторы современных симулятивных образов вторгаются в историю и стремятся произвести такие изменения, чтобы не было никакой возможности увидеть и понять, как все было на самом деле. Так, в масштабных фальсификациях истории на постсоветском пространстве, следуя заветам пожарных из антиутопии Р. Бредберри «451° по Фаренгейту» уничтожаются не только книги с трактовкой истории отличной он новых псевдонаучных изысканий, но дискредитируются и подвергаются преследованиям историки, кому не безразлична научная истина, такие как О. Бузина, П. П. Толочко, чья позиция отличается от сочиненной ретрореальности, навязываемой сверху.

Образы псевдоистории широко применяются в современных информационно-коммуникативных практиках. Возможности такого рода образного конструирования в ироничной форме раскрывает в своем произведении «Искусство лёгких касаний» В. О. Пелевин. По сюжету книги писатель К. П. Голгофский ведет собственное расследование тяжелого отравления своего соседа по даче генерала ГРУ Изюмина. По результату изучения разных обстоятельств, писатель делает заключение, что бывший сосед был главой секретного института, в задачу которого входило создание образов – *«боевых химер»*, для их последующего внедрения в так называемые «поля времени» коллективного бессознательного геополитического

противника – США, в целях манипулирования массовым сознанием и трансформации основных духовных ценностей и мировоззренческих координат.

Химера запускается с помощью специального символического кода – *триггера* (образа, фразы, картинки) который должен быть мгновенно распространен в медиа. Примером запуска химеры является картина Рембрандта, отражающая библейскую историю о пирах Валтасара.

В произведении В. Пелевина «Искусство лёгких касаний» секретный институт Изюмина создал и пытался осуществить несанкционированный запуск *«Царь-химеры»*, в основе которой лежит «кривое зеркало»: внедрение в политику, культуру и повседневную жизнь США тоталитарных штампов толерантности по образцу позднесоветских: отсутствия свободы слова, принуждение к принятию «одной верной» точки зрения, внедрение двойных стандартов, с «ЛГБТ на месте комсомола, корпоративным менеджментом на месте КПСС, сексуальной репрессией на месте сексуальной репрессии и зарёй социализма на месте зари социализма» [202, с. 323], что может быть представлено в виде оружия массового уничтожения противника.

Реальность, имеющая в своём основании ложь и симулятивные образы получает в настоящем большое распространение в информационном противоборстве в целом и манипулировании историческим сознанием в частности.

На основе идей Е. В. Елисеевой, В. В. Кафтана, Т. А. Шалюгиной сформулированы механизмы, раскрывающие технологии конструирования образа в коммуникации посредством процессов вербализации, символизации, текстуализации, визуализации, фетишизации и виртуализации. Применительно к теме настоящего исследования, опираясь на принцип бинаризма, следует раскрыть особенности оппозиционных указанным ранее технологиям, направленным на генерирование псевдоисторических образов.

Вербализация – девербализация (от лат. *verbalis* – словесный) – это процесс сотворения смысла, посредством знаков и символического выражения

описания реальности или изменения ее восприятия через искажение смыслового содержания. При этом искажение построено на трансформации словесного образа в ущерб традиционному языковому мышлению.

В соответствии с реализуемым проектом по развитию образовательной мобильности 19 ноября 2017 г. в Бундестаге проходило мероприятие, посвящённой памяти жертв войн. Данный проект поддерживался Фондом Ф. Эберта и другими НКО. В качестве приглашённых выступили школьники из Нового Уренгоя.

Учащиеся рассказывали истории немецких солдат, которые погибли на Восточном фронте. Коля Десятниченко представил рассказ о Георге Рау, попавшем в «Сталинградский котёл», оказавшимся в лагере для военнопленных и умершим в плену. «Я увидел могилы невинно погибших людей, среди которых многие хотели жить мирно и не хотели воевать…» [380].

Хотя после выступления последовали извинения и оправдания ограниченным регламентом для выступавших, необходимостью создания «мира без войн», причисление немецких солдат к «невинным жертвам войны» есть неуважение и кощунство в отношении отдавших жизнь за отчизну защитников Отечества [369].

Данная избирательность пацифизма не оставила равнодушными жителей Тюмени, которые к памятнику погибшим воинам (выпускникам школы), где учился Десятниченко, прикрепили фотографию Коли с завязанными глазами с подписью: «Этот памятник стоит для всех тех, кто не знает историю своей Родины», жители предложили также возложить к мемориалу современные учебники по истории, изобилующие фальсификациями» [371].

С целью создания новых формулировок, изменения смысла, значения, исторических событий, широко применяются приёмы речевого воздействия в виде генерализации (обобщения), умалчивания (упущение), искажения информации. Часто можно видеть следующий стереотип, как наглядное

подтверждение применения речевых воздействий: «Советский союз никогда не создавал ничего хорошего, в нём были только одни репрессии, тоталитаризм, цензура».

Брифинги американских официальных лиц почти полностью состоят из приёма «упущения» информации, например: «Америка славится своими демократическими устоями, поэтому наша демократия безусловно лучше». Тут применено так называемое сравнение с умолчанием, не понятно, с какой демократией происходит сравнение, и кому, когда, каким образом Американская демократия доказала свою устойчивость.

Искажение информации может осуществляться посредством нарушения причинно-следственной связи, перевода процесса в событие, созданием пресуппозиций и тому подобное. «Агрессивность России вынуждает НАТО включать в блок европейские страны». При этом полностью игнорируется тот факт, что на самом деле начиная с 1999 г. НАТО вплотную придвинулось к России.

Символизация – десимволизация (от др. греч. *σύμβολον* – знак, примета). Создание нового образа, значения, через определённые символы или придание символу нового значения. Предъявление знаков, не отражающих суть вещи, но являющихся неоднозначной заменой. Процесс десимволизации происходит посредством разрыва связи прошлого с его разделяемым в обществе смыслом.

В 1981 г. в Киеве была открыта монументальная статуя «Родины-матери», посвященная Победе в Великой Отечественной войне, под которой находится музей войны. Проект монумента стал разрабатывать автор статуи Родины-Матери в Волгограде Е. В. Вучетич, а после его смерти В. З. Бородай. Статуя уникальна тем, что впервые такое огромное сооружение весом 450 тонн, высотой в 102 метра было создано из цельносварной нержавеющей стали. Родина-мать держит в правой руке 16-метровый меч, в 9 тонн весом, а в левой – щит в 13 тонн, с изображенным на нем, размером 13х8 метров гербом Советского Союза – земного шара в обрамлении снопов, перевязанных лентами колосьев с надписями на национальных языках

союзных республик «Пролетарии всех стран – соединяйтесь» и перекрещенным серпом и молотом. После обретения Украиной независимости, националисты всеми силами пытались десимволизировать данный монумент. Предлагались различные проекты уничтожения памятника или замены символа на щите, но все они отвергались в связи с большой дороговизной и сложностью работ.

В 2015 г. во время праздника Победы, который был перенесен на Украине с 9 на 8 мая для солидаризирования с европейскими странами и назван «Днем памяти и примирения», альпинисты-руферы во главе с «Мустангом» «надели» на голову статуи огромный пластиковый венок из красных маков с сине-желтыми лентами. Красные маки символизировали изначально в странах Британского содружества и США память о жертвах Первой Мировой войны, а впоследствии и жертв всех военных и гражданских вооружённых конфликтов. Данный символ был разработан по инициативе Украинского института национальной памяти, его изображение включает в себя черное пятно (след от пули) в обрамлении лепестков мака (кровь жертв). Фактически такого рода десимволизация предпринята для национализации памяти о войне и отказа от как от советского образа победы – Красного знамени, водруженного над рейхстагом, так и от российского образа – георгиевской ленточки [383].

В 2018 г. один из авторов закона о декоммунизации, согласно которому на всей территории Украины должны быть убраны все монументы советского прошлого, бывший в то время директором Института национальной памяти В. Вятрович заявил: «Родину-Мать никто не будет демонтировать, но этот советский герб должен быть убран из общественного пространства. То ли срезанием, то ли демонтажем. Были разные предложения, кто-то говорил о тризубе, кто-то о еще каком-то изображении. Я предлагаю просто обычный щит без каких-либо попыток украинизировать эту советскую монументальную скульптуру» [399].

Еще одна попытка десимволизации статуи была предпринята в ноябре 2021 г.: «первоначальный замысел и советская эстетика этого сооружения не отвечает современным политическим и идеологическим требованиям общества. Поскольку эта женщина выглядит достаточно мужеподобно, а еще и держит в руках щит и меч, несложно будет превратить ее в статую архистратига Михаила – патрона нашего города» [365].

Наконец в августе 2023 г. под видом борьбы с советским наследием и деколонизацией на щите статуи был демонтирован советский герб и установлен украинский трезубец.

Текстуализация – детекстуализация (от лат. textus – ткань, сплетение). Данный процесс представляет собой организацию связи и последовательности знаковой системы, имеющей определённое значение. В другом направлении – разрушения таковой последовательности, до максимального понижения многозначности и примитивизации значений.

Образцом эпистолярного наследия XVI в. является переписка царя Ивана Грозного и его ближнего боярина и воеводу Андрея Курбского. Русский полководец, убоявшийся возможной опалы, а то и гибели от руки своего бывшего друга детства, бежал в Литву. Боярин в своих письмах упрекает своего царя в крайней жестокости опричнины по отношению к поданным и узурпации власти в своих руках. На это обвинение царь отвечал, что за свои грехи он ответит перед Богом, а вот то, что князь Курбский предал присягу и перебежал к врагам московского государства не простится ему никогда: «Ты же тела ради душу погубил еси и славы ради мимотекущая нелепотную славу приобрел еси, и не на человека возъярився, но на бога востал еси. Разумей же, бедник, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом сгнел еси!» [109, с. 12].

В настоящее время некоторые историки, преподносят Курбского не как предателя, а человека, восставшего против деспотии, некого первого диссидента.

По мнению Н.М. Золотухиной: «Курбский был прав, потому что он восстал против ложного мышления той поры и в этом и есть смысл писательства» [109, с. 5].

Однако, историк-академик Д. С. Лихачев придерживается противоположного мнения: «Князь Андрей Курбский был бы интеллигентом, если бы он, будучи военачальником, не «отъехал» от Ивана Грозного. Как князь он имел право выбирать своего сюзерена, но как воин, командующий войсками, он бежал не по-совести» [428, с. 35-36].

Визуализация – девизуализация (от лат. *visualis* – зрительный). Перевод образа, возникшего в сознании в форму изображения, которое существует в реальности или переформатирование картинки с целью её деструкции, придания ей другого значения или смысла.

В 1862 г. в Новгороде был открыт памятник «Тысячелетие России». Средства на памятник 150 тысяч рублей – собирались по всей России, еще 350 тысяч было выделено государственной казной. Памятник является не только высокодуховным и талантливым визуальным произведением искусства скульпторов и архитекторов М. Микешина, И. Шредера, В. Гартмана, но и имеет большое символическое значение. Не случайно во время оккупации гитлеровцами Новгорода монумент был взорван, ведь по плану нацистов Россия как государство никогда более не должна существовать, и советским реставраторам пришлось немало потрудиться, чтобы восстановить памятник. Однако, если постараться раскрыть значение размещенных 109 статуй или не нашедших своего места на памятнике исторических фигур, сыгравших ключевое значение в истории России, чье нахождение утверждалось лично императором Александром II, то обнаружатся некоторые смыслы, которые можно считать девизуализацией. Так, кроме московских князей Ивана Калиты, Василия III, царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, и даже деда Александра – Павла I, на памятнике не нашлось места для Иоанна IV Грозного.

При этом на памятнике расположены не только побежденные и коленопреклоненные: Мамай, литовец, ливонский рыцарь и швед, но и в качестве значимых для страны лиц, такие явные враги московского государства как князья Великого княжества Литовского Гедемин, Ольгерд, Витовт, предводитель их войск Константин Острожский и даже вдохновитель новгородского восстания Марфа Борецкая (Посадница), ратовавшая за присоединение Новгорода к Литве. В то же время на памятнике можно найти фигуры первой жены Грозного царя Анастасии, его сподвижников в государственных делах Сильвестра, А. Адашева, воеводы М. Воротынского. Объяснением этому может служить либеральный настрой и устремление императора Александра II всячески угодить польско-литовской шляхте, а также популярностью в то время сочинения «История государства Российского» Н. М. Карамзина, который опираясь на множество зарубежных мифов, демонизировал образ Иоанна IV, сделав основной упор не на его созидательных делах, а на жестоком терроре Опричнины.

Фетишизация – дефетишизация (от фр. *fetiche* – колдовской амулет) – создание либо разрушение сакральных образов, превознесение либо осмеяние чрезвычайно важных для значительной части людей духовно-нравственных идеалов.

Огромное сакральное значение, как место памяти, имеет Вечный огонь. Горящий факел в центре символической звезды, в окружении монументов и барельефов служит символическим напоминанием нынешнему поколению о подвиге советских солдат, которые превозмогая тяжесть ран и боль потерь, огонь и дым сражений, смогли преодолеть врага, о необходимости сохранять память обо всех павших в борьбе за свободу своей Родины. Именно поэтому совершаются различные попытки так или иначе разрушить такого рода священных образов.

Сегодня стали нередкими случаи глумления над Вечным огнем со стороны подростковых групп, сжигания на огне венков, и приготовления сосисок. В 2008 г. в городе Кольчугино Владимирской области за замечание

парням, распивавшим спиртное, в пламени сожгли молодого человека А. Денисова [364].

В Нижегородской области, в городе Дзержинск и поселке Дальнее Константиново в 2021 г. региональным отделением Газпрома «Газпром межрегионгаз Нижний Новгород» под предлогом законодательной неурегулированности данного вопроса (одни города и поселки по всей стране исправно платят, другие как города-герои и города воинской славы попадают под благотворительные программы) и длительной неуплаты за газ и накопившейся задолженности муниципалитета в несколько миллионов рублей был отключены монументы Вечного огня. После разгоревшегося скандала был уволен юрист компании, который заявил, что его руководство приказало ему возбудить дело по факту якобы «несанкционированного подключения двух мемориальных комплексов» и объем потребленного мемориалами газа был рассчитан «по методике и формулам его хищения из несанкционированных врезок», хотя они были официально подключены еще в период 1960-1970-х гг. [365].

В условиях серьезного европейского газового кризиса, роста цен и сложившейся задолженности по платежам в Молдавии, а также падения давления в трубах подачи газа на мемориальном комплексе «Вечность» и риске затухания пламени, и возможной утечке газа, Министерство обороны приняло решение об отключении Вечного огня. Солдаты почетного караула полка Генерального штаба перенесли огонь с мемориала на факел и отвезли его в Музей боевой славы мотострелковой бригады «Штефан чел Маре» на хранение [341]. Представляется довольно странным, что находящееся у власти в Молдавии националистическое правительство столь бережно обошлось с памятью о войне, в то время как нижегородские представители российского газового монополиста оказались настолько беспамятными.

Понадобилось личное поручение президента Российской Федерации Правительству Российской Федерации и Газпрому чтобы организовать бесплатную поставку газа «для обеспечения возможности постоянного

горения Вечного огня и периодического горения Огня памяти на воинских захоронениях и мемориальных сооружениях, находящихся вне воинских захоронений» [378].

Виртуализация – девиртуализация (от лат. *virtus* – возможный) формирование с помощью компьютерных и современных интернет-коммуникаций воображаемой, мнимой реальности (виртуальной), отражающей отдельные события истории без их последовательности и связи либо с множественными искажениями в образах прошлого, что в значительной степени форматирует понимание их значений.

В 2011 г. в социальной сети «Вконтакте» Антон Чадский создал виртуальный образ «Рашка-квадратный ватник». Взяв за основу, персонаж американской анимации Спанча Боба (Губка Боб-Квадратные Штаны), блогер «переодел» своего героя в ватную куртку, символ тяжелой работы, тюремного заключения [381]. Слово «ватник» стало презрительным наименованием людей, объявленных маргиналами, высказывающих пророссийскую точку зрения, со стороны сторонников демократии на западный манер. В квадратном ватнике Чадский высмеивает присущие, по его мнению, черты сторонников российской власти: рабская преданность вождю, пристрастие к горячительным напиткам, показное православие и ненависть к «просвещенному Западу» [391].

Чадский в ходе «Русской весны» заявил: «Русский воспитан в ура-патриотических традициях, он уверен в своей непобедимости, иррациональной, сюрреалистичной силе. НИКТО. НИКОГДА. НЕ ПОБЕЖДАЛ. РУССКОГО. СОЛДАТА. Но мы-то знаем, что это не так. Мы-то знаем, что Ванятку били и в хвост, и в гриву. И что Ванька силен миллионами других Ванек, что своими телами разминировали поля… Но я иногда ловлю себя на мысли, что неплохо бы в очередной раз проучить Ваньку. Накормить его войной по самую глотку, чтоб датчик патриотизма от нагрузки перегорел и стек жидкой, горячей подливой ужаса в стылом окопе. Это было бы справедливо. Это вылечит все комплексы, в том числе ракетно-смеющиеся. Я

думаю, миллионы россиян-неватников смогут создать на развалинах монструозной Российской квазиимперии относительное небольшие и успешные новые государства. Которые и вправду не хотят войны» [403].

Примитивизация и низведение образа победителей до негативно эмоционально окрашенных ярлыков «ватники», «колорадских жуки», имеет главной целью развенчание подвигов Красной Армии, представление ветеранов как нелюдей, одновременно реабилитируя идеологию нацистов.

Своеобразным специальным событием стала акция «Ватник года», состоявшаяся в декабре 2014 г. в Киеве, где А. Чадский заочно вручал «премии» выдающимся ватникам по разным номинациям. На фуршете присутствующим предлагалось отведать бургеры «Одесский Дом профсоюзов», ассорти «Волынская резня», салат «Груз 200», закуску «Печень ополченца». На десерт участником предложили скушать торт «Славянский младенец».

Примечание – Ироничная отсылка к непроверенной информации весны 2014 г., когда один из российских центральных телевизионных каналов показал интервью жительницы города Славянска, которая заявила, что после того, как город от ополченцев Стрелкова перешел под контроль Вооруженных сил Украины, солдаты распяли маленького мальчика на дереве во дворе одного из домов, это сообщение впоследствии не подтвердилось.

Для формирования симулятивных образов памяти, вышеописанные технологии возможно применять как в определённой последовательности, так и вместе, или вкладывая одну в другую, что повышает их эффективность.

Платформой для их воплощения является мультмедийность, которая представляет возможность не только создавать те или иные образы, претендующие на реальное существование, но и постоянно переделывать и переинтерпретировать их.

В постмодерне имеется понятие *«рециклирования»*, под которым понимается следствие объявленного «конца истории», постистории, в рамках которой происходит не линейное развитие событий, а их постоянное рециклирование, бесконечное повторение того же самого, обедненного образа. На смену классического восприятия постоянно длящемуся времени как

необратимому линейному процессу приходит *темпоральность* (локальное нелинейное время), подлежащее постоянной переинтерпретации. В этих условиях не возникает ничего принципиально нового, происходит глобальное и перманентное рециклирование прошлого, смешанного с настоящим до состояния полной неразберихи. Медиа постоянно муссируют одни и те же сюжеты, кино насыщается сиквелами и приквелами, по-разному трактуя образы одних и тех же героев.

Подводя итоги главы, необходимо сделать ряд выводов.

1) Историческое сознание представляет собой одно из воплощений (форм) общественного сознания и является специфическим отражением прошлого (отдельных событий, исторического процесса в целом) в виде его рефлексии на разных уровнях структурной иерархии, формах реализации представлений о минувшем времени и оказывающих ведущее воздействие на социальные традиции, обычаи, ценности.

2) Исторический образ находится в основе постижения прошлого, он являет собой высокую степень обобщения, схематизацию отражения прошлого, его перцепцию во всём разнообразии репрезентаций. Значение исторического образа в абстрагировании от сиюминутных предпочтений в его оценке и стремлении раскрыть то общее, что связывало социальную реальность, людей и события в далеком прошлом, который запечатлелся в памяти у участников и современников, передавался последующим поколениям, которые в свою очередь реставрировали либо реконструировали этот образ, а представители искусства и культуры воссоздавали его в художественно-публицистических работах, общество и научное сообщество подвергало его постоянной проверке, фильтровало посредством методов исторической критики.

3) Большое многообразие и различные формы может являть собой восприятие и понимание истории посредством образов, находящих своё отражение как в личностном, так и общественном сознании. Понимание прошлого с помощью не конкретного перечисления фактов и анализа событий,

а через чувственное восприятие посредством создания и репрезентации широкой аудитории произведений искусства: картин, скульптур, романов, песен, инсталляциях, которые передают содержание прошедшей эпохи), *образная история* (построение знания о прошлом в виде череды наглядных картинок, отображающих какие-либо аспекты минувшего, связанные между собой: музеи с визуальной экспозицией, иллюстрированные истории, предназначенные для восприятия прежде всего детьми, комиксы, трактующие в упрощенном визуальном виде хронологическую последовательность событий), исторические образы («фрагменты» прошлого в виде образов реальных или вымышленных персонажей, представленные в настоящем с определёнными характеристиками для возвышения либо низвержения), образы из истории (отдельные примеры прошлого для назиданий и поучений народа настоящего времени – *фолк-хистори*), образы в истории (раскрывают роль и место выдающихся людей в исторических событиях, показывают их как движущую силу развития общества, при этом зачастую умалчивая об объективных обстоятельствах, поднявших их на эту высоту), образы псевдоистории (полная замена ретроспективной реальности искусственно создаваемыми симулятивными конструкциями виртуального характера, которые вообще не имеют никакой связи с действительностью, но настолько яркие, творческие и привлекательные, что имеют особую убедительность для исторического сознания социума).

Глава 3
Управление историей как социальный механизм

Успешное развитие общества и уверенное движение в будущее немыслимо без осознания прошлого, рефлексии исторического бытия, поиска ответов на актуальные вопросы сегодняшнего дня в событиях прошлого. И тем больше интерес к истории, чем тяжелее социально-экономическое, политическое состояние того или иного социума в настоящем. По мнению В. О. Ключевского, именно здесь «пробуждается интерес к прошедшему более серьезный, чем обычное любопытство к делам минувших дней. Тогда люди, силясь уяснить себе связь и характер текущих явлений своей жизни, начинают спрашивать откуда эти явления пошли и к чему могут привести» [136, с. 365].

Общество нуждается в сохранении истинного взгляда на свою историю так как даже неприятные, но правдивые знания о прошлом, наряду с негативными последствиями своего влияния на развитие общественной жизни, в значительно большем объеме несут в себе позитивный заряд и направленность своего воздействия на личность, общество и государство. Другими словами, целостное историческое сознание выступает значимым фактором устойчивости общества, сплачивающим людей в результате понимания единой для всех исторической судьбы. Все это актуализирует проблему роли и места истории в стабильном развитии социума, управления ею как залога успешного, позитивного и эффективного развития общества в условиях геополитической нестабильности и хаоса.

3.1 Роль и место истории в стабильном развитии социума

Постоянное обращение к своему прошлому заставляет человека задаться вопросами нужности или необходимости исторической науки, её смыслового содержания, значения для настоящего и будущего, самой возможности

учиться не опыте прошло, который, по распространённому мнению, ничему не учит. Эти и другие вопросы приводят к необходимости рассмотрения роли и значения истории как череды прошлых событий в стабилизации общества настоящего времени и надежны на устойчивое развитие в будущем на фундаменте достижений и успехов ушедших поколений [450].

История выступает своеобразной материально-духовной практикой осмысления прошлого. Здесь также можно обозначить множество подходов к ее пониманию, большинство из которых возникли еще в эпоху античности.

Примечание – История в переводе с др. греч. ἱστορία – рассказывать, свидетельствовать, описывать.

Нарративно-приключенческий подход. Древнегреческий мыслитель Геродот одним из первых обратился к историческим изысканиям, став по выражению Цицерона «отцом истории». В VI-V вв. до н. э. появилось произведение «История», в котором Геродот описывает в основном греко-персидские войны. Под историей автор понимает повествование в форме изложения впечатлений от путешествий по разным странам, описание их географии, этнографии, военно-политического положения, всё это не подразумевает строгой фактологии, что подтверждается некоторой мифологичностью рассказов, тем не менее Геродот такое повествование считает важным для того, чтобы «прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности» [57, с. 2]. Другими словами, главное предназначение истории не фиксация хронологии событий и не их объяснение, а предотвращения забвения памяти о них.

Онтологический подход. У Платона реальность (в том числе историческая) представлена двумя мирами – идей и вещей: «подлинная реальность не материальна, и достоверное знание о прошлом, как и любое знание, доступно только с помощью воспоминания, поскольку душа до рождения в теле, находилась в мире идей и должна воскресить в памяти утраченные сведения» [438, с. 56].

В. Дильтей определял историю как некую «рациональную реконструкцию практики истолкования исторического опыта жизни как способа постижения объективированных форм духовной реальности» [99; 438, с. 56].

Рационально-гносеологический подход. Древнегреческий историк Фукидид, написал «Историю Пелопонесской войны» (431-404 до н. э.), где особое внимание уделял не только строгому описанию событий (свидетелем которых, он являлся сам), но и пытался отыскать их причины, подвергая слова очевидцев тщательной проверке. История, по его мнению, является рационалистическим поиском истины, в которой можно использовать даже мифологические сюжеты, обычаи, обряды, подвергнутые критическому рассмотрению. История для него – это философия в примерах [270].

Марксистская философская традиция (К. Маркс, А. В. Гулыга, и другие) рассматривает историческое сознание как познавательное отношение к миру, через мышление субъекта, познающего реальность этого мира в её изменчивости.

Прагматичный подход. Полибий, автор «Всеобщей истории» (150 г. до н.э.), посвященной становлению Рима в качестве политического центра Средиземноморья и войнам римлян с Карфагеном, пытался размышлять о истории как «наставнице жизни» [213; 438, с. 56]. Это такой необходимый прагматичный познавательный фон для личных рассуждений результативности и апофатичности разных форм государственно-политического устройства.

Художественно-альтернативный подход. Тит Ливий в своей «Истории от основания города», посвященной истории Рима от момента его возникновения до эпохи первого диктатора Г. Ю. Цезаря, стремился не столько к попытке точного выяснения исторических фактов, сколько к красочному описанию событий, речей исторических персонажей, которые он, не имея точных сведений, часто придумывал сам, придерживаясь лишь общих рамок исторического повествования [438]. Историка в полной мере можно

назвать отцом жанра исторического романа, получившего распространение в Древнем Риме, подвергнутого забвению в Средневековье, восстановленного в эпоху Возрождения и ставшего популярным XIX в. благодаря В. Скотту.

Тита Ливия, можно назвать также одним из основателей популярного в настоящем художественного жанра альтернативной истории [246]. Тит Ливий размышлял, о том, что случилось бы если Александр Македонский, не ушел так рано из жизни, а после своих громких побед на Востоке, столкнулся бы на Западе с набирающим силу Римом [438].

Хвалебно-оправдательный подход. Иудейский политик Иосиф Флавий, перешедший в ходе войны с Римом на его сторону, написал книгу «Иудейская война» (75 г. н.э.) в которой основное внимание уделил выражению благодарности императору Веспасиану, за свое спасение и во многом оправданию действий римских захватчиков при штурме Иерусалима [265]. Это некое оправдание за свои действия на фоне исторического описания происходивших событий, что является наглядным примером как историки, летописцы, политики в своих работах исходили не столько из желания сохранения истории для потомков, сколько занимались решением политических сиюминутных задач по возвышению или уничижению определённых исторических личностей, событий, фактов [450].

Каузальный подход. Предполагается, что события прошлого имеют значение не сами по себе, но их истолкованием, выяснением причин и последствий исторических фактов. Публий Корнелий Тацит (Римский мыслитель, автор работы «Истории», примерно 110 г. н. э) описал хронологию правления императоров [243]. Тацит считал необходимым истолковывать исторические факты, находя причины тех или иных решений политиков, а также приводя последствия этих решений [438].

Ценностно-морализаторский подход. В этом подходе хронология исторических событий не является главным, важен моральный посыл, пример жизни и деятельности великих людей прошлого, их поступки, речи, призывы и напутствия потомкам. Плутарх (греческий мыслитель времён Римской

империи) в работе «Сравнительное жизнеописание» (I-II вв. н.э.) проанализировал биографии великих людей того времени, военачальников, политиков, доимперского периода Рима и Греции. Как в благородных деяниях, так и превратных поступках в биографиях великих исторических персонажей обнаруживалось много сходных черт [211].

Провиденческо-телеологический подход. История рассматривается как промысел Божий, а все события – это путь к спасению. Августин Блаженный в противостоянии Града Земного и Града Божьего видит реализацию исторического пути, в конце которого Град Земной будет разрушен и пребудет Град Божий.

Примечание – С точки зрения Августина современная ему римская империя является «Вавилонской блудницей» – градом земным, в силу грехов, людей его населяющих, отпавшим от Бога и управляемым врагом рода человеческого, а религия (лат. re – восстановление; ligare – соединение) в понимании Августина означает именно восстановление утраченной связи между Богом и человеком.

Поэтому для Августина Блаженного не важны какие-либо особенности истории конкретных народов, а наиболее близка картина доказательств осуществления всеобщего искупления и ожидания спасения, которая по сути выступала в виде истории Церкви [2].

Революционно-прогрессорский подход. В эпоху Возрождения (Ф. Петрарка), а затем Просвещения (Вольтер [50]) и особенно в годы Великой французской революции (Ж.-А. Кондорсе [139]) возникло понимание истории как процесса прогрессивного развития человечества. Возникла философия истории, главная задача которой описание смысла истории, ее общей цели, движущих сил, а также закономерностей.

Социально-эволюционный подход. С точки зрения отечественного философа В. Е. Кемерова, история должна «дать характеристики происхождения, формирования, преобразования любых вещей, явлений, систем, протекания и трансформации любых процессов («естественная история»)» [130, с. 177].

Важно отметить, что исторические знания существенно влияют на социально-психологический климат в обществе, позволяют снижать уровень негативизации в восприятии настоящего, зная, как было и что было, спокойно и уверенно преодолевать трудности, невзгоды и лишения. Подобно тому как личностный опыт добавляет уверенности индивиду в разрешении проблем сегодняшнего дня, так исторический опыт даёт возможность социуму и личности справляться с возникающими препятствиями на пути к счастливому будущему. Другими словами, знание истории, своего прошлого способно оказать людям помощь в выборе стратегии своего развития, позволяет человеку по-новому взглянуть на окружающую действительность, нацеливает на поиск и реализацию на практике позитивных направлений улучшения качества своей жизни на основе принципа справедливости. В конечном счете история – это в первую очередь так называемый «школьный урок» на завтра, на будущее человека и общества, это наказ предков своим последующим поколениям в целях сохранения и преумножения исторической памяти, ценностей и суверенности социума. В этой связи актуальны слова известного французского поэта П. Валери о значении и смысле исторического прошлого: «История – один из наиболее опасных вымыслов человеческого ума… Она заставляет людей мечтать, опьяняет их, порождает ложные воспоминания, меняет привычки, не дает затянуться старым ранам, мучает в свободное время, вызывает манию величия или манию преследования и вызывает у народов чувство стыда, гордости, нетерпимости и тщеславия. История может оправдать все, что угодно. Она абсолютно ничему не учит, поскольку хранит любые примеры» [401].

Во все времена роль истории была важна, но в определённые моменты развития социума, когда обостряются социальные, экономические, политические проблемы, а государство слабеет, история становится важнейшим основанием для стабилизации положения, поэтому можно утверждать, что история является значимым регулятором развития общества, чему есть ряд объективных и субъективных причин:

– «время перемен» или любые резкие изменения в социальном устройстве, особенно при ослаблении государственной власти на фоне разрушения старых экономических, социальных, политических отношений и отсутствия устоявшихся новых;

– потребность и актуальность пересмотра общественно значимых духовных и нравственных ценностей, определяющих образ жизни и стратегию развития того или иного социума и связанных с переходом общества к новой модели государственного устройства;

– поиск в прошлой истории неких идеалов, способных обеспечить (мотивировать) развитие новой социально-политической и экономической модели общественного обустройства;

– боязнь за резкими изменениями в общественном развитии потерять свои исторические корни, память о действительном прошлом, культурные традиции, общецивилизационную идентичность;

– непреклонная потребность человека «осмыслить и обобщить исторические итоги уходящего тысячелетия и «заглянуть» в свое будущее» [427] и других.

Так, говоря о переходном периоде в государственном устройстве, смене моделей развития, которые в целом ведут к «цивилизационному сдвигу», можно обратиться к историческому времени распада Советского Союза и формирования новой российской государственности [438]. Хаос в общественной жизни, временные неудачи в экономической и политико-правовой сфере деятельности, неуверенность в завтрашнем дне породили много кривотолков не только среди простых граждан страны, но и политиков, и экономистов, и самих историков по вопросу о будущем России. Даже на Западе события той поры вызвали опасения за будущее России. В частности, американский советолог Томас Грэхем дал прогноз о том, какой станет Россия в начале XXI века: «Упадок России, свидетелями которого мы являемся, вполне может быть лишь временным, но быстрые перемены в современном мире, нынешние тенденции политического, экономического и военного

развития в Европе и Азии, по меньшей мере, увеличивают вероятность того, что этот упадок окажется окончательным. И потому нам следует серьезно и систематически думать о возможности мира без России» [76]. Именно вот при таких обстоятельствах необходимо, несмотря на негативные социально-экономические прогнозы и внешнеполитические угрозы, знать уроки истории, когда победы в настоящем были во многом основаны на памяти достижений прошлых поколений, их умения объединяться и действовать решительно и эффективно на благо Отечеству.

Посредством формирования и развития коллективного исторического сознания решается задача ценностного осмысления прошлого для настоящего и будущего развития социума.

Именно в формах социокультурной рефлексии прошлого, через непосредственное восприятие традиций прошлых поколений, народных обычаев, социальных ценностей, представляется историческое наследие, что служит действенным примером для общественного обустройства в будущем. Это весьма характерно проявилось в становлении и развитии России в XXI веке. Опора на свое прошлое, вера в опыт, результаты, традиции и ценности наших предков положили начало возрождению российской государственности, которая сегодня подвергается яростным нападкам со стороны западной цивилизации, не ожидавшей столь стремительного взлета России во всех сферах общественного развития. В этом цивилизационном противостоянии весьма заметно стремление Запада воздействовать именно на исторический стержень российских успехов, обрушить его, лишить значимости и надежности.

Указанные обстоятельства все ближе связывают направление развития социума сегодняшнего дня с его историческим прошлым, где наглядным примером являются не только победы, но и множество упущенных, неиспользованных возможностей, которые важно понимать и учитывать. Другими словами, прошлое приобретает достоинство настоящего, посредством использования его ценностных основ в будущем [436].

Стоит обратить внимание и на такой момент, как необходимость проведения реформ в социальной жизни общества, направленных на постоянное улучшение качества жизни граждан. Всегда в данном аспекте изменений возникают не только вопросы «Кто виноват в настоящих результатах?», но и вопросы «Что необходимо делать в первую очередь?», «На какие ресурсы следует рассчитывать?», связанные с проблемой выбора дальнейшей стратегии развития. Такие вопросы требуют обстоятельного и обоснованного ответа, ответственного и пристального взгляда на причины и условия сложившейся ситуации. Именно анализ прошлого и настоящего, выявление в них устойчивых закономерностей позволяет выделить и применить позитивные направления и стратегии развития на вероятное будущее. Стоит добавить, что при анализе прошлого субъектам общественного развития особо следует обратить внимание на условия, влияющие на направленность и результат их деятельности по достижению поставленных целей.

Так, среди этих условий важное место занимает важность оценки духовных ценностей, которые определяли образ жизни общества до настоящего (определенного исторического) момента. В прошлом российской государственности можно найти массу примеров касательно данной темы. К примеру, исторический период Смутного времени (1598-1613 гг.), который характеризуется переменой в положении государства. Причина перемены заключалась, по словам историка В. О. Ключевского, в том, что «...прервалось политическое предание, старый обычай, на котором держался порядок в Московском государстве XVI веке...» [135, с. 62]. Утрата твердой царской власти, определенная дискредитация главы государства чередой меняющихся на троне самозванцев, а также консолидацией всех слоев общества на борьбу за независимость страны, привело к переоценке роли народа в исторических событиях. «Рядом с государевой волей, – отмечал В. О. Ключевский, – а иногда и на ее месте теперь не раз становилась другая политическая сила... – воля народа» [135, с. 64].

Социокультурные ценности, встроенные в повседневную жизнь социума, не должны меняться резко, не получив относительного общественного консенсуса, не учтя мнения разных поколений. Особенно следует быть осторожным в отношении людей старшего поколения. Если обратиться к истории распада Советского Союза и становления молодой России, то следует заметить, что поколение, выросшее в условиях советской действительности, весьма болезненно перенесли переоценку духовных ценностей советской системы. Новый подход к трактовке исторических событий у людей той, советской, эпохи вызывал непонимание, раздраженность, психологическую боль и страдания. Это и понятно – ведь то прошлое – это их жизнь, ими была сделана собственная история, что позволило сформировать ценности, традиции, стереотипы, взгляды. В то же время молодежь довольно быстро приспосабливалась к новым ценностям и новым интерпретациям времени, которое оно не застало и прошлое для него сохраняло некоторый интерес лишь в плане удовлетворения житейского интереса и любопытства. Такая историческая оценка прошлых событий у молодого поколения во многом формирует негативное и даже нигилистическое отношение к минувшим дням. А для людей, родившихся в прошлой истории и живущих ею – всё наоборот. Как результат, такое противоречие не лучшим образом сказывается на социально-психологическом состоянии определённых групп общества, ставит под угрозу связь поколений, гражданский мир и целостность общественного сознания.

Например, в СССР были известны и почитаемы имена героев войны и труда, о них снимали фильмы, писали книги, статьи, в результате чего в массовом сознании общества сформировалось позитивное восприятие таких имён и персонажей как маршал Жуков, Зоя Космодемьянская, пионеры герои, «Молодая гвардия». В постсоветское время произошла кардинальная переоценка этих личностей и их деяний, из героических персонажей они превратились в объекты для инсинуаций и политических нападок, в результате приобрели негативный образ в формировании прошлого страны. В результате

вместо социального согласия и поддержки со стороны всего населения страны в оценке ее истории – произошло формирование прямо противоположных позиций: нейтрально-любознательного отношения и резкого неприятия смены ценностных ориентиров.

О причинах актуализации роли исторического сознания в жизни общества и человека говорит и необходимость аккумулирования имеющихся знаний о прошлом, повышения статуса исторической науки в целях передачи современникам опыта предшествующих поколений, осознания места и роли общества и личности в историческом процессе, выработки соответствующих ценностей, образцов и норм поведения, а также использования исторических знаний в политико-идеологическом противостоянии со своими оппонентами. У общества, государства и личности всегда есть потребность обращения к своему прошлому, к своим историческим корням (особенно в тяжелые кризисные периоды своего развития) для поиска ответов на вечные вопросы своего бытия.

В этих условиях богатый опыт предшественников служит обществу теоретико-практическим, духовно-нравственным и научно-интеллектуальным наследием, выступает неоценимым ориентиром, помогая по-новому осмыслить и оценить пройденный страной исторический путь, наметить то, что необходимо сделать для успешного развития страны [438].

Эти и другие причины возрастания роли и значения истории в стабильном развитии общества весьма взаимосвязаны и последовательны; они вызывают у субъектов общественного развития необходимость продолжать и наращивать поиск жизненно смысловых ценностей в историческом прошлом в целях реализации стратегических ориентиров своего цивилизационного становления [438].

Возрастание роли истории в общественной жизни обусловлено не только обозначенными причинами, вызванными в основном с кризисными явлениями, присущими любому социуму в его развитии, но и необходимостью обращения к общему накопленному опыту, знаниям предыдущих поколений.

А это возможно только при обращении к тем функциям, которые выполняет история в постоянной череде сменяющихся друг за другом общественных явлений и процессов. К числу основных функций следует отнести следующие: методологическую, мировоззренческую, аксиологическую, аккумулирующую, аналитическую, фактологическую, идеологическую, гуманистическую, информационно-объяснительную, коммуникативную, критическую, пропагандистскую и ряд других [458].

Так, значение *методологической функции истории* состоит в том, что она фиксирует роль истории в подтверждении примерами из прошлого хода и исхода многих законов действительности, способствует их пониманию и участвует в процессе создания новых устойчивых повторяющихся явлений. «История есть наука о минувшей действительности, предшествующем развитии, о том, что когда-то произошло или случилось с человеком, народом, обществом в целом. Тем самым история сводится к простому анализу событий, процессов, состояний, так или иначе канувших в Лету, то есть все дальше и дальше уносимых от нас водами реки забвения» [69, с. 3].

Соответствующие методологические средства позволяют истории решать задачи общественного обустройства, активнее участвовать в процессе познания явлений реальной действительности, формировать у человека необходимых навыков познавательной деятельности, связанных с пониманием и применением исторического знания на практике. Не стоит забывать и о том, что вся фактура исторических событий, ее методологические средства и возможности используются другими науками (экономикой, политологией, философией, социологией и другими), что позволяет им расширять свои возможности в познании явлений и процессов социальной действительности.

Весьма значима и *мировоззренческая функция истории*. Мировоззрение как понимание устройства мира и нахождения человеком своего места в нем тесно связана с идеологическим выбором, определением интересов личности и социальной общности. История оказывает помощь в обретении своего

положения в обществе, изучение исторических примеров, фактов, поведения исторических героев позволяет уяснить свое предназначение и жизненные цели.

Идеологическая функция истории состоит в том, что именно, исторические знания образуют содержание и направленность идеологии любого государства, любого социального образования, находят свое выражение в важнейших идеологических конструктах, определяют суть базовых идеологических категорий, таких, как свобода, демократия, равенство, братство и дркгих. Ход общественного развития свидетельствует о том, что нет ни одной идеологии, которая не содержала бы в себе исторический аспект. Историю можно понимать, как основу идеологии господствующего класса. Уместно вспомнить по этому поводу слова классиков марксизма о том, что «...история становится, таким образом, простой историей предвзятых идей, сказкой о духах и призраках, а действительная, эмпирическая история, составляющая основу этой сказки, используется только для того, чтобы дать тела этим призракам; из нее заимствуются необходимые имена, которые должны облечь эти призраки в видимость реальности. При этом эксперименте святой часто сбивается со своей роли и пишет неприкрытую сказку о призраках» [174, с. 116].

Несомненно, определяющей в общественном развитии выступает и *аксиологическая функция истории*, ее потребность в оценке тех исторических событий, явлений, процессов и фактов в контексте прошлой деятельности как общества в целом, отдельной социальной общности (группы), так и личности в экстраполяции их на современность. Ценность исторических знаний состоит в том, что история позволяет понять цели развития общества, осознать законы социального бытия и в конечном счете, устанавливать соответствие поступков людей требованиям исторического времени [458, с. 107].

Стоит подчеркнуть и такой важный момент, как оценка характера тех или иных событий прошлого в рамках их использования для развития и культивирования принципа гуманизма и других. Важной особенностью

исторического процесса является последовательное, восходящее продвижение человеческого общества по пути прогресса, которое в полной мере должно способствовать воплощению на практике идеи человека как высшей ценности, созданию условий для его самореализации, исторически обоснованных прав и свобод.

Следует обратить внимание и на *аккумулирующую функцию*, состоящую в том, что благодаря накапливанию в рамках истории социального опыта, идей, обычаев, ценностей, которые делают возможным достижение задач общественного развития, мерилом качества жизни как общества, так и личности. Более конкретно ее содержание включает в себя:

– предназначение истории накапливать и сохранять опыт предыдущих поколений;

– создание условий для формирования исторического сознания;

– способствование уверенности людей в их будущем, на основе их исторической памяти;

– выявление закономерностей исторического процесса и формированию научной основы для осуществления целенаправленного воздействия на поступательное развитие общества в будущем и другое.

Как представляется, к числу важных функций истории, определяющих развитие общества, относится и *коммуникативная функция*. Ее содержание включает в себя следующие аспекты: история способствует межпоколенческой коммуникации, позволяет взаимодействовать с представителями иных цивилизаций, устанавливать устойчивые связи с носителями и разных культурных кодов во имя общего прошлого и перспективного будущего, Крым и Новороссия сегодня выступают в качестве примеров такого исторического прошлого и настоящего.

Наконец, в рамках *культурологической функции истории*, следует выделить возможности истории в восприятии культурных процессов, выработке уважительного отношения как к культуре человечества в целом, так и культуре различных народов, этносов, наций, отдельных стран.

В рамках *управленческой функции истории* ее можно понимать как руководство общественными процессами развития социума и личности на основе новой трактовки и пересмотра событий прошлого. Понимание всякого процесса управления общественным развитием, его преемственности, направленности, специфики требует обращения к историческим предпосылкам и истокам возникновения, то есть к истории данного процесса. В этом ключе история, ее события и факты дают многогранную пищу для выбора из всего исторического многообразия необходимых моделей, алгоритмов, способов эффективного решения задач общественного развития. Это, в свою очередь, позволяет субъектам общественного развития трактовать исторические знания в угоду своим политическим, идеологическим или экономическим интересам. Историк А. М. Руткевич писал по этому поводу: «Историю начали писать люди, желавшие сохранить память о героях прошлого для потомков, показать ошибки и преступления правителей в качестве урока для нынешних и будущих, восславить свой город или государство. Мы постоянно сталкиваемся с такого рода текстами и поныне – изменились лишь средства. То, что в учебниках по национальной истории присутствуют практические цели, ни для кого не является секретом, поскольку на уроках истории нужно в том числе и воспитывать будущих граждан. Партийная пропаганда, информационные войны, юбилеи, смена одних памятников другими – все это и многое другое имеет отношение к практическому использованию исторических знаний. Немалое число историков и философов считает это неизбежным, и выбор имеется лишь между «хорошим» и «дурным» использованием» [232, с. 30].

Итак, история выполняет ряд взаимосвязанных между собой функций, посредством которых она раскрывает свое содержание, направленность влияния на характер и результативность общественного развития. Наличие и проявление указанных и других функций в блоке с обозначенными выше некоторыми объективными и субъективными причинами, обозначает историю как важнейшую основу развития общества и личности. В этом представлении

история имеет ряд особенностей:

1) история как управление государством (управление людьми, ресурсами, социальными структурами и другое);

2) история как объект современной политики;

3) история как основа стабильности или дестабилизации, консолидации или разобщенности, позитивного или негативного вектора развития общества и так далее;

4) история как область творчества;

5) история как искусство памяти.

Остановимся кратко на их характеристике.

1) История как управление государством (управление людьми, ресурсами, социальными структурами и другое). Практически всегда государственность (в России и других странах) уходила корнями в историческое прошлое, что позволяло поддерживать и развивать конструкцию управления процессами в современности. Точнее сказать, история выступала тем основным базисом, на котором строилась вся управленческая деятельность в России, будь то действия власти, или же действия оппозиции.

Очевидным является тот факт, что непонимание значения или отказ от своей истории приводят человека к тому, что он перестает быть самостоятельным, становится слабым и зависимым, утрачивает свою первозданную силу. Пробелы в исторических знаниях показывает низкую культуру личности и всего общества… Вот почему любое государство в лице новой власти старается монополизировать свое видение на прошлые события, на весь ход исторического процесса. Другими словами, история выступает средством управления со стороны государства, когда с ее помощью обосновывается преемственность поколений и развития страны по определенному культурному вектору или напротив, ссылками на неправильный исторический путь обосновывается необходимость возвращения к «подлинным» истокам. Наглядный пример – Украина, где захватившие власть нацистские радикалы тщательно стирают историю

прошлого и пытаются в кратчайшие сроки сконструировать новую память о прошлом, что имеет немаловажное практическое значение, поскольку важнейший смысл истории состоит в том, что она является ключом к пониманию происходящего в настоящем [402]. А также служит своего рода фундаментом для построения лучшего будущего.

Проведем снова исторические параллели в качестве примера. Обратимся к истории Китая, насчитывающей тысячелетия, где к истории относятся с почтением, тщательно охраняют и делают все, чтобы её преумножить. Или же возьмем историю Америки, где в условиях реального отсутствия глубоких корней истории, к ней относятся трепетно и всеми силами пытаются создать ее – порой даже из ничего. Наверное, потому что власти этих государств по-особому понимают глубокий смысл и значение истории, хорошо осознают, что общее знание и уважение к ней максимально сплачивает народ, позволяет успешно решать проблемы позитивного общественного развития. В этих условиях восстановление подлинной государственности, опирающейся в своем развитии на прошлые ценности, традиции, духовно-нравственные устои, представляет собой использование истории как средства управления со стороны государства.

К примеру, позитивная направленность развития России заключается в восстановлении, воссоздании первоначального смысла истории страны, истории государства. Причин для этого немало. Только миновал советский период, где государство не раз «переписывало» историю в своих целях, по-своему трактовало исторические события (объясняя их «как надо»). Сегодня россияне сталкиваются с активными и настойчивыми попытками переписать заново историю российского государства со стороны как «геополитических партнеров», так и их друзей внутри страны. О недопустимости такого рода действий не раз говорил лидер страны В. В. Путин. Нельзя расценивать иначе как провокацию множество низкопробных «фильмов об истории», иных «художественно-исторических» работ, которые искажают и умаляют достоинство истории России. Ложь о советском периоде, свидетельствует

целенаправленном и планомерном характере этих действий. Фильмы: «Матильда», «Номер 44», «Смерть Сталина» – как раз яркие примеры подобного рода антигосударственного, бескультурного и антинародного творчества, разрушающие его единство, знание и понимание своей истории [402].

Данный подход к пониманию истории как средства общественного развития со стороны государства (в его позитивном аспекте использования) весьма содержательно отражен в книге О. Ю. Малиновой «Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности». В данной работе приведены примеры использования исторического прошлого (отсылок) во всех президентских посланиях современной России, согласно которым российская государственность сможет преодолеть препятствия и продвигаться вперед. Согласно исследованию Малиновой, «в шести обращениях Б. Н. Ельцина к Федеральному Собранию РФ фигурировало 46 ссылок на события российской истории, в 8-ми посланиях двух первых президентских сроков В. В. Путина – 22, в 4-х посланиях Д. А. Медведева – 21, в 3-х посланиях третьего президентского срока В. В. Путина – 28 (поскольку один из фрагментов послания 2012 г. содержит ссылки на события XX в., имевшие место как до, так и после 1917 г., в контент-анализе этот фрагмент фигурировал сразу в трех категориях)» [165, с. 134-136]. «Историческая составляющая посланий Президента выглядит следующим образом: 7% – в общей массе упоминаний о прошлом события и явления дореволюционной истории, 16% – ссылки на деятелей отечественной культуры, 21% – оценки постсоветского периода, 23% – воспоминания о советской эпохе и 33% – рассуждения общего характера» [165, с. 135-139].

Следует отметить также, что как правило используется обобщенный исторический образ прошлого, как, например, образ «тысячелетней России», конкретных ссылки обращены к советской и постсоветской истории.

Однако, конституирование новой ценностной идентичности не способно реализоваться без переоценки своего прошлого. Поэтому, государство всегда будет использовать историю как наглядный пример и условие для успешности и результативности в своем управлении общественным развитием.

2) История как ресурс и объект современной политики. Использование истории как науки и совокупности исторических фактов прошлого в жизни каждой страны в качестве метода информационного противоборства – явление распространенное и довольно частое. Можно вспомнить ряд высказываний известных историков, которые говорили об истории как о ресурсе и объекте современной политики в своих целях. В частности, можно встретить высказывания, приписываемые тем или иным мыслителям и государственным деятелям, превратившиеся в популярные афоризмы: «История есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего» (М. Н. Покровский), «Знакомство с современной политической жизнью бросает важный свет на политику прошлого, то есть историю, и взамен получает свет от нее» (Э. Фриман), «История есть не что иное, как практическая политика» (Ж. де Местр), «История – это политика, которую уже нельзя исправить. Политика – это история, которую еще можно исправить» (З. Графф), «История – это образ прошлого, создаваемый историком по правилам определенной теории» (Г. И. Герасимов) и других, которые подчеркивают интерес к истории со стороны политических сил.

В любых исторических условиях история как ресурс правящей политической элиты формируется и используется исходя из политической необходимости и сиюминутного запроса. Здесь очень важно, чтобы политическая конъюнктура не затмила историческую истину, не разрушила исторический поиск, а напротив способствовала проявлению того интереса, без которого невозможен трезвый аналитический взгляд на прошлые события в целях моделирования современных событий на будущую перспективу. Необходимо всемерно препятствовать переписыванию истории, для обоснования политической власти. В. О. Ключевский высказывал мысль, с

которой необходимо согласиться: «история народа, научно воспроизведенная, становится приходно-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего – сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит к практическим потребностям текущей минуты, требующей от каждого русского человека отчетливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо» [135, с. 60-61].

Манипуляции историей обладают многовариантным характером, имеют многовекторное распространение, использование и влияние. Вспомним советский период и использование истории как прошлых событий и фактов в идеологическом ключе, частое использование (причем в научной среде) таких понятий как «классовость» и «партийность», в оценке прошлого. В постсоветский период при формировании молодой российской государственности для оценки минувших дней была создана формула «правда исторического факта».

Как правило, наряду с правящей элитой любого государства существовала оппозиция, которая всячески пыталась с помощью истории, исторических фактов подорвать силу и легитимность официальной власти. Именно предпринимаемые оппозицией усилия в первую очередь направлены на размывание исторического сознания народа, вызваны стремлением породить у него сомнения, иллюзии, непрочность в отношениях к официальной политике с помощью сконструированных и культивируемых в обществе своих концепций исторического прошлого. Так, например, происходило накануне распада Советского Союза, когда все силы оппозиции были направлены на создание негативного образа всего советского прошлого с разрушением имевшихся ценностей, традиций, жизненного уклада, отрицанием наличия любого позитива в жизни советских граждан. В

частности, в середине 80-х годов прошлого столетия в Советском Союзе в стали в большом количестве появляться публикации, касающиеся недавнего прошлого, например, периода перед войной, характеризующегося сталинскими репрессиями, самого начала Великой Отечественной войны с отступлением армии (массовой сдачей в плен), далее послевоенные годы, хрущевская «оттепель», брежневский «застой» и другие события трактовались со стороны появившихся либеральных мыслителей, как самые трагические и неудачные периоды в жизни государства и общества. Трактовка указанных и выпячивание других исторических событий, таких как массовые репрессии, преследования инакомыслящих были направлены на дискредитацию советского строя и образа жизни при практически полном замалчивании громадных успехов в экономике, науке, духовной сфере, улучшении качества жизни граждан страны, возрождении национальных культуры и языка народов страны и других достижений. Как представляется, эти, несомненно, скоординированные действия оппозиции были направлены на подрыв не только государственных устоев, но и исторического, ценностно-смыслового бытия граждан страны.

Порождение такого отношения к государству, политической власти есть прямой путь к противостоянию с ними, свержению прежних идеалов и направление к новым социальным потрясениям.

Особенно ярко данная тенденция проявилась по отношению к Великой Отечественной войне. Были предприняты меры для объединения страны на основе общей, разделяемой подавляющим большинством граждан, идеи значимости и важности для настоящего Великой Победы. Праздник 9 мая был признан самым светлым и памятным днем в жизни страны, как день героизма и стойкости прошлых поколений. В то же время здесь особо проявились позиция и стремление оппозиции к очернению истории страны в указанный период. Появились и активно распространялись мифы, дискредитирующие Великую Победу, в частности, миф о Сталине как о бездарном руководителе государства и главнокомандующем, миф «о Великой Отечественной как

продолжении Гражданской войны» и другие. Писатель Е. Никитин отметил, что «это вызвано прежде всего тем, что заказ на «другую историю» требовал поиска «другой войны». Но труднейшая Победа, сила народного духа и героизм никак не уживаются с образом порочной общественной конструкции...» [367]. Крайне опасен среди указанных мифов «о цене Победы», неоправданных потерях, которыми был «оплачен» разгром нацизма, которых якобы можно было избежать. Этот миф преподносится массовой аудитории и сегодня как «правда» о бездарном руководстве советских военных полководцев. Да, цифры огромные (более 26 миллионов человек), но это в основном потери мирных граждан. И разница в потерях Советского Союза по сравнению с Германией заключается в том, что Красная Армия (впоследствии – Советская) воевала с Вермахтом, а гитлеровцы воевали со всем населением страны. За освобождение Европы отдали свою жизнь около 1100 тысяч человек и 2300 тысяч получили ранения.

«Стремление определить «стоимость» Победы, которая видится «слишком дорогой» – отмечает доктор исторических наук, профессор И. М. Ильинский – само по себе бессмысленно, не говоря уже о его безнравственности. Победа бесценна. Тем более бесценна потому, что в войне с СССР Гитлер ставил цель не просто овладеть территорией и богатством нашей страны, но искоренить русский народ. Искоренить – значит уничтожить всех – от мала до велика» [367].

Таким образом, историческое прошлое выступает, с одной стороны, как объект политики настоящего, с другой стороны, является ресурсом в политической деятельности, который систематически и целенаправленно используют правящие политические круги, а также оппозиция, стремящаяся нападками на историю, искажением исторической реальности полностью заменить ее в общественном сознании людей (конкретно – россиян) [438].

3) История как фактор стабильности (дестабилизации), консолидации (разобщенности), позитивного (негативного) вектора развития общества.. Уже подчеркивалось, что отношение к своей истории, к своему прошлому

выступает важной характеристикой развития современного общества, в частности, данный тезис весьма применим к современной России. История опосредованно оказывает серьезное влияние на методы решения общественных проблем. Она оказывает разновекторное влияние на функционирование и развитие общественных отношений. Актуализация истории как фактора развития общества в современных условиях позволяют выделить два прямо противоположных вектора (направлений) воздействия на данный процесс.

Во-первых, история сегодня выступает фактором *стабильного, консолидированного и позитивного* развития общества. Действительно, позитивные исторические примеры общественного развития российской действительности сказываются на стабильности ее функционирования, движут общественные массы на свершения и успехи. Взять, к примеру, значение Великой Победы. Результаты опросов показывают, что Великая Победа стала фактически опорной точкой российского национального самосознания. Это может быть объяснено социальным запросом, основанном на памяти Победы в Великой Отечественной Войне, желании объединиться в коллективной идентификации как наследников Великой Победы. Почему данный исторический пример служит примером стабильного развития России? Во-первых, гордость и почтительное, уважительное отношение к подвигам предков выступают мотивом позитивных действий современников в общественном развитии. Во-вторых, отношение к своей стране, желание и готовность ее защитить способствует восстановлению преемственности в череде долгих исторических событий общественного развития российской государственности. В-третьих, потребность в познании прошлого стимулирует участие истории в процессе общественного развития настоящего. Именно в процессе продвижения в познании прошлого формируется новая историческая память и другое.

В качестве обоснования выдвинутых тезисов обратимся снова к теме Великой Победы, именно в ее значении и смысле кроются все обозначенные

особенности истории как фактора развития общества. Так, история в качестве стабилизирующего фактора в развитии общества, его позитивной направленности говорит о том, что основным источником Великой Победы Советского Союза являлась объединение всех народов многонациональной страны на борьбу с врагом.

Духовным и морально-нравственным фундаментом стойкости солдата и тружеников тыла стала «святая вера в справедливость тех целей, во имя которых его страна и народ вели вооруженную борьбу, вера в непобедимость своего многонационального Отечества и исторические традиции освободительной борьбы российского народа. Слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!», прозвучавшие в Обращении к советскому народу в первый день Великой Отечественной войны, были созвучны с чувствами подавляющего большинства граждан страны» [389].

Как видим, Великая Отечественная война, ее величие и ценность служат и сегодня мощным импульсом развития российского общества, способствуя упрочению духовности, силе, цивилизационной идентичности и самобытности российского социума. По словам авторов монографии «Всегда Великая Победа» «Память о войне, всесторонний анализ хода и результатов боевых действий, военных удач и неудач, источников Победы для современников имеют не только научно-познавательное, духовное, патриотическое, воспитательное значение, но и сугубо прагматическое, позволяя извлечь ценные уроки, сделать важные выводы для настоящего и будущего страны, её национальной безопасности (добавим – и общественного развития)» [111, с. 16-17].

О консолидирующей роли фактора истории, ее роли в сплочении нации также много написано и проговорено. В сложной (достаточной конфликтной) внутриполитической ситуации постперестроечного времени обращение к объединяющей ценности Великой Победы способствовало объединению российской нации, сохранению и упрочению хрупких общественных отношений. Важным историческим символом того периода стала

всероссийская акция «Бессмертный полк», родившийся как народная инициатива в целях сохранения памяти о Великой Победе, через сохранение памяти о своих предках-участниках Великой Отечественной войны и гордости за их подвиг, инициатива в короткое время стала всероссийской.

Знаменитое изречение поэтессы советского времени Ольги Берггольц «никто не забыт и ничто не забыто» становится рецептом выживания современного общества. Годы уходят, а память остается, служит мощным консолидирующим импульсом российской нации, способствует его сплочению именно на историческом примере.

И еще несколько слов о позитивном в истории. Традиционно русский, советский и российский солдат в отличие от иноземцев всегда высоко соблюдал обычаи воинского служения с честью выполнять свой долг перед Отчизной. Так было в годы борьбы с татаро-монгольским игом, в битве под Полтавой, в Отечественную войну 1812 года и в годы Великой Отечественной войны. Верность воинскому долгу помогла сплотиться труженикам тыла, окрепнуть дружбе народов Советского Союза, возродить веру в Великую Победу. В совокупности эти и другие факторы и условия в конечном счете привели к разгрому одной из самых сильных армий мира того времени, позволили стране сохранить свою идентичность, независимость, свободу и самобытность.

Именно эти черты поколения прошлого, так называемого военного лихолетья, помогают сегодня выстоять в условиях санкционного давления Запада на российское общество, сплочено и достойно отвечать на агрессивные выпады блока НАТО и США в адрес стремления России к сохранению и защиты «русского мира». В этом как раз и заключается значение фактора *стабильного, консолидированного и позитивного* развития общества на примере исторического прошлого страны.

Во-вторых, история одновременно является фактором *дестабилизации, разобщенности, негативного* в развертывании общественных процессов развития. В качестве примера можно говорить о нынешней ситуации на

Украине, в ее противостоянии с Российской Федерацией на фоне проведения последней спецоперации по денацификации и демилитаризации украинской стороны. Сегодняшние события весьма ярко напоминают исторические события 60-х-70-х годов прошлого столетия, когда роль и влияние малых государств в межгосударственных отношений возрастала и кардинально менялась, становилась причиной многих изменений в общественных процессах.

Так, например, было в период действия Варшавского Договора и Совета экономической взаимопомощи (далее - СЭВ), когда Советский Союз из ключевого игрока и главного партнера социалистического блока постепенно терял свои позиции и перестал восприниматься как лидер противостояния с западным сообществом. Если в начале создания социалистического блока роль СССР как лидера не подвергалась сомнению, то постепенно местные политические элиты стали играть весомую роль. В частности, в период брежневской эпохи Советский Союз начал фактически отчитываться перед соратниками по Организации Варшавского Договора за те или иные внешнеполитические решения. Лидеры союзных социалистических стран стали принимать участие в обсуждении важнейших внешнеполитических действий СССР. Это, в конечном счете, привело к тому, что Советский Союз был вынужден учитывать, а порой и подчиняться мнению и позиции лидеров таких стран, как ГДР, Чехословакия, Польша, Венгрия и других.

Похожая ситуация складывается сегодня на Украине, а точнее, с Украиной. Все больше увязая в военном конфликте на Украине, снабжая ее финансами и оружием, западные страны в значительной степени стали испытывать на себе великодержавный шантаж и влияние украинской власти в плане выполнения ее условий и требований как форпоста борьбы с имперскими замыслами России (по выражению Киева). Поступают сплошные просьбы и заявки на снабжение ее оружием, ресурсами и всевозможной помощью, чего бы ранее Запад не позволил бы никому. Но цель оправдывает средства!

Другими словами, исторические примеры прошлого сегодня говорят о том, что так называемые малые страны нередко выступали и выступают инициаторами кризисных ситуаций или иным образом влияли и влияют на своих покровителей. Принято считать, что союзники великой державы – всегда сателлиты, не обладающие собственной субъектностью. Но исторические примеры корейской войны, карибского кризиса, холодной войны и других показывают, как гегемон становится ведомой стороной конфликта [118].

Таким образом, история может и выступает в роли дестабилизирующего фактора в развитии любого общества. Так, известный отечественный военный историк В. Г. Кикнадзе в своей работе «Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России» приводит такой факт. «7 мая 2010 г. «Комсомольская правда» в рубрике «Читательский форум» опубликовала весьма неоднозначную подборку откликов читателей на обсуждавшую в интервью с депутатом Государственной Думы, профессором МГИМО В. Р. Мединским проблему необходимости общего учебника истории для стран СНГ. Так вот, несмотря на кажущуюся первоначально «альтернативность» мнений, сводились они к одному знаменателю: это не реально – пусть пишут, что хотят – этот учебник никогда не будет создан – время ещё не настало – единая история была. Таким умелым способом СМИ давали понять российскому обществу о бесперспективности усилий по сохранению исторического прошлого и даже намекали на отсутствие такового» [131, с. 268].

Необходимо учитывать факты целенаправленного воздействия некоторых субъектов общественного развития на массовое сознание граждан страны с помощью истории, которые направлены в первую очередь на раскол общества, дестабилизацию обстановки, потерю уверенности в своих успехах и достижениях прошлого. Поэтому в области исторической интерпретации событий и фактов следует быть осторожными и внимательными.

4) История как область творчества. В настоящее время отмечается

деятельность исследователей исторических событий через их личностную интерпретацию, абсолютизацию индивидуального восприятия. В силу данного обстоятельства в социогуманитарном знании закрепляется мысль о том, что деятельность любой личности в истории является главной движущей силой исторического процесса [438]. Но эта деятельность может быть сконструирована, весьма правдиво и творчески обыграна, преподнесена читателю как нечто важное и состоявшееся в череде исторических событий. Об этом весьма четко говорит В. В. Дегтярев в работе «Прошлое как область творчества» (2018): «Размышления о прошлом постоянно заводят нас в разные мыслительные ловушки. Когда мы говорим, что в XX и XXI веках прошлое постоянно становится объектом разного рода переосмыслений и прямых фальсификаций, мы ломимся в открытую дверь, не замечая, что различные (и, главное, совершенно искренние) способы переигрывания прошлого постоянно присутствовали в культуре, не подразумевая никаких идеологий» [84, с. 11]. Для иллюстрации подобного приема автором выбраны различные исторические сюжеты, примеры и события. Но они все (хоть и по-разному) подтверждают мысль о том, что история выступает в том числе областью творческого применения авторского умения к оценке исторических событий. Показательный отрывок из работы автора.

«Голландский художник Хан ван Мейгерен (1889-1947) начал свою карьеру фальсификатора с того, что в 1923 году написал и продал две картины, якобы принадлежащие Франсу Хальсу. Подделку раскрыли, но имя фальсификатора почему-то не было предано огласке. К следующему своему предприятию он готовился куда тщательней. Для того чтобы изготовить серию картин евангельского содержания, которые можно было бы приписать Вермееру Дельфтскому, вану Мейгерену пришлось изучить не только манеру художника и живописную технику его времени, но и все, что было написано о нем искусствоведами. И вот в трудах Абрахама Бредиуса, крупнейшего специалиста по Вермееру, он нашел те построения, на которые можно было опереться фальсификатору. Известно, что ранние работы Вермеера

значительно отличаются по стилю от его знаменитых поздних картин. Бредиус постулировал необходимость существования неких несохранившихся или ненайденных полотен Вермеера, которые заполняли бы стилистическую лакуну и временной интервал. Ван сумел ответить на этот вызов. И если бы он позднее, уже во время оккупации Нидерландов, не продал одну из своих работ Герингу, то дело о коллаборационизме не возникло бы. И мы, возможно, пребывали бы в уверенности, что его творения – это счастливо разысканные картины всеми любимого художника. Но ван Мейгерену пришлось сознаться в изготовлении подделок, чтобы избежать обвинения – куда более серьезного – в распродаже национального достояния» [84, с. 21].

Как видим, творческий подход к оценке прошлого выступает определенной функцией, способствующей не только раскрытию предназначения истории, но и определяющей направленность ее влияния на содержание общественного развития. В подтверждение подобного рода вывода приведем слова российского военного историка В. Г. Кикнадзе относительно важного для России (да и всего цивилизованного мира) события. «Знаменитая Янтарная комната, как всем, без сомнения, известно, находилась в Екатерининском дворце Царского Села с 1755 года до своего похищения в 1941 году, а после 1944 года ее, кажется, никто не видел. К началу 80-х годов прошлого века, как, опять же, все прекрасно знают, СССР официально отчаялся найти утраченный памятник, и его решили сделать заново. И вот после завершения долгих трудов, последовавшего в мае 2003 года, для всеобщего обозрения открылась новая Янтарная комната. Теперь зададим себе и всем окружающим вопрос: вправе ли мы сказать, что вновь изготовленная Янтарная комната стала тем же самым памятником, что был утрачен во время войны? Или, точнее, при каких внешних условиях предполагаемая идентичность будет важнее более чем 60-летнего отсутствия?» [133, с. 23].

В качестве составной части творческой активности историка выступает такой элемент как конструирование прошлого. В сегодняшней реальности история сопряжена с: «реконструкцией прошлого, понимаемой как

восстановление первоначального вида, облика чего-либо по остаткам или письменным источникам. Прошлое как объект истории является идеальной конструкцией, создаваемой историком на основе своего мировоззрения, методики исторического исследования и исторических фактов» [413, с. 141-142].

По мнению Л. Репиной: «История во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) и их многообразных актуальных (нередко чрезвычайно причудливых) сочетаний рассматривается как атрибут любой культуры, как важнейший способ самосознания и самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность. В этом контексте, будучи призвана соответствовать потребностям современного общества и отвечать на всё новые и всё более трудные вопросы, которые формулирует и проецирует на прошлое действительность настоящего, история неизбежно оказывается обреченной на постоянное переписывание и вовлекается в процесс непрерывной трансформации эмпирической базы и предметного поля, смены ракурсов и методов изучения, ключевых понятий и оценочных критериев» [225, с. 10].

Особенности создания конструктов прошлого может иметь различные оттенки, проявляться в различных формах и осуществляться с помощью различных средств. Например, конструирование прошлых событий, связанных с восприятием Отечественной войны 1812 года в литературе (да и в историческом сознании людей) связано с художественным воображением. Прошлое, связанное с религиозными сюжетами, опирается в основном на религиозные тексты, мифы, предания. По этому поводу, историк Б. Г. Соколов отмечает, что «история, прежде всего, – это то, что мы конституируем, создаем нашим взглядом, если хотите, творим. Дело в том, что различные так называемые факты истории не просто наличествуют в нашем сознании. Они со-присутствуют в нашем сознании, то есть подвергаются

определенной интерпретационной деятельности, деятельности наделяющей смыслом, значением и ценностной перспективой любое историческое повествование» [239, с. 98-99].

Итак, наличие и проявление творческого подхода к объяснению событий прошлого позволяет выделить важную особенность истории как актуальной и необходимой составной части развития человека и общества, в том числе и российского. Часто, свидетельства современников достаточно отличаются от образов прошлого, создаваемых историками. Как заметил Р. Арон: «Интерпретатор никогда не ставит себя на место автора. История – не повторение того, что уже было, она его творческое повторение, от которого даже наука не может отказаться» [14, с. 298].

5) История как искусство памяти. Познание прошлого, желание узнать или же сконструировать свое историческое бытие неразрывно связано с памятью человека. Отечественный философ истории Г. И. Герасимов приходит к выводу, что: «память есть актуализация в сознании человека прошлых ощущений, который испытывал человек. На ее основе у человека формируется опыт. ...Прошлым стали обмениваться не только непосредственно в личном общении, но и опосредованно при помощи текстов. Так появилось неличное прошлое, и была создана возможность для создания истории» [413, с. 142]. Л. Февр предложил: «Постараемся отделаться от иллюзий. Человек не помнит прошлого – постоянно воссоздает его» [260, с. 21]**.** Выходит, что никакой истории вне ее постоянного конструирования и деконструирования в памяти быть не может.

Человек, лишенный памяти, не может адекватно оценивать окружающую реальность, принимать определенные позитивные решения, нанося вред не только себе, но и своему окружению, совершая порой такие действия или принимая такие решения, которые в лучшем случае вызывают удивление или неодобрение со стороны общества или социальной группы.

В обосновании данного посыла обратимся к Г. И. Герасимову, который полагал, что «человек научился создавать свое личное прошлое, а с помощью

истории – прошлое человечества. Память дает человеку уверенность в том, что ее образы отражают ту реальность, в которой человек действительно пребывал. Когда прошлое создается на основе информации, полученной не от собственных органов чувств, а это основной массив данных историка, то оно создается исключительно при помощи воображения, поскольку вспоминать нечего» [413, с. 143].

Компонентами для придания устойчивого восприятия исторических событий, для их правдоподобного образа могут выступать аналогичная по смыслу и содержания информация, личный опыт, мировоззрение, ценностные предпочтения и здравый смысл историка, а также методология самой исторической науки. Таким образом, история как искусство памяти способствует построению картины прошлого для современников.

В рамках рассуждения об истории как искусстве памяти возникает понимание проблемы «историческая память» [358]. По мнению ряда исследователей данной категории, память о прошлом «выполняет в социокультурном пространстве функции взаимосвязи индивидуальных и коллективных представлений, корреляции воспоминаний человека и группы с историей и культурой общества, страны, государства и нации. Память также осуществляет процесс ориентации человека во времени и пространстве, направляя и регулируя жизнь человека, группы и общества, как в пространстве социальной коммуникации, так и в пространстве истории» [414, с.38].

В качестве примера обоснования взаимосвязи памяти и истории Г. Ю. Глущенко утверждает, что при появлении новых государств на постсоветском пространстве понадобилась новая социокультурная идентичность. Это обстоятельство потребовало кардинальных преобразований истории со стороны новых политических субъектов на основе конструирования форм коллективной памяти, опирающихся на вновь создаваемые коммеморации, памятники, музеи, исторические даты и церемонии. Автор пишет о том, что «национальная политика памяти современной России представляет собой интересный предмет для изучения в

связи с ее основой, а именно, неоднозначным отношением к советскому (в большей степени) и дореволюционному прошлому. При том, что официальная идея состоит в том, что современная Россия является наследницей как СССР, так и имперского периода истории. Аккумулируется миф о России как о цивилизации с тысячелетней историей, прерываемой катастрофами вроде событий 1917 и 1991 года. При этом аккумулируется та память, которая является «холодной» в политическом отношении или отделяется от политики. Это достижения в дореволюционный, советский периоды нашей истории (особенно в области искусства, науки и техники), победа над фашизмом, идеализация некоторых действий русских царей (в частности идеализация внешней политики Александра Третьего), православие как основа национальной и исторической идентичности современной России. При этом следует отметить следующие факторы – максимальное отделение лидеров (в частности, Сталина) от достижений и победы в Великой Отечественной войне, упор на героизм народа в войнах, как в Великой Отечественной, так и в других войнах, формирование отношения к православию как фактору цивилизационного развития России, внедрение в общественную жизнь акции «Бессмертный полк» и другие демонстрируют процесс формирования новой национальной идентичности» [414, с. 40-41].

Таким образом, человек обладая памятью о прошлом не может забыть, кто он такой, каковы его корни, к чему он должен стремиться и что уважать. Именно поэтому исторические манипуляции являются столь привлекательными и востребованными как в прошлом, так и в настоящем времени, для идеологов политических манипуляций.

3.2 Этапы становления и развития управления историей

Для более полного уяснения механизма управления историей следует рассмотреть основные вехи его становления и развития в обществе. В качестве основы определения такой временной характеристики могут выступать различные модели, разрабатываемые теми или иными учеными, в рамках социогуманитарного знания. Еще Ф. Бэкон подметил, что знания не только способны изменить мир, но представляют возможности для управления им. Его девиз: «Знание – сила!» по-английски: «Knowledge itself is power», можно перевести и как «Знание – власть!» (англ. power – сила, мощь, власть).

Согласно М. Фуко знание и власть всегда имели крепкую взаимосвязь. Так, переход к Новому Времени во многом обусловлен своего рода сотрудничеством инквизиции и естественных наук, которые стремились к получению знаний путем опыта и выяснению причин явлений. Теперь же у человека есть подчинение биовласти, стоящей в усиливающемся век от века политическом контроле, исповедальном в Средневековье, дисциплинарном в эпоху Просвещения, самой жизни: рождения (запрет и разрешение абортов, ограничение рождаемости) и смерти (эвтаназия, запрет смертной казни). Практики биовласти породили и гуманитарные науки, как объект приложения к человеку как объекту контроля.

Э. Тоффлер в своем труде «Смена власти: знание, богатство и насилие на рубеже 21-го века» высказывает мысль о том, что: «высшее качество и наибольшую эффективность современной власти придают знания, позволяющие достичь искомых целей, минимально расходуя ресурсы власти, убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях, превратить противников в союзников» [330, с. 114].

К числу моделей изучения использования исторических знаний в социальных целях могут быть отнесены: климатогеографическая детерминистская модель, экономико-детерминистская, куматоидная, дискурсивная, медиа-детерминистская.

Климатогеографическая детерминистская модель. Взаимосвязь истории с климатическими и географическими условиями была осознана довольно рано. Уже «отец истории» Геродот писал о выборе основателем персидской державы царем Киром II жительства для персов-победителей и так ответил своему советнику Артембару, предложившему переселиться с пустынно-гористой территории на завоеванную благодатную почву. Царь сказал, что: «от мягкой земли рождаются мягкие люди; одна и та же земля не может дать обильные урожаи и отважных воинов». Персы, решили, что лучше жить на бесплодной земле повелевая другими, чем на плодородной в качестве рабов [57].

Ш.-Л. Монтескьё утверждает, что законы, впрочем, как и религия, нравы и менталитет того или иного народа, критически зависят от того или иного географического ландшафта и соответствующего климата. Монтескьё ссылается на физиологические особенности воздействия климата на тело человека, якобы холодный воздух с помощью закаливания усиливает мышцы, тем самым делая людей более выносливыми и отважными, чем жителей теплых стран: «народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши». Очевидно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в московите чувствительность, надо с него содрать кожу [184].

Ф. Ратцель к климатогеографическим условиям прибавил почвенные, он считал, что «движение истории предопределено почвой и территорией» [223, с. 20], приспособлением людей к среде обитания. В соответствующей почве существует государство, понимаемое как живой организм: «Государство нуждается в земле, чтобы жить. Что касается исторического воззрения, то мы можем указать народы, которые тысячелетия оставались одинаковыми, не меняя ни место пребывания, ни языка, ни физического облика, ни образа жизни, и только поверхностно изменили свои верования и

знания» [223, с. 22]. В отличие от Монтескьё, объяснявшего варварство народов Юга их ментальностью, отсталость и дикость некоторых народов Ф. Ратцель сводит к географии, называя ее судьбой. Развитое государство должно органично сочетать пространственные характеристики с жизненными, и, если ему не хватает для биологического развития жизненного пространства (нем. Lebensraum) как Германии, которая в силу позднего объединения в единую страну не успела к мировому разделу колоний, необходимо обеспечить их ему с помощью приобретения новых территорий в результате военной экспансии.

Экономико-детерминистская модель. К. Маркс считал определяющим для социальной жизни влияние общественного бытия на общественное сознание [171]. При этом общественное сознание и его разновидность – историческое сознание, понималось как отражение тех материальных и прежде всего экономических состояний на духовную сферу общества. В процессе становления и развития определённых общественно-экономических формаций неизменным остаётся господствующий способ производства (первобытный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и азиатский, а также гипотетический – коммунистический), содержанием которого является диалектическое единство производительных сил (материально-вещного компонента) и производственных отношений (идеально-сознательного компонента).

Примечание – Азиатский способ введен для характеристики отличного от европейского пути развития азиатских экономик, в которых преобладающую роль играло государство, как система централизованной власти, способ организации коллективного труда и формы общественной собственности на средства производства.

В каждой общественно-экономической формации власть принадлежит тому классу, который обладает собственностью на средства производства. Исходя из этой логики, каждому этапу развития способа производства соответствует определенный тип исторического сознания, а при переходе от одной общественно-исторической формации к другой старый тип сознания упраздняется и полностью заменяется новым. Особенностью данного подхода

явилось то, что в ходе реализации марксистских идей в России, построении социализма и стремлении к коммунизму, историки находились исключительно в парадигме классовой борьбы, исходя из чего оценивались все исторические деятели и события. И тогда принятие политическими лидерами прошлого каких-либо решений объяснялось характером и качеством экономических отношений, антагонистической классовыми противоречиями, при этом культурно-цивилизационные аспекты истории замалчивались или уходили на второй план.

Модель структур повседневности имеет много общего с экономико-детерминистской моделью идеи, активно развивающиеся в учении Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Ф. Бродель не разделял традиционный подход к истории с практикой фиксации событий в виде коротких хронологических единиц, что по мнению учёного, лишает возможности понимания подлинных причин тех или иных эпизодов, явлений в истории. Французский мыслитель, ссылаясь на протяженные циклические колебания в экономике и связанные с ними политические изменения, предлагает описывать «время больших длительностей» (фр. *la longue durée*). Поэтому, в данном контексте великие персонажи истории незначимы, важны «структуры повседневности», объединяющие в себе совокупность устойчивых отношений между разными условиями материальной жизни и массами, порождающими множество видов взаимодействия (структур) от купеческих гильдий до национальных государств [37].

По мнению И. Валлерстайна миры-экономики образуют надгосударственные системы. Такой мир-экономика имеет своим содержанием ядро (страны высокого развития, как правило, Западные страны).

Полупериферия – страны находящиеся на границе цивилизованности, пытающиеся улучшить свое материальное положение, приблизившись, хотя бы ненамного к центру. Это своего рода гарантия стабильности, сюда входят страны Восточной Европы, Россия (начиная с правления Екатерины II).

Именно эти страны стали пространством перманентного революционного и военного хаоса, но все же не смогли приблизиться к экономическому центру.

Периферия представляет собой страны Третьего мира, для которых характерно практически полное расстройство экономики, в основном сырьевой, жесткая колониальная зависимость от Центра, низкий уровень жизни. [41].

Концепция И. Валлерстайна может приблизить понимание неудачи развивающихся стран, которые несмотря на титанические усилия так и не смогли приблизиться к экономическому стоянию Центра по причине контроля развитыми странами размещения и функционирования определённых отраслей экономики в странах Третьего мира, что является ограничением допуска к новому экономическому укладу. В своем стремлении достичь успеха страны Запада, развивающиеся страны, продолжают прилагать усилия к копированию модели исторического прогресса Центра и некритическое заимствование чужого опыта. Однако, достичь этого зачастую не удается и поэтому на практике возникает мозаика концепций истории с национальным колоритом.

Куматоидная модель. Э. Тоффлер в рамках своей куматоидной концепции рассматривал историю как последовательную смену волн. По его мнению, историческое развитие общества происходит волнообразно, создание новой техники и передовых технологий влияет на специфику социальных отношений и обусловливает культурные особенности социума. Количество этих волн – три [250].

Во-первых, волна, обусловленная появлением новых инструментов возделывания земли (плуг и борона, сделанные из стали), её можно определить как – сельскохозяйственная. А державы древности, активно осваивавшие земледелие – Индия, Китай, Греция, которые вели аграрное хозяйство и были ориентированы на патриархальный уклад.

В ходе *второй волны* произошел индустриальный поворот, связанный с научно-технической революцией Нового Времени, создавший не только

урбанистическую промышленную цивилизацию, но и разрушивший традиционную систему отношений, переместив огромные массы людей из сельской местности в города, насыщенные производственными предприятиями.

Третья волна – информационная, вызвана к жизни созданием и внедрением информационных, компьютерных, электронных технологий. Она коренным образом изменяет ценностные ориентиры, формирует социальные институты.

Причем характерные изменения, навязываемые в логике смены волн практически незаметны для современника событий по аналогии с рыбой, которая не понимает, что плавает в воде, потому что не замечает привычной среды обитания, поскольку изменения происходят малыми порциями, к которым все быстро привыкают.

Дискурсивная модель. М. Фуко рассматривал знание как результат «дискурсивных практик», которые определяют условия воздействия высказывания, его соответствие истине с учётом контекста существующих норм и правил. Соответственно, в каждой исторической эпохе имеются свои нормы и правила, образующие общность форм познания, некую «эписистему» – мыслительную структуру, имеющую определённые правила и нормы изложения мысли в речи, языковой код, который на бессознательном уровне назначает господствующий дискурс, а также определяет маргинальные дискурсы, создавая тем самым определенное языковое поведение и мышление, некоторое мировосприятие, его «колонизацию» [274, с. 34-35].

Современный человек обитает в мире, который создан информацией, его отличат распыленность властного начала, децентричность центров контроля, автоматичность процессов принуждения. «Под властью, надо понимать прежде всего многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются, усиливаются, переворачиваются… Власть вездесуща; не

потому, что она охватывает все, но потому, что она исходит отовсюду» [273, с. 122-123].

Вместо классических иерархических властных структур возникают нелинейные образования – эпистемы [272], связанные между собой множеством линий отношений. Эта медиа-власть с помощью информационно-коммуникативных практик господства колонизирует мир, неявно подчиняя его фактически анонимному господству.

Языковая практика формирует ценностные ориентиры, что влияет на создание конструкта сознания субъекта с внушением ему необходимых моделей социального поведения. Фуко традиционному «историзму» противопоставляет «историчность», которая и характеризует эпистему, как отдельную историю радикальной прерывности и разрыва (в каждой эпистеме своя история, со своим началом и концом, не связанная ни с предыдущей, ни с последующей эпистемой). Таким образом история выступает как история локальных идей мысли различные познавательные установки, причем изменения структур никак не управляются.

Имеются различные виды эпистем:

Ренессанса (XV-XVI в.) – язык в это время еще не является обособленной системой знаков, а смешивается с вещами: семиотика как совокупность знаний о знаках смешивается с герменевтическим познанием мира при помощи знаков.

Классическая (XVII-XVIII в.) эпистема характеризуется повышением роль языка, служащего теперь не простым средством описания вещей, а занимающегося теперь определением значений познаваемых объектов.

Современная (XIX по настоящее время) – язык из средства познания превращается в объект познания. Западной культурой создаётся образ человека, связанный с тремя основными и в то же время неустойчивыми объектами, – жизнью, трудом и языком, именно в ней европейское общество и механизмы его функционирования выработались окончательно. Получается,

что знание – это «исторически подвижная система упорядочивания вещей через их соотнесение со словами» [274, с. 251].

Медиа-детерминистская модель. М. Маклюэн обосновывал социальные изменения появлением так называемых «Галактик», подразумевая под этим термином периоды в истории с наличием детерминанты изменений в виде определённой коммуникативной технологии. М. Кастельс дополнил к этому списку отдельно Галактику Интернет, появленью которой способствовало развитие электронно-вычислительных машин и телекоммуникационных сетей.

Итак, по мнению Маклюэна и Кастельса главными движущими силами истории являются медиатехнологии, позволяющими трансформировать процессы восприятия мира человеком через различные виды постоянно развивающихся коммуникаций: устных, письменных, печатных, аудиовизуальных, виртуально-сетевых.

Одним из наиболее актуальных способов построения гуманитарных моделей является *проективное конструирование.*

Проект – это некий замысел по решению проблемы, стремление к некоей цели, которое следует реализовать в определенной практической деятельности. Ф. Шлегель писал: «Проект – это субъективный зародыш становящегося объекта. Совершенный проект должен быть одновременно и всецело субъективным, и всецело объективным – единым неделимым и живым индивидом» [301, с. 290].

М. Хайдеггер, пытаясь охарактеризовать социальное бытие, говорил о трех измерениях времени: прошлое понимается в экзистенциальном ключе как «заброшенность в мир», настоящее как подлинность бытия в мире, а будущее как проективность [278]. При этом проективность Хайдеггер относит к проявлению «вот-бытия» – «Dasein».

Примечание – Dasein (Дазайн) – понятие переводится как «вот-бытие», «здесь-бытие» то есть «существование», «экзистенция», сущее, которое обладает способностью вопрошать о бытии. Другими словами – бытие человека, причём конкретное (по времени, месту, пространству его существования), «здесь» бытие человека.

Dasein в повседневности часто представлен в виде неподлинного существования «das Man».

Примечание – Das Man неопределенно-личное местоимение – понятие, означающее неподлинное существование человека, «боязливые хлопоты», прозябание повседневности.

То есть реальность представлена в виде выбора человеком между дазайн и дасмен, между истинным предназначением и ложным. Е. В. Борисов, комментируя идеи Хайдеггера указывает, что: «...Подлинность и неподлинность суть равноправные конституенты существования вот-бытия, выполняющие свою конститутивную функцию в каждый его момент, так что, к примеру, «преодоление» неподлинности невозможно, да и сама постановка такой задачи была бы бессмысленной (стало быть, опять же неподлинной); подлинность бытия есть не отсутствие неподлинности, но понимание вот-бытием своего бытия в качестве выбора между этими полярными модусами, которые суть его собственные возможности» [34, с. 107]. В ходе такого выбора придается смысл и форма как бытию, так и самому человеку, создается трансцендентальный проект бытия [278]. Задача человека (Dasein) – придание смыслов бытию, бессмысленному, абсурдному и хаотичному сущему, которое находится в фундаментальной сокрытости и потаенности [27].

Лингвист М. Эпштейн предлагает особый синтез новых явлений культуры на основе проективной гуманистики, главная задача которой превращение гуманитарных наук в гуманитарные практики посредством создания новых лингвистических конструкций, форм культуры. Подобная методология базируется на концептивизме (от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, зачатие), как особом способе конструктивного мышления, позволяющего умножать мыслимые объекты через генерацию их противоположностей, оппозиционных вариаций, противопоставляющих моделей, в то время как другие методологии «контрацептивны», поскольку имеют направленность только на критические замечания в отношении авторов и текстов. Так, например, деконструкция анализирует тексты критически:

автор подразумевал одно, а выразилось совсем другое. Она расшатывает основание какой-то системы понятий, показывает ее зыбкость и относительность, оставляя читателя перед лицом скептического и иронического «ничто» [306].

Концептивизм основан на идеях Ж. Делёза, согласно которым концепт представлен «единичным творением, фрагментарным единством, не пригнанных друг к другу идей, полем распространенных в пространстве смыслопорождающих суггестивных знаков, воспринимаемых слушателями» [93].

Концепт представляет собой не вещь или ее сущность, а событие, точнее множественность событий объединенных общей темой, в каждом из событий смысл может быть представлен различным образом, не только в виде научного текста, но и в форме рисунка, театрального зрелища, видеоинсталяции, флешмоба и других: «Концепту требуется не просто проблема, ради которой он реорганизует или заменяет прежние концепты, но целый перекресток проблем, где он соединяется с другими, сосуществующими концептами» [93, с. 13].

Концепт не имеет воплощения в виде классической истины, он обладает как бы временной истиной, субъективным смыслом, вкладывающим в него каждым из его организаторов-авторов.

М. М. Курочко предлагает применять проективный анализ для постижения особенностей бытия цивилизаций и самоидетификации человека в их пространстве [425].

Проект управления историей – выступает в виде воплощения идеи подчинения прошлого планам преобразования будущего, и возможности с одной стороны поиска опоры и поддержки в ретроспективной реальности, а с другой частичное или полное отрицание прошлого, слом устоявшихся исторических традиций и замена их искусственно создаваемыми структурами.

Понятие «проект» в основном применяется к характеристике планирования будущего, но применительно к теме настоящего исследования,

следует затронуть возможности проектирования применительно к прошлому. В общем, каждый социальный проект, направленный в будущее, имеет своим основанием какие-то исторические причины или напротив, демонстрирует разрыв с прошлым, как модерн, декларируя свою полную новизну и полный отказ от традиций и культурно-исторической преемственности (постмодерн).

Необходимо рассмотреть основные проекты социальных изменений, которые имели своим содержанием элементы управления историей.

Одним из первых такого рода проектов является *древнегреческий проект*, связанный с классической античностью (V-IV вв. до н.э.). В ходе противостояния экспансии персидской империи, греческой элитой была осознана необходимость противопоставить свое общество, демократическое и прогрессивное «дикой» Азии, которая понималась как отсталое варварское объединение племён, не имеющих ни прошлого, ни будущего.

Данный проект опирался на историю Геродота о том, что предки греков когда-то победили троянцев, главный город которых Троя или Илион находились в Малой Азии.

Исследователи «Илиады» Гомера О. Матвейчев и А. Беляков доказывают, что он искажает историю, приписывая победу над троянцами ахейцам, приводя следующие аргументы: греки возвратились домой без славы, потеряв большинство своих героев в бою и утратив троянские трофеи, утопленные в буре, как и почти все их корабли. Кроме того, причина войны – прекрасная Елена так и не вернулась к своему законному мужу Менелаю, бежавшему в Египет, а стала женой младшего троянского царевича Деифоба. После окончания войны троянским царям стали принадлежать некоторые области Греции. Все это можно объяснить лишь разгромным поражением греков под стенами Трои [178].

Согласно приведенной версии, Гомер создал исторический миф о великой победе над Троей, никак не связанный с реальностью прошлого, при этом во многом определив судьбу Греции: развитие языка, литературы, моральных норм, а самое главное – политическая сплоченность перед

внешними врагами, позволила эллинам выстоять перед вооруженной экспансией Азии в лице Персидской империи, отстоять свою социокультурную идентичность [178].

Реализуя собственный *эллинистический проект*, Александр Великий, уничтожив извечного греческого врага, осознал необходимость создания новой ойкумены эллинистической культуры, построенной на симбиозе культуры Древнего Востока и греческого мира. С этой целью великий завоеватель, не только призывал своих воинов оставить грабежи, но и перенимать некоторые традиции побежденных. Удачливый македонский военачальник становился не просто временным захватчиком территории, а вождем объединенных народов, царем царей и даже живым богом. Последствием развития культурной конвергенции Европы и Азии стал феномен эллинизма.

Римский проект эллинистической культуры, который во многом противопоставил себя греческому, но строился именно на ее фундаменте, был реализован древними римлянами. Борясь с оружием в руках за господство в Средиземном море и отчаянно нуждаясь в историческом обосновании своих претензий, римляне в лице поэта Вергилия стали утверждать своё превосходство от бежавшего после падения Трои царевича Энея, который после долгих приключений осел в центральной Италии и от него якобы пошел род римских царей.

Примечание – Представляет интерес, что Энеида была пересказана в юмористическом ключе на малороссийском языке И. П. Котляревским в 1809 г. Главными героями у него вместо троянцев выступили запорожские казаки во главе с кошевым атаманом, их поступки, одежда, нравы и мотивы поступков – все в поэме было малороссийское. К изданию приложен словарь новых малороссийских слов объемом около тысячи. Данная книга была впоследствии использована украинскими националистами для доказывания своей этнической исключительности и отрицания общих с Россией исторических корней.

В своей поэме «Энеида» (29-19 гг. до н.э.), Вергилий рассказывает о злоключениях Энея, которые во многом похожи на описание Гомером в его поэме «Одиссея» возвращения домой из-под стен Трои царя острова Итака

Одиссея-Улисса. Римский поэт выводит дальним потомком Энея первого римского императора Октавиана Августа, тем самым обосновывая божественность его власти. Кроме того, Вергилий раскрывает мифологические основания древнего спора между латинянами и карфагенянами, своими главными торгово-политическими конкурентами в Средиземноморье. Показывая историю несчастливой любви Энея и Дидоны – карфагенской царевны, Вергилий, намекая тем самым на любовную связь Марка Антония и Клеопатры, дает свои оценки недавней римской гражданской войны, развязанной наследниками Гая Юлия Цезаря, после его убийства. Поэт возвеличивает роль в этом столкновении будущего императора Октавиана, который имел довольно мало шансов на занятие такого поста, будучи на самом деле очень хитрым и вероломным человеком, но весьма физически слабым и трусливым воином, в отличии от любимца Цезаря полководца и решительного лидера, но не обладавшего политической изворотливостью Марка Антония. Август дал произведению очень высокую оценку, а другие римские поэты и писатели заявили, что Вергилий превзошел Илиаду Гомера.

Византийский проект также строился из претензии исторической преемственности к римской истории. И хотя жители Восточной части Средиземноморья носили бороды (римляне предпочитали быть гладковыбритыми), говорили в основном на греческом языке, а не на латыни, они назвали себя ромеями, то есть римлянами, а их императоры стремились отвоевать земли на Западе, ссылаясь на их принадлежность Риму в минувшие годы.

В 2008 г. режиссером О. Савостьяновой и автором сценария и ведущим – архимандритом Тихоном (Шевкуновым), духовником В. В. Путина, был снят фильм «Гибель империи: византийский урок». В киноленте идет рассказ о истории Византийской империи и показаны основные причины разрушения империи, к которым русский священник относит: передачу контроля над торговлей молодым итальянским республикам Венеции и Генуи,

предательство элитами интересов своего народа для собственного обогащения, не желание служить в армии Византии многих граждан, тенденции сепаратизма во многих регионах империи и вторжения варваров с запада. По фильму, эти «варвары» разграбили Константинополь и, используя его несметные богатства, дали импульс для развития своей цивилизации, которая в настоящем называется «Западной». Фильм получил крайне неоднозначную оценку и обвинялся частью российской интеллигенции в политической ангажированности (фильм вышел на экраны накануне выборов президента Российской Федерации), в демонизации Запада. Считается, что в фильме делаются намеки на такие этапы истории новой России как борьба центральной власти с региональными националистическими структурами, восстановление государственного суверенитета, конфликт Кремля с олигархами, прозападная оранжевая революция на Украине. Критики утверждали, что данное произведение носит чисто пропагандистский характер и нацелено на получение поддержки избирателей курса на укрепление режима личной власти президента В. В. Путина и его преемника на грядущих выборах.

Христианско-католический проект получил развитие после гибели западной Римской империи под ударами германских племён. Августин Блаженный в своей концепции Двух Градов, обосновал свой взгляд на то, что империя погибла потому, что превратилась в силу отхода большинства населения града земного от божественных заповедей, в Вавилонскую блудницу и царство Сатаны. По его мнению, необходимо создать Град Божий - царство праведников под эгидой церкви для сохранения духовного стержня в период имперского распада.

Данный проект был организован западными королями при активной поддержке римских пап, которые также стремились также обосновать свою преемственность от Римской империи. В позднем Средневековье был распространен документ, известный под названием «Константинов Дар» («Вено Константиново») подложный дарственный акт, в котором император Рима передавал верховную власть как в церкви, так и над Западной частью

Римской империи папе Римскому. Ныне считается доказанным, что эта фальсификация была частью сделки в VIII в. между французским властителем Пипином III (Коротким), желавшим обрести официальный статус короля франков, и папским двором.

Документ имеет вид послания Константина к Папе Римскому Сильвестру. В послании речь идет о заболевшем проказой императоре, к которому во сне явились апостолы Петр и Павел и повелели найти скрывавшегося от репрессий Сильвестра, который с помощью крещения смог бы вылечить императора. Когда это удалось сделать, Константин объявляет Папу главнейшим епископом, ему передается высшая судебная и политическая власть на Западе. Император лично участвует в строительстве в своем Латеранском дворце церкви, хоронит тела Петра и Павла и утверждает закон, согласно которому никакой светский начальник не смеет отнять имущество церкви. Константин переносит свою резиденцию в восточную часть империи, доверив власть в Риме папе.

Карл Великий, объединив под своей властью большую часть Западной Европы, назвал свою империю наследницей Римской, а 25 декабря 800 г. Папа Римский Лев III короновал Карла, короля франков, возложив на его голову золотую императорскую корону. Это послужило причиной осложнений в отношениях с Ромейской державой (Византией), правители которой полагали исключительно себя единственно законными наследователями власти римских императоров.

С точки зрения Божественного писания по аналогии с «единой святой соборной и апостольской Церковью» может существовать только одна христианская империя.

Однако, наличие двух остро конкурирующих между собой за римское духовно-политическое наследство империй привело вначале к возникновению догматических противоречий, затем богослужебных, а впоследствии и к полному расколу между католическим Западом и православным Востоком в

1054 г. и взаимному обличению в виде «папских еретиков» и «восточных схизматиков».

Точку в этом растянувшемся на столетия историческом споре поставил четвёртый поход крестоносцев, которые собираясь сражаться за Гроб Господень в Иерусалиме, захватили и разграбили самый крупный и богатый город того времени, христианскую столицу Константинополь и обескровили ее перед вторжением турок, способствовав ее окончательному падению.

Проект Возрождения, построенный во многом за счёт падения Константинополя и расчленения византийской империи на мелкие вассальные княжества, графства и королевства крестоносцев, на основе вывезенных венецианцами и генуэзцами, главными спонсорами и бенефициарами падения Византии, материальных средств и духовных артефактов, в отличие от предыдущих проектов полностью отрицал историю Средневековья и провозгласил возврат к духовным ценностям античности. Однако, данный проект существовал в основном в кругах культурно-художественной элиты и не затронул широкие массы населения, этим объясняется его ограниченность и локальный характер.

Итальянскому гуманисту Ф. Петрарке приписывают идею назвать Средневековье – «Темными веками», как противопоставление «тёмной» эпохи после падения Рима свету античной учености. Петрарка стремился возродить могущество Италии на основе классического античного наследия, при этом в отличие от других гуманистов он защищал не республиканское правление, а деспотическое государство прообразом которого стала для него Римская империя, именно оно, по его мнению, способно защитить своих граждан от интервенции и беспорядков [204].

В эпоху Нового Времени был осуществлён глобальный *проект Просвещения*, который в той или иной форме затронул все страны Европы. Данный проект, как и Ренессанс был построен на отрицании истории, но стал еще более радикальным. Французские мыслители-просветители Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Ж. Д'Аламбер, Ж. Ламетри, П. Гольбах отрицали уже

не отдельные этапы исторического развития, а всю предшествующую историческую традицию. Проект был задуман как конструирование нового мира, окончательно сбросившего с себя путы кровавого и варварского прошлого, и ставил во главу угла ценности свободы, равенства и братства, пропагандировал создание новых экономических и социальных отношений.

Вместе с тем, для создания нового просвещенного мира предполагалось противопоставить его старому невежественному и варварскому. Так, Ш.-Л. Монтескьё в своей книге «О духе законов» фактически начал конструировать образ передовой Европы, руководимой просвещенными мыслителями в строительстве лучшего будущего для населяющих её народов сравнив его с демонизированными им архаичными и деспотическими территориями стран, расположенных на других континентах. Эти идеи были подхвачены европейскими дипломатами, писателями, путешественниками и авантюристами всех мастей, которые стали выстраивать ментальную карту «отсталых» государств, которые следует вытаскивать из «милой египетской тьмы». Именно здесь следует искать корни «бремени белого человека».

Примечание – «Бремя белого человека» (1899) – так называется баллада британского писателя Редьярда Киплинга, посвященная цивилизаторской миссии просвещенного Запада и неблагодарности со стороны аборигенов – «наполовину бесов – наполовину детей».

По мнению исследователя Э. Саида такого рода деятельность следует называть «ориентализмом» – созданием западных дискурсивных практик производства обобщенного образа восточного человека и восточного общества как антитезы европейского общества и человека, как идеологического и психологического обоснования колониализма, отношений господства и подчинения [233].

Следует отметить, что согласно этой логике России отведено место своего рода «полуориентализма» [52].

В конце XX в. стали регистрироваться негативные последствия проекта Просвещения, что в полной мере было осознано представителями Франкфуртской школы социальных исследований. М. Хоркхаймер и

Т. Адорно, анализируя развитие технологического общества, подвергли критике саму просветительскую идею рационализации мира с целью его подчинения. В результате в индустриальном обществе господствует инструментальный Разум, а «Единичный человек перед лицом экономических сил полностью аннулируется. При этом насилие общества над природой доводится ими до неслыханного уровня. В то время, как единичный человек исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает, последний обеспечивает его лучше, чем когда бы то ни было. При несправедливом порядке бессилие и управляемость масс возрастает пропорционально количеству предоставляемых им благ» [290, с. 12].

Следует отметить, что сегодня на Западе появилась своего рода интеллектуальная мода, основанная на идеях мультикультурализма, что современным европейцам следует не просто просить прощения у народов, которые когда-то подверглись колониальной экспансии, но даже принять некоторых их представителей на постоянное место жительства в метрополии и обеспечить пособием для проживания, не требуя взамен от них не только ассимиляции и аккультарации, но даже соблюдения элементарных морально-нравственных норм и правил повседневной жизни, обязательных для других европейцев.

Итогом радикальной критики Просвещения стал новый *проект постмодерна.* По мнению многих социальных мыслителей, начиная с К. Поппера [217] и Х. Арендт [10] и заканчивая философами постмодернистами М. Фуко [271; 272; 273; 274], Ж.-Ф. Лиотаром [158], Ж. Дерридой [94; 95; 96] понимание истории претерпевает существенные изменения. Вместо прямого (линейного) и однонаправленного (от прошлого к будущему) появляется постистория как поток «нового», не имеющего смысла. Время движется по принципу рециркуляции, то есть постоянного воспроизводства событий (стилей, мод, обычаев, концептов и так далее) прошлого в отрыве от их исторического содержания, которое может и должно

постоянно подвергаться новой интерпретации. Историческая информация становится знанием, лишенным смысла, но оставляющим ощущение новизны.

В рамках постистории происходит не линейное развитие событий, а их постоянное рециклирование, бесконечное повторение одних и тех же речей, текстов, изображений лишенных, присущей коммуникации сакральных смыслов, в этих условиях на смену необратимому постоянно длящемуся времени приходит темпоральность (локальное время), подлежащее постоянной переинтерпретации.

В результате объявленного Ф. Фукуямой «конца истории», понимаемого ка закрытие проекта Просвещения и окончательной победы одной из его версий либерально-демократической [275], на смену сломленным метанарративам являются отдельные рассказы. Все это есть теоретическое основание и возможность воспроизводства фальсификационного дискурса истории.

Ж. Деррида призывал не доверять метафизическому концепту истории, поскольку он «привязан не только к линейности, но и ко всей системе импликаций (телеология, эсхатология, выявляющая и интерпретирующая аккумуляция смысла, известный тип традиционности, известный концепт преемственности, истины и так далее)» [96].

В течение 5-10 лет набирает популярность проект виртуализации, основанный на образе «темных теорий» спекулятивного реализма, отказывающего человеку в его роли единственного субъекта бытия (трансгуманизм и постгуманизм), устремляющего внимание на субъектность нечеловеческой природы: вещей, животных, растений, киберорганизмов. Ф. Ларюэль предлагает заняться не-философией, а технологией «обращения с ней», он призывает к философствованию «на полях», на пределе философии. Традиционная философия занимается рефлексией (зеркало реального), пытаясь все интерпретировать, ничего не объясняя. Традиционная философия и гуманитарные науки по мнению Ларюэля замкнуты в себе: «Замкнутость философии, как внутри самой себя, так и внутри собственной унитарной или

полемологической множественности вынуждает её разворачивать себя в качестве предположительно неисчерпаемого, но принципиально дефицитного ресурса. Налицо скудость решения, что является следствием её единства или зацикленности, её самореферентности или сомодостаточности: все разнообразные философии в качестве своего уникального достижения разными путями выводят двойственность из единства, неделимого самого по себе, и эта скудость тождественна войне, которую они ведут между собой» [325, с. 106]. В этой «войне» человек потерян, как бы растворён в истории, поглощён властью и «Миром» – полностью [325]. Другими словами, предлагается полный пересмотр места и роли человека как в прошлом, так в настоящем и будущем.

Негостеприимство по отношению к человеку нового мира техники по отношению к человеку вызывает страх. Темным образом такого ужасного восприятия является Натаниэль – герой новеллы Э. Т. Гофмана «Песочный человек», влюбленного в девушку, оказавшуюся на самом деле искусной машиной, которая сводит его с ума. З. Фрейд на примере этого произведения дает характеристику понятию «жуткое»: «всё то, что должно было оставаться тайным, скрытым, но вышло наружу… В современных фильмах ужасов жуткое воплощается в травматическом проникновении в человеческое тело каких-либо инородных субстанций и последующая мутация организма носителя» [267, с. 188].

Г. Харман утверждает наличие *плоских онтологий* – это новый ответ на вопрос «Что же существует на самом деле?». Ранее доминировали два ответа на этот вопрос: 1) либо существует то, что превыше всего, некое предельное недостижимое единство, 2) либо существует то, что лежит во всеобщем основании (атомы, из которых складывается мироздание). Первый доминирует в религиозных картинах мира, второй представляет собой классическую научную картину мира. Философия в свою очередь предложила еще один третий ответ: существует не верхний предел, из которого все охватывается, и не нижний предел, лежащий в основании всего, на самом деле

существует лишь середина, из которой эти верх и низ полагаются. Это и есть человек.

Новая онтология попыталась показать, что все три типа ответа представляют собой онтологии вертикали. Плоская же онтология заявляет четвертую позицию: таких центров бесчисленное множество и человек – лишь один из них. Конечно, все объекты разные (ведь каждый объект создает свою собственную вертикаль) и тем не менее они равны – равны в той мере, в какой существуют [284].

Со времен Р. Декарта космос состоит из вещей двух совершенно разных типов: люди и все остальное. Согласно Харману, все предметы вокруг как физические, так и вымышленные являются объектами, причем у каждого такого объекта имеется собственная локальная история, и никакая из них не может считаться привилегированной.

Примечание – По Харману реальность объектно-ориентированна, то есть, состоит из weird (странных) субстанций, которые нередуцируемы к свойствам или эффектам.

Д. Харауэй (представитель тёмных теорий и киберфеминизма) полагает, что эпоха владычества человека закончена (Антропоцена), а человечество переходит к этапу исчезновения (Хтулуцену), поэтому неважны метафизика антропоцентризма и властные иерархии, но необходимо переходить к *тентакулярному мышлению* (лат. *tentaculum* – «щупальце»). Она призывает: «Заводи сородичей, а не детей!». Всё должно быть вплетено в общую сеть множества других существований [282].

Далее рассмотрим специфику встраивания исторической России в те или иные проекты управления историей. Для указанного анализа имеет значение концепция К. Мангейма о наличии в истории двух типов исторического знания утопии и идеологии. Утопическое мировидение присуще угнетенным группам, которые стремятся кардинально изменить будущее, разрушив имеющуюся картину социального мира. «Их мышление не способно правильно диагностировать действительное состояние общества. Их ни в коей

степени не интересует то, что реально существует; они лишь пытаются мысленно предвосхитить изменение существующей ситуации... Оно (утопическое сознание) отворачивается от всего того, что может поколебать его веру или парализовать его желание изменить порядок вещей» [169, с. 39-40].

Идеологии, будучи также трансцендентным представлением, напротив, маскируют реальность, «выполняя функцию идейного обеспечения механизма поддержания стабильности социального субъекта, препятствуют его радикальным преобразованиям» [169, с. 297].

Утопии напротив, взывают к коренным социальным изменениям, они разоблачают действительность, «своим противодействием, – полагает Мангейм, – им удается преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям» [259, с. 113-116]. По мнению Мангейма, если утопии удается победить, то социальные субъекты ее реализовавшие, трансформируют утопию в новую идеологию.

Использовав идеи Мангейма к рассмотрению отечественных проектов управления историей, необходимо заметить, что с этой точки зрения данные проекты можно воспринимать как антагонистические версии социального устройства, имеющие своим основанием конфликт между утопией и идеологией, при этом они зачастую меняются местами, позволяя не только проектировать развитие общества, но и давать оценку прошлому, встраиваясь в определённый проект (самобытный или заимствованный) социального бытия [425].

Представляется, что наибольшим эвристическим потенциалом для анализа этапов управления российской историей обладает в силу вхождения современного общества в информационно-коммуникативное состояние, обладает проект, построенный на медиа-детерминистской модели, в рамках которой, переходы от одной исторической галактики к другой, выступают своего рода коммуникативными революциями. Рассмотрим некоторые черты

этих революций или Галактик по М. Маклюэну, во взаимосвязи с реализацией утопических и идеологических проектов управления историей в России.

Первой коммуникативной революцией можно считать появление языка. По мнению Ю. М. Лотмана: «Человек погружен в язык, и язык реализуется через человека. Человек создает язык, и язык как коллективная система постоянно взаимодействует с индивидуальным говорящим» [160, с. 438]. Коммуникация посредством языка дала возможность сбора и обобщения ключевых элементов, важных с точки зрения выживания и развития, что позволило передавать опыт последующим поколениям.

Опираясь на исследования этнологов таких как Б. Малиновский, К. Леви-Стросс и других, можно предположить, что на стадии первобытного развития социума представители власти еще не осознавали возможности влияния на историю. Представляется, что это связано с отсутствием понимания людьми на заре развития общества причинно-следственной связи событий. По свидетельству Б. Малиновского, в племенах Меланезии не была известна зависимость между половым актом и деторождением. Появление детей представлялось особенностями женского организма, как естественное выделение. Отсюда слабая привязанность родителей к детям, что делало возможным «избавляться» от слабых «лишних» детей, например, оставляя их одних на верную смерть при оставлении места стоянки [166].

Другая позиция состоит в том, что напротив, с появлением первых племён, люди имели необходимость обходить поток времени и через магические ритуалы возвращаться в прошлое, где души умерших родственников или вождей давали «подсказки», оставляли «пророчеств», влияющие на властные решения или «контроль времени» происходил посредством мифологических повествований (нарративов) о тотемических предках племени, исторических образцах для подражания, находимых в конкретных поступках пращуров.

Поскольку о таком далеком прошлом отечественной истории практически никаких сведений не сохранилось, судить «преданьях старины

глубокой, делах давно минувших дней» очень сложно. Как писал в свое время А. Тойнби бесписьменные цивилизации исчезают, не оставляя следа и фактически не имеют истории [247]. Можно лишь предполагать, что на этом этапе, как и у истоков других цивилизаций, господствовало живое общение, нарративная коммуникация, тесно связанная с производством и распространением мифологических конструкций.

В настоящее время общепринятой является точка зрения, что история славян начинается не ранее IV в. н.э., что вызывает особенно у патриотически настроенной общественности массу вопросов. Так, открытое в Челябинской области в 1971 г. городище XX-XVIII вв. до н.э., состоящее из кругообразных жилищ и обнесенное валами, диаметром 145 м, получившее название Аркаим, представляется как древняя столица славян-ариев северной страны Гипербореи, священный центр с хранилищем тайных знаний и даже обсерватория. Имеется даже точка зрения, что существует некий заговор западных историков по искусственному сокращению истории славян. В ее рамках муссируется обсуждение происхождения др. греч. σκλάβος и лат. sclavus от слова «раб», поскольку якобы в результате многочисленных войн и набегов на земли славян в V-IX вв. германских племен, поставки на рынки Западной Европы и Азии невольников венецианскими работорговцами были так велики, что в языках европейцев жители Восточной Европы стали ассоциироваться с рабами.

В 1950-е годы на Западе, представителями Русского Зарубежья писателем Ю. П. Миролюбовым и бывшим офицером Белой гвардии А. А. Куренковым были опубликованы кириллические тексты, якобы списанные с дощечек, датируемых IX в., получившими название «Велесовой книги». На дощечках якобы изложено описание истории славян, задолго до их разделения на западных, южных и восточных с IX в. до н.э. до IX в. н.э. В Велесовой книге речь идет об описании жизни древних славян в регионе между Карпатами и Доном, их языческом пантеоне Богов, религиозных гимнах, военных столкновениях с греками, римлянами, гуннами, готами.

Книга современными исследователями считается подделкой: никто кроме Миролюбова не видел указанных табличек, лингвистический анализ показал искусственность праславянского языка, на котором якобы написан текст, мифологические сюжеты гораздо менее насыщены событиями, героями, чем любой исторический эпос или древний миф, не имеют характерных стилевых особенностей, содержат множество анахронизмов. Несмотря на все признаки подделки, Велесова книга стала культовой для псевдорелигиозного направления славянского неоязычества, для националистически настроенных кругов на Украине, в России и Белоруссии.

Вторая коммуникативная революция характеризуется появлением письменности в IV-III тысячелетиях до н.э., что значительным образом ускорило процесс возникновения цивилизаций, государств с локализацией больших (для того времени) социальных общностей людей в городах с обустройством социально-политических, экономико-правовых, культурных отношений. Культура письменности повлекла развитие процесса более точного и систематического дублирования знаний настоящего и передачу их следующим поколениям, именно возможность сохранения и воспроизводства «прошлого в настоящем» способствовало возникновению исторического сознания общества.

Сложно говорить о том имелась ли письменность у древних русичей до принятия христианства и создания Кириллом и Мефодием глаголицы и кириллицы, несмотря на упоминания о ней в некоторых источниках, например, «О письменехъ черноризца Храбра» [46], мемуарах арабских путешественников X в. Инн Фадлана и Ибн ан-Надима, образцы такого рода письменности вероятно рунического характера (черты) и вырезанного на камне или дереве (резы), в настоящее время пока не найдены. Но подобная письменность готских, венгерских и хазарских племен сохранилась, что дает возможность предполагать наличие похожих надписей и у древних славян.

В настоящее время господствуют представления о появлении славянской письменности в X веке благодаря просветительской деятельности

Кирилла и Мефодия. Одним из первых медиа того времени (X-XI вв.) являлись берестяные грамоты, в большом количестве более 1100 найденные в Великом Новгороде (в силу особого состояния почвы хорошо сохранившихся), в этих текстах речь идет в основном о бытовой жизни горожан: о взыскании долгов, торговые записки, любовные послания, шутки, загадки, детские рисунки, а также молитвы и поучения.

Главным письменным памятником Древней Руси является Повесть Временных лет (около 1110-1118 гг.), создание которой приписывают киевскому монаху Нестору. Эта первая русская летопись описывает события, связанные с созданием государства – «откуда есть пошла земля Русская». Данный труд производит первое историческое исследование. Летопись содержит в себе не только простое описание исторических событий, но ещё их исследование: «…здесь поставлены основные вопросы, связанные с началом народности, государства, христианства; здесь спрессованы те идеологические и политические факты, которыми многие столетия питалось этническое и политическое сознание истекающей кровью Руси» [212, с. 16].

Первым проектом управления историей, описанным в летописи, является деятельность Великого князя Владимира, когда он в интересах укрепления государства и его централизации предпринял попытку использовать языческие знаки и символы языческой религии. Став князем града Киева (в 980 г.) Владимир разместил языческие идолы недалеко от своего терема. Такая духовно-политическая акция с одной стороны имела целью духовное объединение языческих племен, а с другой – укрепление его личной власти как великого князя. Однако, эта попытка, имеющая образно-мифологический характер язычества, который не приспособлен к политической и социальной жизни, не достигла желанной цели, а стала утопией.

После чего Владимир задумался о выборе одной из монотеистических религий для Руси. В летописи говорится о том, что православие было привлекательно внешними атрибутами и формами: архитектурой (храм

Святой Софии в Константинополе), красотой обрядов, сопровождающихся хоровым пением. На самом деле выбор обуславливался мощью византийской государственности и стремлением получить империю ромеев себе в союзники.

Принятие христианства на Руси ознаменовалась и символическим разрывом с язычеством. По приказу князя Владимира языческие статуи, установленные на Подоле в Киеве, были уничтожены.

В конце XVIII, немецкими историками, работавшими в Российской академии наук Г. Байером, Г. Миллером и А. Шлёцером, по результату собирания и изучения древнерусских летописей (в частности, повести временных лет), была предложена «норманнская теория» о призвании варягов на Русь. Согласно этой теории, поддержанной в силу различных причин, в том числе с появлением мыслей философско-просветительского характера о роли прогрессивного влияния европейских культурных на другие народы и страны, образование государства Древней Руси обязано своим появлением группе скандинавов, торговцев и пиратов варягов-викингов известных на Западе как норманны. Данная концепция получила большое развитие в XIX и особенно XX веке имея не столько исторический и этнографический смыслы, сколько играя политическую роль, обосновывая идею о несостоятельности русского государства без Западного влияния.

Между тем, уже сыном Владимира, Ярославом Мудрым был поставлен вопрос о границах культурного заимствования у Запада. Критическое рассмотрение места Руси в византийском проекте нашло свое отражение книге «Слово о Законе и Благодати» (XI в.), написанной первым митрополитом негреческого происхождения, сподвижником Ярослава митрополитом Киевским Иларионом, назначение которого на этот пост блокировалось церковными властями Константинополя.

В своей книге Иларион размышлял о свободе как органическом состоянии человечества. В присущей ему символической форме митрополит, на примере служанки библейского пророка Авраама Агари, родившей ему сына Измаила и законной жены Сарры, подарившей ему законного сына

Исаака, отождествляет Агарь (она была рабыней) с Законом (ветхозаветной традицией), а Сарру с христианской благодатью, которая несет духовную свободу. Закон ограничен исторической деятельностью одного народа, а благодать безгранична, обращена ко всем народам земли закон иссушает – «роса благодати всю землю покрыла» [112, с. 51-53].

По рассуждению митрополита, подобно тому, как евреи провозгласили иудаизм однонациональной религией, тоже сделали и греки, «приватизировав» христианскую веру с претензией на обладание единственной истиной в толковании догматов, настаивая на единомыслии и отвергая другие мнения. Илларион полагал, что дальнейшее развитие православия будет тесно связано со славянскими народами, которые, по его мнению, наиболее близки к воплощению христианских заповедей.

Один из первых западных исторических проектов в России связан с распространением в 1470 г. в Новгороде с прибытием в нее из Великого княжества Литовского Захария Скары, «ереси жидовствующих». Сторонников «ереси» обвинили в отходе от христианства и исповедании иудаизма.

Церковь повела ожесточенную борьбу против еретиков. Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) надеялся не на аргументы, а на силу, ведь православные, как он сам признавался, «люди ... простые, не умеют по обычным книгам говорити», а потому «таки бы о вере никаких речей с ними не плодили». В сражении с еретиками Геннадия поддержал игумен Иосиф Волоцкий, обличавший отступников в своих посланиях. Итогом столкновения стало осуждение ереси на церковном Соборе в Москве в 1490 г. лубяные шапки еретиков с надписью: «Се есть сатанино воинство», одетых шутами подожгли.

Однако, идеи жидовствующих были поддержаны в великокняжеском тереме. Главой московской группы еретиков стали чиновники иноземного приказа братья Федор и Иван Курицыны и даже невестка Ивана III – дочь молдавского господаря Стефана Елена. В сочувствии к ереси подозревали также московского митрополита Зосиму.

Иван III, был недоволен увеличением церковных владений за счет вотчин служилых дворян, отписывавших по завещанию земли и имущество монастырям.

Примечание – В конце XV в. разгорелся жесткий спор между иерархами русской церкви по поводу монастырского землевладения. Сторонников общежительных монастырей, сохранения материального благополучия церкви, богатого украшательства храмов (иосифлян или любостяжателей) возглавил игумен Иосиф Волоцкий, их противников (заволжских старцев-нестяжателей), возражавших против земного богатства и ссылавшихся на нищенский образ жизни Христа, а также защищавших более строгие правила монашьей аскезы в ските и стремившихся уладить конфликт с еретиками в рамках богословского диспута, а не путем их судебного осуждения – Нил Сорский.

Великий князь видевший в жидовствующих с их призывами к конфискации церковных земель и упразднению церковной иерархии противовес устремлениям иосифлян вначале поддержал заговорщиков, но в 1502 г., отказался от их поддержки, устрашенный независимостью радикалов в суждениях и критикой княжеской власти и отступился от своей идеи огосударствления церковной земли, взамен поддержки иерархами церкви своей самодержавной власти. В 1503 г. Елена и ее сторонники после одержания победы группой Иосифа Волоцкого на церковном Соборе, были осуждены в качестве еретиков, а затем казнены.

Создание нового исторического проекта взамен византийского связано с идеей «Москва – Третий Рим», которая была обоснована старцем Псковского Елеазарова монастыря Филофеем в первой половине XVI века в его посланиях Великому князю Московскому Василию III. Старец писал, что все христианские царства сошлись в одно: «два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [450]. Представляется, что в идеале Третьего Рима заключена реальность существования единственной православной государственности.

На рубеже 1450 годов возникла *Третья коммуникативная революция*, вызванная изобретением И. Гутенбергом технологии производства книг путем оттиска типографских букв на бумаге с помощью пресса. Следует признать, что данное изобретение, не только упростило доступ книг населению и способствовала возникновению литературных языков, но прежде всего дало

возможность непосредственного чтения и интерпретации исторических событий посредством приобщения к текстам Библии, летописям. Итогом создания книг стало и движение церковной реформации и протестантизма.

В царствование Алексея Михайловича Романова в 1650-е годы остро стал вопрос о консолидации христианского учения, которое по мнению молодого государя и группы его сподвижников «ревнителей благочестия» нуждалось в серьезном реформировании, под предлогом того, что в силу недостатка учености, отсутствия учебных заведений и сохранения среди народа языческой обрядности, например скоморошества, православная вера дискредитируется и опошляется. Царь поощрил своего сторонника Никона, поспособствовав его избранию патриархом Московским, после чего новоявленный патриарх начинает большую работу по переписке текстов Священного Писания под предлогом исправления неточностей и ошибок с дальнейшим изданием в печать под своей редакцией.

В связи с множеством изменений в обрядах, главными из которых стали замена двуперстного крещения – трехперстным, земных поклонов – поясными, вместо крестных ходов по ходу солнца – против солнца, как и путаницей в изданиях религиозных книг (Никон выпустил несколько вариантов богослужебных книг, отличающихся друг от друга) возникло течение несогласных с нововведениями, которые получили название старообрядцев. Доводы неприсоединившихся к официальной церкви состояли в том, что никонианцы пытаются отказаться от «веры отцов» – исторически сложившийся богослужебной практики, а сам патриарх, подчинив своей воле молодого царя, хочет получить не только духовную, но и политическую власть и уподобиться тем самым папе римскому, вступив во грех «византийской прелести» и гордыни.

Противостояние сторонников Никона и старообрядцев-последователей Аввакума привело к Великому расколу (1667 г.), преследованиям несогласных, названных еретиками и раскольниками, казням, заключениям и ссылкам их лидеров.

Еще один проект управления историей связан с «Философическими письмами», написанными в период с 1829 по 1831 гг. П. Я. Чаадаевым. Всего на французском языке было написано 8 писем, которые ходили в рукописном варианте по стране. Однако, большой общественный резонанс вызвала публикация этих писем в 1836 г. в журнале «Телескоп», что вызвало гнев императора Николая I, запрещение журнала и наказание его издателей и официальное признание сумасшедшим автора, заключенного под домашний арест.

Чаадаев полагал наличие у истории плана по созданию Божьего царства, христианской цивилизации в которой должны быть разрешены противоречия различных ветвей церкви. Однако, его оценка русского народа и его роли в реализации данного исторического проекта была крайне отрицательной. «Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода» [295, с. 3].

По мнению вольнодумца, в России отсутствуют самобытные традиции и собственные духовные ценности, а все имеющиеся ныне, являются продуктом заимствований у других народов и прежде всего Запада, но и страна вообще выпала из всечеловеческого исторического прогресса и у нее отсутствует и прошлое, и будущее. Чаадаев, анализируя российскую историю, указывал: «Дело в том, что мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения. Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характеризовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добросовестно оценен; отсюда все эти странные фантазии, все эти ретроспективные утопии, все эти мечты о будущем, которые волнуют теперь наши патриотические умы» [294, с. 141].

Философические письма вызвали к жизни острый духовный конфликт, известный как спор западников и славянофилов. Историческое измерение этого спора, продолжается и в настоящем. Обсуждаются идеи права России на обладание своей культурой, традициями, самостоятельного пути исторического развития. Позиция славянофилов А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и других противоположна точки зрения последователей Чаадаева [294; 295] – западников В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и других, которые видели необходимость заимствования западных ценностей и технологий, искоренение отсталости России путем модернизации и либерально-демократических реформ, признание духовной солидарности России и Западной Европы как нераздельных частей одного культурно-исторического целого.

В конце XIX в. возникла *Четвертая коммуникативная революция* благодаря созданию новых коммуникативных средств аудио (радио, телефон) и видео (фотография, кино, телевидение). Появившаяся доступность к новым сведениям, фиксирование мгновения и его быстрая передача по всему миру, расширение вовне органов слуха и зрения человека привели к появлению глобальной деревни. Оборотной стороной подобных значительных трансформаций стало господство массовой культуры, навязываемой с помощью медиа и превращение личности в одномерного человека, способного под влиянием извне довольно легко менять не только свои убеждения, но и социокультурную идентичность.

Советский исторический проект, получивший начало своего развития в 1917 г., строился на идеях марксизма, которые являлись отражением одного из вариантов проекта Просвещения с созданием справедливого политического и экономического строя, формированием «нового» человека и в дальнейшем победы свободы над угнетением в мировом масштабе. Несмотря на декларируемые гуманистические идеалы, способ достижения этого состояния человека стал преимущественно насильственным, что повлекло за собой многочисленные жертвы. Отношение к истории стало крайне избирательным,

исторические деятели получали классовые оценки, их деятельность оценивалась с точки зрения современного понимания исторического прогресса. Это иногда приводило к крайне противоречивым результатам, так руководители крестьянских бунтов «бессмысленных и беспощадных» И. Болотников, С. Разин, Е. Пугачев из авантюристов и разбойников превращались в выразителей чаяний трудового народа, вождей крестьянских восстаний и предшественников революции.

Одним из главных коммуникативных инструментов проекта пролетарской революции выступал кинематограф. Режиссер С. М. Эйзенштейн в 1925 г. одним из первых проложил на экране путь в кинематографе к освещению недавней истории, осветив события революции 1905 г. в фильме «Броненосец Потёмкин». «Фильм поражал небывалой для игрового кино тех лет правдивостью человеческих обликов, атмосферы, фактуры предметов обстановки, деталей действия. В то же время в нем в смелых монтажных построениях, непривычных метафорах проводилась обобщающая идея — создавалось поэтическое ощущение неизбежности прихода революции и ее победы, победы парода» [97, с. 15].

Либерально-демократический проект реализовывался во многом с помощью радиовещания эпохи Холодной войны. Во всех передачах («Голоса Америки», «Свободы», «Немецкой волны», и подобных радиостанций) в скрытой форме так или иначе ставился под вопрос исторический опыт советского государства в целом и традиционные ценности исторической России в частности. Зачатую западные радиоредакции, транслировали мнения перебежчиков из СССР и стран социалистического содружества, которые всячески стремились под видом инакомыслия откровенно фальсифицировать историю, в частности значение и роль советского народа во Второй Мировой войне, освобождении мира от нацизма.

Для противодействия враждебной пропаганде в СССР была создана редакция Иностранного вещания, которая активно занималась продвижением коммунистических идей в других странах, а иностранные радиопередачи

систематически подавлялись посредством генерации электронных шумов. С началом времени «гласности» и «перестройки» работа по подавлению сигнала практически сошла на нет, а после провала ГКЧП, в котором большую роль сыграло вещание таких западных радиостанций как Свобода, оперативно представлявшее информацию из окружения Б. Н. Ельцина из осажденного Белого дома, глушение было прекращено.

Сегодня мы являемся свидетелями *Пятой коммуникативной революции*, базисом которой стали технологии информатизации, робототизации, цифровизации, компьтеризации. Несмотря на огромные открывающиеся возможности доступа к базам данных в режиме онлайн, новым механизмам виртуальной работы и развлечения, возникло также клиповое мышление с присущим ему снижением познаний, примитивизацией восприятия. Все ускоряется процесс «гибели Галактики Гутенберга», как отвращение аудитории от чтения книг и их замена короткими сообщениями блип-культуры: «идеи скручены в длинные нити, приходят *блипы:* обрывки новостей, объявления, заголовки, команды, отрывки песен, мультфильмы, коллажи, распространяемых в огромных количествах медиа» [251, с. 57].

Современные информационно-коммуникативные технологии позволяют создавать привлекательные и наглядные визуальные образы истории, которые способствуют ее некритическому восприятию широкими массами людей. Ранее, для того чтобы получить представление о прошлом, необходимо было получать специальные знания в процессе длительного обучения, приобщения к культурным артефактам, уяснение аспектов прошедших времен в процессе самостоятельного поиска информации, путем прочтения книг, архивных данных или хотя бы просмотра фильмов, посвященных минувшим эпохам. В настоящее время подобного уже не требуется, в эпоху дефицита времени, формируемой блип-культуры, большинство людей начинают получать историческую информацию фрагментарно, заимствуя ее от блогеров – лидеров общественного мнения или от участников стихийно формирующихся диффузных сетевых

сообществ- «новых племен» по терминологии М. Маффесоли [179]. При этом у воспринимающих указанную информацию формируется клиповое историческое сознание, которое отличается стихийностью, изменчивостью, легковерием и высокой зависимостью от внушения, отсутствием критического рассмотрения исторических фактов и как следствие высокой его управляемостью.

Можно говорить о том, что виртуализация исторического сознания привела к становлению постистории, базирующейся на постмодернистских концептах рециклирования и симулякризации прошлого. Предпринимаются попытки создания новой (множественно альтернативной) действительности, как исторической, так и современности. Это уже не отдельные эпизоды фальсификации истории, которые осуществлялись в процессе четвёртой коммуникативной революции. В данном случае речь о полном переформатировании прошлого, что может быть закреплено в историческом сознании посредством функций блокчейна, представляющего собой сетевой реестр, цепочки которого соединены в блоки, и как заявляется в них не будет невозможно внести какие-либо изменения.

В качестве итогов отметим следующее:

1) В определении роли истории в развитии социума имеется множество подходов: *нарративно-приключенческий* Геродота (предназначение истории предотвращение забвения памяти о событиях прошлого), *онтологический* Платона (история как фиксатор исторической реальности), *рационально-гносеологический* Фукидида (история – это логический поиск истины о минувшем), *прагматичный* Полибия (история как наставница жизни, фон для собственных суждений и аргументов), *художественно-альтернативный* Тита Ливия (история как материал для строительства собственных фантазий), *хвалебно-оправдательный* Иосифа Флавия (история как возможность оправдания перед потомками за свои и чужие действия), *казуальный* Тацита (история как рода моральное руководство, трансляция примеров для подражания как положительных, так и

отрицательных, важна не хронология, а благородные деяния и высказывания сильных мира сего), *провиденческо-телеологический Августина Блаженного* (история как план осуществления всеобщего искупления и ожидания спасения), *революционно-прогрессорский* Петрарки и Вольтера (история как процесс прорывного развития человечества) [438].

2) К числу моделей изучения использования исторических знаний в социальных целях могут быть отнесены: *климатогеографическая детерминистская модель* (зависимость исторического развития от климатических и территориальных особенностей), *экономико-детерминистская* (определяющее влияние общественного бытия на историческое сознание), *модель структур повседневности* (устойчивые отношения между различными условиями материальной жизни и массами, порождающие структуры социального взаимодействия), *куматоидная* (обусловленность типа культуры волнами социального развития, связанными с созданием новой техники), *дискурсивная* (наличие сводов предписаний и запретов, норм, предопределяющих языковое поведение и мышление), *медиа-детерминистская* (развитие социума посредством конструирования новых медиатехнологией).

Глава 4
Основные характеристики процесса социального конструирования истории

Во все времена у лиц, стоящих у кормила власти, имелось желание использования исторических сведений с целью упрочения своего режима правления, подобный соблазн искушал и тех, кто только боролся за обретение силы и могущества. Но никогда ранее не имелось возможностей полностью изменить историческую реальность, создав тем самым альтернативный вариант прошлого. В настоящее время, благодаря появлению всеобъемлющих информационно-коммуникативных технологий, а также множества концептуальных разработок трансформации знания о прошлом, впервые у социально-политических акторов появилась возможность радикального конструировании истории посредством специальных практик.

4.1 Сущностные черты практик социального конструирования истории

Общеизвестно, что использование истории в политических интересах, посредством различных толкований его исторических вех, зародилось еще в глубокой древности. Так, древние правители, сосредоточив в своих руках всю власть, использовали историю для определения правомочности функционирования сложившихся политических систем, а также в качестве инструмента рационального оправдания той или иной проводимой политики. В этом ключе политолог Дж. Филлипс говорит о политизации истории, понимая под ней «целенаправленный процесс отбора, ведущий к отбраковке и утрате некоторых событий, тогда как другие сохраняются и превращаются в символы идентичности» [328, с. 4]. Что в свою очередь нередко ведет к манипулированию историческими фактами и даже к их искажению.

Характеризуя, современное состояние глобального социума как проявление острой фазы информационного противостояния между сторонниками однополярного и многополярного миров, которое находит свое проявление в организации цветных революций и локальных военных конфликтов, спонсировании террористической деятельности, популяризации гедонистического образа жизни, манипулировании общественным мнением, реабилитации фашизма, широкомасштабном тиражировании фейков и так далее.

Следует отметить, что для современной России и ее общества как участников такого противостояния повышается значимость в укреплении целостности ретробытия и в формировании у своих граждан твердого исторического сознания, которое сможет обеспечить сохранение идентичности и создать благоприятные условия для развития российского государства в будущем. В целях недопущения этого процесса различные зарубежные политико-экономические структуры сегодня активно реализуют специальные социальные практики и технологии, вызывающие сомнения в существовании такого понятия, как историческая реальность, а также попыток «прорыва» к ней через призму исторических архивов.

По этому поводу советник Министра обороны Российской Федерации А. М. Ильницкий высказал точку зрения, согласно которой спецслужбы США совместно с военно-политическим руководством стран НАТО и ЕС ведут сегодня против российских граждан «ментальную войну». Главной задачей информационной войны данного типа является навязывание обществу другой исторической реальности, которая кардинально отлична от истины [117].

В. А. Шнирельман в этой связи отмечает, что: «Если верно то, что историк испытывает на себе влияние не только внутри исторического академического дискурса, но и давление со стороны окружающей социально-политической среды, то это вдвойне относится к национальным историкам. Ведь они, наряду с другими своими соотечественниками, не только остро ощущали несправедливости проводимой по отношению к ним национальной

политики, но и делали все, что было в их силах для того, чтобы продемонстрировать с помощью отсылок к историческим примерам всю глубину и безосновательность этих несправедливостей. И дело вовсе не в том, что якобы все местные историки сознательно и с энтузиазмом развивали этноцентристские концепции. Нередко они были вынуждены делать это помимо своей воли, находясь под сильным давлением со стороны местных властей и общественности.» [302, с. 18-19].

В бытность своего руководства Институтом истории РАН А. Н. Сахаров, высказал (в 2009 г.) по этому поводу следующее: «в последние годы в научном пространстве исторической науке наблюдается тенденция, в рамках которой сформировалось множество концепций и теорий, реально наносящих ущерб российской государственности, сочинители которых прибегают к заведомой лжи с тем, чтобы исключить из сознания молодого поколения России какие-либо позитивные ассоциации, связанные с историей своей страны, ее современным состоянием, целями и задачами эффективного развития…» [396]. По его мнению, «искаженные представления о прошлом не только уничтожают современные механизмы управления государством, но и подрывают общественно-политическую жизнь социума, трансформируя его в примитивную маргинальную массу людей «не помнящих родства» [396].

Более того, функционирование в обществе подобных концепций и идей – как показывают события современной Украины – формирует предпосылки для развития внутригосударственных конфликтов, результатом которых являются утрата духовности, активный рост экстремистских идей в молодежной среде, повсеместная наркомания и разбой, а также унижение и геноцид гражданского населения [376].

Для определения сущностных и содержательных черт понятия «практики социального конструирования истории» необходимо представить понимание дефиниции «практика». Практика (от др. греч. πρακτικός – деятельный) понимается как «чувственно-предметная деятельность социального субъекта, направленная на освоение и

реорганизацию природных и социальных объектов» [264, с. 488]. Иными словами, это специфическая форма человеческой активности, сосредоточенная на создании определенных условий необходимых для функционирования социума.

В настоящее время в науке существует множество праксиологических теорий, но следует зафиксировать три основных концептуальных направления, характеризующие природу данной дефиниции: *гуманистическая, деятельностная и концепции «повседневной социологии».*

В рамках *гуманистической концепции* практика тесно переплетается с понятием «технология» (от др. греч. *τέχνη* – мастерство, умение) в контексте осмысления и раскрытия оппозиций «естественного» и «искусственного». Так, в Древней Греции под «технэ» понимали профессиональное искусство, мастерство, направленное на воспроизводство каких-либо вещей (например, «технэ кузнеца» – это умение изготовить «вещи» из металла) [450]. Согласно учению Платона, бытие человека осмысливается как функционирование «мира идей», наполненного множеством «эйдосов» – исходными прототипами объектов реального мира, накладываясь на которые как исходный образец появляются копии-симулякры «мира вещей».

Примечание – Эйдос (от др. греч. *εἶδος* – вид, образ, образец) – термин, обозначавший «видимое», «то, что видно», постепенно получил более глубокий смысл – «конкретная явленность абстрактного», «вещественная данность в мышлении», в общем смысле – аналог идеи и способ организации и/или бытия объекта.

Следуя идеи мыслителя, носитель какого-либо «технэ» находится вне природы и посредством использования особого духовного состояния-инструмента «феории» (созерцания истины) он воплощает в действительность различные необходимые ему объекты и предметы, подражая их прототипам в мире идей.

Таким образом, практика выступает некой особой формой искусства, при котором знание есть умение извлекать из природы ее потенциальные

возможности необходимые для людского существования, так и некая тайная сила «избранных» над обществом в целом.

Сторонники *социальной теории* рассматривают практику как целостный феномен, проявляющейся только в общественной жизни индивида. К. Маркс, анализируя протекающие социальные процессы, указывал в своих трудах, что общественная жизнь человека имеет практический характер, при котором «различные мистерии, свойственные обществу и уводящие современную теорию в мистицизм, находят свое рациональное объяснение лишь в человеческой практике и в понимании этой практики» [172, с. 3]. В этой связи он выделяет две основные формы практики:

– труд, рассматриваемый как производство материальных благ;

– социально-преобразующая деятельность масс, сосредоточенная на изменение социальных отношений. Так, одни аспекты социальной практики связаны с процессом труда и базисом социально-экономической формации, а другие ее проявления связаны с надстройкой и являются результатом духовного отражения того, что происходит в материальном производстве.

Таким образом, под практикой осмысливаются процессы повседневной жизнедеятельности и взаимодействия социальных субъектов по изменению биологического и социального миров, а также различные формы действий индивидов, связанные с коллективным целеполаганием.

В рамках *концепции повседневности* практика представляется через призму повседневной деятельности индивида, которая постоянно подвергается процедуре «опривычивания». Здесь имеет смысл обратиться к идеям французского мыслителя П. Бурдье. В своих исследованиях Бурдье для раскрытия сущностных и содержательных черт социальных практик использует понятие «габитус» (лат. *habitus* – внешний вид; *habitude* – привычка), выражающего в социальном мире соединение объективистских и субъективистских концепций, а также систему восприятия и действий индивида, предопределяющую его поведение; совокупность «структурирующих структур», сформированных в его психике посредством

усвоения им социальных действий по «привычке» (опыта): «это продукт истории, приобретенная система порождающих схем, позволяющая производить бесконечно большое число практик…» [38, с. 108].

Исследуя археологию современных практик, английский ученый Э. Гидденс пришел к выводу, что содержательной чертой всех социальных практик является присутствие определенного заднего плана – «фона или контекста», в качестве которого выступает процессы *рутинизации* (упорядочивания в пространстве и во времени) и *рекурсивности* (возвратность и повторяемость действия). В этой связи он утверждает, что «социальная деятельность, подобно некоторым самовоспроизводящимся элементам природы, является повторяющейся… она не создается людьми, а только лишь постоянно воспроизводится ими, причем теми средствами, которыми они реализуют себя как социальные акторы» [61, с. 18-20].

Следуя этой мысли, под социальными практиками осмысливаются различные формы человеческой активности индивида (мышление, поведение, поступки, ежедневные привычки, обычаи, традиции и так далее), которые он воспроизводит посредством наследования ранее полученного им социального опыта (рутинизации и рекурсивности).

Таким образом, выявленные особенности и разнородности между указанными подходами позволяет осмыслить формы и способы организации социальных практик, а также степень оказания их влияния на развитие социума в современном мире.

Исходя из вышеизложенного встает закономерный вопрос: В чем заключается специфика социального конструирования истории?

Прежде всего необходимо отметить, что история как наука является составной частью социогуманитарного знания, которое обладает особым свойством – *мультипарадигмальностью* (наличием большего множества социально-философских концепций и теорий, имеющих право на свое существование в силу ряда объективных причин). В этой связи в научном

сообществе существует большое разнообразие подходов к осмыслению сущности данного явления.

Так, группа западных исследователей (Г. Фон Лист, Л. Пэрс [222], М. Петцет, Д. Телен [457], Вандерстэл [472] и другие) утверждает, что сущность социального конструирования истории заключается в управлении общественным сознанием масс и сводится к реконструированию наиболее значимых исторических событий. Ярким примером такого реконструирования является открытый музейный комплекс *«живой истории»* в Скан-сен в Швеции, в котором воссозданы исторические образы жизнедеятельности жителей европейского города периода XIX века.

Примечание – «Живая история» – формат исторической реконструкции, главным условием которой является максимально полное и достоверное воссоздание образа жизни людей какой-либо местности в определенный исторический период.

Российский биолог-исследователь С. В. Савельев и его однофамилец историк А. Е. Савельев, основываясь на утверждении, что запоминание человеком какой-либо информации является нестабильным (применительно к своему содержанию) и энергозависимым процессом: «через час человек забывает половину всего попавшего в его память, через сутки – две трети и так далее по нарастающей экспоненте» [384], предлагают рассматривать социальное конструирование истории через призму социального наследования памяти и выявления ее связей с коллективным и индивидуальным мышлением.

По мнению И. Д. Тузовского, некоторые концепты такого рода конструирования представлены в различных антиутопиях: *стабильно длящегося настоящего* («мягкое» изменение истории у А. Азимова в романе «Конец Вечности»); *изменяемого прошлого и моделируемого будущего* (деятельность сотрудников Министерства Правды в антиутопии Дж. Оруэлла «1984».); *конец истории* (развитие идей «общества потребления» в «Дивном новом мире» О. Хаксли); *циклического социально-исторического времени* («пелфаза» – первая стадия свободы демократии; «интерфаза» – вторая стадия

хаоса и анархии; «гусфаза» – третья стадия тоталитарного порядка в книге «Семя желаний» Э. Берджесса); *линейного стадиального развития человеческого общества* (формирование «Единого государства» в «Мы» Е. И. Замятина) [254].

З. Фрейд, изучая различные типы неврозов человека, вводит понятие «эскапизм» (от англ. *escape* – убежать, сбежать) – отказ индивида от существующей реальности. По мнению исследователя, данный феномен воспринимается человеком как один из вариантов его психологической защиты, когда психика индивида функционирует по принципу «табу»: как будто бы события действительности (в особенности чрезвычайно травмирующие) вообще не происходили [268]. Следуя этой идее, социальное конструирование истории может быть представлено как преднамеренный отказ человека от прошлого. Например, преднамеренное непринятие некоторыми прозападно настроенными украинскими гражданами исторических фактов в отношении объявленного своим национальным героем С. Бандеры, свидетельствующие о нем как организаторе геноцида мирного населения.

Весомый вклад к осмыслению процессов социального конструирования истории вносят идеи французского философа Ж. Бодрийяра. Как уже отмечалось ранее французский мыслитель утверждал, что современное состояние социума приобретает черты гиперреальности, виртуальной псевдодействительности. По его мнению, прошлое постоянно подвержено процессу организации симулякров (создание правдоподобных копий), как процедура нескончаемой фальсификации событий и фактов исторической действительности [31]. Другими словами, историческому пространству вообще отказывают в праве на существование или еще точнее, симулякров прошлого настолько стало много, что выбрать из них ту ретрореальность, которая действительно существовала когда-то, не представляется возможным.

Таким образом, для выявления и анализа сущностных черт практик социального конструирования истории в контексте развития современного

социума обозначим следующие подходы, которые позволят в полной мере описать мультипарадигмальную природу исторического знания: *конструктивистский, феноменологический, семиотический, мифологический, лингвистический, постмодернистский и медиакоммуникативный.*

В *конструктивистском подходе* любое знание рассматривается как элемент оппозиции «субъективное – объективное» в рамках функционирования современных взаимодействий между людьми, где оно формируется когнитивной системой «живого организма» в процессе его рефлексии [436]. Следуя этой позиции, объективного знания в природе не существует, различные формы знания в этой связи являются всего лишь смысловыми конструкциями (композициями) – результатом работы человеческого сознания [293].

Американский психолог Дж. Келли в своих работах высказал точку зрения согласно которой принятие человеком картины мира соответствующей действительности реализовывается через призму «наличествования» моделей мира в сознании, разделяемых на бинарную оппозицию «свои-чужие», посредством чего личность создаёт субъективные предположения о реальности, оценивает их приемлемость, соответствие реальной картине мира, при наличии расхождения производит коррекцию, если возникает в этом насущная необходимость. Другими словами, в рамках конструктивистской традиции принято говорить не о проблеме истинности знания (теории), а о соответствии (или противоречивости) рационально-логическим критериям, о широте охвата объясняемых феноменов, лаконичности и даже красоте [129].

Основатель идей радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельд полагал, что конструирование знания сходится в общей точке с конструированием реальности и прямо пропорционально находится в зависимости от человеческой активности, когда каждый ученый осваивает свой созданный исторической конструкт действительности: «Прежде чем провозглашать истинное знание о мире, следует убедиться в том, что та картина, которую вы строите является во всех отношениях истинной

репрезентацией мира в том виде, в каком он действительно существует. Однако, для того чтобы быть уверенным в том, что это сходство достоверное, необходимо иметь возможность сравнить данное представление с тем, что оно, как предполагается, представляет...» [319, с. 93].

Немецкий историк А. Шлецер в своей работе «Летописи России» («Annales Rossici») акцентирует внимание на взаимосвязи истории и политики. По его мнению, «до формирования государственности, у древних славян не было никакой связной истории и как следствие данной проблемы необходимо приложить усилия для ее конструирования. Для этого, по его мнению, необходимо не только изучать русские летописи, но и проводить сопоставительный анализ с иностранными источниками, учитывая при этом их грамматический строй языка. Кроме того, исследователь предлагал издать учебники по истории на «легком русском» языке для популяризации своих идей в широкие массы» [422, с. 58].

Итогом деятельности немецких авторов стала «норманнская теория» о неспособности самостоятельного создания государства и необходимости привлечения в качестве государственно-образующего элемента заморских искателей приключений – викингов. Имеется версия, что эта историческая конструкция получила большую поддержку у правящей царской династии, которые имели германские корни.

Если идеи Шлецера принижают историю Руси, то концепция «новой хронологии» группы математиков во главе с А. Т. Фоменко, напротив возвышают роль Москвы над всеми другими народами как Европы, так и Азии. Они полагают, что имеется конспирологический фактор в представлении истории учёным сообществом Запада, которое поддерживает версию фантомной истории с различными сдвигами во времени, самым длительным является сдвиг в 1000 лет [266].

Интерпретативный подход. Следующей значимой составляющей в отношении конструирования современного исторического пространства

является *описание и интерпретация* дошедших до нас исторических документов, а именно летописей, хроник и мемуаров.

Еще, начиная с конца XIX века в научном кругу западных историков активизировались дебаты по поводу статуса истории как науки. Один ряд исследователей утверждал позицию, согласно которой история – это инструмент для фиксации только фактов исторической действительности, другие историки напротив полагали, что ее главной функцией является выработка стратегий для их «трактования». Так, в попытке отстоять независимость истории, в частности, и социально-гуманитарных наук в общем В. Дильтей отстаивал позицию, что они направлены на понимание и интерпретацию, духовное постижения социокультурных смыслов, в отличии от естественных наук, которые направлены на осмысление и *объяснение* природных процессов и явлений за счет использования универсальных средств (объективных законов).

В этой связи немецкий мыслитель Х.-Г. Гадамер видит основную задачу интерпретации исторического прошлого через развитие диалога между историком и исследуемым им текстом: «Интерпретатор должен стремиться не просто понять то, что сказал автор, но пробиться к еще более глубокому слою заключенного в тексте смысла, к тому, что автор хотел сказать» [53, с. 106].

В качестве примера конструирования прошлого посредством интерпретации или точнее переинтерпретации исторических источников выступают работы «Виїмки з джерел до історії України-Русі» (1895), «Описи королівщини в землях руських XVI в.» (1895–1903), «Розвідки и матеріяли до історії України-Руси» (1896-1904) основателя украинской историографии историка-русофоба М. С. Грушевского. В своей работе он утверждает о параллельном существовании двух различных народностей: «украинской» и «великорусской», отрицая при этом общепринятую в научных кругах и подтвержденную неангажированными историческими изысканиями парадигму «наличествования» целостной древнерусской народности [73].

По Грушевскому, формирование «украинской» народности имеет три этапа становления: первый – образование Киевского княжества племенами укров, живших в то время на территории современной Украины; второй и третий этапы связаны с Галицко-Волынским и Литовско-Польским периодами истории. А формирование «великорусской» народности соотносится с развитием Владимиро-Суздальского княжества, а в дальнейшим и с Московским периодом истории (Московия).

Таким образом, Грушевский предпринял попытку создать новое историческое измерение, в котором существуют две противоположные исторические реальности: «История Украины-Руси» и «История Московии и Великороссии». Данная концепция была использована украинскими националистами еще в начале XX в., но особое развитие получила после 2014 г. и была использована для разжигания вражды и ненависти к российскому братскому народу. Так, в современных украинских учебниках по истории борьба Московского княжества с Польско-Литовским княжеством представлена как модернизация украинского государства (термин, характерный для политики стран XX в., а не для государств XVII в.), посредством ведения войны за независимость украинского народа от русских «оккупантов». Результатом такого конструирования прошлого явился геноцид русскоязычного населения на территории Южной и Восточной Украины (сжигание пророссийских активистов в доме Профсоюзов в Одессе; артиллерийский расстрел детей на пляжах Зугрэса, убийство «Горловской Мадонны», а также фактический запрет русского языка не только на официальном уровне, но даже на бытовом и другое).

Основатели *«школы Анналов»* (лат. *annales* – погодовые записи, летопись) историки М. Блок и Л. Февр придерживаются противоположной позиции. Они предлагают перейти от изучения исторических фактов и событий к исследованию различных форм исторических данных социальной повседневности человека в целях выявления фундаментальных структур социума. По их мнению, исторические документы не является истиной, они

могут быть, легко сфальсифицированы и лишь от личностной позиции исследователя, который использует в своей деятельности инструменты познания смежных наук (этнография, статистика, история техники и других), зависит смогут ли они заговорить, раскрыть ту искомую истину или останутся немыми: «для понимания истории необходимо обнаружить смысл явления, постигнуть мотивы людей, совершивших поступки в условиях, прочитанных ими на свой манер» [26, с. 144]. Так, российское издательство «Молодая гвардия» осуществляет с 1999 года проект «Живая история. Повседневная жизнь человечества», в рамках которого уже изданы сотни книг, посвященных различным аспектам жизни рядовых персонажей истории как отечественной, так и всемирной. Среди таких книг можно найти: «Повседневная жизнь охотников на мамонтов»; «Повседневная жизнь людей Библии»; «Повседневная жизнь женщины в древнем Риме»; «Повседневная жизнь викингов. IX-XI века»; «Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света»; «Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII-XIX веков»; «Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года». Все эти книги, российских и зарубежных авторов, оформлены в жанре исторического романа, несмотря на это, претендуют на документальность изложения, хотя в них отсутствуют ссылки на данные архивов, научно установленные факты, а присутствует скорее творческая авторская фантазия. Одновременно с этим стоит отметить, что в рамках исторической «школы Анналов» написано и издано множество действительно научных исторических трудов.

В рамках современной *дезинтеграции* (утраты человеком ценностных основ, нарушении процессов его самоидентификации) и *медиатизации* (широкомасштабного распространения новейших информационно-коммуникативных средств передачи информации, развития феномена «пост-правды», появления «свободных» СМИ) общества особое значение как элементов социального конструирования прошлого приобретает *коллективная память.*

По мысли французского историка П. Нора, тесно связанного со Школой Анналов современным историкам следует сосредоточится на изучении мест памяти (коммемораций), ведь именно в них осуществляется хронологическая связь прошлого и настоящего, пространственная связь между историческими событиями и современной жизнью, то есть история оживает и становится частью нынешней эпохи [191].

Под *«коммеморацией»* в данном случае понимается некая совокупность различных специализированных ритуально-публичных способов и приемов, направленных на сохранение, закрепление и передачу коллективной памяти социуму о значимых символически выраженных представлений о прошлом в целях формирования у него определенных ценностей и моделей поведения. Согласно мнению французского социолога Э. Дюркгейма, наиболее значимой характеристикой мест памяти является эмоционально-чувственная вовлеченность ее участников в мемориальное действие. Такое восприятие обусловлено тем, что в ее основании лежит «коммеморативное ядро» – определенный символически значимый объект (отдельная личность, место, событие или их совокупность и так далее) являющийся собственно поводом для акта поминовения [105].

В настоящее время коммеративные практики как инструмент конструирования истории активно используются на постсоветском пространстве. Так, «отец армянского национализма» Гарегин Тер-Арутюнян (псевдоним «*Нжде*» – перевод с арм. «скиталец», «паломник») благодаря деятельности некоторых историков признан в современной Армении национальным героем, который боролся за независимость против турок еще в начале XX в., в том числе и террористическими методами. Однако, совсем забыта его деятельность в годы Великой Отечественной войны, когда Нжде тесно сотрудничал с фашистским руководством, участвовал в создании так называемого «армянского легиона» СС, став заместителем его командира, принимал также участие в геноциде мирного населения Украины и Польши и других военных преступлениях.

В 2016 г. в Ереване на государственном уровне состоялось открытие памятника Г. Нжде. После его проведения официальный представитель МИД России М. В. Захарова выступила с заявлением, в котором она высказала недовольство и возмущение российских граждан в отношении проведения данного мероприятия: «Для нас непонятно, почему установлен указанный памятник, ведь все мы знаем о подвиге армянского народа… а это предатель и пособник фашизма, тот человек, который не достоин, чтоб его помнили и почитали» [345]. После чего последовала реакция со стороны официальных представителей политического руководства Армении, которое заявили, что «для современного армянского народа Нжде является национальным героем, который боролся за независимость Армении и он такой же герой, как и Александр Невский, Суворов, Кутузов или Багратион для братского русского народа» [334].

Таким образом, в соответствии с вышеуказанными позициями историческое пространство современного социума осмысливается как сложная многоуровневая социально-когнитивная система, способная к конструированию посредством реализации различных социальных практик (радикального конструирования, интерпретации, школы «Анналов», коммеморации) [450]. Что позволяет в свою очередь осмыслить их роль и влияние на повседневную жизнедеятельность современного человека, а также выявить функции таких узловых понятий как «ретробытие», «историческая истина», «историческое сознание», «коллективная идентичность», «память» применительно к развитию российского общества.

В рамках *феноменологической традиции* практическая деятельность человека формирует и создает его окружающую действительность, осознаваемую как совокупность отдельных феноменов. Согласно мысли Э. Гуссерля, первостепенная задача исследователя при изучении внешнего мира заключена в опоре на полученные первоначальный опыт и знания, являющиеся результатом интуитивного мышления: «это то, чем люди живут,

имея об этом часто смутное, непроясненное, нерефлектированное знание» [80, с. 32-37].

Австрийский социолог А. Щютц считает, что краеугольным камнем процессов формирования окружающего мира человека является его собственное «Я», что формируется в сознании посредством *феноменологической интерпретации* окружающей действительности. Таким образом, все процессы в истории (мир предков) тесно связаны с современностью (мир современников и партнеров) и будущим (мир потомков) и выстраиваются вокруг моего «Я» [304].

П. Бергер и Т. Лукман трактуют социальную действительность индивида через призму его интерсубъективного сознания, в котором главенствующую роль в отношении конструирования окружающей реальности занимает повседневное знание человека о мире. По их мнению, в реальности соприкасаются различные уровни *эмпирической темпоральности.* Как следствие такого взаимодействия, вся повседневная жизнь общества «насквозь пронизана» и упорядочена временем, для человека время непрерывно и конечно. Оно накладывает на сознание индивида определенные временные отпечатки структуры жизни социума, которые устанавливают формы и характер его взаимодействия с окружающим внешним миром [453].

Еще одним важным социальным конструктом является язык, который закрепляет знаковые обозначения окружающего мира, помогая сделать реальность для личности и общества еще более убедительной.

Исходя из этого, исследователи выделяют следующие этапы конструирования социальной реальности:

В качестве первого этапа выступает *габитуализация* – процедура опривычивания, рутинизации человеческой деятельности, в рамках которой любая форма активности индивида подвергается процессам стандартизации (упрощения), создавая при этом фундамент и ресурсы (энергию, время) для конструирования социальной действительности: «Часто повторяющееся действия становится образцом, и их можно воспроизводить с экономией

усилий, вследствие чего у человека возникает энергия для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо» [23, с. 91].

Второй этап – это *институционализация* (лат. *institutum* – установление, обычай) – специфическая форма деятельности, направленная на преобразование (типизацию) социальных отношений людей, возникших в контексте повседневного опривычивания их активности и обеспечения насущных социальных потребностей, в социальные институты с определенными уставными правилами и нормами. Например, английский философ Т. Гоббс в своей работе «De Cive» утверждал, что человек по отношению к другому является волком (лат. «homo homini lupus est» – «человек человеку волк»). В этой связи в качестве первопричины образования государства как социального института он видел необходимость в создании между людьми «общественного договора», который будет способен обеспечить их защиту от других [61; 332].

Следующий этап следует обозначить как «*историзацию и объективацию»* в рамках которого осуществляется интеграция социальных институтов в историческое пространство социума и приобретают новое качество – объективность. Такой объективированный институт в этой связи предстает перед индивидом как объект «обладающий своей собственной реальностью; реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом» [64; 321].

Четвертым этапом является *легитимация* (лат. *legitimum* – законный, действительный) – система истолкования (интерпретации) смыслов и значений институционализированного мира, включающая в себя процедуры поиска и декларации разнообразных форм оправдания (узаконивая) сложившихся социальных институтов для последующих поколений. В этой связи наиболее значимым элементом данной системы выступает язык. Посредством языка человек постигает этот мир, именно язык производит и поддерживает реальность индивида.

Заключительным этапом конструирования социальной реальности выступает *интернализация* (лат. *interims* – внутренний) – процесс переноса (усвоения) в обществе новой социальной организации через восприятие и передачи «знания», посредством чего появляются различные типы идентичностей.

Ярким примером социального конструирования истории как элемента формирования социальной реальности выступает деятельность римских пап по распространению и укреплению власти Римско-католической Церкви в странах Европы и Азии в период организации и проведения Крестовых походов.

Первый этап – *габитуализация.* В 1071 г. войско мусульманского государства сельджуков захватило святой город – Иерусалим со всеми его христианскими святынями. После захвата города Христа завоеватели стали активно преследовать христиан, уничтожать реликвии и храмы. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, высшее руководство католической церкви стало активно проводить религиозную программу среди верующего населения Европы, направленную на рутинизацию потребности проведения паломнических практик к святым местам для отпущения грехов, а также необходимости в организации военно-религиозного похода в Иерусалим (проповедь отшельника Петра Амьенского в церковный собор в Клермоне в 1095 г., согласно которой каждый верующий должен совершить паломничество и помолиться у Гроба Господня).

Вторым этапом выступила *институционализация* как организация военно-религиозной экспедиции в «Святую Землю» (Первый Крестовый поход). В организации похода ведущую роль сыграл Папа Римский Урбан II, обратившийся к жителям Запада с призывом освобождения Святой Земли от иноверцев. Речь Папы стала примером одной из самых результативных выступлений в истории ораторского искусства. Урбан не только обращался к духовным смыслам и религиозному долгу слушателей, но не забыл и материальные стимулы, вещая, что земли Иерусалима «истекают молоком и

медом», что даже преступник, избравший путь защитника Господа, получит полное отпущение всех грехов.

На третьем этапе *(историзация и объективация)* многие рыцари-участники похода дали священные обеты, в рамках которых провозгласили следующие цели: уничтожение неверных, освобождение Иерусалима, обеспечение защиты Гроба Господня, паломников и других христианских святынь. В этой связи они поместили себе на доспехи и одежду кресты (изначально Папа Урбан пожертвовал на это свой красный плащ), отчего в истории за ними закрепилось название «крестоносцы», а их военные экспедиции стали именоваться «крестовыми походами». Истинная цель, которую на самом деле преследовали рыцари, в первую очередь – это приобретение различных богатств и земельных наделов, а во вторую – распространение власти римской церкви в Палестине.

Легитимация. Для повышения эффективности этих решаемых задач с прямого согласия церкви были сформированы военно-духовные рыцарские ордена (тамплиеров, иоаннитов, Вифлеемский, Тевтонский и многие другие). Эти ордена под прикрытием церкви (отпущения грехов, освобождение Гроба Господня) творили еще больше беззакония чем первые крестоносцы: они грабили, присваивали себе чужое имущество и земли, совершали массовые убийства, казни, и тому подобное. Как результат такой преступной деятельности – отлучение от церкви ввиду еретических занятий идолопоклонством и жертвоприношениями. В дальнейшем военно-духовные ордены стали использоваться римской церковью и в других целях: борьба с инакомыслящими (резня катаров-альбигойцев в Безье в 1209 г.), насаждение западных ценностей и распространение власти Церкви в странах восточной Европы (крещение язычников «огнем и мечом» в Прибалтике, попытки окатоличивания Древней Руси).

На пятом этапе в контексте *интернализации* деятельность крестоносцев существенно повлияла на историческую реальность. Результатом явилось обретение современным европейским обществом образа врага – чуждого

Востока. В современности это находит своё выражение в виде социальных стереотипов, таких как «глобальная исламская террористическая угроза», «Россия – «Империя Зла».

С другой стороны, сформированы аттракционные рассуждения о социально-культурной исключительности запада, его возвышенном и гуманном образе жизни, наличии особых ценностей и идеалов.

Исходя из вышеизложенного, сторонники феноменологической традиции представляют социальное конструирование истории как целенаправленный процесс деятельности социальных акторов, сосредоточенный на формировании в сознании общества определенных моделей интерсубъективных социальных реальностей за счет активного применения языка различных социальных миров современного социума (габитуализации, институционализации, объективации, легитимации, интернализации).

Сторонники *семиотического подхода* придерживаются идеи, согласно которой социальная реальность индивида представляется синтезом различных знаково-символических структур (символы, знаки, образы, мифы, традиции и так далее) [453], устанавливающие формы его повседневного бытия и характер взаимодействия с окружающей действительностью.

Примечание – концепция «символического животного» «animal symbolicum» основана на том, что современный человек в условиях современности постоянно находится в состоянии осмысления разнообразных смыслов и значений лингвистических форм, художественных образов, а также мифических символов, которыми наполнен мир.

Основатель советской школы семиотики Ю. М. Лотман, проводя исследования влияния символов на социальную культуру, творчески переосмыслил концепцию «биосферы» В. И. Вернадского и ввел понятие «семиосферы» – это особое семиотическое пространство, сходное по своей сущности культуре и в рамках которого реализовывается социальная коммуникация. «Это особая точка соприкосновения между миром действительным и виртуальным, реальным и надреальным, земным и

высшим… некий мост, соединяющий между собой разные эпохи…» [159, с. 192].

По мнению Лотмана, символ противостоит перманентности времени и в процессе своего исторического развития, находясь внутри пространства культуры, он постоянно видоизменяется благодаря воздействию на него разного рода факторов. И как следствие этого: некоторые смыслы утрачиваются и исчезают, а другие – новые «накапливаются», как в рамках эволюции социума, так и занесенные им из других культур.

Например, история герба Российской Федерации берёт своё начало в Византии. Иван III принял в качестве символа русской государственности герб с двуглавым орлом, таким образом была сконструирована историческая действительность, в рамках которой российское государство стало правопреемником римских-ромейских имперских традиций, а Москва – третьим Римом [453].

Как отмечает Н. Гудмен, окружающий мир для человека – это совокупность символических языков различных социальных миров. В этой связи для него всегда существует только один единственный реальный мир, который он может аналитически интерпретировать, благодаря наличию в своем сознании огромного множества вариантов его символического описания (логики, искусства, религии или мифологии). История в этом контексте рассматривается как некий социальный конструкт – знаково-символическая система осуществления возможного.

Необходимо отметить, что люди, в описании своего реального мира, могут попасть под воздействие одного из описательных языков этих социальных миров. Вследствие чего, такой социальный мир для него приобретает статус «древнего божества или идола», затмевая собой как другие существующие интерпретации, так и саму настоящую действительность. И как результат «индивид превращается либо в интеллектуального фанатика, либо становится убежденным ироником-релятивистом» [453; 77, с. 59].

По мнению Гудмена, «процесс символического конструирования социальной реальности индивида реализуется с помощью различных знаково-дискурсивных операций, связанных ограничением или расширением информации, ее упорядочиванием или хаотизацией, разбитием на части или сложением, изъятием или деформацией» [77, с. 124-132]. Все это позволяет конструировать новые знания о окружающей действительности.

Одним из примеров символического конструирования истории является монумент, воздвигнутый в честь французской королевы Анны Ярославны (1032-1089 гг.), находящийся в монастыре Св. Викентия в Санлисе (Франция). По историческому преданию, Анна являлась основательницей этого монастыря в знак благодарности богу за рождение сына – будущего короля Франции сына Филиппа. В XVII в. в ознаменовании этого события в часовне монастыря была установлена скульптура с надписью**:** «Анна Русская, королева Франции». Поскольку отцом Анны был Князь Киевской Руси Ярослав Мудрый, украинская община Франции стала проводить акции протеста с целью устранения ассоциации Анны с Русью, в результате надпись была изменена в 1996 г.: «Анна Киевская, королева Франции».

Примечание – Подобного переименования добились в январе 2019 г. украинские активисты и в Турции, где была изменена табличка для туристов на усыпальнице жены султана Сулеймана Великолепного Роксоланы о ее русском происхождении на украинское. На самом деле о любимой жене султана Хюррем мало, что известно, за исключением, того, что она родилась в начале XVI века в семье православного священника Лисовского, в городе Рогатине, на территории современной Западной Украины, была захвачена крымскими татарами при одном из набегов и продана в гарем султана.

Данный казус с переименованием и последующей покупкой часовни прокомментировал епископ Б. Гудзяк: «Мы приобрели церковь в Санлисе, королевском городе, в котором жила Анна Ярославна, известная в мире как Анна Киевская, королева Франции. Этим церковным и юридическим актом мы показали, что источники украинской христианской европейской традиции живые и животворные» [397].

В мае 2017 г. в Версале состоялась совместная пресс-конференция политического руководства России и Франции, посвященной проблемам

сотрудничества. В своем выступлении перед европейской аудиторией президент Российской Федерации В. В. Путин изложил тезисы о роли княжны Анны Ярославны в дипломатических отношениях России и Франции: «Но не с поездки царя Петра во Францию началась история российско-французских отношений, она имеет гораздо более глубокие корни. Просвещённая французская публика знает о русской Анне – королеве Франции; младшая дочь нашего великого князя Ярослава Мудрого была женой Генриха I и внесла существенный вклад в развитие Франции, будучи одной из основательниц как минимум двух европейских династий – Бурбонов и Валуа, – одна из которых до сих пор правит в Испании» [390].

Президент Украины П. А. Порошенко на следующий день обвинил российского лидера: «Путин на глазах у всей Европы пытался похитить княгиню Анну Ярославну, дочь древнеукраинского князя Ярослава Мудрого в российскую историю» [338].

Таким образом, главной целью символического конструирования (переименования памятника, установленного русской княжне в Санлисе, покупка часовни, выступления епископа Б. Гудзяка и президента Украины П. А. Порошенко), есть влияние на сознание мирового сообщества, попытка формирования такой картины мира, где нет сколько-нибудь заметной роли древнерусского государства. И, соответственно, создание исторического конструкта «Украина древнее и самостоятельное государство», причём никак не связанное с Россией.

Итак, в рамках данного подхода трактуется идея интерпретации субъектами общественного развития, посредством практики по «созданию миров», исторических объектов и явлений значимых для людей в знаковом, символическом плане, формируя таким образом в сознании общества определенной форму социальной реальности с конкретно заданным только для нее историческим основанием.

Мифологическая традиция отстаивает позицию, в рамках которой любые представления о прошлом индивид получает посредством осмысления

различного рода исторических преданий, мифов, легенд и других структур, включенных в его духовно-социальное бытие. Это связано с тем, что массовое сознание социума во многом ориентируется на дологическое, мифологическое мировоззрение людей.

Под мифом в данном случае следует понимать определенную форму повествования, отображающую представления об устройстве мира и место человека в нем. Наиболее значимые признаки мифа в этом отношении выступают следующее его свойства: во-первых, отсутствие доказательной базы и причинно-следственной связи; во-вторых, наличие определенного символизма в объектах окружающей действительности; в-третьих, синтез прошлого и настоящего (архетипы К. Юнга); в-четвертых, особая ритуальность действий автора по организации мифа и в-пятых, эмоциональное переживания реципиента (получателя мифа) [454].

По определению французского философа Р. Барта, мифом является информационно-коммуникативная система, включающая в себя материальные и нематериальные объекты. Исследователь называет миф «похищенным языком», при котором предопределяющим фактором выступает форма передачи информации, а не ее содержание.

Барт выделяет следующую структуру мифа: *означающие* (смысл мифа и его форма), *означаемое* (концепт – совокупность каких-либо ассоциацией, посредством которых в миф проникает «новая» иная история), *репрезентация* (значение – деформация понятия по отношению к форме). В этой связи миф имеет определенное ценностно-идеологическое содержание, он не подвластен критерию истины, он это постоянное чередование смысла и формы: «смысл всякий раз присутствует для того, чтобы через него предстала форма, форма всякий раз присутствует для того, чтобы через нее отстранился смысл» [17, с. 249].

Особый интерес в отношении свойств мифа вызывает позиция Э. Кассирера. Он полагает, что миф, в соответствие со своей аксиологической природой, наделен способностью, позволяющей ему «расслаивать бытие»

индивида и в дальнейшим конструировать его восприятие окружающей действительности, придавая ей определенные смыслы и значения. «Мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами» … мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты» [418, с. 61].

Американский социолог Г. Лассуэлл видит в современных масс-медиа наиболее эффективные социальные наркотики, которые способны вводить человека в состояние «наркотизирующей дисфункцией». Современные СМИ лишь искусственно информируют массы об общественных проблемах, отождествляя информацию о событиях с конкретной активностью в их отношении. Это обстоятельство ведет к массовой апатии граждан [149].

Следует предположить, что миф способен доминировать над исторической действительностью в массовом сознании посредством специальных приёмов внедрения нужных образов, моделей, схем, через, художественные, изобразительные инструменты воздействия.

Ярким примером выступает сериал российского актера и режиссера Д. В. Козловского «Карамора» (2022 г.), в котором он исполнил главную роль. В картине зрителю показывается западный образ дореволюционной России начала XX в., в котором воплощены: грязь, предательство, революционный хаос, массовые убийства гражданского населения и так далее.

По сюжету главный герой – Петр Каразин (по прозвищу Карамора) проповедует в среде российской молодежи идеи анархизма и ведет подпольную (в основном террористическую) деятельность против государственной власти. При выполнении очередного задания Каразин обнаруживает, что Российской империей управляет некая тайная организация вампиров-дворян под названием «Священная дружина».

Примечание – «Священная дружина» – тайная монархическая организация в Российской империи, созданная для борьбы с революционным террором сразу после

убийства императора Александра II 12 марта 1881 г. Была первой известной антитеррористической организацией, созданной на общественных началах и при поддержке на самом высоком государственном уровне. Около половины личного состава Дружины были военными, среди них 70 % офицеров, имели высшие воинские чины. Также в её состав входило большое количество представителей русских аристократических родов.

П. А. Столыпин, Ф. Ф. Юсупов, Д. В. Дашков, А. Г. Щербатов и многие другие якобы действуют в рамках древнего договора с императорской семьей, суть которого довольна проста и сводится к тому, что упыри преследуют и уничтожают всех неугодных власти. Герой Козловского видит в них главную угрозу свободной России и объявляет им войну, ведь именно они виновны в бедах русского народа поскольку «пьют живительную кровь России-матушки».

В ходе своего противостояния Каразин встречает на своем пути многих исторических личностей, внесших значимый вклад в развития русской культуры и государства в целом, которые зрителю демонстрируются в не лучшем свете. Так, классик русской литературы Л. Н. Толстой показан душевнобольным стариком, не способным к созданию тех великих произведений, которые мы знаем. Также демонизированы в сериале руководители большевистского движения, например В. И. Ленина, изображают революционером-фанатиком, который для захвата власти готов пойти на крайние меры: «стать сам таким же вампиром», а образ ненавистного для западного общества И. В. Сталина представляется в качестве лидера преступно-террористической ячейки в Тифлисе, который за деньги готов продать идеалы коммунизма и демократии.

Таким образом, подобные кинокартины с помощью производства новой мифологии призваны перевернуть восприятие аудиторией исторической действительности и создать в ее сознании образы, в рамках которых декларируются следующие постулаты: у российского государства нет способности к естественному развитию; русские исторические персонажи не просто ординарные люди, они представляют собой демонические сущности;

российский народ лишён духовных, нравственных ценностей и тому подобное.

Лингвистический подход аргументирует идею, согласно который язык – это универсальное средство по созиданию всевозможных форм социальной реальности. Такое восприятия языка, связано с открытиями, сделанными австрийским философом-лингвистом Л. Витгенштейном. В своей работе «Логико-философский трактат» мыслитель указывает, что «границы моего языка определяют границы моего мира» [47]. Другими словами, именно обыденный язык позволяет человеку видеть мир и интерпретировать, протекающие в нем явления и процессы, усваивая при этом определенный опыт, который он в дальнейшим непроизвольно применяет в будущем.

В течение всей жизни человек занимается тем, что обучается значению слов, а также контексту их употребления и как следствие у него вырабатываются определенные правила социального поведения. Данный феномен получил название *«языковые игры»* [48].

«Язык – это не просто акт говорения как автономный процесс; он – деяние, совокупность речевых практик, тесно связанных с исторически сформировавшимися традициями, обычаями, реальными способами действия, а также поведением людей» [75, с. 4]. Австрийский философ считал, что процесс образования языковой игры обусловлен влиянием на него ряда определенных факторов, к которым следует отнести: «наличие языкового сообщества, понятность и нормативность языковых правил, а также обеспечение защиты указанных правил, при которых нарушители исключаются из игры» [450, с. 123].

Как полагал последователь Витгенштейна Дж. Р. Серлю, конструирование объективной действительности связано с усвоением индивидом определенных фактов о мире. В этой связи Серль выделяет две группы фактов: *«институциональные факты»* – факты о окружающем мире, которые являются таковыми исходя из общественного обоснования, что они реально существуют, то есть они установлены определенными соглашениями;

«грубые факты» требуют обязательного наличия языка для констатации самих себя. Но важно отметить, что «грубые факты сами по себе», явление, существующее в независимости от языка или других социальных институтов, в отличие от институциональных, которые могут функционировать только внутри специализированных институтов [329].

Следуя этой мысли, язык выступает одним из подобных учреждений. В целях объяснения его роли и значения в конструировании окружающей социальной действительности автор вводит понятие *«регулятивных»* и *«конструктивных» правил*. По его мнению, в языке существует ряд определенных правил, которые априорно регулируют практическую деятельность человека, другие же исходя из своего содержания и функционала имеют возможность к созданию самих действий (например, спортивные состязания, при которых правила проведения формируют возможность их насущной реализации).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о языке как важнейшем средстве конструирования ретробытия, создающим множество институциональных фактов, коими являются: событие, текст, символ, слово и тому подобное, которые представляют и отображают в сознание человека картину исторического прошлого.

В этой связи особый интерес представляет «Теория речевых актов» английского лингвиста Д. Остина. Он описывает речевой акт как сложную трехуровневую структуру: первый уровень – *«локутивный»,* представляет собой процесс говорения, произнесение определенного высказывания с некоторым значением (констатация факта); второй уровень – *«иллокутивный»* указывает на цель высказывания, в рамках которого должно совершиться конкретное действие; третий уровень – *«перлокуция»* есть конечный итог, результат влияния высказывание на человеческое сознание (например, испуг, реализация требуемого, проявление сочувствия и так далее) [196]. Исходя из этого, он утверждает, что язык способен оказывать воздействие на действительность благодаря использованию особых форм словесных

выражений – «*перформативных высказываний»* (от лат. *performo* – создаю), к которым относятся приказы, обещания, предупреждения и так далее. По мысли Остина это означает, что в перформативных высказываниях нет необходимости в поиске истины, их референтность обеспечивается самой констатацией словесного выражения, этот тезис активно применяется в ходе исторического конструирования. Так, например, в высказываниях, многих представителей современной украинской элиты, таких как Д. Кулеба, А. Арестович, М. Подоляк, да и нынешнего украинского президента В. Зеленского, построенных по перформативному принципу, безапелляционно заявляется о наличии угрозы западу и блоку НАТО со стороны России, поэтому Украине требуется предоставление финансовой, военной, технической, политической помощи, ибо только она сдерживает Россию от нападения, которое неизбежно ввиду «агрессивного» российского прошлого.

Также важно отметить, что одной из значимых сущностных черт языка в отношении конструирования истории является его способность к формированию дискурса.

М. Фуко определяет дискурс как речевые практики, объединенные в «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [271, с. 28].

В своей книге «Воображаемое установления общества» К. Касториадис рассматривает дискурс как множество социальных воображаемых *означиваний*, под которыми он понимает творение социумом различных языковых форм, символов и образов: «Человек, по сути, подчиняется воображаемым значениям, воображаемым творениям, принимая их за нечто естественно, застывшее и неизменное» [125, с. 36].

Воображаемые означивания формируют структуру и содержания «тотализирующего дискурса», который в свою очередь обуславливает другие существующие дискурсы (в том числе и те дискурсы, которые

регламентируют восприятия истории). В этой связи использование дискурсивных практик выступают эффективным инструментом по управлению массовым сознаем.

Творцы и создатели («собственники») различных дискурсов находятся в непрекращающемся противостоянии с целью установления единственно правильных, то есть «своих способов означивания», что влияет не только на восприятие, но и на формирование разделяемой социальной реальности в обществе или определённой группе. Этому процессу присуще следующие отношения: денотация, манифестация, сигнификация и специальное событие [90].

В качестве примера рассмотрим период Смутного времени в истории российского государства. В 1591 г. в Угличе при странных обстоятельствах произошла гибель младшего сына Ивана IV Грозного царевича Дмитрия. Сразу по поручению Бориса Годунова, являвшегося на тот момент времени фактическим правителем российского государства, была назначена комиссия по расследованию данного случая. Работа комиссии не дала каких-либо точных результатов, что привело к живучести слуха, особенно среди крестьян, что царевич был подменен другим мальчиком и остался жив (*денотация*).

Примечание – По одной из версий историков, Борис Годунов был причастен к гибели царевича Дмитрия. Для того, чтобы отвести от себя какие-либо подозрения причастности к убийству, Годунов назначил руководителем следственной комиссии князя В. Шуйского, который в свою очередь признал причиной смерти царевича самоубийство, в ходе несчастного случая, за что в дальнейшим был назначен в Боярскую думу.

Этапом *манифестации* явилось заявление самозванца Г. Отрепьева, прикинувшегося царевичем Дмитрием, о своем чудесном спасении от смерти, сделанное им при дворе польского магната А. А. Вишневецкого, и о своем желании занять московский престол, якобы принадлежащий ему по праву. Результатом манифестации стала личное опекунство князя над Лжедмитрием и оказание ему помощи в организации аудиенции с польским королем.

Сигнификация – признание польским королем Сигизмундом III самозванца Лжедмитрия I законным наследником российского государства в

рамках приватной встречи, на которой присутствовал представитель от папы Римского.

Специальным событием выступает проведение в 1605 г. военного якобы освободительного похода на Москву, положившего начало польской интервенции. При организации похода Лжедмитрий старался сформировать дискурс, где он является законным царём освободителем Руси от «похитителя царского стола» Бориса Годунова. Результатом его усилий явилось то, что жители московского государства встретили его не с оружием в руках, а с приглашением скорее взойти на престол. После своего венчания на царство он активно начал проводить политику, ориентированную на Речи Посполитую и окатоличивание России.

Таким образом, в представленном подходе, под практикой социального конструирования истории следует понимать языковое поведение субъектов социальной коммуникации, позволяющее через языковые игры, перформативные высказывания, мнимые в воображении означения, воспроизводить тотализирующий дискурс в описании исторической реальности, таким образом конструируя её.

Постмодернистский подход. Сторонники идей постмодерна защищают позицию согласно, которой в процессе формирования постсовременности, с присущей ей нелинейностью развития современного общества, ускорением социально-временных процессов и информационной насыщенности, а также множественностью форм проявлений человеческого бытия, ликвидируется основа, центр, представляющий фундамент для познания.

В настоящем знание индивида о «реальном мире», в том числе, историческое знание, является всего лишь фрагментом из многих существующих локальных культурных контекстов. Поэтому они призывают общество отречься от привилегированных исторических систем (отказ от пространственно-временной социальной динамики исторического бытия; отрицание постулатов исторического логоцентризма и классической интерпретации исторических документов, фактов и так далее),

базировавшихся на ранее установленных ценностях, идеалах, истинах, нормах и убеждениях классической науки [453].

Одной из значимых характеристик общества постмодерна является концепт «множественности истин». Ж.-Ф. Лиотар сделал популярным термин постмодерн вкладывая в него лингвистический смысл: язык как всеобъемлющая знаковая система определяет особенности того или иного исторического этапа. Так в эпоху Модерна господствовали метарассказы (огромные повествования) Просвещения, направленные на эмансипацию людей, революционное преобразования во всех сферах их жизни. Однако, проект Просвещения оказался исчерпан и ему на смену пришло время множественных повествований, каждое из которых претендует на свою истинность, но и не мешает другому делать то же самое. Отсюда происходит «эрозия веры в метарассказы»: «сегодня великие метарассказы утрачивают значение гаранта истинности и ценности, что открывает бесконечные возможности освобождения для форм локальной активности от монокультуры и выхода к культуре многообразия…» [158, с. 7].

Исследователи Ж. Делез и Ф. Гваттари для осмысления феномена исторической истины в условиях формирования современной постреальности, в которой отсутствуют четкие грани между прошлым, настоящим и будущим рассматривают историю как ризому, в которой каждый проросший побег имеет собственную историю, генерирующую собственные истины [90; 91;92].

В этой связи отечественный политолог Д. Ю. Петров предлагает классификацию истины в историческом пространстве: «Первая группа – это истина ученых. Они ее описывают и преподают в университетах и академиях. Причем часто – несхоже. Иную предлагают авторы, чья компетентность для сообщества ученых-историков слишком сомнительна. Публике она безразлична, а экзотика их версий – весьма любопытна. Третью сочиняют публицисты. Четвертая гремит щитами и пушками в кино – Александр Невский, Иван Грозный, Петр Великий, Броненосец «Потемкин» и более

поздних интерпретаторов. И пятая льется песней и слезой в художественной литературе…» [375].

Примером трактования множественности истин в контексте осмысления исторических событий может послужить историческая кинокартина американского режиссера Р. Скота «Последняя дуэль», в основу которой легли реальные события, повествующие о судебном поединке, произошедшем во Франции в 1386 г. между рыцарем Ж. де Карружем и вассалом графа Алансона, рыцарем Ж. Ле Гри. Причиной данной дуэли послужило обвинения Ле Гри в изнасиловании жены своего друга Маргариты де Карруж.

Сюжет кинокартины разделен режиссером на три главы, каждая из которых описывает события предшествующие дуэли глазами действующих персонажей (Ж. де Карружа, Ж. Ле Гри и Маргариты). Так, события глазами Карружа представляет его храбрым и честным рыцарем, который пытается защитить поруганную честь своей жены. Эти же события, описанные в «правде Ле Гри» изображают Карружа с другой стороны: человеком опрометчиво вспыльчивым и слишком самоуверенным. А эпизод, в котором Маргарита пытается дать отпор Ле Гри в его попытках овладеть ею (побег в комнату, угрозы мужем, крики) расценивается им как элемент некой любовной игры. И в третьей главе описывается правда глазами Маргариты, а именно «суровая реальность поруганной и беременной женщины Средневековья», такой мир, где ее показаниям никто не верит (собственный муж, подруги, врачи, присяжные и сам королевский суд), и лучше молчать о случившемся иначе смерть на костре.

Таким образом, представленный в фильме события исторической действительности теряют правильную с точки зрения истины «стратегию интерпретации», после чего наступает *«смерть автора»*, наделяя зрителя возможностью самому осуществить ее выбор в процессе просмотра. В дальнейшем интерпретировать, а после трактовать осознанный исторический факт как искомую истину.

Другой значимой характеристикой постсовременности является обращение к деконструкции реальности.

В трудах Ф. Ницше идея освобождения от «гнёта разума» является началом рассмотрения возможности деконструкции реальности, что позволяет оформить: «отказ от лжи и фальши устаревших, догматизированных воззрений общества просвещения и христианской морали, осмысливаемых автором как позиция слабых, бездарных людей, неспособных к созиданию» [190; 450, с. 122].

По мнению Ж. Дерриды «ничего не может существовать вне текста». Поэтому окружающий мир является суммой множества текстов, и, для человека, образует смыслы и образы [453].

В работах философа утверждается, что процесс развития европейского общества привёл к закреплению в нём «метафизичных форм сознания». Выход из сложившейся ситуации Деррида видит в последовательном аналитическом расчленении исторических истоков этой умозрительности. Например, деконструкции необходимо подвергнуть: «Исторические тексты, ценностные идеалы, установки, нормы морали и т.п., что приведёт к выявлению опорных понятий и слоёв метафор, запечатлевающих исторические следы прошлого» [94, с. 426].

«К. Маркса можно по праву назвать одним из первых глобальных деконструкторов истории. Он предложил своё видение и понимание исторического процесса от первых людей до коммунистического общества в светлом будущем» [450, с. 122].

Информационная война имеет своим важнейшим элементом деконструкцию исторического пространства российского общества. В частности, пытаются воздействовать на составляющие, «неразрывно связанные с глубинными основами мировоззренческого бытия» [441]. Достаточно наглядным примером являются попытки деконструкции как образа, так и деятельности личностей, сыгравших огромную роль в становлении и развитии государства российского.

Особенно подвержена попыткам деконструкции память о Великой Отечественной Войне. Так, общеизвестно, что после успешного взятия Рейхстага, являвшегося центром сосредоточения всей фашисткой власти, многие советские солдаты и командиры, принимавшие непосредственное участие в штурме, на стенах здания оставили памятные надписи как значимый символ долгожданной победы над ненавистным врагом. Позже, по прибытию аналогичные надписи были нанесены американскими, английскими и французскими солдатами.

В начале 2000-х годов в рамках проведения очередной реставрации здания, руководством Германии было принято решение демонтировать большую часть надписей. Следует отметить, что демонтажу в основном подвергались те плиты, на которых были надписи советских солдат. В итоге все плиты, находившиеся на внешнем фасаде здания и содержащие память советского солдата о страшной войне, были удалены, осталось всего несколько фрагментов в галерее вокруг зала пленарных заседаний и на первом этаже – общей длиной около 100 метров.

Данное действо следует трактовать как преднамеренную историческую деконструкцию вклада бойцов Красной армии в общее дело Победы над фашисткой Германией в годы Второй Мировой войны. Такое понимание обусловлено тем, что в сознании наблюдателя, совершающего в настоящее время прогулку по зданию и наблюдая на его стенах в большей мере различные «памятные граффити» на иностранных языках, конструируется исторический образ «штурма Рейхстага солдатами Антигитлеровской коалиции», которые по факту никакого участия в данной операции не принимали.

Таким образом, в данном подходе социальное конструирование истории представлено как средство влияния и создания некоторого постисторического пространства, основанного на множественности идей и мнений присутствующих в массовом сознании, для чего используются различные

постмодернистские концепты: ризома, множественность истин, метарассказ, «смерть автора», реификация, деконструкция.

Медиакоммуникативный подход. Ряд специалистов в области исследования коммуникаций, считают, что обратной стороной утверждения информационного общества являются информационные пандемии и взрывы, снижение возможностей критического осмысления социального бытия, что создало феномен «медиавируса» (от др. греч. μίμημα – подобие, подражание).

Медиавирус – может быть представлен через аналогию с вирусом в биологии, только распространяемый в виде определённой информационной формы, различных каналов коммуникации. Таким образом, встраиваясь в общественное сознание и инфицируя «здоровые клетки» социума, медиавирус тем самым изменяет его структурные элементы, вносит «новый код» в массовое сознание в соответствии с заданной разработчиком программой [453].

Р. Докинз представляет механизм управления и изменения общественного сознания: «Точно также, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы переходят из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. Если ученый услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам. Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому… Посадив в мой разум плодовитый мем, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мема точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина» [101, с. 178]. Те есть, посредством присущего вирусам механизма генной репликации, подобным же образом, можно медиавирусами, формировать «мемплексы» культуры, состоящие из образной общности, которые можно транслировать следующим поколениям.

Как отметил Д. Левинсон, «мемы» могут быть уникальным инструментом в рекламной деятельности: «легкость загрузки и удобство распространения в любых социальных сервисах делают его ненавязчивым, добровольно и бесплатно тиражируемым самими пользователями. Это переломный момент в культурной и социальной эволюции человечества. Мемы изменяют поведение людей, трансформируют их разум, ставят под сомнение устоявшиеся убеждения, меняют общество, не говоря уже об их беспрецедентном влиянии на покупательское поведение человека» [361].

Д. Рашкофф считает, что медиавирус – технологическое средство для придания нового смысла устоявшимся знаниям в общей связи прошлого, настоящего и будущего: «это эффективный способ одновременно пробить защитный барьер в сознании масс, частный факт, который с помощью мгновенного распространения в СМИ высвечивает участок коллективного бессознательного, темы, которая по какой-либо причине табуировалась, цензурировалась, подавлялась или считалась неприемлемой, далее он начинает поддерживать сам себя, воспроизводясь и разрастаясь, в то время как исток проблемы забыт» [224, с. 28-29].

Основываясь на вышесказанном, следует предположить, что практика организации медиавирусов может активно использоваться в целях социального конструирования истории.

Так, в 2019 г. получил распространение в сетях мем «Кусь за Русь», воспроизведённый учениками колледжа «Туризм и гостиничный сервис» под началом учителя истории Р. А. Лозоновой. Мем содержит в себе несколько сцен, изображающих комичный сюжет из жизни князя киевского Вещего Олега. В начальном эпизоде показан князь, изображение которого иронично, что у зрителя должно вызывать смех, так как у князя на сапогах видны надписи «коронная» и «похоронная». Следующая сцена представляет змея, который кусает князя за ногу со словами: – «Кусь за Русь». В завершении эпизода предстаёт сцена с гробом, где упокоен Олег, с надписью: «Этот парень был из тех, кто просто любил жизнь…» [453].

Как отметила Лозонова, творческое мышление важно в историческом образовании молодёжи: «Олег является собирательным образом всей сложной истории Киевской Руси, где змея олицетворяет ее внутренних и внешних врагов. Змеиный укус в этой связи выступает фактами исторической действительности, когда эти враги нападали на русское государство» [359].

Однако, на самом деле подобные мемы разрушают историческое сознание современной молодежи. Активизируя процедуры театрализации и иронизации значимых образов исторической действительности, они разрушают связь молодого поколения с историческим прошлым своей страны, с ее исторически сложившимися духовно-нравственными ценностями и идеалами, формируя у них клиповое мышление и ложное восприятие окружающей реальности.

Таким образом, медиакоммуникативный подход позволяет уяснить роль и значение медиапространства (использование ИКТ при проектировании истории, влияние медиавирусов и дркгих медиаобразований на восприятие фактов исторической действительности) как инструмента социального конструирования прошлого.

Анализ вышеуказанных подходов даёт возможность определить, что в основе механизма реализации практик социального конструирования истории находится совокупность технологий влияния на общественное сознание, базирующихся на принципах:

– *принцип проектирования* – попытки создания и организации представителями элит в контексте прагматизма новых проектов исторической действительности;

– *принцип формирования* направлен на развитие программ и алгоритмов управления, контроля и изменения исторического сознания общества;

– *принцип реконструкции* отражает взаимосвязь между развитием коллективной исторической памяти и функционированием мест памяти, музеев «живой истории»;

– *принцип репрезентации* выражен в разработки и внедрении в массовое сознание альтернативных вариантов осмысления исторических фактов и событий;

– *принцип деконструкции* – использование различных деструктивных информационно-коммуникативных инструментов для разрушения или дискредитация образов исторического сознания социума [450].

4.2 Репрезентация образов прошлого в практиках социального конструирования истории

По мере развития цифровых технологий, появления инноваций в информационно-коммуникационной сфере, возникают и новые возможности для управления массовым сознанием в интересах информационного противоборства.

По утверждению В. О. Ключевского, который ещё в XIX в. рассматривал вопросы «мягкого» информационного влияния, указывая на неустойчивость государства российского, больше ориентированного на оборону, чем на нападение. Уничтожение Советского Союза в результате поражения в Холодной войне, в которой важнейшую роль сыграло информационно-коммуникативное влияние, подтвердило правоту историка:: «Нас победит не тот, кто рыцарски правильно атакует нас с фронта, а кто из-под брюха лошади схватит нас за ногу и перекувырнет: как таракан, опрокинувшись на спину, мы, не теряя штатного количества наших сил, будем бессильно шевелить ногами, ища точки опоры» [136, с. 363-364]. Среди такого рода информационно-коммуникативных практик важную роль играют так называемые *«войны с историей»*.

Попытки влиять на историческую память в интересах информационной борьбы предпринимались очень давно. Здесь можно вспомнить, например, историческую демонизацию образа законного короля, предпринятую сторонниками, победившего в гражданской войне алой и белой розы в Англии

XV века Генриха VIII Тюдора против легитимного короля Ричарда III Плантагенета.

Примечание – Сторонники Генриха Тюдора, сознавая его весьма шаткие права на престол (он был незаконнорожденным, сверг короля с помощью иностранной военной помощи Франции и предательства в окружении Ричарда III), предприняли усилия по очернению, убитого в сражении монарха. Он был обвинен в смерти старшего брата короля Эдуарда IV, своей жены, племянников, якобы задушенных по его приказу. Большую роль в демонизации сыграла драма В. Шекспира «Ричард III», где его преступления, ничем не доказанные, объяснялись его уродством (горбатостью и карликовостью) и ненавистью ко всему миру. В 2012 г. после нахождения останков короля, было установлено, что он имел средний рост 173 см. и не был горбуном, хотя и сутулился, а анализ его ран, показал, что он до конца сражался на поле боя, а после смерти вероятно был подвергнут осквернению предателями и французскими наемниками.

Командующий русской армией А. В. Суворов при взятии предместья Варшавы Праги во время Польского восстания в 1794 г., обвиняется польскими историками в геноциде, по оценкам их было убито «от 6 до 30 тыс. мирных жителей» [256, с. 383]. Так называемая «пражская резня» является явным преувеличением жестокости войск А. В. Суворова, что не исключает отдельных случаев самосуда, как бывает на любой войне, но следует заявить, что они были спровоцированы жестокостью самих повстанцев, внезапно взятых в плен безоружных около 2 тысяч российских солдат и офицеров гарнизона Варшавы из Киевского полка, растерзавших в начале восстания толпой.

Российский историк Н. И. Костомаров свидетельствовал, что «несколько совершенных варварств в Праге в этот день не могут падать на память великого полководца, который в самый развал битвы имел настолько великодушия и благородства, что помышлял о спасении беззащитных врагов... Суворов остановил бесполезную ярость солдат своих и не приказал жечь и истреблять Праги» [142, с. 735-736]. Благодарные за такое милосердие варшавские власти даже преподнесли Суворову золотую табакерку с надписью: «Варшава – избавителю своему».

Системно исторические фальсификации получили применение в ходе ведения Холодной войны против СССР в 1946–1989 гг. Одним из главных направлений исторических измышлений здесь следует считать стремление

западных идеологов подвергнуть сомнению Великую Победу и разрушить образ солдата Красной Армии – освободителя Европы от нацистского порабощения [445]. При этом даже в выступлении У. Черчилля в 1946 в пригороде Вашингтона Фултоне, в Вестминстерском колледже, которое считается объявлением Холодной войны Советскому Союзу, отсутствуют какие-либо сомнения по обеим этим позициям, и бывший премьер-министр Великобритании отдает должное военным заслугам своего будущего противника. Между тем, в дальнейшем, в деятельности организаторов информационной войны, в том числе с использованием мемуаров гитлеровских генералов, распространяются, ставшие мемами, рассказы о «генерале морозе», которым объясняется неготовность войск Германии к войне в зимних условиях. В этом же ключе представляют Гитлера как самодура, направившего войска в северные части Украины, после поражения советских войск в Белоруссии, вместо того, чтобы нанести удар по столице СССР, оставшейся почти без прикрытия; о благородстве немецких офицеров, которые берегли своих подчиненных и о бездарности советских генералов, скрывавших свою некомпетентность отправкой на бессмысленный убой в лобовые атаки своих солдат; о гуманном отношении немецкой армии к мирным жителям оккупированных регионов Советского Союза и вынужденности проведения карательных акций за поддержку населением организованных НКВД партизан, осуществлявших террористические удары, не соответствующие законам ведения войны; о бесчинствах Красной Армии на захваченной у немцев и их союзников территориях и наконец, о смене нацистской оккупации Восточной и Центральной Европы на советскую.

В конце XX века попытки использовать историю в информационном противоборстве перешли на более высокий уровень. Из отдельных фальсификаций событий, на основе новейших социогуманитарных теорий стали складываться информационно-коммуникативные стратегии, направленные на скрытое влияние не только противником, но и собственным населением, в основе которых находилось глобальное конструирование и

реконструирование исторической реальности. Такого рода стратегии использования прошлого в военной сфере получили название: консциентальной войны, психоисторической войны, ментальной войны, войны памяти и гибридной войны. Рассмотрим их специфику более детально.

Консциентальная война. По мнению американского историка Дж. Тоша обращение к историческим традициям, когда то, что делалось в минувшем считается авторитетным руководством к действиям в настоящем весьма опасно для развития общества в целом, поскольку здесь прошлое почти не отличается от настоящего. Он утверждает, что обращение к основам, уважение к традициям, идущим с незапамятных времен, понимаемое как следование по пути, намеченному предками – является фундаментом традиционных обществ «отживших внешних форм», замалчивающих различия и перемены с неизменной идентичностью и порождаемым ею национальной исключительностью. Динамичные социокультурные изменения требуют, по его мнению, критического отношения к традициям, пересмотра исторических ориентиров и создание возможностей для выбора различных идентичностей [252]. Между тем, еще Конфуций, бывший в один из периодов своей жизни хранителем библиотеки, где содержались исторические летописи, пришел к выводу что нововведения, чреваты разрушительными последствиями для стабильности общества и следует всячески препятствовать социальным нововведениям, вводимым под любым благовидным предлогом.

Как показал в своих работах отечественный религиозный мыслитель Е. Л. Шифферс, в мире не прекращается «невидимая брань», которая носит духовный характер и состоит она не столько в борьбе с врагами, сколько в борьбе с самим собой, силой внутреннего сосредоточения и молитвы. Шифферс апеллировал к учению П. А. Флоренского о божественной энергии, считал, что святые имеют возможность мистически взаимодействовать с ныне живущими, свидетельствуя из загробного мира о победе Спасителя над смертью, передавая импульс жизненной энергии [299; 463]. Фильм-мистерия Шифферса «Путь царей», показывает, что происходит в Ипатьевском подвале

в момент убийства государя Николая II и его семьи, и это вызывает шок в сознании зрителя. Государь «оттуда» смотрит нам в сердце. Зритель попадает в ситуацию самоопределения. Это самоопределение касается основного вопроса современной русской истории – почему русские отказались от своего царя и дали разрушить своё традиционное государство? Во внешнем конфликте с другими дегенеративными вариантами духовного выбора наиболее уязвима для разрушительного воздействия именно энергия святых, энергия архетипа, связывающая всех жителей страны. После слома этой энергии страна перерождается в пустое поле.

Ю. В. Громыко для описания современных стратегий, используемых в информационных войнах, представил термин «консциентальная война» (война сознаний). Данный вид информационной войны направлен на разрушение образов сознания и поведения личности, на чём основана историческая идентичность и способ идентификации себя [352]. Идентичность играет ключевую роль в становлении и развитии мировоззрения личности. Один из основоположников социологии Г. Тард доказывал, что в процессе социализации человек стремится подражать тем людям, которые являются для него авторитетами, примером поведения, выстраиваемом на основе соотнесения себя с предками, духовными традициями из прошлого [242]. Духовно-историческая идентичность как раз и означает отождествление человека со значимыми для него социальными группами, в первую очередь дедами и прадедами. Становящаяся личность не только копирует действия своих пращуров, но и пытается соответствовать их ценностям, духовным ориентирам, ощущая себя продолжателем их славных дел и воспринимая свое место в межпоколенческой коммуникации [437].

По мнению Громыко, для русского народа характерна *трансграничная идентичность*, направленная на решение мессианской задачи – создание, суверенных государственных национально-цивилизационных субъектов самостоятельного мирового действия, с которыми можно будет вступать в равноправную коммуникацию, а не использовать их для реализации

собственных геополитических, идеологических или коммерческих схем [70]. Такого рода идентичности противостоит западная мультиидентичность, базирующаяся на достижениях информационной цивилизации, «размывающий, а также создающий условия для эффективного применения широкого арсенала гуманитарных технологий, направленных на трансформацию системы традиционных для того или иного народа ценностей и исторической памяти и искусственно создаваемых идентичностей» [352].

В условиях современного информационного общества идентичностные основы жизни сообщества размываются, личности предлагается мультиидентичность глобального мира, при этом считается, что человек не должен всю жизнь быть привязан к той или иной тождественности, а его выбор тех или иных центров притяжения в культуре, мышлении, поведении, профессии, а также социальных идеалов, этно-конфессиональных оснований, сексуальных предпочтений и гендерных ориентиров должен осуществляться в перманентном режиме при помощи экрана телевизора, монитора компьютера и камеры гаджета [434]. Другими словами, любая привязанность к тем или иным ориентирам объявляется идеологами постмодернизма как форма зависимости, несвобода. В этих условиях человек превращается в существо, не имеющее «ни руля, ни ветрил», обреченное на постоянный выбор между различными вариантами жизненного пути «из ниоткуда – в никуда», утрачивающего всякую связь со своими историческими корнями.

В рамках консциентальной войны осуществляется конкуренция сознаний, что имеет своим последствием изменение идентификационного кода, воплощение «цивилизационной перевербовки» в социальную жизнь противника, разрушение этноконфессиональной, культурной и общественной идентичности [426].

Психоисторическая война. Психоистория, основана на идеях З. Фрейда, учении Л. Де Моза, предметом исследования которого является мотивация исторических персонажей на совершение тех или иных действий в прошлом, повлекших значительные политико-экономические последствия, в целях

объяснения специфики развития общества личностными психологическими особенностями деятелей минувшего.

Так, Л. Де Моз причиной войны объявлял сохраняющуюся во взрослых проекцию страха наказания скрытыми в подсознании голосами родителей, которые упрекают своих чад в желании излишней свободы. Ребенок, ставший взрослым, стремится переложить чувство вины на свое альтер-эго (плохое Я). «Подобная групповая фантазия слияния с Могущественной Родиной всегда имеет место перед ситуацией геноцида и войной, проявляя себя в известных примерах возвеличения себя, а затем – в обвинении врагов в том, в чем обвиняли в детстве» [82; 445, с. 90].

Динамичное развитие психоистория получила после публикации американским писателем-фантастом А. Азимовым антиутопии «Foundation» – «Основание» (в русском переводе – «Академия») в 1942 г.

По сюжету книги, в процветающей Первой Галактической Империи идут скрытые процессы распада. Учёный-историк Гэри Селдон на основе изучения больших масс людей конструирует новую науку «психоисторию». На основе данных психоистории, Селдон для сокращения периода хаоса до тысячи лет вместо тридцати тысяч, предлагает свой план создания Академии или Фонда на отдаленной планете, поручив ей написание Всеобщей энциклопедии, накопленных человечеством знаний, для избегания его провала в варварство. Однако, на самом деле задача Академии иная: она призвана стать точкой сборки новой империи, на основе утраченных другими областями знаний высоких технологий и подчиняя их своему возрастающему влиянию.

Термин «психоисторичекая война» был предложен С. Б. Переслегиным и А. И. Фурсовым. По их мнению, работы А. Азимова были направлены, прежде всего, на разрушение единого «ментального поля» советских граждан, что во многом способствовало развалу СССР: «Сугубо непрямые действия – прежде всего в психологической области, направленные на разрушение общего ментального поля, основного, если не единственного фактора, скрепляющего советскую Империю» [374].

Психоисторическая война характеризуется систематическим долговременным воздействием на психосферу общества-мишени, в первую очередь, его власти и интеллектуальной элиты. Реализуется психоисторическая война на трёх уровнях. Первый уровень – информационный, где происходит фальсификация фактов. Второй – концептуальный, на котором пакетируются ранее сфальсифицированные факты. Третий – метафизический, содержащий процесс формирования чужого смысла и принятие его как направляющего идеала. Главная цель психоисторической войны предполагает полную замену модели как мышления, так и поведения общества [398]. Другими словами, происходит захват и управление психологической сферой, что даёт возможность распространять в социуме вульгарно-идеалистическую мотивацию поведения [276].

«Ложный информационный поток, внедрение разрушительных концепций в науку, искусство, образовательные технологии, направлен на подмену смыслов и ценностей, дискредитацию исторической памяти: наиболее важные события, наиболее значимые и знаковые фигуры – отсюда поливание грязью нашей Победы, воинской славы, конкретных лиц, прежде всего Сталина, схема «миф о Гагарине» и т. п.)» [398].

В психоистории разработан целый ряд технологий управления историческим процессом, но наиболее важной является деятельность прогрессоров.

Братья Стругацкие изложили фантастический сюжет, в котором с благой целью и во имя прогресса сотрудники Института экспериментальной истории, так называемые – Прогрессоры, заботятся и всячески содействуют развитию цивилизаций, находящихся на более низком уровне развития. Прогрессоры внедряются в «улучшаемый» социум инкогнито, о их существовании знают единицы (некоторые выдающиеся учёные, политики). Прогрессоры в силу высокого развития обладают умениями быстро реагировать, ориентироваться и делить мир на своих и чужих, это достигается в результате специальной

тренировки – «психического кондиционирования». Прогрессорская деятельность – это искусственное создание дефицита времени, сценариев и так далее для организации косвенного (рефлексивного) управления процессом принятия решения [348].

По словам члена ЦК КПСС Яковлева он, еще в 1960-е гг. «понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика – людоедская и самоедская. Поскольку я жил и работал в высших «орбитах» режима, в том числе и на самой высшей – в Политбюро ЦК КПСС при Горбачеве, – я хорошо представлял, что все эти теории и планы – бред, а главное, на чем держался режим, – это номенклатурный аппарат, кадры, люди, деятели… Любое деяние, доведенное до абсурда, неизменно становится фарсом» [146, с. 7-9].

Деятельность перестройщиков в Российской Федерации была уже открыто продолжена младореформаторами-либералами. С. Е. Кургинян привел воспоминания А. Б. Чубайса, одного из идеологов и практиков либеральных реформ 1990-х годов, о звонке исполняющего обязанности премьера России Е. Гайдара А. Б. Чубайсу: «Ты думал, что из себя представляет мир Стругацких? Ты вспомни их роман «Трудно быть богом». А ведь это и есть либеральная империя, когда приходишь куда-то с миссией и несешь с собой нечто, основанное на свободе, на правах человека, на частной собственности и предприимчивости, на ответственности. Бремя правого человека» [348].

Ментальная война. Французские историки М. Блок и Л. Февр трактовали *менталитет* (от лат. *mentis* – мышление, образ мыслей, душевный склад) как некие стереотипы мышления, присущие человеку различных эпох. Менталитет крайне неустойчив и обладает известной стабильностью лишь в рамках конкретного исторического периода. М. Блок полагал, что: «Большинство людей думали о своем спасении непостоянно. Но когда думали, это было очень интенсивно, и при этом они пользовались конкретными образами. Эти образы пришли им в головы урывками, ибо их шатким умам были присущи порывы отвращения» [315, с. 134].

П. Динцельбахер – австрийский специалист по средневековой мистике, религии и народной культуре утверждал, что менталитет включает все духовное, созданное народом. Менталитет в большей степени от носится не к характеристике отдельной нации, социальной общности, а выступает характеристикой мировой истории, которая понимается как восхождение человечества на новые рубежи духовности [316].

Американский историк Д. Филд отмечает, что: «менталитет коренится в материальной жизни и широко распространен в значительной части населения. Он оказывает непосредственное влияние на экономические, политические и социальные отношения, …менталитет молчалив, он проявляется скорее в деятельности, чем в речи или в явном представлении» [263, с. 8].

Ментальность в противопоставлении рациональности, основанной скорее на логико-познавательных аспектах сознания, содержит совокупность образно-ценностных представлений, духовных традиций и глубинных архетипов.

Термин «ментальная война» был предложен советником министра обороны Российской Федерации А. М. Ильницким. По его определению, целью ментальной войны является уничтожение самосознания, духовной, цивилизационной основы общества противника [116]. Согласно Ильницкому, главная цель такого рода войны – лишение противника суверенитета в самом широком смысле: политического, экономического, духовного для этого применяются различные технологии постправды и забвения критического мышления, направленные на изменение мировоззренческих ориентиров, аксиологических приоритетов социума [433].

Поскольку указанные технологии имеют латентный характер, подпавшей под их влияние аудитории не надо знать о внешнем управлении, напротив ее всячески надо убеждать, что она самостоятельно, а не по принуждению делает свой духовно-ценностный выбор в ущерб свой стране,

постольку речь здесь идет о манипулятивных технологиях, направленных на скрытый обман.

Манипуляция сознанием (лат. от *manus* – рука, *manipulare* – управлять со знанием дела) – умышленная подмена посредством: «скрытого, анонимного управления, осуществляемого «ненасильственным» образом содержания или смысла явления и замена его квазиформой в массовом сознании. В результате, при сохранении идентичности во внешних признаках, смысл явления становится деструктивным или ассоциируется с таковым. Происходит примитивизация ситуации, смысла символа или понятия, редукция его к архитипическим и иррациональным структурам, несоответствие между формой и содержанием, символом и его смыслом» [126, с. 38].

В Оксфордском словаре, объявившем словом года в 2016 г. «постправду» (англ. *post-truth*), она определяется как «нечто, относящееся к обстоятельствам или обозначающее обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [153, с. 5].

Неологизм «фейковые новости» от английского (*fake* – фальшивый и *news* – новости) описывает целое социально-политическое явление, выполняющее функции манипуляции общественным сознанием. В современности фейк-ньюс не являются не только новостной информацией, а вообще не имеют ничего общего с действительностью, это просто ничем неоправданная ложь, распространяемая, как правило в социальных сетях, без всякого подтверждения достоверности и доказанности.

«Фальшивые новости» по совей сущности не являются изобретением современности, к тому же, для благозвучия и попытки ухода от семантики термина «фальшивые», их могут называть, например, «менеджментом социальных настроений». Ж. -Фурше (министр полиции и руководитель «Бюро по контролю за общественным мнением» наполеоновской Франции) предлагал правительству активно и целенаправленно на общественное мнение влиять и им управлять: «Людьми и государствами отныне нельзя управлять

по-старому..., ибо общественное мнение существует... Общественное мнение – это не только газеты, журналы и брошюры, это – театры, салоны, разговоры на улицах и т.д.» [235, с.158].

Ярким примером могут служить периоды войны, где сама логика противоборства просто обязывает манипулировать общественным мнением как противника, так и своего населения.

Вторая Мировая война была во многом фронтом идеологически-информационным, где пресса, радио, кинематограф были поставлены на службу II Рейха и, для того времени, являли собой пример успешного манипулирования общественным мнением. Йозеф Геббельс руководил министерством народного просвещения и пропаганды нацистов, он видел успех пропаганды в безапелляционных и наглых заявлениях, которые никоим образом не близки реальности. Такие заявления должны быть повторены как можно чаще, ведь «Стократно повторенная ложь становится правдой». Одновременно с этим интерес и доверие к такой «правде» Геббельс стимулировал у иностранных журналистов подкупом, у немецких целой системой лояльности и вовлечением в процесс генерации лжи.

Качественно сконструированный фейк призван вызвать эмоциональный отклик у массовой аудитории, тем самым захватить её внимание, перехватить инициативу и удерживать фокус внимания на фейке некоторое время в информационном пространстве. У создателей фейков может быть несколько задач одновременно, например, вызвать панику и хаос, попутно сформировать мнение о тех или иных политиках как слабых и не понимающих народные чаяния, стремления, поэтому недостойных своего народа (потерявших легитимность и доверие).

Фейковые новости могут нанести ущерб как репутации отдельного объекта (политика, бренда, организации), так и дестабилизировать ситуацию в целой стране или даже в мире [456].

Медиаисследователь Ю. М. Ершов справедливо полагает, что сегодня «фейк является коммуникационной стратегией и практикой организаций,

включая коммерческие и государственные, которые ведут борьбу с чуждой им идеологией и стремятся дискредитировать персоны, компании и целые страны, получая при этом политические дивиденды и/или оплаченные заказы» [415, с. 245-256].

По мнению А. М. Ильницкого, в информационном пространстве постоянно присутствует контент, созданный с целью манипуляции общественным мнением. Суть, содержание, этапы и цели ментальной войны приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Цели, этапы и технологии ментальной войны

Показатели	Суть и содержание
Стратегические	Перезагрузка исторического самосознания (обнуление истории), системы образования (трансформация базовых смыслов и ценностей) и воспитания (разрушение традиций, укладов, веры поколения (10-15 лет)
Оперативные	Дискредитация стиля жизни, вульгаризация и вытеснение актуальных норм поведения, подрыв доверия к власти (3-5 лет)
Этапы	Первый – информационно-идеологическое воздействие. Второй – социальные технологии манипулирования обществом
Технология реализации	Включает информационную и психоэмоциональную составляющие, причем в обеих активно задействуются технологии ИИ.

Источник: Ильницкий А. М. Ментальная война России [117].

А. М. Ильницкий считает одной из главных технологий реализации ментальной войны переписывание (обнуление) истории. По его мнению, СССР был разрушен ментальной войной, когда посредством самиздата, радиоголосов, фильмов были дискредитированы социалистические ценности и внедрены буржуазные ориентиры: «Не будем обманываться – тот мировоззренческий выбор, несмотря на внешнее воздействие и предательство части элит, мы сознательно или неосознанно, но сделали сами, променяв ценности социалистического общежития на джинсы, жвачку, свободу перемещения, мир во всем мире и тому подобные идеологические симулякры.

Только потом стало понятно, что это трагическая ошибка, но страна уже была разрушена» [117, с. 29].

Основной целью ментальной войны является историческое сознание, дискредитация традиций, исключение самой возможности причастия к духовным ценностям предков, прекращение трансляции аксиологических ориентиров своим потомкам и как итог разрыв духовного кода и прекращение самобытного исторического существования российской цивилизации. Здесь можно вспомнить слова одного их первых идеологов глобализации Д. Б. Чисхолма, первого генерального директора Всемирной организации здравоохранения: «Чтобы прийти к мировому правительству, необходимо изгнать из сознания людей их индивидуальность, привязанность к семейным традициям, национальный патриотизм и религиозные догмы... Уничтожение понятий истины и лжи, которые являются основой воспитания ребенка, замена веры в опыт старших рациональным мышлением – вот запоздалые цели... потребные для изменения человеческого поведения» [143].

Войны памяти. Явление под названием «войны памяти» первым для широкой научной общественности предложил социолог и антрополог В. А. Шнирельман. Учёный изучал историю народов Закавказья и обнаружил, что многие историки: «манипулируют фактами, находят корни современных наций в глубокой древности, это делается под давлением этнических элит с целью создания новой исторической реальности в политических интересах» [302, с.13-14].

Некоторые представители исторической науки презентуют настолько разные версии в отношении исторических фактов, что кардинально противоречат как друг другу, так и традиционной истории, это может способствовать развитию межнациональных конфликтов, как это уже происходило в конце 1990-х в Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Абхазии.

Партийное руководство Советского союза ещё в 1976 году поставило задачу для историков разработать и представить региональную историю народов СССР.

Собравшись в Сухуми для обсуждения деталей подготовки единой истории всего Закавказья, учёные столкнулись с проблемой возникновения национальных конфликтов.

Выяснилось, что имеется более трёх конкурирующих концепций истории Закавказья, все они имели противоречия по многим пунктам с представлениями местных историков. Московские и ленинградские учёные предлагали компромиссные варианты, однако, в результате всё было отвергнуто и собрание не смогло выработать какого-либо общего решения [439].

Попытки договориться продолжались неоднократно, проводились подобные конференции, выдвигались новые компромиссные предложения, но всё не имело успеха.)

В конце концов в 1988 году было проведено последнее совещание в отделении истории АН СССР. Обсуждение было бурным, с выяснением взаимоотношений, и множеством претензий оппонентам. Сохранять молчание и делать вид, что договорённость возможна уже было нельзя, поэтому руководитель рабочей группы профессор С. Л. Тихвинский заявил, о невозможности дальнейшего обсуждения ввиду опасности возникновения межнациональных конфликтов [439].

По мнению Э. Хобсбаума, политики стремятся использовать историю с целью манипулирования общественным мнением для удовлетворения своих интересов (своей партии, организации). Для этого в массовое сознание встраивается новая память о прошлом, то есть историческая реальность конструируется*:* «историки играют для национализма ту же роль, что пакистанские производители мака для курильщиков опиума… мы обеспечиваем рынок основным сырьем. Нация без прошлого – это логическая несообразность. Ибо нацию делает нацией именно прошлое, именно оно оправдывает ее существование, а историки – те, кто его создают» [286, с. 332]. Как следствие, войны памяти в процессе жёсткой конкуренции исторических проектов генерируют прежде всего этнические конфликты.

Активно реализовываться войны памяти стали в последний период Холодной войны. В США в 1978 году бывшими фашистами был основан «Институт пересмотра истории», напоминающий «Министерство правды», которое представляет собой ведущим учреждением по ведению войн памяти и реабилитации нацизма. Подобные институты созданы в Польше, Прибалтике и на Украине, которые можно считать региональными.

Президент США Рональд Рейган 5 мая 1985 года посетил вблизи Трира (ФРГ) военное кладбище, где высказался о том, что: «Павшие солдаты SS были такими же жертвами Гитлера, как и погибшие в концентрационных лагерях» [157]. Этой речью, Рейган, фактически, уничтожил границы между палачами и их жертвами [439].

В позднем СССР с началом Перестройки направление войн памяти определялось задачей разрушения единого исторического пространства страны, подготовкой раздела территории, появления сепаратизма, обособления и разделения народов. Именно эти задачи обеспечивали созданные и круглосуточно вещавшие практически на всю территорию союза радиостанции «Свобода и Свободная Европа», «Голос Америки».

Для легитимизации новой реальности, после распада СССР, политические элиты образовавшихся на постсоветском пространстве государств, начали процесс создания своей собственной истории, переписывая общую историю советского народа.

Поэтому в войнах памяти главным направлением воздействия является совместное прошлое народов, живущих теперь в независимых государствах.

Необходимо отметить, что представленное определение войн памяти не охватывает всё содержание этого явления. Поэтому его надо рассматривать в более широком контексте, поскольку отдельные действия некоторых историков по заказу политиков, фальсифицирующих какие-либо исторические факты того или иного народа, не отражает масштаб и глобальность проблемы. Войны памяти всеобщая коммуникативная практика, в которой используется весь потенциал информационно-коммуникационных технологий и

медиасредств с целью частичного или полного замещения исторической реальности её искусственно сформированным образом для кардинальной трансформации исторического сознания общества в необходимом для социальных акторов направлении, получения определённых преимуществ в политическом противостоянии [449].

Ещё каких-то двадцать лет назад фальсификаторы истории старались умолчать или извратить лишь отдельные факты событий прошлого, в настоящем медийные инструменты современности дают возможность осуществлять тотальное изменение любых прошедших событий, что позволяет управлять настоящим [439].

Ещё в недалёком прошлом были востребованы фальсификаторы с профильным историческим образованием, а лучше с опытом научной деятельности. Ими было создано немало ложных концепций и исторических конструкций, опубликованных как в популярной, так и псевдонаучной литературе, после этого таким произведениям требовалась ещё популяризация, адаптированность к восприятию в обществе, чему способствовало множество советологов стран запада или перебежчики из СССР как В. Б. Резун.

Сегодняшний день характеризуется массовым включением «диванных экспертов» в распространение любой, часто, просто выдуманной исторической информации посредством сетевых платформ коммуникации, что неизбежно оказывает негативное влияние на историческое сознание огромной аудитории, в том числе молодёжной [446].

Молодёжь находится в самом уязвимом положении, так как в силу возраста склонна к радикализации в собственных мнениях и высказываниях. Всё это усугубляется незнанием истории, хотя бы в минимальном объеме, при этом яркие и эмоционально захватывающие исторические измышления воспринимаются без должного критического осмысления.

Такая ситуация возможна ещё и потому, что общество информационно перегружено, сознание современного человека способно фиксировать лишь

некоторые факты, находящиеся на поверхности или ярко оформленные лидерами мнений.

Как следствие, генерируется клиповое мышление, состоящее из единичных фреймов-кадров, информационных обрывков, которые не позволяют мыслить понятийно, объёмно, подвергая всестороннему анализу исследуемые явления, отвергая второстепенные признаки и выделяя наиболее существенные [63].

В процессе трансформации исторического сознания происходит беспрецедентное влияние на жизнь общества. При этом не обязательно строить масштабную систему фальсификации и продвигать дорогие проектные решения в традиционных медиа, необходимо лишь разделить нужную информацию на небольшие фрагменты и передавать её посредством всех возможных каналов.

Получатель такой информации, воспринимающий в медиапространстве заранее заготовленные когнитивные фреймы, полагает, что черпает знания из многих сетевых источников, поэтому они достоверны, и, даже можно гордиться умением находить правдивые факты самостоятельно. Однако реципиент не осознаёт, что элементы собираемых им информационных пазлов, тщательно выверены и предложены для лучшего восприятия в правильном порядке [439]. Это позволяет «загружать» в сознание массовой аудитории причудливую историческую мозаику, которая не имеет отношения к миру настоящей истории.

Переформатирование исторической конструкции происходит посредством двух коммуникативных стратегий, которые связаны и взаимодополняемы.

Первая – это десоветизация прошлого. Стратегия основана на демонизации всего советского, где полностью отрицаются экономические успехи в индустриализации аграрной страны, военные и трудовые победы.

В настоящем у некоторых представителей молодёжи имеется достаточно критичное отношение к своим предкам, на фоне общего

нигилизма, отрицается необходимость уважения к деяниям предыдущих поколений, поэтому у части молодёжи отсутствует пример и образец для подражания.

Некоторые из молодых людей, например, в Белоруссии и на Украине высказывают осуждение в отношении своих прадедов, участвовавших в партизанской войне на оккупированных нацистами территориях. Высказывание таких мнений поддерживается либеральными историками, как следствие, распространяется дискурс, где деды и прадеды представляются жертвами сталинско-коммунистической пропаганды, а война за советскую власть преподносится закабалением народов, необходимо было «освобождать» родину и от коммунистов, и от фашистов в строю националистов и их формирований [208].

Из обращения П. А. Порошенко (28.10.2014) к ветеранам войны и участникам антитеррористической операции на Юго-Востоке Украины: «Я твердо верю в нашу победу в Отечественной войне 2014 года, в то, что мой политико-дипломатический план сработает и принесет мир Донбассу и всей Украине. Народ, который помнит победы своих предков, – непобедим...». Президент Украины фактически уравнял Советский Союз и Германию, солдат – освободителей от фашизма и коллаборантов-бандеровцев, которые активно участвовали в реализации планов уничтожения «неполноценных» народов: «В течение шести долгих и невероятно трудных лет Украина была ареной сначала игрищ двух тоталитарных режимов, а затем – особенно ожесточенных и масштабных боевых действий… Более 9 миллионов выходцев с Украины боролись с врагом в составе Красной Армии. Еще миллионы украинцев воевали с нацистами и их союзниками в составе УПА…» [377]. Из речи Порошенко следует, что молодёжь современной Украины по большей части отказалась быть наследниками победителей, а стала продолжателями дела националистической повстанческой армии Украины.

Так, информационной акцией, символизирующей отказ молодёжи Украины от образов поведения из прошлого, стал перфоманс «Выбей совок из

мозга»). В центре города Львов 3 сентября 2015 года проходящим мимо людям предлагали способ «освобождения» от устаревших ценностных реликтов в виде удара пластмассовым молотом по сделанному из пенопласта мозгу, из которого после удара вылетали мусорные совки и нанесённым гербом СССР. Одни из организаторов акции Р. Фогель заявил: «Выбрали формат выбивания «совков» из мозга, поскольку считаем, что во многих украинцах еще остались старые советские привычки ждать, пока власть или кто-то другой решит их проблемы» [350].

Европарламент 19 сентября 2019 года, по инициативе литовских и польских депутатов принял резолюцию: «О важности европейской памяти для будущего Европы», «назначив» виновным за развязывание II Мировой войны Советский Союз. «Вторая мировая война, самая разрушительная в истории Европы, стала непосредственным следствием печально известного нацистско-советского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года, также известного как пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, задавшиеся целью завоевать мир, делили Европу на две зоны влияния» [370]. Депутаты высказали обвинения России, указав на то, что она ведет «информационные войны с целью разделить Европу», тем самым искажая исторические факты. Однако, обсуждаемый договор был заключён в последнюю очередь, после всех ранее подписанных соглашений между Третьим рейхом и европейским странами.

Так, 30 сентября 1938 года состоялось Мюнхенское соглашение («Мюнхенский сговор»), по которому главы правительств Франции и Великобритании договорились о передаче Германии Чехословацкой Судетской области и заключении декларации о взаимном ненападении.

30 сентября Польша осуществила вторжение в Тешинскую область, принадлежащую тогда Чехословакии, в свою очередь в начале 1939 года Венгрия произвела оккупацию земель «Подкарпатской Руси», «остатки Чехии» аннексированы немецкими войсками 15 марта. Оценивая

сложившиеся обстоятельства, Литва под давлением уступила Мемель (Клайпеду), населённый по большей части немцами, и 14 апреля итальянские фашисты захватили Албанию.

Таким образом, война в Европе уже практически начались, поэтому руководство союза пыталось не позволить сформировать общеевропейский фронт против СССР и по возможности оттянуть очевидно ставшую неизбежной мировую войну. 1 сентября 1939 года Третий рейх осуществил вторжение в Польшу, а СССР направил войска в Восточную Польшу, поскольку было необходимо защитить украинцев и белорусов, и это было сделано только 17 сентября, уже после фактического прекращения своего существования Польской республики и бегства её руководства за границу [439].

Вторая технология войн представляет собой выделение и общей истории и обособление национальных историй, что происходит даже у тех народов, которые никогда не имели собственной государственности.

Например, главы независимых в настоящее время среднеазиатских государств, посредством политического заказа местным историкам, создают обоснования древности истории своих народов. При этом используется прошлое действительно древних этносов, которые связаны со Средней Азией только примерным ореолом обитания.

Жестокие правители Атилла и Чингисхан провозглашены предками и историческими героями в Казахстане, в Узбекистане таковым провозглашён Тамерлан [444]. Таким образом из жестоких тиранов прошлого указанные персонажи в настоящем превратились в праотцов нации и заботливых правителей, их образы светлы и притягательны, поэтому на них должна равняться молодёжь. Память об этих правителях сохраняется в народе, им посвящены выставки, музеи, памятники, имена увековечиваются в названиях улиц, площадей, скверах. В то же время просветительская миссия России представляется как оккупация, в процессе которой народы порабощались и держались силой в покорности и бедности.

Во время церемонии открытия памятника Тамерлану 31 августа 1994 г., президент Узбекистана И.А. Каримов заявил: «Наш народ, на протяжении долгих лет находившийся в колониальных тисках, был лишен возможности почитать своего великого соотечественника, воздать должное его историческим заслугам» [332].

Примечание – Тамерлан (1336-1405) был известен как великий полководец, подчинивший своей власти Среднюю Азию, Персию, Кавказ, Северную Индию, который успешно воевал с Золотой Ордой и разгромом турецкого войска султана Баязида отсрочил на 50 лет гибель Константинополя и в то же время слыл чрезвычайно жестоким человеком. Так, после штурма крупнейшего в то время персидского города Исфаган, он приказал каждому из своих воинов принести несколько срубленных голов защитников крепости и из 70 тысяч голов сложить горы, в устрашение тем, кто окажет его победоносной армии сопротивление. Данное событие отражено на картине 1871 г. русского художника-баталиста В. В. Верещагина «Апофеоз войны» (изначально картина называлась «Торжество Тамерлана»).

Придуманное прошлое помогает находить опору в сегодняшнем дне. Создавать некоторые социально-психологические и политические основания для необоснованных притязаний и голословных утверждений.

В то же время конфликты между родственниками, князьями из династии Рюриковичей за власть над Киевским престолом, представляются как начало многовековых войн между Россией и Украиной, коих украинские политики насчитали уже 24.

Бывший президент Украины В. Ющенко в 2017 году заявил: «Конечно, это национально-освободительная война. Это 24-я война с Россией» [351].

В прибалтийских странах осуществляется системная стратегия как реабилитации нацизма, так и создания культа почитания нацистов прошлого и настоящего. По мнению Министра обороны Латвии А. Пабрикса: «Легионеры Ваффен СС – гордость латышского народа и государства. Наша обязанность – чтить из всех глубин своей души этих патриотов Латвии» [363].

Подрыв мемориала воинской славы произошёл к Грузии (г. Кутаиси) 19.12.2009. Мемориал посвящён всем воинам, погибшим в Великой Отечественной Войне. Предлог был заявлен криминально-экономический, то есть бронзовые части мемориала были

похищены, поэтому реставрация невозможна. Памятник восстановили на Поклонной горе в Москве в 2009 году по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина и Союза грузин России.

Также в Грузии (г. Батуми) в 2012 году был уничтожен памятник жертвам войны, предлогом для чего стало требование его переноса на другое место. По этому поводу Министерство иностранных дел Российской Федерации в лице представителя А. Лукашевича заявило, что: «Причина маниакальной борьбы с монументами очевидна – памятники наглядно символизируют славные страницы общей для Грузии и России истории и мешают внедрять в сознание грузин миф о якобы порабощении Грузии Россией. Ослепленные своей ненавистью, грузинские правители не останавливаются перед оскорблением памяти более 80 тысяч сыновей и дочерей Грузии, которые пали на полях сражения, защищая Родину и мир на земле» [340].

В России также применялись технологии войн памяти, здесь можно вспомнить об оскорблении действием исторических святынь России блогерами [395], о призывах рэперов к солдатам российской армии, под видом пацифизма, бойкотировать боевые приказы [349], о «путанице» или преднамеренной подмене исторических фотографий при подготовке рекламных материалов молодыми специалистами в сфере связей с общественностью [336] и другом.

Молодые люди, воспитанные в беспамятстве, всегда становились жертвой манипуляций и расходным материалом, который не можно было направить не только против врагов, но и своих же соотечественников.

Показателен в этом плане пример янычар, воспитанных из мальчиков славян, которые были захвачены в рабство. Их использовали турки-османы, подготавливая к жестоким войнам и карательным походам, прежде всего своих народов [439].

Так происходит и в настоящем, на Донбассе против своих же сограждан и мирных жителей воюют добровольческие националистические батальоны, считая жителей Донбасса предателями и пособниками террористов.

Молодёжь с отсутствием исторических знаний, во многом утрачивает возможность понимания прошлого, также становится затруднительной и межпоколенческая коммуникация, что оборачивается разрывом единения и потерей чувства продолжателей подвигов и героизма предыдущих поколений. Часть молодых людей становятся «Иванами, не помнящими своего родства», поэтому удобным объектом для манипуляций, средством для осуществления планов управления историческим сознанием общества. По существу, войны памяти есть непрекращающаяся борьба за умы и души людей, за их настоящее и будущее [439].

Гибридная война. В рамках постмодернистского дискурса, анализируя социальную реальность, активно применяются конструкции метафорического отражения событий и явлений, например, понятие ассамбляж, предложенное философом М. Деландой, сформулированное им на метафоре-идее о ризоме философов-постмодернистов Ж. Делёза и Ф. Гваттари.

Ризомой является нелинейный образ бытия, мир, лишённый стержня, в котором главенствует множественность. Такое строение общества можно уподобить грибнице, в противовес традиционной структуры дерева, имеющего стебель и корень. Главной характеристикой ризомы является не движение стебля вверх или корня вниз, как у обычного растения, а движение корневища по горизонтали, под поверхностью. Таким образом, невидимая и распространяющаяся вширь грибница, соприкасаясь с: «особенностями рельефа может прорастать слоями, корнями, ростками в любых, часто, непредсказуемых, случайных местах («тысяча плато»)» [92]. Одно из проявлений ризомы в пространстве – распределения *желания*, которое персонифицировано «желающими машинами» на «поверхности» плато. По мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари – желание пробуждается товаром, что является причиной покупки. Поэтому общественное производство – это

производство желания, которое в свою очередь конструируется естественной или искусственной организацией «нехватки» товара или услуги [91].

Также машины желания – основа исторического процесса, это производительная сила, без которой невозможна экономика капитализма. Индивидуум, не осознавая того, становится машиной желаний, ориентированной на непрерывную генерацию желаний и, соответственно, потребления товаров и услуг, что не может удовлетворить неуёмное желание, но хотя бы на время заглушает его [417].

Делёз выдвигает *концепцию номадизма* (фр. nomad – кочевник), согласно которой одной из разновидностей машин желания является «машина войны». Идеальной машиной войны является кочевой воин, который представляет собой «сборку» всадника и лошади, а затем последующую сборку этих «кентавров» в мегамашину – орду [417]. Перед такой кочевой машиной войны открытое ризомное пространство к которому он никак не прикреплен, по которому он может бесконечно двигаться, причем перемещается он не от точки к точке как путешественник, который рано или поздно должен вернуться домой, а его просто не существует без постоянного перемещения, причем вместе с его походным домом (юртой) и поэтому естественной формой его бытия является вооруженная экспансия, война. Указанной сборке противостоит закрытое пространство линейного характера, в котором существует солдат оседлой цивилизации, сборка таких солдат представляет собой армию, защищающую государство. Другими словами, кочевник и солдат, орда и армия, империя кочевников и упорядоченное государство являются противниками, стараясь по-разному удерживать свою территорию. В этом противостоянии кочевник находится в постоянном движении, а государство сегментирует пространство и устанавливает границы.

Противоречие номадических отношений проявляется на внутригосударственном уровне. Стремление государственных солдат чувствовать себя личностью, не стать «винтиком в машине», противостоит

желанию государства жёстко контролировать и регламентировать жизнедеятельность солдата посредством приказа, инструкции, устава, и тому подобное.

Таким образом, кочевой воин в процессе воинского служения понимается как самостоятельная единица, в отличие от солдата, который строго подчиняется приказам [417].

Современное информационное общество, которое часто характеризуется как сетевое, как раз и есть отображение принципов ризомы и номадизма, а люди являются своего рода кочевниками, двигающимися по бесконечной поверхности – пространстве ленты Мебиуса, которое имеет воплощение в виде интернет-паутины.

На основе концепции номадизма М. Деланда рассматривает историю войн во взаимосвязи с историей технологий, а также специфику ведения войны с помощью беспилотников, первых машин, названных «разумными» [88].

Деланда пишет о двух тенденциях, которые можно проследить в истории развития военной машины стремлении к централизации и децентрализации [88]. Военное командование, стремится максимально централизовать командование каждым солдатом на поле боя, но такая излишня механизация приводит по аналогии к механизму к «трениям» и саморазрушению машины и поэтому необходима делегация полномочий к отдельным децентрализованным подразделениям, которые могут действовать самостоятельно, например, диверсионным группам, силам специальных операций.

Деланда выступает против классической теории войны прусского генерала К. Клаузевица, согласно которой война является инструментом политики и находится в ее полном распоряжении, которую он считает продолжением модели «бетонной машины». Хоть он не ссылается на книгу древнекитайского мыслителя Сунь-цзы «Искусство войны», он по сути

повторяет его идеи о том, что выигранная война, это та которую удалось избежать.

Подвергнув критическому анализу идеи Деланды, можно утверждать, что ведущий тренд на децентрализацию войны, может в значительной степени быть обеспечен не столько развитием абстрактных машин, сколько опорой на укрепление духовности военнослужащих, сохранение воинских традиций, примеры воинской доблести и мужества предков, формирование ценностных ориентиров воинского служения у молодого поколения. Другими словами, в основе современной информационной войны должна лежать моторная машина, понимаемая с точки зрения социогуманитарного знания как защита личностного и общественного сознания от технологий разрушения.

На следующем этапе своего творчества М. Деланда, также обусловленном идеями Ж. Делёза, противопоставляет классическому пониманию социальной метафизики, сформулированной ещё Аристотелем, таким понятиям как вид, род, индивид, понятие – ассамбляж или самосборка (от фр. assemblage – собрание) реальности. Под самосборкой подразумевается некоторая: «взаимодействующая множественность, которая состоит из разных деталей с отсутствующими внутренними логически необходимыми связями и отношениями. Другими словами, детали сборки – это элементы своеобразной машины, легко отделяемые от одного ассамбляжа и переносимые в другой» [89, с. 40].

Используя подход М. Деланды, понятие «гибридная война» можно представить как насильственные и ненасильственные средства влияния, применяемые в совокупности определённых технологий с целью формирования в массовом сознании общества искусственно созданных смыслов и образов, что используется сторонами противоборства для представления доказательств своей правоты в обращении за поддержкой общества.

Ф. Хоффман, одним из первых стал рассматривать проблематику гибридной войны, в труде «Конфликт в XXI столетии. Появление гибридной

войны» в 2007 г. он предсказал, что вооруженные конфликты будущего станут мультимодальными, многовекторными, многовариантными и мультидоменными. Хоффман полагал, что: «гибридные войны могут вестись государствами или политическими группами и включать в себя целый спектр различных моделей ведения войны, в том числе традиционных боевых средств, иррегулярной тактики и иррегулярных формирований, террористических актов, включая насилие и принуждение, и беспорядки» [441; 322, с. 58].

Данный термин стал употребляться западными политиками и военными как обвинение России, по утверждению генерал-лейтенанта Бена Ходжеса именно «Россия разработала «гибридную войну», которую успешно протестировала в Крыму» [385]. По мнению ряда украинских исследователей, в ходе гибридной войны, которую якобы развязала Россия против Украины, значительную роль играло обращение к «Русскому миру», исторической конструкции, созданной на основе воспроизводства исторического нарратива об общем прошлом русского и украинского народов или даже об их историческом единстве [98].

Между тем, 22 ноября 2016 г. в эфире украинского телеканала ICTV министр культуры Украины Евгений Нищук заявил, что: «Культура может воспитывать и формировать общество. И эта ситуация, которая сложилась на востоке и юге страны, – это пропасть сознания. Более того, когда мы так много говорили о генетике в Запорожье, в Донбассе, – это же города завезенные, нет там генетики» [362]. То есть там другие люди, с другим сознанием – «завезённые», то есть – чужие для Украины, но относящиеся больше к «Русскому миру».

Обвинение России позволяет западным политикам, самим организующим гибридные войны в ходе «Арабской весны» и цветных революций по всему миру, придумать теоретические основания для проведения своей агрессивной политики в отношении России с применением практических инструментов социально-политического и военного влияния.

О перекладывании ответственности за организацию гибридных войн с подлинного виновника на Россию свидетельствует содержание указанного концепта в американских обзорах по обороне США 2006, 2010, 2014 годов, а в Национальной военной стратегии США (2015 г.) гибридная война рассматривается как: «область конфликта, в которой пересекается государственное и негосударственное насилие. Его участники объединяют и смешивают методы, силы, средства и ресурсы, чтобы достичь своих целей. В таких гибридных конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму» [408].

Таким образом, гибридная война, будучи стратегией, выраженной в системе различных видов влияния военно-экономического, политико-дипломатического, информационно-психологического влияния, имеет своим содержанием совокупность методов, способов и приемов манипулятивного управления историческим сознанием.

Итак, подводя итог сказанному в четвертой главе, важно отметить.

1) Под практиками социального конструирования истории понимается комплекс социально-управленческих действий различных акторов общественного развития, выраженных в форме специализированных алгоритмов реализации социогуманитарных концептов по управлению общественным сознанием масс через оказание системно-организованного влияния на историческое измерение социума (проектирование прошлого; формирование исторического сознания общества; реконструкция исторической памяти народа; репрезентация альтернативных версий исторических фактов и событий; разрушение и дискредитация значимых исторических образов и другое) [439].

2) Практики социального конструирования истории: консциентальная война (трансформация идентичности), психоисторическая война (принятие чужих смыслов в качестве руководящих), ментальная война (изменения мировоззренческих ориентиров), война памяти (замещение исторической реальности ее симулятивным образом) и гибридная война (комплексное

использование сил и средств для изменения интересов, верований, убеждений) имеют общие черты, ведь в каждой из них на основе коммуникативных технологий постправды, осуществляются попытки деструктивного воздействия на личностное и общественное историческое сознание.

Глава 5

Противодействие деструктивным практикам трансформации российского исторического сознания

Для преодоления различных практик и технологий разрушения исторического сознания российского общества, необходимо уяснить возможные последствия применения указанных действий, осознав которые следует выявить пути преодоления указанных вызовов и угроз. Следует признать, что без четких исторических ориентиров социум не может стабильно функционировать и развиваться. Именно поэтому основные усилия в этой сфере следует сосредоточить на определении дальнейших путей формирования исторического сознания России.

5.1 Политика прошлого как системная деконструкция исторического сознания России

В условиях развития глобального информационного противоборства стремления некоторых социальных акторов рассматривать символическую власть над общественным сознанием масс через призму влияния на их «общепринятые» представления о прошлом представляются одним из главных принципов реализации современных практик социального управления [443]. Важным звеном такого управления выступает *«политика прошлого»* или *«историческая политика»* (от нем. *«Geschichtspolitik»*). По мнению Ж. Бодрийяра, история сегодня все более превращается в симулякр, средство для манипуляции сознанием широких масс: «Когда один за другим умерли Бог, Человек, Прогресс, сама История, уступив место коду, когда умерла трансцендентность, уступив место имманентности, соответствующей значительно более высокой стадии ошеломляющего манипулирования общественными отношениями» [32, с. 130]. Значит и любые ценности с этого

момента лишаются своей сущности, они порождаются и регулируются кодом, они становятся иным, представляющим собой симулякр.

Сам термин *«историческая политика»,* определяемый как системное и целенаправленное управление восприятием и пониманием значения истории для настоящего времени, был связан с правительственными проектами, инициированными канцлером Германии Г. Колем в период его правления. Идея таких проектов заключалась в применении специальной социальной практики в немецком обществе с целью преодоления чувства вины у поколений настоящего за преступления, совершённые предыдущими поколениями (нацистами) в годы войны. Федеральным правительством были профинансированы научно-исследовательские проекты, посвященные роли нацистского наследия в социальном облике современной Германии, в которых приняли участия ведущие ученые страны такие, как Э. Нольте, М. Штюрмер, Ю. Хабермас и другие. Итогом их работы стала разработка концепции «исторической политики» как стимулируемого государством процесса по переосмыслению его гражданами собственной исторической памяти, в рамках которой нацистская идеология по существу объявлялась необходимым противовесом идеологии коммунизма, а действия фашистов оправдывались противостоянием восточным варварам, представляющим угрозу просвещенному Западу [468; 465; 327]. Другими словами, немецкие историки и философы пытались доказать, что победить коммунизм, по их мнению – «большое зло», можно было только с помощью «меньшего зла» – нацизма.

Французский психолог С. Московичи определяет историческую политику как специализированную технологию по «управлению временем», используемая элитами в целях манипулирования массовым сознанием и поведением различных социальных общностей [185].

Схожую точку зрения в отношении осмысления сущности политики прошлого имеют философы М. Хальбвакс и Й. Хейзинга. Согласно их взглядам, данная практика социального управления – это средство

современного политического противоборства субъектов общественного развития (как для внешней, так и для внутренней борьбы за власть), в рамках которого они целенаправленно эксплуатируют социально-историческое пространство посредством активного применения информационно-коммуникативных технологий и способов манипулирования общественным сознанием. Методологическим ядром такой исторической политики выступает триада: *целерациональность* (наличие обоснованного варианта развития истории), *конъюнктурность* (соответствие политики реальным социально-политическим нуждам) и *ассиметричность* (ретрансляция обновленных исторических сюжетов и их оценок через различные информационные каналы).

Наиболее значимой позицией, представляющий интерес для настоящего исследования, являются идеи отечественного историка А. И. Миллера. По его утверждению, историческая политика представляет собой «особую конфигурацию методов сознательной и целенаправленной политической инженерии, предполагающая качественно иное, намного более интенсивное, чем обычно, вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для борьбы с внутренней оппозицией и для достижения определенных целей в деле "нациестроительства", а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях» [182, с. 26]. Иными словами, суть исторической политики заключается в работе с «актуализированным» прошлым общества представляющее его коллективную память – особый вид социально-культурного знания об исторических событиях (процессах), исторических персонажей и символах, которые наделяются значимыми смыслами и выступают тем «строительным фундаментом», который позволяет конструировать и развивать различные типы социальных идентичностей.

Историк Ю. Шеррер полагает, что феномен исторической политики обладает более многогранными свойствами, чем служение истории различным политическим нуждам и потребностям. Это также и целенаправленная

системная научно-исследовательская (поиск ответов на трансформации исторических интерпретаций в политической противоборство) и управленческая деятельность (принятие/модификация/отторжение различных вариаций представления истории, оценка исторических явлений и процессов).

Главным субъектом ее реализации выступает государство в силу наличия у него соответствующих эксклюзивных инструментов (материально-экономические, финансовые, нормативно-правовые, информационно-технологические, идеологические и другие), позволяющих поддерживать функционирование создаваемых социальных реальностей посредством властного распределения ресурсов, легитимизации проводимой политики и существующего социального порядка, придания символам «официального» статуса, конструирования образа «врага» и так далее.

В качестве еще одного субъекта исторической политики выделяются негосударственные структуры. Так, благодаря процессам информатизации, протекающим в современном социуме, подобными средствами работы с когнитивно-историческим пространством начинают обладать некоторые ТНК, концерны финансовых элит, террористические и преступные организации, частные СМИ, публичные интеллектуалы, религиозные и социальные деятели. При этом важно учитывать, что зачастую их представление и внедрение в массовое сознание определённых эпизодов исторического прошлого, опосредовано исключительно корпоративными или личностными интересами собственников и бенефициаров того или иного бизнеса, что никак не связано и может полностью противоречить интересам государства по сохранению социально-политической стабильности в обществе, основанной на реализации общегосударственных задач в области сохранения исторической памяти.

Таким образом, под исторической политикой следует понимать особый вид целенаправленной социально-управленческой и научно-исследовательской деятельности государственных и негосударственных субъектов (ТНК, финансовые концерны, террористические и преступные организации, частные СМИ, лидеры мнений

и другие) по конструированию содержания «актуализированного» коллективного прошлого определенного народа (воспроизводство его национальной идентичности, легитимизации мемориальных практик, создания образа внешнего или внутреннего «врага») посредством использования политического мифотворчества и новейших информационно-коммуникативных технологий.

Исходя из вышеизложенного, для уяснения последствий деконструкции общественно-исторического сознания современного российского социума, воспользуемся идеями отечественного исследователя в области политической праксиологии И. А. Василенко, и подвергнем анализу основные социально-философские концепции реализации исторической политики, среди которых выделим *традиционалистскую* и *модернизационную* [42].

Рассмотрим их более детально.

Традиционалистская историческая политика. Традиционализм как деятельность по управлению историческим сознанием означает, что восприятие прошлого, настоящего и будущего непрерывно конструируется, поддерживается, изменяется в результате воспроизводства в обществе некоторых традиций. По существу, используя исторический опыт, накопленный предками, индивид формирует определенную специфическую программу своей жизнедеятельности в обществе. Немецкий философ Э. Кассирер, сравнивая жизнедеятельность индейских племен с современными обществами, выявил закономерности и механизмы влияния феномена тотемизма на культуру, мировосприятие, массовое сознание и социальное поведение племенного человека. «Следования традициям – проведение шаманами племени различных сакральных обрядов и ритуалов – это не просто принцип социального членения, это есть универсальный принцип деления мира и социального действия, которое на более поздних формах общественного развития социума трансформируется в форму действия политического» [123, с. 200]. Иными словами, традиции народов (ценности, обряды, ритуалы, привычки) выступают тем политическим средством, которое

обеспечивает сакральную связь времен между членами общества и залог их процветающего развития в будущем. Именно поэтому, следование традициям является одним из главных инструментов государства по обеспечению своей стабильности своего функционирования.

Традиционализм как форма деятельности может развиваться по двум основным направлениям: первое следует обозначить как *экстраполяция,* а второе – *интерпретация.* Под *экстраполяцией* понимается процесс и результат буквального переноса элементов прошлого на реальность настоящего. В процессе *интерпретации* прошлое подвергается творческому переосмыслению и к современности соотносится уже результат переработки событий, ценностей, традиций минувших дней.

Социальное управление историей в направлении экстраполяции предполагает стремление максимально сохранить целостность содержания исторического сознания социума. В направлении интерпретации – происходит создание определённых конструктов восприятия прошлого, что опосредовано влиянием «духа времени», когда хорошо забытое старое, преобразуется в новое в контексте видения сегодняшнего дня. Английский социальный мыслитель Э. Гидденс по этому поводу отмечает, что «в мире политики традиции никогда не были слепками застывших форм, они переоткрывались и переоткрываются заново каждым новым поколением. Они образует некоторый контекст специфических временных и пространственных признаков, по отношению к которым изменение приобретает значимую форму» [60, с. 104].

Так, к числу негативных проявлений функционирования традиционалисткой политики в современном российском обществе следует отнести *отсутствие централизованной системы образования и воспитания*.

За время своего развития человечество накопило достаточно многообразный и противоречивый культурный материал (исторические ценности, традиции, обряды, церемонии и ритуалы), который сегодня зачастую используется некоторыми субъектами общественного развития для

оказания деструктивного воздействия на общественно-историческое сознание социума.

В последней редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что: «На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России» [1].

Как представляется, наиболее уязвимо в этом ключе молодое поколение, что объясняется возрастными особенностями (наличием завышенных амбиций при эмоциональной нестабильности и отсутствии жизненного опыта), поэтому у молодых людей нет невозможности глубокого анализа текущих социально-политических событий.

А. Дугин приводит слова М. Хайдеггера о важности культивирования у молодежи исторических традиций: «Когда мы говорим: «смотрите, какой мрак», мы еще помним о солнце, нам есть еще с чем сравнивать. Но придут те, которым не с чем будет сравнивать» [102, с. 32].

Например, в ходе геополитической борьбы с советским государством за доминирование в мире, специалисты из МИ-6, оперируя тезисом прусского генерала К. фон Клаузевица, осознали, что «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны» [134, с. 389]. Были разработаны различные долгосрочные программы действий под общим направлением «мягкой силы», что подразумевало воздействие на молодых граждан СССР, воспитания из них «лидеров действий», которые станут внутренним ресурсом для уничтожения страны изнутри [387].

Важно осознать, что несмотря на окончание Холодной войны данная деятельность не прекратилась, а наоборот лишь усилилась. Сегодня об этом свидетельствуют события 22 февраля 2022 года, связанные с проведением Специальной военной операции на Украине, когда множество представителей, российской элиты стали, фактически, помощниками западных стран, поддерживая и помогая в реализации плана «культуры отмены», где отменить пытались Россию целиком, объединяя для этого усилия США и стран сателлитов.

Аналогичная ситуация разворачивается сегодня и в системе российского высшего образования. Так, не редки случаи, когда в данной сфере работают люди, которые совершенно не соответствуют духовно-нравственным стандартам и ориентирам современного российского педагога. Их преподавательская деятельность, как правило, в корне отличается от того, что сегодня принято называть учебно-воспитательным процессом и воспитанием. Прикрываясь благими целями, они на своих занятиях, используя многочисленные практики искажения истории и манипуляции историческим сознанием, активно критикуют политический курс России и ее руководства, оскорбительно отзываются о тысячелетней русской культуре и языке.

Ярким свидетельством такого лицемерия и двуличия могут выступать заявления доктора исторических наук, профессора А. Б. Зубова, бывшего преподавателя одного из ведущих вузов нашей страны – МГИМО, призванного готовить дипломатов, чья задача – всемерно защищать интересы нашей страны на международной арене.

В марте 2014 г. во время развития событий Русской Весны Зубов опубликовал в газете «Ведомости» статью, в которой раскритиковал действия российского государства по обеспечению и поддержанию безопасности русскоязычного населения на территории Крыма, а последовавшее возвращение Крыма в родную гавань – «австрийским аншлюсом Третьего рейха» [353]. Статья сотрудника МГИМО вызвала огромный негативный резонанс в российском обществе. В результате Зубов как лицо, занимающееся

обучением и воспитанием подрастающего поколения, был признан агентом иностранного влияния и впоследствии уволен из университета.

После своего скандального увольнения профессор истории стал частью избирательного списка либеральной «Парнас» на выборах в Госдуму в 2016 г. и выступая в программе «Культ личности» на Радио Свобода, заявил: «досадно Сталин не проиграл войну Гитлеру» – «ангелу русской истории». «Потому что все равно, в конце концов, союзники бы нас освободили, но тогда бы англичане и американцы установили бы у нас демократию и сменили бы людоедский сталинский режим» [346].

Ещё одним негативным фактором, сопровождающим проявление исторической политики традиционализма, является антиисторизм собственной истории.

Отечественный историк П. М. Полян полагает, что причиной проявления антиисторизма является непрерывное противостояние истории и политики, так называемый – историомор, когда «политика рвется оседлать, стреножить, инструментализировать историю, придав ей доверительный статус продажной, но понятливой куртизанки» [215, с. 592]. Это противостояние проявляется в чрезмерной идеологизации прошлого и политическом «менеджменте истории», к которому относится табуирование определенных тем, фальсификация и мифологизация эмпирики, преднамеренное сокрытие архивов и отрицание установленной фактографии.

Ярким примером такого рода действий может выступать современная репрезентация подвига 28 гвардейцах-панфиловцев в годы Великой Отечественной войны.

В январе 1942 года в газете «Красная звезда» был опубликован очерк А. Ю. Кривицкого о героическом подвиге советских воинов, которые ценною своей жизни, практически голыми руками (не обладая достаточным количеством противотанковых средств), сумели остановить колонны фашистских танков, двигавшихся на Москву. В апреле, когда все воинские подразделения Красной армии прослышали о их подвиге, по инициативе

командования Западного фронта им всем было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Но на самом деле в бою погибли не все панфиловцы. Так, в действительности гвардеец И. Е. Добробабин – уроженец Харьковской губернии, был контужен разрывом снаряда и засыпан землей. По его словам, очнувшись, он предпринял несколько неудачных попыток пересечь линию фронта, закончившееся для него немецким пленом, из которого ему удалось сбежать во время перевозки военнопленных из Можайска. После бегства Добробабин решил вернуться в родное село Перекоп, где вновь был задержан немцами. В июне 1942 года добровольно записался в ряды полицаев, оказывающих содействие оккупационному режиму фашистов. По окончанию войны переехал жить в рабочий поселок Кант (Киргизия), где и был в 1947 году арестован по обвинению «в измене Родине» [337].

В 2016 году российские режиссеры А. Шальопа и К. Дружинин, собрав народные деньги, решили экранизировать героический подвиг панфиловцев и показать его современной аудитории, в том числе и Добробабина как доблестного бойца, упустив исторические факты его измены в будущем. Несмотря на такие факты исторической нестыковки в сюжете картины, его режиссеры получили премию «За верность исторической правде», которая вручается за создание фильмов, отражающих историческую истину и преемственность поколений.

Следует признать, что, то ли по халатности в работе с фактическим материалом и без злого умысла, то ли умышленно, но подобная просветительская деятельность способствует продвижению в общественное сознание идей оправдания коллаборационистов и предателей Родины, которые ведут ни к общегосударственному единству россиян, а скорее к эскалации конфликта, межнациональному размежеванию и обострению идейного гражданского противостояния.

Еще одним негативным проявлением данной формы исторической политики выступает распространение *низкопробных продуктов исторического сознания.* К их числу следует отнести: сомнительные и

непроверенные исторические архивы и документы, «музеи» и мемориальные комплексы, увековечивающие память о диссидентах, а также множество исторических произведений культуры.

Философы П. В. Петрий и В. В. Кафтан в монографии «Аксиология воинского служения» высказывают мнение о том, что такая ситуация обусловлена наличием в российском обществе духовно-нравственного кризиса традиционных ценностей, чрезмерным украшательством и жаждой наживы тех субъектов, которые занимаются их производством и распространением [128].

В условиях развития информационного общества особенно ярко это проявляется прежде всего в сфере развития отечественной киноиндустрии на историческую тему.

В 2020 г. режиссеры М. Бриус и Л. Пляскин презентовали российской общественности фильм «Зоя» [339], посвященный подвигу Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. Интерпретируя факты по своему воображению, режиссеры показывают зрителю историческую картину, весьма далекую от истины. Так, главной причиной ухода Зои на фронт, по мнению режиссеров, является не ее неистовое желания бороться с фашисткой гадиной, разоряющей советскую землю, а гибель на войне школьного друга, за которого она собиралась выйти замуж. Также в фильме показана сцена личного знакомства со Сталиным в ночь перед ее отправкой на задание, что также не соответствует действительности. Помимо этого, авторами активно муссируется тема с болезнью Космодемьянской, а которой в 2016 г. рассказывал психиатр А. Бильжо в своих интервью либеральным интернет-изданиям о том, что Зоя якобы страдала психическим заболеванием, а ее молчание во время жестоких пыток есть ничто иное как синдром проявления «кататонического ступора» [337].

В результате вместо сохранения и укрепления чувств исторического патриотизма, которыми пропитаны история развития нашего государства и народа, данное художественное произведение в сознании зрителя

конструирует совсем противоположные ценности, направленные больше на дискредитацию и забытье героических подвигов русского народа в борьбе с фашисткой чумой.

Таким образом, следует отметить, что традиционализм как историческая политика по управлению историческим сознанием помимо поддержания стабильности государства имеет ряд негативных проявлений, носящих деструктивный характер как для развития российского социума, так и угрозу существования для самой исторической науки, в целом. К числу которых следует отнести: во-первых, *отсутствие централизованной системы образования и воспитания* (наличие в системе агентов влияния, незащищенность молодежи от информационного воздействия); во-вторых, *развитие феномена антиисторизма собственной истории* (историомор, чрезмерная идеологизация истории, политический «менеджмент истории») и в-третьих, *распространение низкопробных продуктов исторического сознания* (антиисторические «архивы», «музеи», «мемориальные комплексы», «исторические произведения» и так далее).

Концепция «модернизационной политики прошлого» (от англ. *modern* – «современный, обновленный») применительно к деятельности по управлению общественно-историческим сознанием прямо противоположна исторической политики традиционализма. Это включает в себя формирование и продвижение определённых социально-исторических проектов, которые направлены на пересмотр или трансформацию некоторых сфер традиционной исторической науки, например переопределение понятий, категорий, методологических основ, установленных фактов, в соответствии с требованиями, выдвигаемыми представителями различных социально-политических элит. Отечественный историк А. И. Фурсов утверждает, что деятельность по модернизации социальной истории характерна для стран западного капитализма ввиду социально-экономических противоречий: «Так противоречие между целостным мировым характером экономики и суммарно-мозаичным национальным характером государственно-политической

организации обретает еще одно измерение: мировые производственные отношения (и их персонификаторы) противостоят не мировым, а региональным производительным силам и не мировым же, а национальным государственно-политическим структурам — и их персонификаторам» [276, с. 12]. Поэтому для них История является непрерывным полем битвы с целью установления своего доминирования в информационной сфере, получения власти, а в конечном итоге – захват чужих ресурсов.

Социальный историк и аналитик Ш. Айзенштадт отмечает, что все трансформации исторического сознания основываются на легитимизации уровня социально-политических, экономических, технологических или культурных изменений, протекающих в современной жизни социума. Исходя из этого модернизация как форма деятельности по социальному управлению историей может быть классифицирована по двум основным направлениям: *консервативная модернизация* (частичные изменения социального пространства истории) и *радикальная модернизация* (полный пересмотр существующей истории как социально-значимого типа знания для человека и замена ее новыми целостными социально-историческими проектами) [317].

Историческая политика в форме *консервативной модернизации* (лат. *conserve* – «сохраняю») представляет собой частичные искажения истории как структурированной системы знаний человека о прошлом, предполагающая внесение фрагментарных изменений в некоторые элементы исторического пространства посредством использования методологии постмодернистской деконструкции, а также комплекс мероприятий по легитимизации этих изменений в массовом сознании социума. Используя подход британского исследователя массовых коммуникаций Р. Вильямса к описанию различных типов социальных трансформаций современного общества, выделим следующие виды деконструкции исторического сознания:

1) экстенсия фактов исторической действительности (лат. *extensia* – «расширение») – целенаправленное выпячивание (повышение исторической ценности) незначительных исторических событий (фактов) по

отношению к действительно значимым, наполнение их определенным символическим и семантическим содержанием;

2) аттенуация исторического пространства (лат. *atteuatio* – «уменьшение») – изменения, направленные на зачищение некоторых наиболее важных фактов исторического развития того или иного социума, как результат – утрачивание части знаний (или полностью) о историческом наследии;

3) хронологическая деструкция – преднамеренное сокрытие и уничтожение фактов исторической истины (распространение практик десимволизации, уничтожение исторических архивов);

4) креация ретрособытийности (лат. *creatio* – «создание, фундамент») – создание социально-исторических симулякров и фейков в контексте внедрения новых методов исследования прошлого;

5) элаборация хронологии (лат. *elaboration* – «добавление, улучшение») заключающаяся в дополнении (насыщении) ретроспективного бытия новыми фактами, установление которых трансформирует восприятие человеком конкретных явлений и процессов исторического прошлого;

6) аксиологическая конкретизация исторического сознания – выработка и распространение новых критериев и стандартов значимости в отношении применения исторического знания в процессах функционирования современного общества;

7) экспликация исторического знания (лат. *explicatio* – «объяснение, истолкование») – репрезентация истории (явлений, процессов и фактов исторической действительности) с позиции конкретных идеологических систем (политизация истории) [331].

Опираясь на представленную выше типологию фрагментарных трансформаций истории, следует сделать вывод, что главным объектом их воздействия является не само сознание индивида, а его духовно-нравственные ценности, культурный стержень, семиотические и дискурсивные пространства, которые позволяют контролировать человеческую память и

конструировать особый тип общества, который может быть обозначен как «Иваны, не помнящие родства».

С. Г. Кара-Мурза в своем труде «Манипуляция сознанием» отмечает, что в этих целях в глобальном информационном пространстве современности развернуты определенные историко-манипулятивные проекты, устанавливающие определенные тенденции развития будущего, «тотализирующие» дискурсы и повестки дня в общественном сознании масс [122].

Первый из них следует обозначить как проект «*инфернализации прошлого*» – комплекс манипулятивных технологий, призванный оправдать сознательный отказ представителей различных социальных групп конкретных обществ (например, подрастающее поколение) от своего прошлого посредством репрезентации в их массовое сознание специально сконструированных исторических образов, очерняющих государственную власть, славные деяния предков, культуру и достижения их народа. Основная цель проекта заключается в установлении и продвижении определённого верховенства и диктата западного социума для всего мира. При этом необходимо, чтобы другие народы воспринимали бы западный социум как защитников общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека, демократического устройства, гуманизма и процветания.

Мировая общественность получает потоки информации через СМИ, кинофильмы, художественные, публицистические произведения, где активно продвигается определённый образ России как непредсказуемо агрессивной страны, что объясняется «генетическим» злодейством, веками сложившейся кровавой деспотией, недалёким народом, стремящимся напасть и завоевать другие цивилизованные народы.

В российском общественном пространстве, для примера, пытаются регулярно реализовать подобные проекты. Например, заявленный для детей историко-образовательный проект в виде небольших видеосюжетов, выполненных в анимационном формате под названием «Великие русские

злодеи». За кадром звуковой ряд исполнен «творческой интеллигенцией» в составе: М. В. Зыгарь (писатель, режиссёр), А. А. Орлов (поэт, автор множества стихов с ненормативной лексикой), Ч. Н. Хаматова (актриса). Данный проект призван в простой и юмористической форме разоблачить известных деятелей русской истории. Разоблачения «русских злодеев» заключается в демонстрации грязных слухов и домыслов, которые подаются детям в качестве исторических фактов. В видеоролике про А. В. Суворова и императрицу Екатерину II, полководец предстает в образе былинного злодея Кощея Бессмертного, а закадровый голос декларирует, что «Суворов – это генерал Армагеддон!» (завуалированная отсылка к прозвищу генерала армии С. Г. Суровикина, участвующего в проведении СВО на Украине), который не потерпел ни одного поражения из-за того, что все его сражения есть ничто иное как карательные операции в отношении мирного населения [382].

Следующим значимым проектом, развернутым в настоящее время в глобальном информационном поле, выступает «*евроцентризм*» – совокупность различных манипулятивных концепций и технологий, направленных на распространение в массовом сознании, универсальной мета-идеологии, которую можно выразить слоганом: «Следуй за Западом – это лучший из миров».

Сторонник горбачевских реформ историк Л. М. Баткин отмечает, что «Запад в конце XX в. – это не географическое понятие и даже не понятие капитализма. Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немыслимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества» [18, с. 176].

В структурном отношении эта мета-идеология состоит из множества социально-управленческих концепций культивирующие в массовом сознании народов, не принадлежащих к западной цивилизации, идею превосходства Запада. К их числу следует отнести следующие:

1) Концепция «колыбели». Суть данной концепции сводится к утверждению образов: Европы как плода развития античной цивилизации, положившей начало становлению цивилизованного человека и центра сосредоточения всех значимых научных, технологичных и культурных достижений. Например, в социально-экономической сфере данная концепция находит свое отражение в репрезентации истории развития западного общества как поступательного движения вперед, в котором по мере совершенствования производительных сил первобытнообщинная формация сменяется рабовладельческой, затем на ее место приходит эпоха феодализма и далее – в ходе научно-промышленной революции наступает эра капиталистических отношений. Именно такая последовательность признается естественной и правильной. И если другие народы не познали в процессе своего развития всей значимости рабовладельческого строя как определенной исторической эпохи (древнерусское государство) или крепостного права (Китайская империя), то значит они недостаточно цивилизованны и должны учиться у Запада, и предоставить возможности для эксплуатации их материальных и духовных ресурсов.

2) Концепция «всеобщей религиозной матрицы» представляет собой механизм формообразования современного цивилизационного общества, в котором по определённым критериям проявляется социокультурная идентичность. Так, в противопоставляющей себя деспотичному мусульманскому Востоку и ставящей под сомнение законность существования православия в России; Новое время характеризуется существенными изменениями в религиозной и общественной жизни, Западная цивилизация переживает многочисленные войны, восстания, открытия, революции. Разрушаются традиции, формируются новые, а «прометеево общество» в цикле разрушения – создания плодит и неоязычество с их фундаментальной ритуальностью, и просто сатанинские практики [344].

3) Концепция «гуманной и правовой социальной системы» направлена на создании в массовом сознании ложного исторического образа, согласно

которому государства западного мира являются блюстителями принципов гуманизма и гарантами соблюдения прав и свобод человека. Ярким примером реализации этих образов на современной практике выступает ситуация, при которой организация «Европейский фонд мира» (EPF), отвечающая за обеспечение глобальной безопасности и недопущения войны, поставляет вооружение и военную технику украинскому режиму неонацистов для продолжения военного конфликта на Украине [354].

4) Концепция «представления материальных благ» заключается в формировании глобальном социальном пространстве культа «общества потребления». Наличие у индивида богатства и изобилия различных предметов потребления в действительности является лишь симулякром счастья. Обществом потребления является не только общество, где есть люди и огромное множество товары, которые они желают приобрести, но где само потребление потреблено в форме мифа. По мнение Ж. Бодрийяра, это выжженная социальная пустыня, в которой отсутствуют эстетические и высокие ценности [30].

Следующей разновидностью модернизационной исторической политики выступает *радикальная модернизация*. Как правило, такая форма политики характерна для общества с колониально-империалистическим укладом жизни (США, Великобритания, Германия, Франция), сущность которой выражается в кардинальном изменении социально-исторического пространства колонизируемого народа в отношении социальной памяти о своей истории и замене истинной истории новыми социально-историческими проектами [436]. Среди наиболее опасных проектов, представляющих непосредственную угрозу для развития российского общества, представляются: культурно-идеологическое перекодирование, гражданская война и всеобъемлющее зачищение исторического пространства.

Культурно-идеологическое перекодирование. В исследованиях проблем информационного противостояния (С. Г. Кара-Мурза, А. С. Панарин) внедрение нового кода, это не война со старым, а создание определённой

картины мира в глобальном масштабе. Современный миропорядок (глобализация) направлен на культурно-идеологическую трансформацию наиболее «враждебных» культур. Их суть заключается в оказании «мягкого» влияния на самоидентификацию их носителей – ценностные и целевые ориентиры личности, которые определяют её поведение и стиль жизни, формируют основания того, как человек себя определяет (идентифицирует) в семье, группе, обществе и в мире в целом [122; 199].

В исторической перспективе фундамент практики *культурно-идеологического перекодирования* был заложен еще в эпоху Античности в период кровопролитного противостояния Рима с великой морской державой Карфагеном, доминирующей в то время в Средиземном море.

В 202 году до нашей эры после множества неудачных попыток римский полководец Публий Корнелий Сципион одержал победу, разбив карфагенян под командованием знаменитого Ганнибала в битве при Заме и тем самым вынудив их подписать мирное соглашение на унизительных условиях. По этому договору Карфаген обязывался передать весь свой флот (500 судов) в управление Риму, а также отказывался от своих притязаний на прежние территории в сторону Победителя, теперь его земли ограничивались лишь самим городом и близлежащими окрестностями. Но римской элите этого оказалось мало, их терзало чувство мести за разгромное поражение легионов, путем окружения их карфагенской конницей в битве при Каннах. Сенатор Марк Порций Катон провозгласили лозунг – «Карфаген должен быть разрушен» (лат. *«Ceterum censeo Carthaginem delendam esse»*), повторявшийся им на всех заседаниях правительства, независимо от темы обсуждения и призывающий весь цивилизованный мир (все народы Италии) объединится в борьбе с «варварами» (карфагенянами), создающими военно-политическую нестабильность и угрозу благополучию и процветанию римского народа. В результате массовая пропаганда данного культурного нарратива сформировала милитаристскую идеологию в сознании римлян и привела к

возобновлению массового кровопролития, в рамках которого карфагеняне были поголовно обращены в рабство, а сам город был буквально стерт с лица земли, были уничтожены даже его развалины [228].

В дальнейшим, перекодирование как практика внедрения специальных культурологических нарративов в историческое пространство социума, использовалась последователями Римской католической церкви для утверждения своего господства в Восточной Европе. Так, из манускрипта «Славянское царство» (1701 г.), попавшего в Индекс запрещенных книг, сербского монаха и историка М. Орбини следует, что границы ареала проживания древних славян намного шире, чем об этом свидетельствуют исторические источники современности. По мысли Орбини, славяне (руссы) до IX века проживали на территории центральной Европы и дали начало многим современным европейским народам таким, как шведы, финны, немцы, поляки и многие другие, но в результате политики «*культурного подчинения»*, проводимой католиками, эти народы утратили свои исторические корни и стали осмыслять себя как часть западного мира [194].

Ярким примером реализации политики культурного подчинения служит *германизация (онемечивание) западных славян и пруссов*. В ходе крестового похода 1147 г. с благословения Папы Римского Евгения III был саксонским герцогом Генрихом Львом во главе 150 тысячной армии был нанесен удар по славянам-венедам, в результате которого были подчинены племена бодричей и лютичей, их земли были присоединены Римом.

При покорении Южно-Балтийского племени пруссов Немецким (Тевтонским) орденом во второй половине XIII века, крестоносцы, эвакуировавшийся из Ближнего Востока столкнулись с ожесточенным сопротивлением, которое возглавили вожди порабощенных родов. Вновь образованное государство Ордена сотрясали восстания пруссов и немногочисленные рыцари, не смогли бы устоять, но применили следующую стратегию. Усмирение непокорных их же руками, для чего в условиях раздробленности и постоянных раздоров, крестоносцы сумели привлечь одни

прусские племена для столкновений с другими, далее крестоносцы стали брать в Германию на обучение (и воспитание) сыновей прусских вождей. В процессе обучения присутствовала активная религиозная пропаганда и агитация, что способствовало привитию молодым людям культурных ценностей и их ориентации на немецкий язык, только, обладая которым можно было сделать карьеру в государстве Ордена. Вождям стали подражать рядовые воины, а уже затем и простые общинники. Высокие результаты такой стратегии не заставили себя ждать – по летописям Тевтонского ордена можно констатировать, что, уже в середине XIV века практически невозможно было найти переводчика с прусского языка, а к XVII века на немецком языке говорила подавляющая часть населения Восточной Пруссии. Сегодня в Германии свыше миллиона человек считают себя потомками пруссов, при этом ни их язык, ни культура – фактически не сохранились, а сама Пруссия стала ядром германской императорской идентичности.

Проект «гражданской войны». Радикальная модернизация социально-исторического пространства социума не ограничивается лишь культурным перекодированием народных масс (разложение и формирование новой идентичности), ее процессы функционирования также открывают путь к *проекту «управляемого хаоса»*, направленного на организацию религиозной, культурной или этнической насильственной борьбы в обществах враждебных цивилизаций [279].

Так, во многих модернизирующихся обществах современности (Афганистан, Сомали, Тунис, Ливия, Сирия, Украина и многие другие) наблюдается, что вследствие вторжения западной культуры в уклад их традиционных ценностей, активно развивается конфронтация в социальной среде, формируется ценностный конфликт, последствия которого часто толкают такое общество к внутригосударственному конфликту.

Например, события, которые привели современную Украину к государственному перевороту и захвату власти последователями фашисткой идеологии, организации геноцида на Донбассе, обнищанию и развалу страны,

а также необходимости вмешательства в конфликт Российской Федерации в контексте проведения на ее территории специальной военной операции имеет довольно широкую историческую ретроспективу, которая непосредственно связанна с деятельностью западных элит по навязыванию предкам украинцев своей культуры и образа жизни.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своей статье «Об историческом единстве русских и украинцев» [379] отмечает, что нашествие хана Батыя на древнерусское государство бесповоротно обеспечило закрепление состояния его раздробленности, в рамках которой его северо-восточные земли попали в ордынскую зависимость, а западные земли (территории современной Украины и Белоруссии) были включены в состав Великого Княжества Литовского. Западными элитами был инициирован исторический проект «Украина – не Россия». Его основной задачей являлось проведение комплексных мероприятий (иногда и насильственных акций с применением оружия) по «ополячиванию» и латинизации украинского народа с полным вычищением из их сознания православия. Ответными действиями со стороны православного населения Поднепровья стало организация освободительного движения под руководством гетмана Б. Хмельницкого. Украинский историк Н. Н. Яковенко так описывает те кровавые времена для украинцев – «Поляки сажали бунтующих украинцев на кол, местные площади были уставлены висельницами, рубили им руки, ноги, головы, выкалывали глаза всем подозреваемых в сочувствии… Но действие всегда равно противодействию. Восставшие грабили поместья шляхты, сжигали костёлы, забивали ксендзов, замки, дворы еврейские… Редко кто в той крови своих рук не умочил…» [312, с. 224].

В 1653 году Хмельницкий, после нескольких неудавшихся попыток обращения к польскому королю с прошением о соблюдении прав православного населения и получении автономии, принимает решение обратится к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять «все Войско запорожское и весь мир православный российский под высокую государеву

руку» [156]. В результате часть утраченных земель: киевские земли, левобережье Днепра, включая Полтавщину, Черниговщину и Запорожье воссоединяются с российским государством вновь. А часть (земли, принадлежавшие Древней Русси: Галиции, Волыни, Закарпатья), остаются в подчинении польской шляхты, что создало у западных украинцев понимание своей идентичности, отличной от русской, больше ориентированной на Запад, чем на Россию.

Недолгое существование УНР (Украинской Народной Республики) продолжило конфронтационный процесс в украинском обществе. В хаосе революционных разрушений и последующей гражданской войны, воспользовавшись сложившимся положением, власть в 1918 году захватили немецкие оккупанты во главе с генералом П. Скоропадским. 29 апреля того же года на Всеукраинском съезде помещиков и крупных крестьянских собственников Скоропадский был провозглашен гетманом «всея Украины», а республика переименована в Украинскую державу. Продекларированный суверенитет оказался недолгим и уже к концу года к власти пришли украинские националисты (С. Петлюра, Е. Петрушевич), заключившие секретную сделку с поляками на оказание военной поддержки в обмен на Галицкие и Западно-Волынские территории.

С включением Украинской ССР в состав Советского Союза, большевиками была инициирована социальная программа по «коренизации» («украинизации») местного населения, которая привела к созданию украинской культуры, языка, и идентичности. Украинизация зачастую навязывалась тем, кто себя украинцем не считал. В годы Великой Отечественной войны активизировалось движение украинских националистов С. Бандеры, Р. Шухевича, Д. Клячкивского, Я. Стицько, А. Мельника и других, занявших, по сути, коллаборационистскую позицию. Их отряды трансформировались в повстанческие подпольные организации: организацию украинских националистов, украинскую повстанческую армию (ОУН-УПА), творившие под протекторатом или пр. полном попустительстве немцев

военные преступления: активное участие в мероприятиях холокоста (расстрелы евреев в Бабьем яру в Киеве и множестве других мест), противопартизанских операциях Вермахта (сожжение белорусских деревень, таких как Хатынь), «очищении» территории от мирных поляков в ходе Волынской резни.

После победы над фашизмом силами подразделений НКВД были проведены ряд военных операций по выявлению и ликвидации повстанческих формирований ОУН-УПА (последние были уничтожены лишь только в 1956 году). Всех остальных, кто подозревался в пособничестве, по результатам следствия, репрессировали и принудительно выселили вглубь страны (операция «Запад»). Так, из доклада министра внутренних дел СССР С. Круглова по итогам операции следует, что к концу 1947 г. в Сибирь депортированы 76192 – «пособника Бандеры» (26644 семьи), из которых 18866 – мужчин, 35152 – женщины и 22174 – дети [386]. Но идеологические основы украинского национализма продолжали существовать, чему помогла амнистия, по которой на свободу были выпущены советские граждане, сотрудничавшие на оккупированных территориях с немецкими властями в период Великой Отечественной войны, причём были освобождены от отбывания наказания осужденные коллаборционисты, но и с них была сняла судимость и поражение в правах. В результате бандеровцы и члены их семей смогли в дальнейшем войти в советские и партийные органы.

8 декабря 1991 года после подписания Беловежского соглашения начался «парад суверенитетов» и на территории постсоветского пространства под эгидой оказания содействия в развитии в новообразованных государствах принципов демократии начали активно стекаться западные фонды и некоммерческие организации (НКО). Данная участь не обошла стороной и Украину.

Таким образом, со временем власть оказалась в руках у прозападно настроенной элиты, которая стала постепенно возрождать нацистские практики, переписывать прошлое, уничтожать любые упоминания о том, что

связывало и объединяло украинский народ с Россией. Период совместного пребывания в Советском союзе стали называть «москальской оккупацией», трагичную ситуацию, общую для многих территорий СССР («Голодомор») начали представлять как умышленный и спланированный геноцид украинского народа. Итогом все этого стали кровавый события «Евромайдана» в 2014 году на площади Незалежности в центре Киева, после которого к власти неонацисты, расколовшие страну на два противоборствующих лагеря и ввергнувшие ее в тот ужас, который сегодня мы наблюдаем в медиапространстве (организация террористических акций, постоянные артобстрелы, массовые преступления ВСУ против гражданских, запрет православия, пропаганда сатанизма, торговля детьми и так далее).

Всеобъемлющая зачистка истории. Как представляется, данный проект является наиболее агрессивной формы исторической политики в условиях современности. Его суть сводится к целенаправленному уничтожению истории конкретных народов и продуктов их культурно-исторического наследия, которое проявляется в превращение археологических находок в товар, упразднение культурных традиций, аннулировании в обществе родного языка, ликвидации исторических архивов, сносе памятников и мест социальной памяти и так далее.

М. Фуко в своих выводах о неосознаваемости истории, недоступности для современников логики прошлых событий, утверждает, что история заменена пародией и фарсом, а истина и знания – глупостью. Г. Форд также воспринимал историю как «вздор»: «Мы хотим, – говорит он, – жить в настоящем, и единственная история, которая хоть что-то значит, – это та, которую мы делаем в данный момент» [19, с. 134].

Сегодня, мы можем наблюдать такую картину в ряде Европейских стран. Например, в Польше, когда представители политической элиты публично сжигают религиозно-исторические ценности другого народа под охраной сотрудников полиции, а после заявляют, что это была демонстрация «свободы слова», являющаяся фундаментальной частью западной демократии [343].

Другим примером уничтожения исторического пространства, выступают официальные власти Молдовы (президент М. Санду, многие представители политической элиты, как члены Верховного суда имеют румынское гражданство), когда на государственном уровне реализуют идеи унионизма, предполагающие ликвидацию Молдовы как государственного образования и ее полное «растворение» в Румынии под видом упрощенного вхождения в Европейский Союз, осуществляют дискредитации национально-государственного языка, в рамках которой молдаванам фактически запрещают использовать родной язык для официальной коммуникации и заменяя его румынским наречием.

Важно понимать, что без родного языка человек и общество лишается культурного своеобразия, идентичности, связи со своим прошлым, что может привести к следующим последствиям:

1) ущемление законных прав личности государством или обществом, что выражается в дискриминации по признаку языка;

2) потеря культурно-исторического достояния – вырождение наиболее значимых ценностей, традиций и обычаев. В результате человек, не зная своего прошлого, теряет смысл своего существования, становясь на путь самоуничтожения и деградации. Что в конечном итоге ведет к вырождению всего общества в целом.

3) потеря экономического потенциала – исключение языка из общественной сферы может ограничить доступ людей к образованию, работе и возможностям на рынке труда, что может отрицательно сказаться на экономике страны.

4) социальное неравенство и *дезинтеграция общества* – запрет использования родного языка может усугубить существующие социальные неравенства, что может привести к созданию классовых различий, исключению определенных сообществ и групп из полноценного участия в общественной жизни, росту недоверия к власти и развитию различных конфликтов и другое.

5.2 Модель системной защиты исторического сознания российского общества

Историческое сознание современной России необходимо защищать и этому нет альтернативы. Иначе последствия историко-защитного бездействия могут оказаться для отечественного социокультурного пространства весьма ощутимыми и печальными, гораздо серьёзнее, чем последствия санкций коллективного Запада. Опасность бездействия или полумер в отношении защиты исторического сознания граждан страны, отсутствие противодействия фальсификаторам истории может привести в обозримом будущем к поражению в информационно-психологическом противостоянии с западной цивилизацией, которая поставила перед собой цель – уничтожить или ослабить Россию, снизить потенциал ее величия и поступательного развития. Стоит вспомнить в этой связи высказанное 1 сентября 2020 г. на открытии Всероссийского открытого урока «Помнить – значить знать» предупреждение Президента Российской Федерации В. В. Путина: «Мы с вами должны понимать, чувствовать, что происходит сегодня. Вы знаете, иногда может показаться, что вообще это уже не так важно, ведь это было так давно, 75 лет назад, это вообще никак не связано с сегодняшней жизнью, это даже, может быть, уже неинтересно. Уверяю вас, это абсолютно не так. Почему? Потому что после Второй мировой войны был создан тот миропорядок, те правила, по которым, и в рамках которых, мы живем сегодня. И кому-то показалось, что после холодной войны они оказались победителями, они считают себя исключительными, полагают, что можно и нужно поменять порядок, возникший после Второй мировой войны. Поэтому, для того чтобы создать условия для этих перемен, нужно немножко переделать, переписать то, что было в истории на самом деле... Тех, кто сегодня соглашается с инициаторами переписи истории, вполне можно назвать коллаборационистами сегодняшнего дня. Такие люди есть всегда, везде, были и будут. У них разные мотивы, сейчас не будем вдаваться в эти детали. Важно только понимать, что это очень актуально сегодня» [380].

Вполне очевидным стало то, что важность проблемы сохранения исторической памяти и защиты исторического сознания граждан страны была осознана не только обществом, но и государством. Так, решению данной проблемы должны были способствовать принятая в 2021 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], а также образование межведомственной комиссии по историческому просвещению (Указ Президента Российской Федерации за № 442 от 30 июля 2021 г.) и другие целенаправленные и так необходимые шаги.

Эти и другие аспекты проблемы защиты исторического сознания российского общества в условиях нарастающего воздействия западной информационной и иной агрессии позволяют заявить о необходимости обоснования, разработки и реализации модели данного процесса. Согласно философскому словарю «модель (лат. modulus – мера, образец) – объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Модель понимается и как «теоретически выстроенная совокупность представлений о том, как выглядит система управления, как она воздействует на объект управления, как адаптируется к изменениям во внешней среде, чтобы управляемая организация могла добиваться поставленных целей, устойчиво развиваться и обеспечивать свою жизнеспособность» [264, с. 650]. В самом общем виде модель представляет собой некую совокупность действий по достижению желаемой цели или решению определенной задачи в определенных условиях.

В частности, необходимость разработки и создания данной модели обусловлено рядом причин, а именно:

1) необходимость в формировании и реализации комплексного отпора созданию искусственной исторической реальности в связи с нарастающими по объему и содержанию попытками искажения сути и содержания исторических процессов прошлого и настоящего как в масштабах российской

государственности, так и мировой цивилизации со стороны так называемого коллективного Запада;

2) крайне важной необходимостью представляется задача сохранения национальной идентичности, что требует поддержания из поколения в поколение понимания значимости исторических событий, предупреждение попыток замены самобытной отечественной истории западоцентризмом, сохранения ценностного восприятия опыта предыдущих поколений, что невозможно без поддержания памяти о героях Отечества, преемственности межпоколенческой коммуникации, воспитания у молодежи уважения к собственной истории;

3) ядром противодействия враждебному влиянию на российское историческое сознание действий должна выступить стратегия перехвата управления историей;

4) существенные изменения в российском образовании, связанные с внедрением современных коммуникационных и цифровых технологий, основательно «вымывают» из его содержания основанные на правде истории ценностные, духовные, нравственные ориентиры для молодых людей, это как необходимость требует создание системного противодействия;

5) организационные вопросы защиты исторического сознания необходимо решать на основе сущностного понимания теории и практики противодействия специализированным деструктивным информационно-коммуникативным технологиям, которые генерируют псевдоисторические образы, а также необходимо разрабатывать соответствующие стратегии информационного противоборства, что возможно при создании соответствующей его модели преимущественно наступательного характера [452].

Так, сегодня в зоне исторического риска оказалась молодежь. Именно глобальные изменения в содержании отечественного образования, связанные с широким и беззастенчивым внедрением в него западных либеральных ценностей и идеалов, навязывание западного образа жизни, способствовали

вытеснению из образовательного пространства отечественного исторического материала, снизили исторический иммунитет к разного рода историческим фальсификациям со стороны западной культуры. Вспомним небезызвестный учебник А. А. Кредера «Новейшая история. XX век», изданный в 1995 году на деньги Фонда Сороса. Из этого исторического опуса (по-другому и не скажешь), например, практически полностью исчезли сведения о Курской и Сталинградской битвах, о которых автор упоминает только один раз (через запятую в одной строке). Учащимся средней школы автор учебника (кстати, наш соотечественник) навязывает мысль о том, что разгром фашистской Германии был осуществлен силами Соединенных Штатов Америки.

Эти и подобные им учебники, справочники, учебные материалы, статьи (подготовленные по заказу и на деньги западных фальсификаторов) во многом лишают целостного взгляда молодого человека на полноту, правдивость и достоверность исторического прошлого своей страны. К сожалению, необходимо заметить, что современные молодые люди пока в недостаточной мере осведомлены о событиях российской истории: периода царских династий и их правления, советского, главных сражениях ВОВ, постсоветском периоде. Сохраняется существенная проблема недостаточности знаний у российских школьников по истории отечества, что отметил секретарь Совета безопасности России Н. П. Патрушев: «усиливающееся в последнее время и направленное на российскую аудиторию внешнее информационное и идеологическое воздействие… направлено на раскол российского общества по национальному, культурному и религиозным признакам» [373]. Воистину глубокий смысл в восточной мудрости: «Хочешь победить врага – воспитай его детей»!

Отсюда задача всех субъектов общественного развития – не только оградить российских граждан от информационного и идеологического западного воздействия, но и сформировать у них активную гражданскую позицию, направленную на укрепление могущества страны. Применительно к данному посылу уместно будет привести слова главы МИДа России

С. В. Лаврова о фальсификации событий Второй мировой войны. «Победа далась нам слишком дорогой ценой, чтобы мы позволили её отнять, – заявил он. – Для нас это – «красная линия». И нашему государству, и обществу пора осознать, какая трагедия ожидает всех нас, если в этой «третьей информационной» мы позволим врагу эту «красную линию» перейти» [360].

Об историческом подходе к своему прошлому на основе правдивого его изложения и сохранения (особенно в молодежной среде) также высказывается и Президент Российской Федерации Владимир Путин, который 19 апреля 2022 г. в приветственной телеграмме к участникам первого Всероссийского школьного исторического форума «Сила – в правде!» заявил о том, что глубокое знание своей истории, уважительное, бережное отношение к великому патриотическому, духовному, культурному наследию Отечества позволяет делать верные выводы из прошлого.

Решение подобного рода проблем видится на основе системного комплексного подхода к сохранению и сбережению исторического сознания граждан страны. Как представляется, данный подход может включать в себя решение со стороны субъектов общественного развития наиболее приоритетных задач, среди которых, по мнению историка В. Кикнадзе, в первую очередь стоит выделить:

– изучение потенциальных вызовов и угроз для памяти о прошлом;

– правовое обеспечение государственной, общественной и информационной безопасности в сфере исторического сознания и подготовка соответствующей законодательной базы;

– комплексная оценка сложившейся ситуации в сфере обеспечения национальной безопасности**,** «сформировавшейся под влиянием власти и общества, российской исторической политики и политики памяти и др.» [132, с. 11].

Сюда же следует отнести и задачу разработки и внедрения на всех уровнях управления общественными процессами национальной идеи, национальной идеологии, направленных в первую очередь на сплочение

нации, развития у граждан страны высоких патриотических качеств и чувств, воспитания у них гордости за свое прошлое и готовности к защите своего культурно-исторического наследия.

Системное комплексное видение защиты исторического сознания российского общества позволяет (предполагает) более вплотную подойти к решению вопроса обоснования ее модели. Данная модель защиты исторического сознания российского общества сегодня должна включать в себя не только специфику и направленность деятельности социально-политических акторов, но и основные подходы, уровни и компоненты с учетом всей совокупности внутренних и внешних условий и факторов функционирования обозначенного процесса. Как представляется, в основе формирования и развития данной модели следует использовать следующие подходы, а именно:

1) структурный (включая общество, государство, личность);

2) сферный (деятельность в основных сферах жизнебытия общества: экономической; социальной; политико-правовой; духовной; информационно-коммуникативной и другие);

3) комплексный (на основе философско-концептуального; идеологического и технологического обоснования необходимости данной модели). Рассмотрим данные подходы и их компоненты более подробно.

1) *Структурный подход*. Система действий по сохранению и защите исторического сознания россиян должна содержать в себе следующие уровни реализации: общественный, государственный, социально-групповой и личностный.

Так, на *общественном уровне* основное внимание следует сосредоточить на разработке и реализации таких направлений, как:

– передача и наследование исторических традиций и ценностей российской государственности в процессе их развития;

– формирование и развитие в общественном сознании объединяющей патриотической идеи, направленной на защиту и сбережение исторического наследия страны;

– развитие у граждан России, в контексте обеспечения духовной безопасности, исторической гордости за прошлое своей страны на основе защиты исторической правды;

– создание и поддержка общественных организаций, культивирующих связь настоящего с прошлым (преемственность действий, сохранение ценностей, коммеморация и другое);

– преобразование работы с молодежью на основе реорганизации не только предназначения, но и деятельности Росмолодежи и других [452].

Так, одним из наиболее актуальных направлений указанной деятельности, является всемерное сохранение и развитие патриотической идеи. Сегодня уже ни у кого не вызывает возражений утверждение о том, что государству и обществу необходимо активизировать работу по воспитанию молодого поколения на примерах истинного патриотизма и любви к своему Отечеству, которых в истории России предостаточно, но важно не просто помнить и сохранять историческую память о героях прошлого, но и в настоящем предпринимать консолидированные усилия продвижения государственной политики в области духовного развития, внедрения в общественное и личностное сознание тех идей, традиций и ценностей, которые способны сохранить историческое наследие страны в целях его использования для решения современных задач государственного развития страны. Другими словами, необходимо потенциал богатого исторического наследия направить на созидательную деятельность всех социальных субъектов.

Всякое общество в целом и конкретный человек стараются создавать картину мира на фундаменте общеразделяемых простых и понятных ценностей, представлений о добре и зле, ориентирах духовной жизни.

Любой индивидуум заинтересован в том, чтобы общество и государство строили свою созидательную деятельность на такой основе, которая бы сплачивала значительную часть социума, указывали такие мировоззренческие ориентиры, которые были бы понятны каждому человеку, искренне желающему стабильности и процветания стране. Это важно, поскольку разобщение в социуме по различным основаниям (социально-политическим, культурным, идеологическим и другим) порождает конфликты различных сферах жизнедеятельности, что является угрозой и вызовом процессу стабильного развития России в современных условиях. Определенным образом речь должна вестись о разработке и внедрении объединяющей патриотической идеи на основе исторического наследия страны. Об этом много говориться на официальном государственном и общественном уровнях, но конкретики маловато, хотя подвижки в этом вопросе есть.

Объединяющая патриотическая (государственно-патриотическая) идея страны является необходимым условием для эффективного противостояния многочисленным вызовам и угрозам в различных сферах социальной жизни российского общества. По мысли отечественного философа В. И. Гидиринского, в самом общем виде «данная идея должна базироваться на трех основных постулатах:

– современная Россия – наследница и преемница всего предыдущего исторического развития Отечества, всех его народов, стадий, периодов и эпох развития;

– в современной России необходимо духовное (идейное) согласие исходных мировоззренческих ориентаций граждан, демографических и этнических общностей, субъектов Федерации, личности и общества как представителей одного государства с богатой историей и культурой;

– сегодня важно формировать неагрессивное, самоценное и самодостаточное мировоззрение субъектов общества при сохранении права свободного выбора типов и содержания сознания и мировоззрения» [62, с. 274-294].

В реальности сегодняшнего дня, как и в периоды других сложных исторических испытаний, имеется потребность в объединяющей патриотической идеи, что представляется особо важным в контексте проведения Россией специальной военной операции на Украине. В обществе проявилось разное восприятие и отношение к целям и задачам спецоперации, например, к необходимости денацификации и демилитаризации режима на Украине. Такой «плюрализм» создаёт угрозу социальной стабильности в государстве в период ведения против России агрессивных действий странами объединённого Запада с использованием Украины как инструмента ослабления России.

К единению общества должно привести исторические наследие страны, следование исторической правде и чувству исторической гордости за действия своих предков. Только приверженность патриотической идее в сочетании с высокой духовностью, с опорой на историческое наследие, героические подвиги предков, их умение в трудные периоды жизни ставить во главу угла не личные интересы, а служение Отечеству, способно создать основу сохранения суверенитета и безопасности страны.

В значительной мере формирование такой объединяющей патриотической идеи должно лечь на плечи государства, так как государственность и патриотизм являются одними из главных категорий исторического процесса.

К сожалению, стоит констатировать, что усилия всех субъектов общественного развития пока не показывают должного результата в разработке и осуществлению в общероссийском масштабе программы внедрения государственно-патриотических идей в социальную жизнь Росси на основе знания, понимания, и принятия отечественной истории. Разговоров много, попыток – несчетное количество на самых различных уровнях, но цельной, отвечающей духу истории, прошлого страны, программы государственно-патриотического воспитания граждан России (особенно молодежи), направленной на единение нации на основе общих идеалов, нет. А

россиянам есть чем гордиться. Как отмечают П. В. Петрий и В. Б. Трипольский, «российское государство в прошлом было одним из самых успешных в истории мирового развития практически по всем показателям. К примеру, начатое в XIV веке собирание земель завершилось через пять столетий объединением самых больших в мире территорий (после Британской империи). В период с 1890 года до 1916 год в России сохранялись одни из самых высоких в мире темпы хозяйственного развития. Была построена самая протяженная в мире магистраль – Транссиб, в советское время освоили целину, победили в самой кровавой войне XX столетия – во Второй мировой, предотвратили ядерную войну, построили БАМ, первыми полетели в космос и т.д.» [432]. Исторические успехи большой страны являются напоминанием о потенциале и возможностях, которые в прошлом позволили России обрести свою независимость и состоятельность в рамках планетарной цивилизации.

Представляется, что нарастающее мировоззренческое, идеологическое, духовно-нравственное противостояние России и коллективного Запада будет способствовать ускоренному решению данной проблемы. От этого зависит будущее страны. Таким образом, государственно-патриотическая идея, содержащая в себе богатое историческое наследие, может стать мощным стимулом обновления России, объединить её многочисленные народы, помочь выстоять в непростых условиях жесточайшего противостояния с коллективным Западом и сохранить самобытность русской цивилизации.

Важнейшим направлением сохранения устойчивости исторического сознания российских граждан является формирование социокультурной идентичности, основанной на знании лучших достижений и ошибок прошлого России, являющейся своеобразным итогом сохранения исторической правды. Любая страна в своём развитии непременно обращается в прошлое для поиска оснований или базиса решения государственных задач настоящего, определения главных направлений роста, формирования патриотизма у подрастающего поколения. Именно в прошлом, в истории своей страны граждане находят те идеи, правила, ценностные ориентации, которые

способствуют реализации их помыслов, представлений и потенций в настоящей жизни, в период созревания их как патриотов страны.

Поэтому проблема обеспечения безопасности общества и каждой личности немыслима без опоры на историческое сознание, сохранение и пропаганду таких ее составляющих, как правда и гордость. Именно историческая правда о великих свершениях своих предков, является условием успешного развития России как передового государства в мировом сообществе. Соблюдение исторической правды, пропаганда исторической гордости за прошлые достижения предыдущих поколений дают основания для убежденности в неизбежность реализации таких помыслов. К такому выводу наталкивают изменения не только в политико-правовой сфере, но и трансформация мировоззренческих и ментальных компонентов общественно-исторического сознания граждан страны, на основе которых каждый гражданин осуществляет свою сознательную жизнедеятельность. Поэтому сегодня в числе важных задач общественного развития страны считается в том числе и задача обеспечения безопасности общества и каждой личности на основе исторической правды и исторической гордости за свою страну.

Усилия общества и государства сберечь справедливую историческую память о прошлых достижениях страны, показать величие трудовых свершений наших предков, возрожденные ценности и традиции отечественного уклада жизнебытия и многое другое во многом не только не нравится так называемым партнерам, но встречает оголтелое противодействие и фальсификацию практически во всех областях жизнедеятельности общества и человека.

Возьмем, к примеру, гуманистическое наследие Великой Победы российской цивилизации в борьбе с фашизмом. Российская историческая правда и гордость за подвиг предков наталкивается на ожесточенное противодействие западной коалиции во главе с США, которые вознамерились взять реванш за прошлые неудачи, принизить (а то и вовсе отвергнуть) вклад России в разгром фашистской Германии, легитимировать агрессивные

попытки захвата региональных и глобальных рынков сбыта, усилить контроль за стратегическими ресурсами планеты. В этом деле для коллективного Запада все средства хороши. Но главный упор недруги России делают на стирание исторической памяти и принижение исторической гордости у простых россиян. Как отмечают авторы научного труда «Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты» сегодня «Идеологическая стратегия современных геополитических конкурентов и исторических «ненавистников» России заключается в стремлении наполнить имена Сталина и Гитлера одинаковым историческим социально-политическим фашистским смыслом, и тем самым создать в европейском общественном сознании и политическом сообществе миф о нелегитимности действий советского государства и существовании России как его преемника. Первый шаг в реализации этой стратегии был сделан вскоре после смерти Сталина. Акцентировав в общественном сознании информацию о фактах политических репрессий и нарушений социалистической законности в период нахождения Сталина у власти, политтехнологи демонизировали его личность, роль и место в Победе.

Второй шаг – диффамация и развал социализма в СССР, а затем и ползучая девальвация роли советского народа и солдата Красной Армии в Победе над мировым и европейским фашизмом. Фактически сегодня реанимирован и вновь поставлен в повестку дня вопрос о легитимности российского наследства Победы и, следовательно, политического существования 147-миллионной страны – России. Очевидно, что перед лицом этого серьезного вызова, который инициируется проснувшимися фашистскими силами, научно корректная устойчивая траектория развития нашей страны в будущее не может быть определена без признания ошибок советского прошлого и современного российского настоящего» [43, с. 7].

И таких примеров не счесть: практически во всех достижениях человечества успехов добились исключительно иноземцы (в основном, представители США и коллективного Запада), но только не россияне. А если

достижения или успехи есть, то им сопутствовала некая удача или везение, суровый климат («генерал Мороз»), наличие ресурсов и многое другое.

Усилия по решению столь важной задачи как сохранение исторической правды и формирования исторической гордости у россиян вряд ли возможны без определения четкой позиции и помыслов всех субъектов общественного развития, выработки некоего универсального рецепта дальнейшего развития, поиска формулы успеха, понятных для большинства населения страны и актуальных по своему содержанию. Так, в XVII веке Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский с призывами постоять за веру и Отечество собирали народное ополчение для изгнания польских интервентов, в 1917 году большевики нашли новые лозунги: «Земля – крестьянам! Заводы, фабрики – рабочим! Мир – народам!», но они были понятны миллионам простых людей и поддержаны населением огромной страны. Очевидно, что для людей важно наличие перспективы и конечной цели своего развития. Другими словами, для каждого необходимо осознание конкретики исторического развития, а также направления и ориентира для целенаправленного и поступательного движения вперёд.

Сегодня, при решении задачи защиты исторического сознания общества, государству необходима надёжная опора, основанная на исторических истоках, ценностях и традициях, материальных, духовно-нравственных и ментальных ресурсах, нравственных основах жизнебытия и многом другом. Более конкретно необходимо предпринять следующее.

Во-первых, способствовать прекращению практики произвольной и необоснованной критики истории Отечества, восстановлению связующей исторической нити, объединяющей все этапы и звенья исторического процесса в их неразрывной последовательности.

Во-вторых, необходима организация научного сопровождения и массового распространения причин, мотивов, истоков выдающихся деяний, исторических успехов и подвигов народов России, их

социально-экономического, военно-политического, нравственного значение для дня настоящего и будущего.

В-третьих, создание в обществе равных социальных условий для улучшения качества жизни основной массы населения, искоренение социального насилия.

В-четвертых, первостепенное внимание к человеку, его запросам, нуждам, интересам в сочетании с уважением его достоинства и ответственности за действия и поступки.

В-пятых, расширение арсенала патриотической работы с подрастающим поколением, вовлечение в этот процесс патриотически ориентированных общественных и религиозных организаций и объединений.

В-шестых, формирование и поддержание в массовом сознании образа патриота и защитника Отечества, для чего необходимо демонстрировать примеры подвигов предыдущих поколений в бою и труде, верности воинскому долгу в боевых действиях сегодняшнего дня.

В обществе должна восторжествовать историческая правда, а не мифы. Как подтверждение тезиса: «В XX веке были последовательно оболганы все политические лидеры страны: Н. Романов, В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев, М. Горбачев, Б. Ельцин. По каждому из этих лидеров велись (да и сегодня продолжаются) масштабные диффамационные кампании в мировых и отечественных СМИ. Никаких политико-правовых расследований деятельности этих лидеров властями России не проводилось и оценок не выносилось. Цель огульных пропагандистских кампаний, которые после объявления санкций приняли форму гибридной войны, – создать в гражданском обществе России комплекс морально-политической неполноценности, посеять настроения неопределенности и неуверенности в будущем, недоверия власти и российскому государству» [43, с. 8].

А чего стоят фальсификации западных идеологов о якобы мнимой дружбе народов многонациональной страны, их участии в защите своего Отечества в ходе Великой Отечественной войны? Не принуждение, не боязнь

репрессивных мер со стороны государства, не ожидание материальных благ, но именно взаимная поддержка и братские отношения всех народов СССР в едином стремлении победить, были определяющим фактором в трудовых и ратных свершениях.

Родину защищали и отдавали за нее свои жизни представители всех народностей и национальности. Так, «в ходе войны были созданы национальные дивизии: 3 казахских, по одной – латышская, литовская, азербайджанская, башкирская, грузинская, армянская, эстонский корпус и другие национальные части и соединения... В их составе были: русские – 58,3%, украинцы – 22,27%, белорусы – 2,66%, узбеки – 2,02%, казахи – 1,57%, армяне – 1,36%, эстонцы – 1,01%, таджики – 0,46%, киргизы – 0,36%, туркмены – 0,4%, латыши – 0,29%, литовцы – 0,14%. В ходе войны» [43, с. 14]. И так было не только на фронте, массовый героизм и самоотверженность ради победы над врагом демонстрировали труженики тыла во всех уголках огромной страны.

Историческая память в совокупности с исторической гордостью оказывают свое ориентированное воздействие не только на формирование патриотических чувств и качеств граждан, но и на их культивирование и укрепление. Смысл данных исторических феноменов в формировании направленности патриотического отношения граждан к своей стране сегодня заключается в том, чтобы с их помощью было возможно определить вектор дальнейшего развития России в условиях стратегического противостояния с коллективным Западом, изменить и улучшить характер взаимоотношений граждан и государства, использовать весь багаж исторических ценностей и исторических традиций для воспитания населения страны. В этой связи стоит отметить и значение государственных символов страны, своим предназначением и функциональностью наполняющих содержание и значимость истории, гордости за свою страну.

Символы государства основаны на ресурсах культуры и истории, содержит в себе глубокий патриотический и воспитательный смысл,

направленный на формирование высоких по содержанию и направленности гражданских и патриотических качеств гражданина страны, да и общества в целом. Так, символом верного служения своей Родине и жертвенности во имя государственности под сенью и защитой его символики всегда являлась и является армия, ее выдающиеся представители. В этой связи вспомним слова отечественного философа И. А. Ильина, который отмечал: «Русская армия всегда была школой патриотической верности… она наша сила… основа нашего национального существования… Армия невозможна без патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию» [114, с. 36-37]. Страна в трудные исторические периоды побеждала благодаря патриотизму, единству армии и народа, которые всегда были, есть и будут в арсенале славных исторических побед и достижений России на любом этапе ее развития. Отсюда, чем яснее и четче граждане страны будут представлять смысл и направленность исторического процесса, тем выше будет показатель их исторического сознания, на должном уровне будет находиться исторические память и гордость за свою историю и ее творцов.

Таким образом, общественный уровень модели по защите исторического сознания россиян в современных условиях включает усилия и мероприятия субъектов общественного развития России, которые направлены в первую очередь на возрождение и укрепление ценности исторической правды прошлых событий и гордости за великое прошлое в контексте развития российской государственности.

На *государственном уровне* основные усилия следует сосредоточить на ряде важнейших направлений:

– всемерная поддержка комплекса мероприятий по разработке и реализации специальной программы по углублению исторических знаний граждан на основе лучших культурных достижений российской государственности;

– постановка во главу угла в деятельности органов власти и организаций, призванных сберегать историческое наследие традиционных

российских ценностей в организационных, технологических основах управления данным процессом;

– поощрение и поддержка исследований и разработок в контексте сбережения и внедрения достижений и традиций российской государственности в целях выработки у населения страны гордости и уважения к прошлому;

– осуществление новой по содержанию системы подготовки научно-педагогических кадров в сфере исторической науки, способных на качественном уровне решать задачи исторического воспитания и образования граждан страны;

– осуществление взаимодействия и сотрудничества государства с традиционными религиозными конфессиями России в контексте сохранения и защиты исторического сознания россиян и другое.

Так, одним из важных направлений защиты исторического сознания россиян в современных условиях является *разработка государством программы исторического просвещения граждан страны на основе достижений культуры народов России и ее реализация.* Защита и развитие исторического сознания общества невозможно без исторического просвещения, основанного на изучении духовной культуры народов России, их корней, связей, совместного развития, со всем уважением к национальным особенностям. Культура России вбирает в себя успехи и свершения множества народов, великих личностей, социальных групп, что в совокупности являет собой превосходный материал исторического наследия, как образовательного, так и воспитательного характера, что позволяет использовать его для формирования личности гражданина и патриота страны. Поэтому вполне очевидно, что возникает необходимость постоянно и систематически на всех уровнях государственного управления использовать данные исторические достижения российской культуры в целях формирования и развития исторической памяти и исторической гордости россиян за достижения и успехи своих предков.

А гордиться у России есть чем! К примеру, стоит отметить (в контексте проведения специальной военной операции) повышения внимания и интереса к отечественной военной истории, духовным основам, ценностям и традициям воинского служения [128]. Военная история России, ее социокультурные и духовно-нравственные основания богаты и разнообразны поистине героической тематикой в контексте выполнения военнослужащими своего профессионального и патриотического долга, проявления самоотверженности, отваги, мужества и героизма, соблюдения воинской чести и достоинства. Очевидно, что в настоящий период непростого противостояния России со странами объединённого Запада, ценности воинского служения, традиции первенства долга перед Родиной, духовные и нравственные, боевые качества личности воина должны лечь в основу не только воинского воспитания современных защитников России, но и стать ядром исторического просвещения граждан страны. Яркие примеры беззаветного служения Отечеству со стороны таких исторических личностей, как А. Невский, А. Суворов, П. Нахимов, Ф. Ушаков, М. Драгомиров, М. Фрунзе, Г. Жуков, А. Маресьев и многие другие имеют непреходящее значение для духовного возрождения страны и ее вооруженной организации, укрепления цивилизационного духа и авторитета.

Необходима целенаправленная и продуманная, подкрепленная историческими примерами деятельность как государства, так и общественности по историко-просветительскому обновлению российского общества. Необходимо принятие на государственном уровне программы исторического просвещения (сродни национальным проектам в области образования, здравоохранения, культуры, демографии и других), направленная прежде всего на формирование и развития у россиян социальных и духовно-нравственных качеств, таких, как любовь к своему Отечеству, чувство долга, милосердие, жертвенность и других. В обществе и государстве пока же не нашла своего понимания и осмысления проблема тщательного изучения истории страны и использования потенциала ее

достижений (и неудач тоже) в решении задач образования и воспитания граждан, особенно молодого поколения.

Для решения данной задачи есть все предпосылки и основания, живой материал предков и истории российской культуры, а самое главное – это живой интерес россиян (особенно молодежи). Общепризнано то, что за время своего тысячелетнего развития российская культура накопила колоссальный историко-культурный опыт, который находит свое воплощение как в материальных, так и духовных ценностях различных эпох. «Вклад русской культуры в сокровищницу мировой культуры огромен и поистине бесценен – это древнерусские иконы А. Рублева, Ф. Ушакова, Ф. Грека, живописные полотна А. Иванова, В. Сурикова, В. Васнецова, И. Айвазовского, литературные шедевры А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова, С. Есенина, М. Цветаевой, В. Набокова, научные открытия и изобретения М. Ломоносова, А. Попова, Д. Менделеева, Н. Лобачевского и других.

Россия – родина многих выдающихся актеров, танцоров, хореографов, режиссеров – М. Щепкина, М. Ермоловой, Ф. Шаляпина, А. Павловой, К. Станиславского, В. Немировича-Данченко, М. Плисецкой, Р. Растроповича, Г. Вишневской и другие. Русские мыслители В. Соловьев, А. Бердяев, Г. Федотов, П. Флоренский, А. Лосев и другие внесли свою лепту в развитие мировой философской и социальной мысли.

В России находятся крупнейшие в мире музеи – Эрмитаж, Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Третьяковская галерея и так далее; уникальные памятники архитектуры и зодчества – Московский Кремль, Исаакиевский собор, дворцовый комплекс Петергофа и многие другие» [244, с. 202-203].

Приведем еще примеры. В течение трёх столетий в Новгороде священники во время церковной службы использовали чин поминания воинов, которые погибли в битве со шведами (15 июля 1240 г.). Герои Куликовской битвы, самоотверженность русских воинов Отечественной войны 1812 г.

всегда служили примером для последующих поколений защитников Отечества. М. И. Кутузов, творец победы над наполеоновской объединенной армией Запада, отмечал: «...река Нара для нас также знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные полчища Мамая» [3, с. 97].

В марте 2023 года ВЦИОМ провёл телефонный опрос в целях определения интереса россиян к своей истории [392]. На вопрос «Вы в целом интересуетесь историей России или нет?» 90% опрошенных ответили, что в той или иной мере интересуются. Более конкретно прозвучали следующие ответы: 31% «очень интересуются», 59% «интересуются время от времени» и только 9% респондентов выбрали варианты «Скорее не интересуюсь» и «Никогда не интересовался и сейчас не интересуюсь». Приведенные цифры опрошенных (а это 1600 человек в возрасте старше 18 лет) наглядно демонстрируют имеющийся у населения страны интерес к истории своей страны, достижениям своих предков. Можно предположить, что с каждым последующим годом интерес к истории будет только возрастать.

Сегодня, в непростой период, России необходима не просто реализация программ исторического просвещения, но всесторонняя созидательная поддержка граждан, которые ищут для себя смысложизненные опоры, некие духовные скрепы единения, сплочения и объединения для стабильного и уверенного развития. Этому, как представляется, будет способствовать историческая пропаганда правдивого прошлого со всей его героичностью и трагичностью, свершениями и успехами, которые будут способствовать формированию у россиян уверенности в своем будущем и гордости за прошлое страны.

В целом, указанное направление, его реализация в российском социокультурном пространстве являются неотъемлемым звеном создания и внедрения модели защиты исторического сознания российского общества современной России.

Важнейшим условием эффективной работы по сохранению исторического сознания российского общества и духовно-нравственного благополучия, является взаимное сотрудничество государства и традиционных религиозных конфессий, осуществляющих свою деятельность на территории России. В жизни российского общества и государства сегодня религия занимает важное место, отсюда – то внимание в современных условиях к деятельности традиционных религиозных конфессий, истории их верноподданнического служения народу и стране в самых сложных ситуациях и периодах развития России. Отнюдь не случайно в трудные времена для России ее граждане всегда искали поддержку и защиту у Церкви, обращались к вере, религиозным ценностям, выстраивали свою деятельность на примерах подвижничества ярких представителей Церкви и тому подобное. Не случайно практически все исследователи общественной жизни отмечают позитивную значимость ценностей религий для социума и личности, их направленности в преодолении житейских невзгод и неурядиц. Стоит также подчеркнуть роль Церкви не только в формировании и развитии духовно-нравственных основ общественной жизни страны, но и ее вклад в защите чистоты исторических событий и процессов от всякого рода грязи, очернительства и фальши.

Религия всегда играла важную роль в истории Отечества в годы военного лихолетья, в часы вооруженного противостояния с иноземными захватчиками. Одним из ярчайших примеров служения Церкви своему народа и государству – гражданский подвиг преподобного Сергия Радонежского, его пастырская и духовная помощь в борьбе с татаро-монгольскими завоевателями. «...многие русские воины и полководцы были еще и великими молитвенниками пред Богом. Для Ярослава Мудрого и Андрея Боголюбского, Александра Невского и Дмитрия Донского, Федора Ушакова и Александра Суворова молитва была действенным, а порою и единственным оружием на поле брани. В книге Марии Георгиевны Жуковой (дочери Г. К. Жукова) «Твой есмь аз. Суворов» [108] есть слова, положенные в заглавие книги, – это слова, которыми Александр Васильевич Суворов заканчивает свой покаянный канон к Богу.

Смерть не страшила воинов, потому что ей предшествовала праведная жизнь, а если нет, то самопожертвование за други своя было и последним исповедальным актом воина, в котором искупались все былые грехи и вершилась заповедь любви к ближнему. Именно это опытное практическое самопожертвование русской армии, которое неоднократно вершилось в истории русского народа, и было условием и причиной высокого социального авторитета и значимости воинского служения и его духовных ценностей» [128, с. 221-222].

Наиболее свежий пример – события Великой Отечественной войны, в которых Русская Православная церковь продемонстрировала единение с воюющим народом. С первых дней войны Церковь встала в один ряд с народом и армией в борьбе с фашистской Германией, вместе терпя боль, страдания и горечь утрат и разделяя радость великих побед над оккупантами. Общеизвестно, что ряд священнослужителей принимали активное участие в борьбе с фашизмом, участвуя в боях действующей армии, а также находясь в партизанских отрядах, за что заслужено награждены государственными наградами. Символично, что традиции верного служения народу и армии наглядно сегодня демонстрируют представители Церкви и в зоне выполнения специальной военной операции на Украине.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, религия отделена от государства, но религиозные конфессии активны в общественной жизни, весьма заметны в разрешении различных социальных процессов. В настоящее время традиционными религиозными конфессиями предпринимаются огромные усилия для сохранения в обществе атмосферы доверия и согласия вне зависимости от различных социальных характеристик ее членов (происхождения, веры, статуса, национальности).

Это безусловно способствует повышению интереса граждан России к приобщению к церковной жизни, наполненной духовными ценностями и «жизнью по вере», а также просветительской и воспитательной роли традиционных конфессий. Так, Русскую Православную церковь связывают

прежде всего с влиянием на формирование духовно-нравственного состояния общества (51%). Около половины респондентов высоко оценивают влияние церкви на внутреннюю политику. Примерно треть россиян признает большое влияние церкви на их собственную жизнь (35%). В целом, практически все опрошенные сообщили, что вера даёт им возможность разобраться в собственной жизни и понять окружающих [400].

В целом стоит отметить, что взаимодействие и сотрудничество государства с традиционными религиозными конфессиями России в духовно-просветительской и воспитательной работе с россиянами (особенно молодого поколения), несомненно, принесет немало позитивных результатов.

На *личностном уровне* содержание модели должно включать такие аспекты деятельности, как:

– включение личности в систему социальных ценностей и традиций общежития общества;

– формирование и развитие исторического сознания личности как части единого исторического прошлого России;

– приобщение личности к богатому наследию страны: многонациональной культуре, истории, духовности, достижениям искусства, науки и техники;

– самостоятельное развитие и совершенствование личностью свойств, качеств, ценностей (духовных, моральных, этических), направленных на служение во благо Отечества [452].

Историческое прошлое страны едино по форме, но разнообразно по содержанию понимания и представления его ценности для будущего развития России. Негативное воздействие на историческое сознание личности, ее отношение к истории своей страны оказывает неверная, предвзятая трактовка со стороны части общества успехов, достижений, а также неудач, в историческом прошлом. При этом обозначенную ситуацию достаточно близко к сердцу воспринимает старшее поколение. Их жизнь полностью проходила в СССР, с одной единственной идеологией социализма, с его плюсами и

минусами, формированием у граждан приверженности идеалам марксизма-ленинизма. А это порождает неуверенность в завтрашнем дне, в своих силах, формирует негативное отношение к прошлому, то есть истории страны.

Следует согласиться с польским философом Е. Коссаком в том, что: «Люди, считавшие данную систему единственно возможной, основанной на абсолютных гарантиях... принимавшие прежние формы коллективного и индивидуального поведения за универсальную модель, за внеисторические правила отношения к внешнему миру, нередко утрачивают смысл жизни и деятельности. И тогда в массовых масштабах, в эпидемической, можно сказать, форме, проявляется болезненное сознание бессмысленности существования и бесплодности какой-либо деятельности или же вспыхивают приступы иррационального нигилизма, порожденного отчаянием» [141, с. 21].

Этим следует объяснить равнодушие некоторой части россиян к выполнению своего гражданского и патриотического долга, демонстрацию некритического отношения к своей истории, нежелание по долгу выполнять свой гражданский и патриотический долг перед страной, отказ от защиты ее суверенного права быть самостоятельной цивилизацией. Так, в научном сообществе и обществе в целом, отсутствует общеразделяемое отношение к советскому прошлому, по политическим соображениям искажаются исторические факты, им даёмся «многовекторная» оценка. Если взять военно-историческое содержание данных взглядов, то до сих пор неоднозначно оценивается история советских Вооруженных Сил, их лепты в обеспечение безопасности общества и государства. В частности, рядом исследователей Советская Армия обвиняется в совершении неправомерных действий в Чехословакии, Афганистане, в использовании оружия в Баку, Тбилиси и Вильнюсе, во влиянии на кровавые события в Оше, а также возлагается ответственность за отсутствие экономического роста, безработицу, отсталость регионов (якобы вследствие неоправданных больших расходов на содержание вооруженных сил).

Но, несмотря на наличие и выпячивание (зачастую сознательно и целенаправленно) негативных моментов в общественной жизни страны, в общественном и личностном историческом сознании трудно и своеобразно, но формируется и проявляется тенденция к самосовершенствованию личностью своего мировосприятия, которое своей направленностью позволяет на практике реализовывать патриотические начинания, этот процесс можно охарактеризовать как: «выделение и оценку личностью ее духовного мира и качеств, позволяющих осознать свою социальную и личную значимость, необходимость полноценной жизнедеятельности и добросовестного выполнения гражданского долга» [205, с. 316], добавим, что важность и полезность деятельности каждого человека возможны и необходимы только с опорой на исторические достижения и успехи наших предков!

К примеру, как существует, так и будет существовать тяготение каждого человека к историческим истокам своего родословного происхождения, историческим традициям и ценностям своей семьи, к стремлению их защиты и продолжения своего рода. Представляется, что такое желание человека будет сохраняться в любых условиях его жизнебытия, что подтверждается исследованиями и конкретными примерами. В частности, опрос Института психологии РАН в декабре 2022 г. показал заметный рост уровня оптимизма россиян о будущем страны. «Спустя девять месяцев после начала спецоперации на Украине россияне стали субъективно менее счастливыми, однако при этом уровень оптимизма в отношении будущего страны заметно вырос.

Респондентам двух репрезентативных опросов задавали три вопроса: «Смогут ли россияне изменить жизнь к лучшему? Будут ли наши дети жить лучше нас? Сможет ли российское общество решить большинство волнующих проблем?» Во всех трех случаях число утвердительных ответов выросло на 7-13 п.п. В частности, доля ответивших, что общество сможет решить большинство проблем, выросла с 45 до 58%» [342].

Адекватное историческим реалиям сознание общества и личности требует солидной основы именно в виде патриотически настроенных и подготовленных граждан страны. Поэтому важность этого направления деятельности в условиях современной реальности определяется уровнем жесточайшего информационного и социально-психологического воздействия на умы и разум российского человека, отсюда следует, что необходимы твердый духовный иммунитет и противодействие западной идеологии. Этому должны способствовать позиция, нацеленность и способность личности к такому действу: именно духовный мир, его ценности, ценностные ориентации выступают личными побудительными мотивами к формированию и развитию защиты исторического сознания. Как свидетельствуют результаты социологических опросов и исследований [416], в условиях так называемых «приближенных к боевым», то есть сопряженными с опасностью своему благополучию, надеждам, гордости за свое прошлое, за успехи своих предков и так далее, значительная часть населения страны демонстрирует следование историческому наследию своих предшественников, приобретая для себя опыт и умение созидать на благо страны, используя для этих целей исторические ценности и традиции. Другими словами, несмотря на внешнее давление как со стороны западной культуры, так и воздействие своей внутренней «пятой колонны», основная масса россиян целеустремленно и уверенно сделала внутренний выбор в пользу того исторического наследия, применение которого сегодня способствует самосовершенствованию личности и актуально для ее созидательной деятельности по укреплению могущества России.

Таким образом, самосовершенствование личности имеет свою ценность и выполняет свое предназначение в аспекте формирования защиты исторического сознания страны только в том случае, когда созданы предпосылки и условия реализации каждым человеком своих потенций, а самое главное – следование тем жизненным ориентирам и идеалам исторического прошлого, которые наглядно демонстрируют способность и

личности, и общества в целом решать задачи развития России, противостоя вызовам и угрозам как внешнего, так и внутреннего характера.

2) *Сферный подход*. Как было заявлено, деятельность субъектов общественного развития страны должна вестись во всех сферах социума: экономической; социальной; политико-правовой; духовной; коммуникативной и других.

Так, в экономической сфере главные необходимо особое внимание сосредоточить на:

– обеспечении финансирования исторических исследований в интересах страны;

– экономической поддержке и продвижении местных достопримечательностей (например, исторический брендинг территорий и другое).

В социальной сфере – это:

– исключение пробуждения застарелых национальных обид; недопущение и пресечение деятельности националистически настроенной интеллигенции;

– поиск и пропаганда положительного опыта во взаимодействии народов страны и другое.

В политико-правовой сфере внимание следует обратить на:

– создание механизма защиты истории как политики, обращенной в прошлое;

– разработку и реализацию Стратегии исторической безопасности (по образцу и направленности Стратегии информационной безопасности, носящей больше технический характер);

– проведения объективной политико-правовой экспертизы исторических событий, имеющих резонансный характер отношения к ним россиян, и другое.

В духовной сфере актуальными будут усилия по:

– привитию подрастающему поколению традиционных ценностей;

– внедрению в образовательный процесс единого учебника по истории, разработанного с позиции государственного протекционизма;

– защите исторической науки от новомодных западных веяний и противодействие концепциям пересмотра истории;

– поддержка, наряду со светским, религиозно-этического воспитания на основе устоявшихся традиций религиозных конфессий России, сочетание его историческим содержанием;

– критике (разоблачению) произведений искусства, направленных на искажение исторической правды в отношении российской цивилизации и других.

В коммуникационной сфере все мероприятия должны быть направленные на:

– сохранение взаимосвязи с предками (на основе концепции методологии Р. Дебрэ);

– медиапродвижение отечественной истории;

– разработку и внедрение наступательных информационно-коммуникативных технологий и другое.

3) Комплексный подход. На основе философско-концептуального, идеологического и технологического обоснования необходимости модели защиты исторического сознания россиян следует обратить внимание на ряд важных моментов.

Во-первых, предполагаемая модель защиты исторического сознания российского общества должна быть неизменной, то есть способной к сохранению базовых компонентов и их содержания, невзирая на воздействие внутренних и внешних условий и факторов (изменение направленности развития страны, смена вектора политической и военно-политической деятельности, технологические новации и другое.). Практика доказывает, что способность и умение со стороны субъектов общественного развития создать благоприятные условия для решения любых социально-экономических и политических проблем позволяет мобилизовать граждан страны на

патриотический подъем, вызвать доверие к власти и государству, укрепить единство нации перед лицом угроз и вызовов геополитического характера и с учетом требований динамично меняющихся социально-экономических и военных реалий (как пример, поддержка со стороны российского общества и сам ход проведения специальной военной операции на Украине).

Во-вторых, главный системообразующий признак осуществления данного процесса – создание модели защиты исторического сознания россиян – это целенаправленная и систематическая деятельность заинтересованных сторон (государства и гражданского общества, традиционных религиозных конфессий, творческой и научной интеллигенции, средств массовой информации и тому подобное). Во многом усилиями и их влиянию на данный процесс защита исторического сознания способна выполнить свое основное предназначение – обеспечить не только историческую правду, но и сформировать у россиян исторический иммунитет ко всякого рода фальсификациям и искажением о прошлом в жизнедеятельности российской государственности.

В-третьих, создание и реализация модели защиты исторического сознания российского общества должно быть управляемым процессом. Эффективность предлагаемой модели достигается в том числе и сохранением преемственности истории страны с ее настоящим и будущим, опорой на позитивные достижения прошлого и их использованием в целях развития российской государственности, возможностью влиять на формирование и развитие исторического сознания россиян, их совокупность исторических ценностей и выбора. Главное в использовании прошлого для настоящего и будущего – это использование в предполагаемой модели тех продуктивных и необходимых элементов исторического процесса, направленных на совершенствование ее содержание и выполнение целевого предназначения.

Отсюда, в-четвертых, целевое предназначение модели защиты исторического сознания российского общества – это создание условий для формирования исторической правды, гордости за прошлое страны и

способности их отстаивать в любых условиях цивилизационного противостояния. Достижение основной цели защиты исторического сознания россиян должно реализовываться совокупностью сил и средств каждого из обозначенных подходов представленной модели, что позволяет с уверенностью говорить о целесообразности и позитивной направленности предлагаемых мер осуществления данного процесса.

Представляется необходимым сделать следующие выводы.

1) Историческая политика – это особый вид целенаправленной социально управленческой и научно-исследовательской деятельности государственных и негосударственных субъектов (ТНК, экстремистских организаций, частных медиа, лидеров мнений и другое) по конструированию содержания «актуализированного» коллективного прошлого определенного народа (воспроизводство его национальной идентичности, легитимизации мемориальных практик, создания образа внешнего или внутреннего «врага») по средством использования политического мифотворчества и новейших информационно-коммуникативных технологий [450].

2) В условиях современности общественно-историческое сознание социума формируется в результате реализации социально-политическими акторами традиционалисткой или модернизационной исторической политики (*консервативная модернизация* – фрагментарные изменения коллективного прошлого; *радикальная модернизация* – полный пересмотр ретробытия и замена его новыми социально-историческими проектами).

3) Модель защиты исторического сознания российского общества представляет собой систему разнообразных действий и направлений деятельности субъектов общественного развития страны, нацеленную на сохранение, укрепление и развитие у граждан России адекватной исторической памяти в строгом соответствии с происходившими событиями прошлого и настоящего и способную обеспечить управление данным процессом в целях формирования любви и гордости за свое Отечество.

Обозначенные подходы к пониманию значимости, роли и необходимости модели защиты исторического сознания российского общества, меры по ее формированию и реализации, как представляется, далеко не полны и требуют дальнейшего анализа и обоснования. Но предложенные идеи могут быть использованы в качестве методологической основы разработки и реализации деятельности в рамках процесса государственного и общественного обустройства России.

Заключение

Подводя итоги исследования исторического сознания российского общества, следует отметить, что в той или иной степени оно всегда было мишенью воздействия политических сил, борющихся за получение или удержание власти, поскольку знание о минувшем, оказывает непосредственное влияние на настоящее. Однако, в последние годы, благодаря внедрению в социальную ткань бытия все новых информационно-коммуникативных практик и технологий, манипуляции над историческим сознанием становятся своего рода рычагом трансформации исторической реальности и деконструкции самой памяти о прошлом. В качестве основных выводов научной работы необходимо выделить следующее.

Среди методологических принципов изучения исторического бытия и сознания, опираясь на постнеклассическую рациональность научного знания и восприятия реальности как нелинейной, текучей, нестабильной и многовариантной предложены принципы *комплементарности* (сосуществование взаимоисключающих описаний объекта), *мультипарадигмальности* (наличие альтернативных базовых научно-исследовательских программ, каждая из которых, может быть заново востребована и переосмыслена в новых условиях, границах и терминах), *бинаризма* (восприятия мира, исходя из противоположных друг другу дуалистичеких характеристик).

В свою очередь принцип бинаризма детализируется через ряд *методологических бинарных принципов исследования*: *объективизма* (беспристрастность оценки исследователя) и *субъективизма* (личностная аксиологическая позиция ученого) исторических явлений; *детерминизма* (причинной обусловленности) и *индетерминизма* (случайности) исторических событий; *историзма* (признание прогрессивной логики истории) и *антиисторизма* (неподотчетности личности суду истории); *коллективизма* (акцент на истории социума) и *индивидуализма* (акцент на личностных

характеристиках исторических персонажей); *материализма* (первичность исторического бытия) и *идеализма* (первичность исторического сознания) в воздействии на исторические процессы.

Фундаментальные теоретические основания диссертации составляют представленные в трех направлениях (негативном, прогрессивном и квалитическом) социальной эволюции, различные исторические концепции (модели): линейно-регрессивная (Конфуций, Гесиод), разъединительная (Ф. Ницше, Г. Вирт), антиисторицизма (К. Поппер), финитивная (Ф. Фукуяма), постистории (Ж. Бодрийяр); линейно-прогрессивная (Августин Блаженный, Мани), спиритуальная (Г. Гегель), спиралевидная (К. Маркс); циклическая (Д. Вико), синусоидная (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), историко-аксиологическая (П. А. Сорокин), *историческая флеш-модель* (Л. Н. Гумилев), *куматоидная* (Э. Тоффлер), *коммуникативно-историческая* (М. Маклюэн, М. Кастельс), *тентакулярная* (Б. Латур, Д. Харауэй).

Проанализированы возможные общественно-исторические формы восприятия исторической действительности применительно к социальному управлению историей на примерах воплощения различных философско-гносеологических концепций познания окружающего бытия, среди которых отмечены следующие: *синкретизм* (историческое прошлое как история отдельных частей, калейдоскоп исторических событий, составленный из разрозненных исторических фактов и представлений) – характерен для регрессивных моделей; *монизм* (идеалистический, материалистический или нейтрально-монистический всеобъяснительный характер исторического процесса) – имеет значение для прогрессивных моделей, дуализм (историческое противопоставление «развитых» и «варварских» обществ), присущ цивилизаторским моделям, *хаотизм* (состояние хаосомоса, состоящего из многообразья рециклируемых потоков исторических источников и концепций, множества истин, интерпретаций социальных событий, а также различных фрагментов социальной памяти и образов восприятия прошлого), связан с концепциями постистории и *абсурдизм*

(сингулярность истории, замена человеческого прошлого историей нечеловеческих объектов) – раскрывается в тентакулярных концепциях.

Историческая память, выступая своего рода ядром исторического сознания, консолидирует научное знание о прошлом, обыденные представления о нем и даже псевдонаучные и измышленные трактовки исторических процессов, фактов и событий в общественной, групповой и личной формах, избирательно отражающих осмысление, оценку и уроки прошлого, делающих возможным преемственность, связь поколений, формирование национальной идентичности и гражданской позиции.

Историческое сознание выступает знаково-образной реальностью памяти о прошлом, формируемой стихийно или целенаправленно средствами воспитания, самообразования, пропаганды у личности, группы, общества в целом, на основе восприятия знаний о минувшем, с помощью устных, письменных, печатных, аудиовизуальных и сетевых медиа, а также оценки значимости произошедших событий для настоящего, чувственно-эмоционального отношения к деяниям предков и готовности к определенным действиям во имя сохранения или отрицания (непризнания, забвения, разрыва) межпоколенческой коммуникации.

Основными видами исторического сознания являются тесно связанные между собой исторические сознания *личности* (конструируется на основе ее ценностных предпочтений в оценке прошлого и алгоритма действий по созиданию будущего в контексте настоящего: *когнитивный компонент* ориентирован на получение исторических знаний, *аксиологический компонент* состоит в придании прошлому определенных значений, оценке важности или неважности исторических событий, *чувственный компонент* включает в себя эмоциональное восприятие прошлого, *праксиологический компонент* позволяет взглянуть с точки зрения героического поступка, помогает рассмотреть особенности принятия решений и их выполнения личностями, изменившими ход истории, оценить эффективность этих действий), *группы* (общие взгляды на дела давно минувших дней, социального

объединения людей, связанного между собой общими условиями своей жизни, массовидными духовными симпатиями и антипатиями, интересами и чувствами в оценке прошлого) и *общества* (составляют общественно значимые события, факты, эпизоды, данные о специфике возникновения и развития конкретных обществ, их взаимосвязях друг с другом и с всеобщей историей).

В целях конструирования, реконструирования, деконструирования прошлого активно используются сегодня философские концепции социально-исторической памяти: *памяти угнетенных* В. Беньямина (отбрасывание официальной истории угнетателей, реконструкция прошлого посредством разрыва традиции и поисков в истории фрагментов «мессианского времени» угнетенных), *коллективной памяти* М. Хальбвакса (генерирование групповых стереотипных образов «социальных рамок» на основе личных воспоминаний), *символической памяти* П. Нора (формирование мест памяти – коммемораций, транслирующих в символической форме «ментальные послания», утверждая общее понимание прошлого), *живой памяти* Р. Коллингвуда (воспроизводство в мысли настоящего – мысли о прошлом, интерпретация историком особенностей мышления людей прошлого, попытка проникнуть в мысли исторического персонажа), *культурной памяти* Я. Ассман (ритуал передачи из поколения в поколение церемоний, культурных артефактов составляющих мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции), *хонтологии* Д. Дерриды (призрачной памяти о том, о несбывшемся, на основе идеализации прошлого и ностальгии об утраченном времени), рекламной памяти Е. Бильченко (создание искусственных воспоминаний, конструирование коллективных репрезентаций прошлого, предполагающее отбор, новое означивание и переописание исторических событий с помощью маркетинговых коммуникативных технологий).

Специфика *исторического образа* (как субъективной исторической картины мира, создаваемой в ходе интерпретации информации, на основе

категориальной системы, сложившейся у человека в результате интериоризации общественного опыта, закрепленного в языке) состоит в обобщенном, схематическом отражении и описании ретроспективной реальности, довольно обтекаемом интегрированном отражении минувшего, попытке абстрагироваться от сиюминутных предпочтений в его оценке, стремление раскрыть то общее, что связывало социальную реальность, людей и события в далеком прошлом.

Восприятие истории с помощью образов, может представлять собой большое своеобразие и иметь различные формы: *образы истории* (уяснение развития общества с помощью не конкретного перечисления фактов и анализа событий, а через чувственное восприятие посредством создания и репрезентации широкой аудитории произведений искусства: картин, скульптур, романов, песен, инсталляциях, которые передают содержание прошедшей эпохи), *образная история* (построение знания о прошлом в виде череды наглядных картинок, отображающих какие-либо аспекты минувшего, связанные между собой: музеи с визуальной экспозицией, иллюстрированные истории, предназначенные для восприятия прежде всего детьми, комиксы, трактующие в упрощенном визуальном виде хронологическую последовательность событий), *исторические образы* («фрагменты» прошлого в виде образов реальных или вымышленных персонажей, представленные в настоящем с определёнными характеристиками для возвышения либо низвержения), *образы из истории* (отдельные примеры прошлого для назиданий и поучений народа настоящего времени – фолк-хистори), *образы в истории* (раскрывают роль и место выдающихся людей в исторических событиях, показывают их как движущую силу развития общества, при этом зачастую умалчивая об объективных обстоятельствах, поднявших их на эту высоту), *образы псевдоистории* (полная замена ретроспективной реальности искусственно создаваемыми симулятивными конструкциями виртуального характера, которые вообще не имеют никакой связи с действительностью, но

настолько яркие, творческие и привлекательные, что имеют особую убедительность для исторического сознания социума).

В современности для российской государственности имеются непосредственные угрозы, что подтверждается не только выступлениями западных политиков, опубликованными программными документами, но и действиями совокупного запада, постоянно обостряющего уже экономико-военное противостояние с Россией. Поэтому наперекор всем обстоятельствам и угрозам, для сохранения суверенности и государственности, необходимо помнить и постоянно обращаться к своему историческому прошлому, где есть примеры величайшего мужества и объединения народа для преодоления любых внешних и внутренних угроз. Посредством наличия коллективного исторического сознания решается задача ценностного осмысления прошлого для настоящего и будущего развития социума [445].

Значение истории для динамичного развития общества заключается в ее понимании *как основы управления государством* (государство монополизирует свое видение прошлого, уделяет внимание сохранению контроля над историей как духовным базисом власти, к которому она постоянно апеллирует в ходе своей реализации); *как ресурса и объекта современной политики* (политика прошлого выступает инструментом в политической и идеологической борьбе и для власти и для оппозиции); *как фактора стабильности или дестабилизации* (опосредованно оказывает серьезное влияние на решение общественных проблем консолидации или разобщенности, позитивного или негативного вектора развития общества); *как области творчества* (исследование исторических событий через их личностную интерпретацию, абсолютизацию индивидуального восприятия и субъективную оценку способствует раскрытию предназначения истории и в то же время манипуляции общественным сознанием); *как искусства памяти* (способствует построению картины прошлого для современников на основе раскодирования субъективных исторических образов очевидцев, летописцев, ученых, деятелей искусства, содержащихся в исторических фактах,

воспоминаниях, артефактах, документах, художественных полотнах, кинохрониках).

К числу моделей изучения использования исторических знаний в социальных целях могут быть отнесены: *климатогеографическая детерминистская модель* (зависимость исторического развития от климатических и территориальных особенностей), *экономико-детерминистская* (определяющее влияние общественного бытия на историческое сознание), *модель структур повседневности* (устойчивые отношения между различными условиями материальной жизни и массами, порождающие структуры социального взаимодействия), *куматоидная* (обусловленность типа культуры волнами социального развития, связанными с созданием новой техники), *дискурсивная* (наличие сводов предписаний и запретов, норм, предопределяющих языковое поведение и мышление), *медиа-детерминистская* (развитие социума посредством конструирования новых медиатехнологией).

Проект управления историей: *древнегреческий* (противопоставление собственной высокоразвитой культуры, демократического правления и прогрессивного развития варварской Азии диких племён, не имеющих ни прошлого, ни будущего), *эллинистический* (сочетание греческой культуры с культурой народов Древнего Востока при поиске и обоснования права римской империи на всемирное господство), *византийский* (как воссоздание преемственной цивилизации, восходящей своим основанием к Римской империи), *христианско-католический* (создание царства праведников под эгидой церкви), *возрожденческий* (возврат к историческим идеалам античности при забвении «темных веков»), *просвещенческий* (рационализация мира на пути прогресса и отмена предшествующей исторической традиции), *постмодернистский* (переинтепретация исторических событий воспроизводимых по принципу рециркуляции), *виртуализационный* основан на идее вторичности прошлого, его утилитарной функции для создания будущего, преобразования на основе поиска базиса с одной стороны, а с

другой, частичное или полное отрицание прошлого, слом устоявшихся исторических традиций и замена их искусственно создаваемыми структурами.

Наибольшим эвристическим потенциалом для анализа этапов управления российской историей, в силу вхождения современного общества в информационно-коммуникативное состояние, обладает проект, построенный на медиа-детерминистской модели, в рамках которой, переходы от одной исторической галактики к другой, выступают своего рода коммуникативными революциями:

1) *лингвистической* (Аркаим, «Велесова книга»);

2) *письменной* («Повесть временных лет» Нестора, «Слово о законе и благодати» Илариона, послания Иосифа Волоцкого и Филофея);

3) *печатной* (богослужебные книги Никона и послания Аввакума, «Философические письма» П. Я. Чаадаева [295], книги и статьи западников и славянофилов); *кино-радио-телевизионной* (кинофильм «Броненосец Потемкин» и западные радиоголоса); *сетевой* (создание образов постистории, рециклирования и симулякризации прошлого).

Имеется целый ряд подходов, опирающихся на мультипарадигмальность исторического знания, к определению социальных практик конструирования истории: *конструктивистский* Э. фон Глазерсфельда (создание ретрореальности не на истинности знания о ней, а на соответствии его рационально-логическим критериям, широте охвата объясняемых феноменов, лаконичности и даже красоте)*, интерпретативный* В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера, *школы Анналов* Л. Февр и М. Блок, *феноменологический* А. Щютца, П. Бергера, Т. Лукмана (выстраивание знания о прошлом вокруг моего «Я», посредством опривычивания, типизации, институционализации, легитимации и интернализации), *семиотический* Ю. М. Лотмана, Н. Гудмана (описание и восприятие исторических объектов и явлений, значимых для человека в знаково-символическом плане)*, мифологический* – представления о прошлом посредством особой символической структуры, «паразитирующей» на информационном

сообщении (Р. Барт) или архетипических конструктов коллективного бессознательного, содержащегося в исторических преданиях, сказаниях, легендах (К. Г. Юнг), *лингвистический* Л. Витгенштейна, Д. Остина (язык создает определенные институциональные факты: слова, символы, тексты, события – языковые игры и правила их употребления – дискурсивные практики, которые представляют и отображают в сознании человека картину минувшего), *постмодернистский* Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ж. Дерриды (история как один из фрагментов множества существующих локальных культурных контекстов, призыв к постистории, множественности истин, деконструкции и бесконечному повторению) *и медиакоммуникативный* Р. Докинза, Д. Рашкоффа, (инфицирование ткани истории медиавирусами, паразитирующих на массовом сознании аудитории, посредством вброса информационного повода: сообщения, высказывания, изображения, шутки, знака).

Под *практиками социального конструирования истории* следует понимать комплекс социально-управленческих действий различных акторов общественного развития, выраженных в форме специализированных алгоритмов реализации социогуманитарных концептов по управлению общественным сознанием масс через оказание системно-организованного влияния на историческое измерение социума (проектирование прошлого; формирование исторического сознания общества; реконструкция исторической памяти народа; репрезентация альтернативных версий исторических фактов и событий; разрушение и дискредитация значимых исторических образов и другое) [453].

К наиболее актуальным практикам *социального конструирования* прошлого необходимо отнести стратегии войны: *консциентальную* – направленную на слом образцов сознания и личностного поведения, на которых основана историческая идентичность человека мессианско-трансграничная против глобальной мультиидентичности (Е. Л. Шифферс, Ю. В. Громыко), *психоисторическую* – состоящую в

воздействии с помощью фальсификации исторических фактов, их пакетирования и принятия чужих смыслов в качестве руководящих и направляющих идеалов психосферой властной и интеллектуальной элит (А. И. Фурсов, С. Б. Переслегин), *ментальную*, в основе которой лежит изменение мировоззренческих ориентиров, цивилизационной основы общества противника, лишение его политического, экономического, духовного суверенитета с помощью манипулятивных технологий постправды, фейков и забвения критического мышления (А. М. Ильницкий), войну памяти – выступающую коммуникативной практикой, использующей весь потенциал информационных сил и медиа-средств для полного замещения исторической реальности ее искусственно созданным образом, в целях трансформации исторического сознания общества в выгодном для социальных акторов направлении и получения преимущества в политической борьбе (В. А. Шнирельман) и гибридную, представляющую собой обосновываемый исторически конфликт в сфере языка, идентичности, различных интересов, конструктов, социально обусловленных верований и убеждений, посредством совокупного использования разного рода сил и средств (ассамбляж), как экономико-политического, так и научно-практического характера (Ж. Делез, М. Деланда, П. А. Цыганков).

Историческое сознание общества претерпевает изменения, проходя определённые этапы формирования, обусловленные стратегиями реализации социально-политическими акторами традиционалисткой, интерпретационной, модернизационной исторической политики (консервативная модернизация – фрагментарные изменения коллективного прошлого); радикальной модернизации – полного пересмотра ретробытия и замена его новыми социально-историческими проектами.

Конструирование исторического сознания российского общества может иметь следующие негативные последствия:

1) при наличии традиционализма в исторической политике – *отсутствие централизованной системы образования и*

воспитания (присутствие в системе сил влияния, отсутствие защиты молодёжи от злонамеренного воздействия); наличие *феномена антиисторизма* собственной истории (историомор, чрезмерная идеологизация истории, политический «менеджмент истории»); *распространение низкопробных продуктов исторического сознания* (антиисторические «архивы», «музеи», «мемориальные комплексы», «исторические произведения» и так далее);

2) при функционировании политики консервативной модернизации истории – *забвение прошлого* и *конструирование общества «Иванов, не помнящих родства»*, через продвижение в общем пространстве информационных потоков проектов, направленных на манипуляцию историей и искажение исторической правды: «инфернализация» событий исторического прошлого и евроцентризм;

3) при функционировании политики радикальной модернизации прошлого – *культурно-идеологическое перекодирование* (аккультрация и ассимиляция), *гражданская война* (организация управляемого хаоса) и *всеобъемлющая зачистка исторического пространства* представление археологических ценностей как товара, уничтожение культуры, обесценивание и снижение значимости родного языка, разложение архивной деятельности, «борьба с памятниками» и ликвидация мест социальной памяти и тому подобное.

Опасность бездействия или полумер в отношении защиты исторического сознания граждан страны, отсутствие противодействия фальсификаторам истории может привести в обозримом будущем к поражению в информационно-психологическом противостоянии с западной цивилизацией, которая поставила перед собой цель – уничтожить или ослабить Россию, снизить потенциал ее величия и поступательного развития.

Память о прошлом, сбережение духовных ценностей предков, готовность к защите своей Родины позволяет не только делать исторические выводы, но и прогнозировать будущее страны, именно поэтому задача всех

субъектов общественного развития – не только оградить российских граждан от информационно-идеологического западного воздействия, но и сформировать у них активную гражданскую позицию, относительно истории Отечества, направленную на укрепление ее могущества.

Модель защиты исторического сознания российского общества в современных условиях представляет собой систему разнообразных действий и направлений деятельности практически всех субъектов общественного развития страны, нацеленную на сохранение, укрепление и развитие у граждан России адекватной исторической памяти в строгом соответствии с происходившими событиями прошлого и настоящего и способную обеспечить управление данным процессом в целях формирования любви и гордости за свое Отечество.

По результатам диссертационного исследования сформулированы и предложены рекомендации, объединённые группы.

Первую группу составили теоретические и методологические рекомендации, касающиеся подходов к уяснению особенностей исторического сознания российского общества, возможностей и ограничений управления им, а также его защиты от негативных последствий воздействия деструктивных информационно-коммуникативных технологий, основанных на memory studies.

Методологические положения и принципы, разработанные в диссертации, могут найти широкое применение:

– в дальнейших исследованиях стабильности, устойчивости, укрепления исторического сознания личности, группы, общества;

– в дальнейшей разработке теории и практики экспертного мониторинга уровня защиты исторического сознания российского общества от настоящих и возможных вызовов и угроз;

– в изучении процесса внедрения (и противодействия внедрению) многочисленных форм социально-психологического,

политико-экономического влияния акторов, заинтересованных в переписывании истории в её взаимосвязи с политикой, экономикой, организацией социальной жизни, государственного строительства.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке некоторых положений философии истории, как научно-образовательного фундамента безопасности личности, общества и государства. Основные методологические положения могут быть применены в сфере безопасности как личности (социально-психологической, культурно-исторической, социально-политической и других), так и общества (социально-экономической, военно-политической, идеологической и других).

На основе разработанных в диссертации положений, раскрывающих проблемы формирования, развития и сохранения исторического сознания российского общества, возможно предложить дальнейшие направления исследований:

– уточнение и развитие парадигмальных оснований исторического сознания и познания истории;

– выявление факторов влияния на историческое сознание российского общества и прогнозирование его развития;

– рассмотрение новых аспектов в методологии научных исследований исторического сознания в контексте развития информационно-коммуникативных технологий;

– разработка механизма реализации социально-психологических, политических, философских концепций для обеспечения права граждан и всего общества на духовную безопасность в сфере исторической памяти;

– разработка практических и научно-методических стратегий для системного противодействия внедрению негативно-эмоциональных исторических образов в общественное сознание;

– исследование особенностей изучения истории и восприятия

исторических событий, с учётом постоянного развития информационно-коммуникативных технологий, с целью повышения эффективности образовательного процесса в преподавании истории России;

– формирование эффективных моделей исторической коммуникации и трансляции знаний о прошлом будущим поколениям;

– своевременное разрешение противоречий исторического сознания в интересах предотвращения «войн памяти»;

– ценностное значение исторического сознания личности и общества;

– потенциал управления историческим сознанием в условиях социальной нестабильности;

– выявление коммуникативных стратегий современных «войн памяти» и организация системы противодействия;

Результаты изучения исторического сознания российского общества могут быть также использованы:

– в последовательном формировании и совершенствовании исторического сознания россиян;

– в исследовании сущностных черт и содержательных особенностей, этапов воплощения и специфики видоизменения антиисторических технологий для повышения устойчивости к их последствиям;

– в формировании базы методических материалов, используемых в профессиональной подготовке научных работников и преподавателей истории;

– в подготовке различных научных и научно-практических мероприятий, связанных с проблематикой искажения исторической правды, создания симулятивных образов памяти;

– в системе дополнительного образования, создания комплексной системы, обеспечивающей подготовку квалифицированных кадров для

правоохранительных органов и вооруженных сил, определённых категорий государственных служащих;

– подготовке конференций, круглых столов и теоретических семинаров по широкому кругу вопросов современного военно-политического, социально-экономического, социально-психологического противостояния со странами объединённого Запада;

– в организации медиаобеспечения и сопровождения органов государственной власти в их взаимодействии с общественностью, по теоретическим и практическим вопросам защиты исторического сознания российского общества;

– в тематических программах средств массовой информации по вопросам формирования и развития исторического (и общественного) сознания российского общества [436; 445; 438; 452].

Вторая группа рекомендаций обосновывает предложения практической направленности, имеющие своей целью реализацию представленной в исследовании философской концепции управления историческим сознанием российского общества и предотвращения процессов деконструкции истории России.

Во-первых, разработанная в диссертации концепция исторического сознания общества может стать фундаментом прикладных научных исследований, способствовать созданию механизма системной защиты памяти о прошлом и исторического сознания России.

Во-вторых, эффективное и всестороннее противодействие негативным последствиям применения политики «отмены» со стороны коллективного Запада в отношении культурных ценностей России, её истории, делает необходимым дальнейшее совершенствования и развития исторических исследований, находиться в состоянии готовности к защите самобытной российской истории во всех ее проявлениях, а также понимания

методологических основ современных информационно-коммуникативных технологий, стратегий деконструкции знаний о прошлом.

В-третьих, повышению эффективности научно-исследовательской деятельности историка, будут способствовать некоторые предложения, основанные на проведенном диссертационном исследовании, которые находятся, как в ведении государства, так и в сфере деятельности научного сообщества, реализация этих предложений будет содействовать формированию действенного механизма защиты исторического сознания социума.

1) Мероприятия на уровне государства:

– систематическое и целенаправленное содействие государства в проведении историко-научных исследований;

– инициативное создание и всесторонняя поддержка учебно-методического комплекса, включающего программы: «Конституционные и исторические основы российской государственности», «Культура России».

– создание возможности и поддержка инициатив в организации систематического научного взаимодействия между представителями социально-гуманитарных научных направлений и представителями научно-практической деятельности в сфере массмедиа;

– формирование государственного заказа и организация обучения, воспитания специалистов средней и высшей квалификации в сфере преподавательской деятельности: истории, философии, культурологии, социологии и других, с мировоззрением, позволяющим рассматривать отечественную историю не как исключительно «тёмное прошлое», а находить в ней основания и опору для устойчивого и стабильного развития России [436; 445; 438; 452].

2) Мероприятия на уровне научного сообщества:

– создание дискуссионной площадки для обсуждения спорных проблем истории Отечества;

– духовно-ценностная подготовка специалистов в познании прошлого;

– разработка теоретических оснований учебной дисциплины для студентов вузов: «Противодействие информационно-коммуникативным технологиям деконструкции российского исторического сознания».

Разработанные концептуальные идеи, относительно управления историей, не являются окончательными и не лишены возможностей для критики, но должны способствовать повышению эффективности российского общества в противостоянии технологиям и практикам разрушения истории. Исследование философских оснований конструирования и репрезентации псевдоисторических образов российского общественного сознания дает возможность не только понимать сущностные и содержательные черты антиисторических практик и приемов дискредитации исторического знания, но превентивно предупреждать возникающие угрозы в этой сфере посредством создания и реализации механизма анализа причин, условий, возможностей и стратегий деконструкции российской истории, а также уменьшения возможных рисков для российского общества.

Список литературы

Нормативно-правовые акты

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, [Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400]. – Президент России: официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 30.05.2022).

Книги и монографии

2. Августин, Блаженный. О граде Божием / Блаженный Августин. – Санкт-Петербург : Алетейя; Киев : УЦИММ-пресс, – 1998. – 595 с. – ISBN 589329-087-5.

3. Адамович, Б. Н. Сборник военно-исторических материалов / Б. Н. Адамович. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1910. Том I–III. – 406 с. – ISBN отсутствует.

4. Адорно, Т. В. Негативная диалектика / Т. В. Адорно. – Москва : Научный мир, 2003. – 374 с. – ISBN 5-89176-191-2.

5. Альберти, Л. Б. История культуры стран Западной Европы в Эпоху Возрождения / Л. Б. Альберти. – Москва : Высшая школа, 1999. – 497 с. – ISBN 5-06-003216-7.

6. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. / Б. Андерсон. – Москва : Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 286 с. – ISBN 5-93354-017-3.

7. Андреев, Д. Эгрегор православия и инфрафизический страх / Д. Андреев // Роза мира. – Москва : Прометей, 1991. – 286 с. – ISBN 5-7042-0067-2.

8. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – Москва : Европа, 2007. – 609 с. – ISBN 978-5-9739-0128-8.

9. Антюшин, С. С. Социальная и стратегическая стабильность как условие исторического прогресса : монография / С. С. Антюшин,

С. А. Тюшкевич. – Москва, 2021. – 392 с., – 1000 экз. – ISBN 978-5-39234257-0.

10. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-Х.

11. Аристотель. О душе / Аристотель ; Сочинения в 4 томах. Том 1. – Москва : Мысль, 1975. – 550 с. – ISBN отсутствует.

12. Аристотель. Политика / Аристотель ; Сочинения в 4 томах. Том. 4. – Москва : Мысль, 1983. – 830 с. – ISBN отсутствует.

13. Аристофан. Птицы / Аристофан. – Москва : Искусство, 1983. Том. 2. – 518 с. ISBN отсутствует.

14. Арон, Р. Избранное: измерение исторического сознания / Р. Арон. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 527 с. – ISBN 978-5-397-08029-3

15. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – ISBN 9785944571762.

16. Баринов, И. И. Табу и мифы Третьего рейха / И. И. Баринов. – Псков : Псковская областная типография, 2013. – 246 с. – ISBN 978-5-94542-289-6.

17. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Издательство имени Сабашниковых, 1996. – 313 с. – ISBN 5-8242-0048-3.

18. Баткин, Л. М. Возобновление истории // Иного не дано: судьбы перестройки, вглядываясь в прошлое, возвращение к будущему ; под редакцией Ю. Н. Афанасьева. – Москва : Прогресс, 1988. – 674 с. ISBN отсутствует.

19. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2005. – 324 с. – ISBN 5-98704-075-2.

20. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 311-317. – ISBN отсутствует.

21. Беньямин, В. О понятии истории / В. Беньямин // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – Москва : РГГУ, 2012. – 287 с. – ISBN 978-5-7281-1276-1.

22. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин. – Москва : Медиум Культурный центр имени Гете, 1996. 239 с. – ISBN 5-85691-049-4.

23. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактаты по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 322 с. – ISBN 5-85691-036-2.

24. Бжезинский, З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – Москва : АСТ, 2023. – 384 с. – ISBN 978-5-17-106452-5.

25. Бильченко, Е. В. Сентиментальное насилие либерализма: от шока к китчу / Е. В. Бильченко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 456 с. – ISBN 978-5-00165-354-7.

26. Блок, М. Апология истории или Ремесло историка / М. Блок. – Москва : Наука, 1986. – 254 с. – ISBN 5458414837.

27. Бляхер, Л. Е. Нестабильные социальные состояния / Л. Е. Бляхер. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 207 с. – ISBN 5-8243-0624-9.

28. Богуславский, В. В. Древняя Русь. Рюриковичи. Иллюстрированный исторический словарь / В. В. Богуславский, В. В. Бурминов. – Москва : Профит-Стайл, 2009. – 608 с. – ISBN 5-98857-134-4.

29. Боден, Ж. Метод легкого чтения истории. Что есть исторический жанр. / Ж. Боден. – Москва : Издательский Дом ВШЭ, 2018. – 552 с. – ISBN 978-5-7598-1762-8.

30. Бодрийяр, Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2000. – 208 с. – ISBN 5-93615-008-9.

31. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – Москва : Добросвет, 2000. – 257 с. – ISBN 5-98227-169-1.

32. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва : Добрая книга, 2000. – 387 с. – ISBN 5-7913-0047-6.

33. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2016. – 240 с. – ISBN 978-5-91478-004-0.

34. Борисов, Е. В. Диалог как судьба. Со-бытие с Другим в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера / Е. В. Борисов // Творческое наследие Г. Г. Шпета и современные философские проблемы. – Томск : Водолей, 1997. – 255 с. – ISBN 5-7137-056-9

35. Бордюгов, Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. А. Бордюгов. – Москва, 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-91022-158-5.

36. Брэдбери, Р. И грянул гром / Брэдбери Р. // О скитаньях вечных и о земле. – Москва : Правда, 1987. – С. 607. – ISBN отсутствует.

37. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм : XV-XVIII вв. : в 3 томах. Том 3 / Ф. Бродель. – Москва : Прогресс, 1992. – 679 с. ISBN отсутствует.

38. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье. – Санкт-Петербург : Алетейя; Москва : Институт экспериментальной социологии, 2001. – 562 с. – ISBN 5-89329-351-7.

39. Бэкон, Ф. Опыты или наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон // Сочинение в 2-х томах – Москва : Мысль, 1972. Том 2. – 582 с. – ISBN отсутствует.

40. Вайно, А. Э. Образ Победы / А. Э. Вайно, А. А. Кобяков, В. Н. Сараев. – Москва : Институт экономических стратегий РАН, компания «GLOWERS», 2012. – 140 с. – ISBN 978-5-93618-191-7.

41. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ : Введение / И. Валлерстайн. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с. – ISBN 5-91129-028-6.

42. Василенко, И. А. Политическая философия / И. А. Василенко. – Москва : ИНФРА-М. 2010. – 318 с. – ISBN 978-5-16-003619-9.

43. Великая Победа советского народа : социально-политические и демографические аспекты : монография / под редакцией С. В. Рязанцева, В. Н. Иванова; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – Москва, 2020. – 450 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-907233-70-6.

44. Вернадский, Г. В. Два подвига св. Александра Невского / Г. В. Вернадский // Гумилев Л. Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. – Москва : Экопрос, 1994. – 621 с. – ISBN 5-8118-0112-5.

45. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. – Москва ; Киев : «REFL-book»-«ИСА», 1994. – 656 с. – ISBN 5-87983-017-9. – ISBN 5-7707-6098-2.

46. Вилинский, С. Г. Сказание Черноризца Храбра о письменах славянских / С. Г. Вилинский. – Одесса, 1901. – 57 с. – ISBN отсутствует.

47. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – Москва : Канон +, 2008. – 287 с. – ISBN 978-5-88373-116-6.

48. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Москва : АСТ; Астрель, 2018. – 347 с. – ISBN 978-5-17-107308-4.

49. Волкогонов, Д. А. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д. А. Волкогонов. – Москва : Воениздат, 1984. – 288 с. – ISBN отсутствует.

50. Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма / Вольтер в 2 томах. Том 1. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 441 с. – ISBN отсутствует.

51. Вудард, Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / Б. Вудард. – Пермь : Гиле Пресс, 2016. – 117 с. – ISBN 978-5-9906611-3-4.

52. Вульф, Л. Изобретая восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с. – ISBN 5-86793-197-8.

53. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. – ISBN 5-01-001035-6.

54. Гегель, Г. Философия истории / Г. Гегель // Сочинения в 14 томах. Том. 8. – Москва : Соцэкгиз, 1936.– 468 с. – ISBN отсутствует.

55. Гегель, Г. Эстетика в 4 томах. Том 1 / Г. Гегель. – Москва : Искусство, 1968.– 312 с. – ISBN отсутствует.

56. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – Москва : Академический проект, 2008. – 767 с. – ISBN 978-5-8291-1050-5.

57. Геродот. История / Геродот. – Москва : АСТ, Хранитель, 2007. – 670 с. – ISBN. 978-5-17-037384-0.

58. Гесиод. Труды и дни / Гесиод // Эллинские поэты VIII-III вв. до н.э. – Москва : Ладомир, 1999. – 515 с. – ISBN. 5-86218-237-3.

59. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI в. : коллективная монография / под редакцией П. А. Цыганкова. – Москва : Издательство МГУ, 2015. – 380 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-19-011107-1.

60. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе ; под редакцией В. Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999. – 640 с. – ISBN 5-87444-067-4.

61. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структурации / Э. Гидденс. – Москва : Академический проект, 2003. – 525 с. – ISBN 5-8291-0629-9.

62. Гидиринский, В. И. Русская идея и армия (философско-исторический анализ) / В. И. Гидиринский. – Москва : Военный университет, 1997. – 323 с. – ISBN отсутствует.

63. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое / Ф. И. Гиренок. – Москва : Проспект, 2018. – 254 с. – ISBN 978-5-392-19235-9.

64. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 2001. – 478 с. – ISBN 5-244-00966-4.

65. Гобозов, И. А. Введение в философию истории / И. А Гобозов. – Москва : ТЕИС, 1999. – С. 362. – ISBN 5-7218-0220-0.

66. Гобсон, Дж. Империализм / Дж. Гобсон. – Ленинград, 1927. – 266 с. – ISBN отсутствует.

67. Горячев, А. И. Социальная философия / А. И. Горячев, П. В. Петрий. – Москва : Военный Университ, 2018. – С. 10-11. – ISBN отсутствует.

68. Грамши, А. Тюремные тетради / А. Грамши. – Москва : Издательство политической литературы, 1991. – Часть 1. – 559 с. – ISBN 5-250-00897-6.

69. Гречко, П. К. Концептуальные модели истории / П. К. Гречко. – Москва : Логос, 1995. – 138 с. – ISBN 5-88439-008-2.

70. Громыко, Ю. В. Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность Russians / Ю. В. Громыко – Москва : АРКТИ, 2006. – 399 с. – ISBN 5-350-00116-7.

71. Громыко, Ю. В. Сценарная паноплия / Ю. В. Громыко. – Москва : Псковская областная типография, 2004. – 398 с. – ISBN 978-5-94679-036-9.

72. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – Москва : Ладомир, 1994. – 867 с. – ISBN 5-86218-149-0.

73. Грушевский М. Выемки с источников к истории Украины-Руси до половины XI века / М. Грушевский – Львов : Типография НТШ, 1895. – ISBN отсутствует.

74. Грушин, Б. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования / Б. Грушин. – Москва : Политиздат, 1987. – 367 с. – ISBN 5-88687-098-9.

75. Грязнов, А. Ф. Этическая проблематика в трудах Л. Витгенштейна / А. Ф. Грязнов // Историко-философский ежегодник. – Москва, 1989. – С. 235–238. – ISBN 5-02-013528-3.

76. Грэхем, Т. Мир без России? / Т. Грэхем // Независимая газета. – 1999. – 8 декабря. – С. 3.

77. Гудмен, Н. Факт, фантазия, предсказание. Способы создания миров / Н. Гудмен. – Москва : Логос, 2001. – 375 с. – ISBN 5-244-00961-3.

78. Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия. Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 179 с. – ISBN 5-86793-459-4.

79. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Ленинград : Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с. – ISBN 5-286-00669-8.

80. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Москва : Академический проект, 2009. – 489 с. – ISBN 978-5-8291-1042-0.

81. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н. Я. Данилевский. – Москва, 1991, 573 с. – ISBN 5-212-00482-9.

82. Де Моз, Л. Психоисторические мотивы войны и геноцида / Л. де Моз // Психоистория. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 509 с. – ISBN 1-56821-551-7.

83. Дебор, Г. Общество спектакля. Комментарии к Обществу спектакля / Г. Дебор. – Москва : Логос, 2000. – 184 с. – ISBN 978-5-8163-0008-3.

84. Дегтярев, В. В. Прошлое как область творчества / В. В. Дегтярев. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 220 с. – ISBN 978-5-4448-0781-1.

85. Декарт Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. – 711 с. – ISBN отсутствует.

86. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. Сочинения в 2 томах. Том 1. – Москва : Мысль, 1989. – 654 с. – ISBN 5-244-00022-5.

87. Декомб, В. Современная французская философия / В. Декомб. – Москва : Весь мир, 2000. – 336 с. – ISBN 5-7777-0092-6.

88. Деланда, М. Война в эпоху разумных машин / М. Деланда. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 338 с. – ISBN 978-5-7525-2999-3.

89. Деланда, М. Новая философия общества : Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. – Пермь : Hyle Press, – 2018. – 170 с. – ISBN, 978-5-9906611-9-6.

90. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – Москва : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с. – ISBN 5-88687-041-5.

91. Делёз, Ж. Анти-Эдип / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 670 с. – ISBN 978-5-9757-0192-3

92. Делёз, Ж. Ризома Тысяча плато / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург : У-Фактория; Москва : Астрель, 2010. – 895 с. – ISBN 978-5-9757-0527-3. – ISBN 978-5-271-29213-2.

93. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 286 с. – ISBN-5-89329-106-9.

94. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – Санкт-Петербург : Академический проект. 2000. – 495 с. – ISBN 5-7331-0181-4.

95. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал / Ж. Деррида. – Москва : Logos-altera; Левая карта, 2006. – 256 с. – ISBN 5-98378-010-7.

96. Деррида, Ж. О почтовой открытке: от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида. – Минск : Современный литератор, 1999. – 832 с. – ISBN 985-456-147-X.

97. Десять операторских биографий : сборник статей / Составитель М. Голдовская. – Москва : Искусство, 1978. – 207 с. – ISBN отсутствует.

98. Дикий, Е. Гибридная война России : опыт Украины для стран Балтии / Е. Дикий. – Литовская военная академия им. генерала Йонаса Жямайтиса. 2016. – 123 с. – ISBN 978-609-8074-48-2.

99. Дильтей, В. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собрание сочинений в 6 томах. Том 1. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с. – ISBN 5-7333-0237-2.

100. Диоген, Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – Москва : Мысль, 1986. – 571 с. – ISBN отсутствует.

101. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Москва : Мир, 1993. – 316 с. – ISBN отсутствует.

102. Дугин, А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Г. Дугин. – Москва : Евразийское движение, 2009. – 744 с. – ISBN 978-5-903459-05-6.

103. Душкова, З. В. Роль личности в истории: историософский анализ : специальность 09.00.11: «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Душкова Зиновья Васильевна ; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. – Москва, 2009. – 27 с. – Библиогр.: с. 25-27. – Место защиты: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана.

104. Дюбо, Ж.-Б. Критические рассуждения о поэзии и живописи / З. В. Дюбо. – Москва : Искусство, 1976. – 767 с. – ISBN отсутствует.

105. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: антология. – Москва : Канон+, 1998. – 492 с. – ISBN 5-88373-134-1.

106. Ельчанинов, В. А. Историческое сознание и проблема его формирования / В. А. Ельчанинов // Закономерности формирования общественного сознания. – Барнаул : АГУ, 1984. – 169 с. – ISBN отсутствует.

107. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – Москва : Художественный журнал, 1999. – 235 с. – ISBN 5-901116-01-1.

108. Жукова, М. Г. «Твой есмь аз» Суворов / М. Г. Жукова. – Москва : Сретенский монастырь, 2001. – 158 с. – ISBN 978-5-7533-1555-7.

109. Золотухина, Н. М. Князь Андрей Михайлович Курбский и его «История о великом князе Московском» / Н. М. Золотухина // Курбский А. М. История о великом князе Московском. – Москва : Издательство УРАО, 2001. – 161 с. – ISBN 5-204-00251-0.

110. Иванов, А. Г. Мифы о прошлом в современной медиасреде. Практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования // А. Г. Иванов, С. В. Тихонова, А. А. Линченко [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 325 с. – ISBN 978-5-00165-063-8.

111. Иванов, В. Н. Всегда Великая Победа / В. Н. Иванов, В. К. Сергеев. – Москва : Серебряные нити, 2006. – 238 с. – ISBN 5-89163-044-3.

112. Иларион. Слово о Законе и Благодати / составитель В. Я. Дерягин. – Москва : Институт русской цивилизации, 2011. – 176 с. – ISBN 978-5-902725-86-2.

113. Изложение учения Сен-Симона / перевод с французского М. Е. Ландау. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1947. – 599 с. – ISBN отсутствует.

114. Ильин, И. А. Спутник русского христианского националиста / И. П. Ильин. – Женева : Русское трудовое христианское движение, 1937. – 39 с. – ISBN отсутствует.

115. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 253 с. – ISBN 5-87604-035-5.

116. Ильницкий, А. М. Безопасность страны как фундамент развития / А. М. Ильницкий // Арсенал Отечества. 2021. – № 1 (51). – ISBN 2587-9952.

117. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. 2021. – № 8 – С. 19-33. – ISSN 0236-2058.

118. Истомин, И. А. Вперед в прошлое? Возвращение истории / И. А. Истомин, Н. Я. Неклюдов, Н. Я. Сушенцов // Россия в глобальной политике. 2022. – Том 20. – № 5. – С. 38-54. – ISBN 978-5-903927-38-8.

119. История России. Россия в мировой цивилизации : учебник для вузов / составитель и ответственный редактор А. А. Радугин. – Москва : Центр, 1998. – 342 с. – ISBN 5-88860-047-4.

120. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2015. – 416 с. – ISBN 978-5-93255-417-3.

121. Каменская, Р. А. Историческое сознание : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Каменская Рината Александровна ; Волгоград, 1999. – 25 с. – Библиогр. : с. 24-25 – Место защиты: Волгоградский государственный педагогический университет.

122. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2000. – 862 с. – ISBN 5-9265-0027-3.

123. Кассирер, Э. Понятийная форма в мифическом мышлении / Э. Кассирер // Избранное: Опыт о человеке. – Москва : Гардарика, 1998. – 779 с. – ISBN 5-7975-0039-6.

124. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с. – ISBN 5-94799-373-2.

125. Касториадис, К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – Москва : Логос ; Гнозис, 2003. – 479 с. – ISBN 5-8163-0047-4.

126. Кафтан, В. В. Проблема истины в медиапространстве / В. В. Кафтан // Концепции, практики и технологии современных медиа. – Москва : КноРУс, 2022. – 514 с. – ISBN 978-5-406-08829-6.

127. Кафтан, В. В. Теория и практики массовых коммуникаций : учебник / В. В. Кафтан. – Москва : Кнорус, 2018. – 453 с. – ISBN 978-5-406-06370-5.

128. Кафтан, В. В. Аксиология воинского служения : монография / В. В. Кафтан, П. В. Петрий. – Москва : Военный университет, 2016. – 372 с. – 1000 экз. – ISBN отсутствует.

129. Келли, Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов / Дж. Келли. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 248 с. – ISBN 5-9268-0007-2.

130. Кемеров, В. Е. История / В. Е. Кемеров // Новая философская энциклопедия в 4 томах. Том 2. – Москва, 2010. – С. 177. – ISBN 978-2-244-01117-3.

131. Кикнадзе, В. Г. Как защитить свою историю? Государственная политика современной России в сфере сохранения исторической памяти и обеспечения медиабезопасности: направления, противоречия, результаты и перспективы / В. Г. Кикнадзе. – Москва : Вече, 2022. – 304 с. – ISBN 978-5-4484-3048-0.

132. Кикнадзе, В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: монография / В. Г. Кикнадзе. – Москва : Прометей, 2021. – 800 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-00172-177-2.

133. Кикнадзе, В. Г. Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России / В. Г. Кикнадзе. – Москва : Вече, 2022. – 320 с. – ISBN 978-5-4484-3753-3.

134. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – Москва : Эксмо, Мидгард, 2007 г. – 864 с. – ISBN 978-5-699-24697-7.

135. Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. – Москва : Наука, 1983. – 416 с. – ISBN отсутствует.

136. Ключевский, В. О. Сочинения. Материалы разных лет / В. О. Ключевский / Сочинения в 9 томах. Том 9. – Москва : Мысль, 1990. – 525 с. – ISBN 5-244-00415-8, 5-244-00072-1.

137. Ковальчук, М. В. Колонизация заменилась технологическим порабощением / М.В. Ковальчук // Аргументы и Факты. – 2020. – 14 октября. – С. 7.

138. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 485 с. – ISBN отсутствует.

139. Кондорсе, Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. Кондорсе. – Москва : Либроком, 2011. – 280 с. – ISBN. 978-5-397-01568-4.

140. Кононов, Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор / Е. А. Кононов. – Москва, 2022. – 495 с. – ISBN отсутствует.

141. Коссак, Е. Экзистенциализм в философии и литературе / Е. Коссак. – Москва : Политиздат, 1980. – 360 с. – ISBN отсутствует.

142. Костомаров, Н. И. Старый спор. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. – Москва : Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. – 762 с. – ISBN. 5-86859-017-1.

143. Крашенинникова, В. Ю. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России / В. Ю. Крашенинникова. – Москва : Европа, 2007. – 396 с. – ISBN 978-5-9739-0122-6.

144. Кривко, М. А. Социально-философские аспекты гибридной войны : монография / М. А. Кривко. – Санкт-Петербург : МВАА, 2019. – 134 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

145. Кургинян, С. Е. Суть времени: в четырёх томах / С. Е. Кургинян. – Москва : МОФ ЭТЦ, 2012. – 1022 с. – ISBN 978-5-7018-0523-9.

146. Куртуа, С. Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии. 95 миллионов жертв / С. Куртуа [и др.]. – Москва : Три века истории, 2001. – 766 с. – ISBN 5-93453-037-2.

147. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – Москва : Культурная Революция, 2010. – 488 с. – ISBN 978-5-250-06078-3.

148. Ларина, Е. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит / Е. Ларина. – Москва : Книжный мир, 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-8041-0879-4.

149. Лассуэлл, Г. PR-связь с общественностью / Г. Лассуэлл // Массовая коммуникация в современном мире : методология анализа и практика исследований : хрестоматия / составитель М. М. Назаров. – Москва : УРСС, – 2002. – 239 с. – ISBN 978-5-9906247-0-2.

150. Латур, Б. Пастер: война и мир микробов с приложением «Несводимого» / Б. Латур. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 314 с. – ISBN 978-5-94380-197-6.

151. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с. – ISBN 978-5-7598-0819-0.

152. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Санкт-Петербург : Макет, 1995. – 311 с. – ISBN 5-85186-037-5.

153. Левитин, Д. Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды / Д. Левитин. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 267 с. – ISBN 978-5-00100-840-8.

154. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин ; Полное собрание сочинений в 54-х томах. Том 13. – Москва : Издательство политической литературы, 1960. – 579 с. – ISBN отсутствует.

155. Леопа, А. В. Историческое сознание и кризисный социум / А. В. Леопа. – Москва : Спутник+, 2013. – 229 с. – ISBN 978-5-9973-2451-3.

156. Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти : под редакцией

О. М. Бодянского. – Москва : Императорское Общество истории и древностей Российских, 1846. – 152 с. – ISBN отсутствует.

157. Ли, М. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов / М. Ли. – Москва : Кучково поле, 2017. – С. 238. – ISBN 978-5-9950-0802-6.

158. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 160 с. – ISBN-5-89329-107-7.

159. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. / Ю. М. Лотман ; Статьи по семиотике и типологии культуры в трёх томах. Том 1. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с. – ISBN 5-450-01551-8.

160. Лотман, Ю. М. О природе искусства / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. – Москва : Гнозис, 1994. – 560 с. – ISBN · 5-7333-0486-3.

161. Магда, Е. В. Гибридная война: выжить и победить / Е. В. Магда. – Харьков : Виват, 2015. – 320 с. – ISBN 978-617-7246-48-9.

162. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – Москва : Академический Проект, Гаудеамус, 2013. – 496 с. – ISBN 966-521-224-9.

163. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва : Гиперборея; Кучково поле, 2007. – 462 с. – ISBN 5-86090-102-X.

164. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре. – Москва : АСТ, Астрель, 2011. – 219 с. – ISBN 978-5-17-075829-6.

165. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 206 с. – ISBN 978-5-8243-1952-1.

166. Малиновский, Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей / Б. Малиновский. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 224 с. – ISBN 978-5-903360-20-8.

167. Мальковская, И. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы / И. Мальковская. – Москва : УРСС, 2016. – 240 с. – ISBN 978-5-382-01635-1.

168. Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Необходимость себя: лекции. Статьи. Философские заметки. – Москва : Лабиринт, 1996. – 432 с. – ISBN 5-87604-124-6.

169. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм // Диагноз нашего времени. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – ISBN 978-5-88415-991-4.

170. Маркс, К. Избранные сочинения. / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Сочинения в двух томах. Том 1. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1958. — С. 180. – ISBN отсутствует.

171. Маркс, К. Капитал. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Сочинения в 50 томах. Издание второе. Том 13. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 7. – ISBN отсутствует.

172. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Сочинения в 50 томах. Том 3. Издание второе. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1983. – С. 3. – ISBN отсутствует.

173. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Сочинения в 50 томах. Том 4. Издание второе. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 3. – ISBN отсутствует.

174. Маркс, К. Нищета философии. / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Избранные сочинения 9 томах. Том 3. – Москва : Политическая литература, 1986. — С. 116. – ISBN отсутствует.

175. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : АСТ, 2009. – 331 с. – ISBN 978-5-17-008282-7.

176. Матвейчев, О. А. Повелительное наклонение истории / О. А Матвейчев. – Москва : Эксмо, 2010. – 462 с. – ISBN 978-5-699-40830-6.

177. Матвейчев, О. А. Суверенитет духа / О. А. Матвейчев. – Москва : Поколение, – 2007. – 501 с. – ISBN 978-5-9763-0048-4.

178. Матвейчев, О. А. Троянский конь западной истории. Величайший обман, создавший европейскую цивилизацию / О. А Матвейчев, А. В. Беляков. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 223 с. – ISBN 978-5-4461-0212-9.

179. Мафессоли, М. Каждому свое племя: от контракта к пакту / М. Мафессоли // Посредник. Массмедиа, общество и культура : сборник статей : под редакцией В. А. Подороги. – Москва : Институт Философии РАН, Р. Валент, 2016. – 289 с. – ISBN 978-5-93439-523-1.

180. Мейясу, К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – Москва : Екатеринбург, 2015. – 193 с. – ISBN 978-5-7525-3069-2.

181. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / ответственный редактор А. И. Миллер, Д. В. Ефременко – Москва – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 224 с. – ISBN 978-5-4469-1459-3.

182. Миллер, А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века / А. И. Миллер // Историческая политика в XXI веке : под редакцией А. Миллера, М. Липман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7-32. – ISBN. 978-5-86793-968-7.

183. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян – Москва : Высшая школа, КД «Университет», 1997. – 448 с. – ISBN 5-06-003347-3. – ISBN 5-8013-0003-1.

184. Монтескьё, Ш.-Л. О духе законов / Ш.-Л. Монтекскьё. – Москва : Мысль, 1999. – 672 с. – ISBN 978-5-386-10459-7.

185. Московичи, С. Век толп: исторический трактат по психологии масс / С. Московичи // перевод с французского Т. П. Емельяновой; Российская академия наук, Институт психологии, Франция, Дом наук о человеке. –

Москва : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с. ISBN 5-26202-079-X.

186. Моффетт, М. Человеческий рой. Естественная история общества / М. Моффет. – Москва : КоЛибри, 2022. – 820 с. – ISBN 978-5-389-20127-9.

187. Нарочницкая, Н. А. За что и с кем мы воевали / Н. А. Нарочницкая. – Москва : «Минувшее», 2005. – 79 с. – ISBN 5-902073-37-5.

188. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в современном мире / Н. А. Нарочницкая. – Москва : Эксмо: Алгоритм, 2011. – 414 с. – ISBN 978-5-699-49148-3.

189. Нарочницкая, Н. А. Русский код развития / Н. А. Нарочницкая. – Москва : Книжный мир, 2013. – 352 с. – ISBN 978-5-8041-0779-7.

190. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Веселая наука. Злая мудрость : сборник / Ф. Ницше. – Минск : Попурри, 1997. – 701 с. – ISBN 985-438-141-2.

191. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок. Франция – память. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 325 с. – ISBN 5-288-02318-2.

192. О долге и чести воинской в Российской армии / под общей редакцией Н. А. Панкова. – Москва : Воениздат, 1991. – 440 с. – ISBN 5203014043, 9785203014047

193. Овидий. Метаморфозы / Овидий // Античная литература. Рим. : антология. – Москва : Высшая школа, 1988. – 719 с. – ISBN отсутствует.

194. Орбини, М. Славянское царство / М. Орбини. – Москва : Издательство Просвещение-Союз, 2023. – 576 с. – ISBN 978-5-00185-080-9.

195. Оруэлл, Дж. 1984 и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. – Москва : Прогресс, 1989. – 377 с. – ISBN 5-01-002094-7.

196. Остин, Д. Как производить действия при помощи слов / Д. Остин. – Москва : Дом интеллектуальной книги; Идея-Пресс, 1999. – 329 с. – ISBN 5-7333-0010-8.

197. Островский, А. Преступление и наказание Чубайса. За что «отец российских олигархов» ненавидит Достоевского / А. Островский // Российская Газета. – 2004. – 19 ноября. – С. 3.

198. Панарин, А. С. Информационная война и геополитика / А. С. Панарин. – Москва : Поколение, 2006. – 553 с. – ISBN 5-9763-0001-4.

199. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – Москва : ЭКСМО; Алгоритм, 2003. – 415 с. – ISBN 5-699-04747-6.

200. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность XXI века / А. С. Панарин. – Москва : Эксмо, 2003. – 636 с. – ISBN 5-699-07599-2.

201. Панюков, А. И. Историческое сознание : сущность, структура и тенденции развития (методологический анализ) : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Панюков Александр Иванович ; – Красноярск, 1995. – 26 с. – Библиогр. : с. 25-26. – Место защиты: Красноярский государственный педагогический университет.

202. Пелевин, В. Искусство лёгких касаний / В. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2019. – 310 с. – ISBN 978-5-04-106222-4.

203. Пелевин, В. Македонская критика французской мысли / В. Пелевин // ДПП (NN) Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 384 с. – ISBN 5-699-03491-9. – ISBN 5699034919.

204. Петрарка, Ф. Африка / Ф. Петрарка. – Москва : Наука, 1992. – 368 с. – ISBN 5-02-012766-3.

205. Петрий, П. В. Синергия общества и армии в аксиологическом пространстве современной России : монография / П. В. Петрий. – Москва : Военный университет, 2013. – 335 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-4369-0027-8.

206. Петровская, Е.В. Безымянные сообщества / Е.В. Петровская. – Москва : Фаланстер, 2012. – 384 с. – ISBN 978-5-9903732-1-1.

207. Петровская, Е. В. Теория образа / Е. В. Петровская. – Москва : РГГУ, 2012. – 280 с. – ISBN 978-5-7281-1304-1.

208. Пинчук, М. Н. Советские партизаны: Мифы и реальность / М. Н. Пинчук. – Вильня, 2014. – 425 с. – ISBN отсутствует.

209. Платон. Государство / Платон // Сочинения в 4 томах. Том 3. – Москва : Мысль, 1994. — 654 с. – ISBN отсутствует.

210. Плеханов, Г. В. Философские и социальные воззрения К. Маркса / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5 томах. Том 2. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. – 824 с. – ISBN отсутствует.

211. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Плутарх. – Новосибирск : Книжное Издательство, 1991. – 382 с. – ISBN 5-7620-0311-6.

212. Повесть временных лет ; под редакцией О. А. Платонова – Москва : Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 536 с. – ISBN 978-5-4261-0069-5.

213. Полибий. Всеобщая история / Полибий. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 495 с. – ISBN 5-02-026899-2.

214. Политика постправды и популизм ; под редакцией О. В. Поповой. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-98620-336-2.

215. Полян, П. Историмор, или Трепанация памяти. Битвы за правду о ГУЛАГЕ, депортациях, войне и Холокосте / П. Полян. – Москва : АСТ, 2016. – 623 с. – ISBN 978-5-17-098145-8.

216. Поппер, К. Нищета историцизма / К. Поппер. – Москва : Прогресс. 1993. – 185 с. – ISBN 5-01-003881-1.

217. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 томах. Том 1 / К. Поппер. – Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с. – ISBN 5-85042-064-9.

218. Почепцов, Г. Г. Как «переключают народы». Психологические / информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке / Г. Г. Почепцов. – Киев : Веклер, 1998. – ISBN отсутствует.

219. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986. – 431 с. – ISBN отсутствует.

220. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под редакцией А. С. Коржевского. – Москва : Издательство РГГУ, 2021. – 562 с. – ISBN 978-5-7281-3057-4.

221. Пруст, М. По направлению к Свану / М. Пруст. – Москва : Эксмо, 2005. – 512 с. – ISBN 5-699-09495-4.

222. Пэрс, Л. Игра в себя; интерпретация родной истории на исторических реконструкциях / Л. Пэрс. – Lanham, MD : AltaMira Press, 2007. – С. 91.

223. Ратцель, Ф. Геополитика: Хрестоматия / Составитель Б. А. Исаев. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – С. 10-36. – ISBN отсутствует.

224. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2003. – 363 с. – ISBN 5-98042-012-6.

225. Репина, Л. П. Историческая наука в предметном поле / Л. П. Репина // История и историки в прошлом и настоящем / Под общей редакцией Л. П. Репиной. – Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории, Омский государственный университет. – Москва : ИВИ РАН, 2013. – 400 с. – ISBN 978-5-94067-393-4

226. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. П. Репина. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 43 с. – ISBN отсутствует.

227. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – Москва : Академический проект, 2008. – 695 с. – ISBN 978-5-8291-1025-3.

228. Родионов, Е. Третья Пуническая война / Е. Родионов // Римские легионы против Ганнибала. Карфаген должен быть разрушен. – Москва : Яуза; Эксмо, 2012. – 605 с. – ISBN 978-5-699-54306-9.

229. Розов, М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / М. А. Розов. – Москва : Новый хронограф, 2008. – 351 с. – ISBN 978-5-5-94881-056-0.

230. Руднев, В. Философия языка и семиотика безумия. Избранные работы / В. Руднев. – Москва : Территория будущего, 2007. – 526 с. – ISBN 5-91129-035-9.

231. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : Наука, 1969. – 703 с. – ISBN отсутствует.

232. Руткевич, А. М. Прошлое историка. Препринт / А. М. Руткевич. – Москва : ГУ ВШЭ, 2006. – 51 с. – ISBN отсутствует.

233. Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – Москва : «Русский Міръ», 2006. – 640 с. – ISBN 978-5-904088-19-4.

234. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр // перевод с французского В. И. Колядко – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб : Республика, 2002. – 638 с. – ISBN 5-275-00488-5.

235. Сироткин, В. Г. Отечественная война 1812 года / В. Г. Сироткин – Москва : Просвещение, 1988. С. 158. – 252 с. – ISBN отсутствует.

236. Смагина, Е. Б. Манихейство: по ранним источникам / Е. Б. Смагина. – Москва : Восточная литература, 2011. – 519 с. – ISBN 978-5-02-036474-5.

237. Смирнов, С. Ю. Трансформации образа героя в сознании российского общества: социально-философский анализ : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук / Смирнов Сергей Юрьевич ; Москва, 2011. – 20 с. – Библиогр.: с. 19-20. – Место защиты: Военный университет.

238. Современное образование как открытая система : коллективная монография : под редакцией Н. Г. Ничкало, Г. Н. Филонова, О. В. Суходольской-Кулешовой. – Москва : Институт научной и педагогической информации РАО, 2012. – 576 с. – 1000 экз. – ISBN отсутствует.

239. Соколов, Б. Г. Гипертекст истории / Б. Г. Соколов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 193 с. – ISBN 5-93597-037-6.

240. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 542 с. – ISBN 978-5-87661-603-6.

241. Тавризян, Г. М. Йохан Хейзинга: кредо историка / Г. М. Тавризян // Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – Москва : Прогресс-Академия, 1992. – 458 с. – ISBN 5-01-002053-X.

242. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – Москва : Академический проект, 2011. – 302 с. – ISBN 978-5-8291-1329-2.

243. Тацит, К. Анналы. Малые произведения / К. Тацит. – Москва : АСТ ; Астрель, 2010. – 505 с. – ISBN 978-5-17-065428-4. – ISBN 978-5-271-28881-4. – ISBN 978-5-17-065507-6. – ISBN 978-5-271-28882-1.

244. Тен, Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация / Ю. П. Тен. – Ростов на Дону: Феникс, 2007. – 328 с. – ISBN 978-5-222-11949-5.

245. Теория управления : учебник и практикум для академического бакалавриата / под редакцией А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина // 2-е издание – Москва : Юрайт, 2015. – С. 46. – 336 с. – ISBN 978-5-9916-4889-9.

246. Тит Ливий. История Рима от основания города: Сочинения в 3 томах. Том 1 / Тит Ливий. – Москва : Наука, 1989. — 575 с. – ISBN -02-008995-8.

247. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – Москва : Прогресс, 1990. – 730 с. – ISBN 5-01-003529-4.

248. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. – Москва : Детская литература, 2003. – 544 с. – ISBN 978-5-8-004668-1.

249. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада : Познание запредельного / Е. А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007. – 473 с. – ISBN 978-5-352-02163-7. – ISBN 978-5-85803-3.

250. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2004. – 795 с. – ISBN 5-17-011040-5.

251. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2003. – 557 с. – ISBN 5-17-010706-4.

252. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – Москва : Весь мир, 2000. – 294 с. – ISBN 5-7777-0093-4.

253. Традиции офицеров русской армии / Н. И. Дорохов, Н. В. Илиевский, Г. И. Коротков [и др.] ; под редакцией Н. И. Резник [и др.] – Жуковский : Кучково поле, 2004. – 319 с. – ISBN 5860901046.

254. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский. – Челябинск : Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2009. – 311 с. – ISBN 978-5-94839-150-2.

255. Тютчев, Ф. М. Сочинения: в 2 томах. Том 1 / Ф. М. Тютчев. – Москва : Художественная литература, 1984. – 495 с. – ISBN отсутствует.

256. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – Москва : Весь мир. 2004. – С. 283. – 544 с. – ISBN 5-7777-0294-5.

257. Уилсон К. Паразиты сознания / К. Уилсон. – Киев. 1994. – С. 21–22. – 320 с. – ISBN 5-7101-0014-5.

258. Уледов, А. К. Структура общественного сознания / А. К. Уледов.– Москва : Мысль, 1968. – 324 с. – ISBN отсутствует.

259. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / составитель В. А. Чаликова. – Москва : Прогресс, 1991. – 404 с. – ISBN 5-01-001592-7.

260. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – Москва : Наука, 1991. – 629 с. – ISBN 5-02-009042-5, 5020090425.

261. Фейхтвангер, Л. Иеффай и его дочь / Л. Фейхтвангер. – Москва, 1991. – 256 с. – ISBN. 5-280-07862-7.

262. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – Москва : Книжный клуб 36.6, 2014. – 480 с. – ISBN 978-5-98697-136-0.

263. Филд, Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе / Д. Филд // Менталитет и аграрное развитие России XIX-XX вв. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 439 с. – ISBN 5-86004-035-0.

264. Философский энциклопедический словарь. – Москва, 1989. – С. 488. – 815 с. – ISBN 5-85270-030-4.

265. Флавий, Иосиф. История иудейской войны / Иосиф Флавий. – Москва : Эксмо, 2010. – 669 с. – ISBN 978-5-699-40974-7.

266. Фоменко, А. Т. Москва в свете новой хронологии / А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский. – Москва : АСТ, 2010. – 480 с. – ISBN 978-5-17-060673-3.

267. Фрейд, З. Жуткое / З. Фрейд // Влечения и их судьба. – Москва : Эксмо-Пресс, 1999. – 432 с. – ISBN 5-04-002719-2.

268. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – Москва : АСТ Publishers, 2018. – 544 с. – ISBN 978-5-17-092902-3.

269. Фрейд, З. Психология бессознательного : сборник произведений / З. Фрейд. – Москва : Просвещение, 1989. – 447 с. – ISBN 5-09-003787-6.

270. Фукидид. История / Фукидид. – Ленинград : Наука, 1981. – 543 с. – ISBN отсутствует.

271. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с. – ISBN 9665210025.

272. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва : Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

273. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321—010-2.

274. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург : A-cad, 1994. – 405 с. – ISBN 5-85962-021-7.

275. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2004. – 588 с.

276. Фурсов А. И. De Conspiratione : Капитализм как Заговор // De Conspiratione / О Заговоре : сборник монографий / составитель А. И. Фурсов. – Москва : Товарищество научных изданий КМК. 2013. – 521 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-907099-62-3.

277. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с. – ISBN 5-7777-0263-5.

278. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 451 с. – ISBN. 5-88059-021-6.

279. Хайдеггер, М. О событии / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. – Москва : Гнозис, 1993. – 464 с. – ISBN 5733304855.

280. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с. – ISBN 978-5-98379-088-9.

281. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с. – ISBN 5-17-007923-0.

282. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулоцене / Д. Харауэй. – Пермь : Гиле Пресс, 2020. – 340 с. – ISBN 978-5-60-435814-6.

283. Харман, Г. Спекулятивный реализм : введение / Г. Харман. – Москва : Рипол-Классик, 2020. – 290 с. – ISBN 978-5-386-13479-2.

284. Харман, Г. Четвероякий объект : метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман. – Пермь : Гиле Пресс, 2015. – 152 с. – ISBN 978-5-9906611-1-0.

285. Харман, Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / Г. Харман. – Пермь : Гиле Пресс, 2020. – 258 с. – ISBN. 978-5-6043581-1-5.

286. Хобсбаум, Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Э. Хобсбаум // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.] ; под редакцией Б. Андерсона. – Москва : Праксис, 2002. – 409 с. – ISBN 5-901574-07-9.

287. Хозяева и бенефициары глобального хаоса. Как победить в битве за будущее : сборник статей / составитель А. И. Фурсов, С. Правосудов. – Москва : Книжный мир, 2016. – 447 с. – ISBN 978-5-8041-0825-1.

288. Хомский, Н. Новый военный гуманизм // Н. Хомский. Уроки Косова. – Москва : Праксис, 2002. – 320 с. – ISBN 5-901574-26-5.

289. Хоркхаймер, М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер. – Москва : Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с. – ISBN. 978-5-88373-263-7.

290. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – Москва : Медиум; Санкт-Петербург : Ювента, 1997. – 312 с. – ISBN 5-85691-051-6, – ISBN 5-87399-043-3.

291. Хоркхаймер, М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – Москва : Ad Marginem Пресс, 2016. – 103 с. – ISBN 978-5-91103-276-0.

292. Цвейг, С. Звездные часы человечества / С. Цвейг. – Москва : Азбука, 2017 – 320 с. – ISBN 978-5-389-11193-6.

293. Цоколов, С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. Цоколов. – Мюнхен: Phren, 2000. – 332 с. – ISBN 3-9805074-2-4.

294. Чаадаев, П. Я. Апология сумасшедшего. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев. – Москва, 1987. – 219 с. – ISBN отсутствует.

295. Чаадаев, П. Я. Философические письма. статьи, афоризмы, письма / П. Я. Чаадаев. – Москва : Эксмо. 2006. – 541 с. – ISBN 5-699-17685-3.

296. Чижик, П. И. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук / Петр Иванович Чижик ; Военный университет. – Москва, 2000. - 408 с. – Библиогр.: с. 380-408.

297. Шекспир, В. Гамлет, принц датский: трагедия / В. Шекспир // перевод Б. Пастернака. – Москва : ОГИЗ, Гослитиздат, 1941. – ISBN отсутствует.

298. Ширманова, М. Ю. Историческое сознание общества (философский анализ) : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познения» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Ширманова Марина Юрьевна ; – Ростов-на-Дону, 1983. – 18 с. – Библиогр.: с. 17-18. – Место защиты: Государственный университет им. М.А. Суслова.

299. Шифферс, Е. Л. Религиозно-философские произведения / Е. Л. Шифферс. – Москва : Русский институт, 2005. – 656 с. – ISBN 5-98379-041-2.

300. Шишков, А. С. Разсуждение о любви к Отечеству / А. С. Шишков. – Санкт-Петербург. 1812. – 54 с. – ISBN отсутствует.

301. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. Собрание сочинений в 2 томах. Том 1. / Ф. Шлегель. – Москва : Искусство, 1983. — 479 с. – ISBN отсутствует.

302. Шнирельман, В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – Москва : Академкнига, 2003. – 591 с. – ISBN 5-94628-118-6.

303. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 томах. Том 1. / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1993. – 666 с. – ISBN 5-244-00656-8. – ISBN 5-244-00657-6.

304. Щютц, А. Смысловая структура повседневного мира / А. Щютц. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. – 336 с. – ISBN 5-93947-012-2.

305. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Избранные произведения: в 3 томах. Том 3 / Ф. Энгельс, К. Маркс.– Москва : Политиздат, 1986. – 639 с. – ISBN отсутствует.

306. Эпштейн, М. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Эпштейн. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. – ISBN 978-5-98712-601-1.

307. Эпштейн, М. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Эпштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 616 с. – ISBN 978-5-4448-0632.

308. Юнг, К. Дух и жизнь : сборник / К. Юнг. – Москва : Практика, 1996. – 551 с. – ISBN 5-88001-011-2.

309. Юнг, К. Очерки по психологии бессознательного / К. Юнг. – Москва : Когито-Центр, 2013. – 352 с. – ISBN 978-5-89353-240-1.

310. Юнг, К. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Юнг. Архетип и символ. – Москва : Ренессанс, 1991. – 297 с. – ISBN 5-7664-0462-X.

Источники на иностранном языке

311. Вергілиева Энеида на малороссійскій языкъ преложенная И. Котляревскимъ. – Санктпетербургъ, въ медицинской типографіи, 1809. – ISBN отсутствует.

312. Яковенко, Н. Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н. Н. Яковенко. – Київ : Критика, 2006. – С. 224. – ISBN 966-7679-82-9.

313. Arquilla, J. Networks, Netwars, and the Fight for the Future / J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, 2000. – ISBN-10 0833030302. – ISBN-13 978-0833030306.

314. Beyme, K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart / K. von Beyme. – Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. – P. 14-15. – ISBN 353132361X, 9783531323619.

315. Bloch, M. La socieate feodale / M. Block. – Paris, 1968. – P. 134. – ISBN-10 2702822932. – ISBN-13 978-2702822937.

316. Dinzelbacher, P. Zur Theorie und Praxis der Mentalität geschichte / P. Dinzelbacher // Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen. – Kröner, Stuttgart, 1993. – P. 15-37. – ISBN 978-3-520-46902-1.

317. Eisenstadt, Sh. Development Modernization and dynamics of Civilizations / Sh. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1983. – P. 217. – ISBN отсутствует.

318. Fisher, M. Ghosts of my life. Writing on depression hauntology and lost futures / M. Fisher. – Winchester : Zero Books, 2014. – 208 p. – ISBN 978-1-78099-226-6.

319. Glasersfeld, E. von. Radical Consrtructivism: a Way of Knowing and Learning / E. von Glasersfeld. – London : Falmer Press, 1995. – 231 p. – ISBN-0-7507-0387-3.

320. Gurvitch, G. Determinismes sociaux et liberte humaine / G. Gurvich. – Paris : PUF. 1955. – 301 p. – ISBN отсутствует.

321. Hobbes, T. De Cive: The English Version Entitled, in the First Edition, Philosophicall Rudiments Concerning Government and Society / T. Hobbes. – Oxford : Clarendon Press, 1983. – 299 p. – ISBN(s) 0198246234.

322. Hoffmann, F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Potomac Institute for Policy Studies / F. G. Hoffman. – Arlington, 2007. – P. 58-72. – ISBN отсутствует.

323. Jahoda, G. Images of Savages. Ancient Roots of Modern Prejudice in Western Culture / G. Jahoda. – London, 1998. – 320 p. – ISBN 978-0-415-18855-5.

324. Land, N. Fanged Noumena: Collected Writings 1987–2007 / N. Land. – Falmouth : Urbanomic, Sequence Press. 2011. – P 46. – ISBN 978-0-9832169-4-0.

325. Laruelle, F. Philosophie et Non-Philosophy (Philosophy and Non-Philosophy) / F. Laruelle. – Bruxelles : Liège, 1989. – 255 p. – ISBN 2-87009-361-6.

326. Looser, D. British Women Writers and the Writing of History, 1670-1820 / D. Looser. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2000. – 272 p. – ISBN 0801876400.

327. Nolte, E. Der europäische Bürgerkrieg von 1917-1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus / E. Nolte. – Berlin : F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung, 1987. – 574 p. – ISBN 9783776690033.

328. Phillips, J. Symbol, myth, and rhetoric: The politics of culture in the Armenian American population / J. Phillips. – New York : AMS press, Cop. 1989. – P. 4. – ISBN отсутствует.

329. Searle, J. The Construction of Social Reality / J. Searle. – New York, 1995. – P. 15-21. – ISBN-10 0684831791.

330. Toffler, Al. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21-st Century / Al. Toffler. – New York : London, 1990. – P. 114. – ISBN отсутствует.

331. Williams, R. M. American Society: A Sociological Interpretation. / R. M. Williams // Vanderstel D. – GN-Y. – 1966. – P. 71-72. – Москва : Псковская областная типография. 2013. – 246 с. – ISBN-10 0394302532. – ISBN-13 978-0394302539.

Электронные ресурсы

332. Абраменко, А. Срубленные чинары ташкентского детства / Вокруг света : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/globe/1244/ – (дата обращения 16.04.22).

333. Акунин пошел в Карамзины. Презентация 1 тома «Истории российского государства» в книжном «Москва» / Новая Газета : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://novayagazeta.ru/articles/2013/11/16/57233-akunin-poshel-v-karamziny-prezentatsiya-1-toma-171-istorii-rossiyskogo-gosudarstva-187-v-knizhnom-171-moskva-187?print=true (дата обращения: 18.09.2022).

334. Армянские парламентарии призвали Россию изучить биографию Гарегина Нжде / РИА «Новости» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ria.ru/20160613/1446633310.html (дата обращения: 27.05.2024).

335. Ашманов, И. С. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа / Альтернативный взгляд : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://salik.biz/articles/72947-falsifikacija-istorii-manipuljacii-v-socialnyh-media.html1 (дата обращения: 13.07.2024).

336. Билборд с летчиками Люфтваффе повесили ко Дню Победы в Ивантеевке / РИА «Новости» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ria.ru/20150428/1061306584.html (дата обращения 18.12.23).

337. Бильжо, А. Диагноз недели с доктором Бильжо: Мединский никакой не историк, а 29-й панфиловец и есть / The Insider. Расследования, репортажи, аналитика : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://theins.ru/opinions/38959 (дата обращения: 20.03.2023).

338. Бондаренко, М. Порошенко обвинил Путина в «похищении» княжны Анны Ярославны / РБК : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/politics/30/05/2017/592d74559a-79473cc1211c05 (дата обращения: 20.03.2023).

339. Бриус, М. Фильм «Зоя» / М. Бриус, Л. Пляскин // Изображение : видео. – Текст : электронный. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/1289029 (дата обращения: 27.05.2024).

340. В Грузии сносят ещё один памятник советским воинам / Русский обозреватель : официальный сайт. – URL: http://www.rus-obr.ru/days/16947 – (дата обращения 03.04.22). Текст : электронный.

341. В Молдавии отключили Вечный огонь из-за энергетического кризиса / РБК : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6172d1209a794749556164c9 (дата обращения: 27.05.2024).

342. В РАН выявили «парадоксальное» улучшение настроений россиян / РБК : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/society/22/12/2022/ (дата обращения: 29.05.2023).

343. В Стокгольме провокаторы публично сожгли Коран, а шведский МИД их оправдал / Российская газета : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://rg.ru/2023/01/22/kostrydemokratii.html?ysclid=lisqg4xamd304675306 (дата обращения: 11.06.2023).

344. В США школа ввела «клуб сатаны» для начальных классов, чтобы «научить детей сочувствию» // Газета.ру : официальный сайт. – Текст : электронный – URL:https://www.gazeta.ru/social/news/2022/12/07/19211239.shtml?ysclid=lioz8q9wvc308680277 (дата обращения: 21.05.2023).

345. В центре Еревана открыт памятник пособнику Гитлера, осужденному советским судом / Комсомольская правда : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.msk.kp.ru/daily/ 26546.4/3562280/ (дата обращения: 21.05.2023).

346. Велехов, Л. Андрей Зубов: «Режиму скоро придет конец, но с ним может погибнуть Россия» / Радио «Свобода» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.svoboda.org/a/26905977.html (дата обращения: 16.05.2024).

347. Вечный огонь в неоплатном долгу / Коммерсантъ : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5101338 (дата обращения: 27.05.2024).

348. Винников, В. Стругацкие Лебеди: беседа с Сергеем Кургиняном / Газета «Завтра» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://zavtra.ru/blogs/strugatskie-igra-v-istoriyu (дата обращения: 25.05.2024).

349. Владимирова, Е. Моргенштерн выложил антивоенное сториз / Первое студенческое агентство : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://pervoe.online/news/student-v-teme/22037-voevat_uzhe_ ne_modno/ (дата обращения 22.10.23).

350. Власюк, Г. У центрі Львова активісти вибивали «совок» із гігантського пінопластового мозку // Zaxid.net : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://zaxid.net/news/showNews.do?u_tsentri_lvova_aktivisti_vibivali_sovok_iz_gigantskogo_pinoplastovogo_mozku& objectId=1364228 (дата обращения 22.10.23).

351. Гришин, А. Ющенко насчитал 24 войны Украины с Россией / Комсомольская правда : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.kp.ru/daily/26663.4/3683987/ (дата обращения 12.10.22).

352. Громыко, Ю. В. Консциентальное оружие и консциентальные войны. Лекция / Центр гуманитарных технологий : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/782 (дата обращения 12.10.22).

353. Зубов, А. Б. Это уже было. Мы на пороге полного разрушения системы международных договоров, экономического хаоса и политической диктатуры / Ведомости: официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/03/01/andrej-zubov-eto-uzhe-bylo?ysclid=lh99wow6lp635761982 (дата обращения: 30.04.2023).

354. Евросоюз принял решение об оплате всех поставок оружия на Украину. / Военное обозрение : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://topwar.ru/192887-evrosojuz-prinjal-reshenie-ob-oplate-vseh-postavok-oruzhija-naukrainu.html?ysclid=lip0fzpez5147139870 (дата обращения: 21.05.2023).

355. Иванов, В. Кто они – Иваны, не помнящие родства? / История.рф : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://histrf.ru/read/articles/ (дата обращения: 21.05.2023).

356. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / amicable.ru : сайт Андрея Ильницкого. – Текст : электронный. – URL : https://amicable.ru/news/2021/08/02/19513/russia-mental-war (дата обращения: 21.05.2023).

357. Итоговые результаты разработки предложения о мерах по формированию российской идентичности. – Текст : электронный. – URL: http://identityrussia.ru/itogovyie-rezultatyi-razrabotki-predlozheniya-o-merah-po-formirovaniyu-rossiyskoy-identichnosti-v-redaktsii-s-s-b/ (дата обращения: 21.05.2023).

358. Королева, Т. Г. История и память. Исследование исторической памяти / Фонд ветеранов спецподразделений «Россы-Урал : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://ross-ural.ru/articles/ (дата обращения: 9.11.2022 г.)

359. «Кусь за Русь» / Мемопедия : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://memepedia.ru/kus-za-rus-smert-veshhego-olega/ (дата обращения: 27.05.2024).

360. Лавров, С. В. СССР спас Европу от ее собственного безумия / ИА «РосБалт»: официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rosbalt.ru/ (дата обращения: 19.08.2021).

361. Левинсон, Дж. К. Как прорвать маркетинговую блокаду / сайт. – Текст : электронный. – URL : http://www.marketing.spb.ru/libcomm/advert/meme.htm (дата обращения: 25.05.2024).

362. Министр культуры Украины заявил о пропасти сознания и отсутствии генетики в Донбассе / ТАСС : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3805083 (дата обращения: 16.05.2024).

363. Министр обороны Латвии назвал легионеров СС гордостью страны и народа / РИА «Новости» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ria.ru/20190927/1559221894.html (дата обращения 02.01.23).

364. На Вечном огне заживо сожгли человека / Вести.ру : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : https://www.vesti.ru/article/2226679 (27.05.2024).

365. На Украине предложили в рамках декоммунизации сменить пол монумента «Родина-мать» / ТАСС : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://tass.ru/obschestvo/13031559 (28.05.2024).

366. Над Ржевским мемориалом тысяча беспилотников соткала поразительные символы памяти о войне / 1 канал : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.1tv.ru/news/2021 05 08/406154 nad_rzhevskim_memorialom_tysyacha_bespilotnikov_sotkala_porazitelnye_simvoly_pamyati_o_voyne (дата обращения: 27.05.2024).

367. Никитин, Е. Кому выгодно очернять историю нашей страны? / Проза.ру – российский литературный портал : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://proza.ru/2015/11/09/2069 (дата обращения: 28.05.2024).

368. Овчинский, В. С. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века / В. С. Овчинский, И. Ю. Сундиев // Изборский клуб : Официальный сайт Института динамического консерватизма. – Текст : электронный. – URL: http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/ (дата обращения: 28.05.2024).

369. «Они хотели жить мирно, а не воевать». Школьник из ЯНАО рассказал в Бундестаге о «невинных солдатах вермахта» / Газета.ru : официальны сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/11/20/10995032.shtml (дата обращения: 27.05.2024).

370. «Ориентация на пересмотр итогов войны»: как Европарламент объявил пакт Молотова-Риббентропа причиной Второй мировой / RT на русском : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://russian.rt.com/world/article/670247-evroparlament-rezolyuciya-vtoraya-mirovaya-voina (дата обращения: 27.05.2024).

371. Памятник «мальчику Коле из Нового Уренгоя» открыли в Тюмени / Lenta.ru : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://lenta.ru/news/2017/11/24/urengoy/ (дата обращения: 27.05.2024).

372. Пастырская конституция о Церкви в современном мире «Gaudium et Spes» (лат. Радостная надежда). Католическая информационная служба «Agnuz» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/page16.htm (дата обращения: 27.05.2024).

373. Патрушев призвал создать новую медиаполитику по воспитанию молодежи / РИА Новости : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ria.ru/20200410/ 1569854040.html (дата обращения: 13.03.2023).

374. Переслегин, С. Б. Кто хозяином здесь? Напоил бы вином... Нетрадиционное исследование итогов Третьей Мировой Войны : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.igstab.ru/materials/black/ Per_Who.htm (дата обращения: 13.03.2023).

375. Петров, Д. Ю. Об управлении историей / Газета. ру : официальный сайт. – Текст : электронный – URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/s77419/14147725.shtml (дата обращения: 13.03.2023).

376. Подберезкин, А. И. Политические аспекты фальсификации истории России / МГИМО – Университет : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://clck.ru/baeio (дата обращения: 17.05.2024).

377. Порошенко назвал Красную Армию и УПА освободителями Украины от фашистов / РБК: официальный сайт. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/544f6b53cbb20f98bdfef01c?74/ – Текст : электронный. (дата обращения: 17.05.2024).

378. Путин поручил «Газпрому» обеспечить Вечные огни бесплатным газом / РБК : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/society/08/02/2022/6202646d9a79477d8dfa0f9c (дата обращения: 27.05.2024).

379. Путин, В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. / Сайт Президента России. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181 (дата обращения: 16.05.2024).

380. Путин, В. В. Открытый урок «Помнить – значить знать» / Сайт Президента России. – Текст : электронный. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63983 (дата обращения: 25.03.2023 г.).

381. Рашка Ватник / Страница ВКонтакте. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/vatnikgovnov (дата обращения: 27.05.2024).

382. Рейнекин, Р. Неудачное покушение на скрепы. «Великие русские злодеи» Зыгаря и Хаматовой / Политнавигатор : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.politnavigator.net/neudachnoe-pokushenie-na-skrepy-velikie-russkie-zlodei-zygarya-i-khamatovojj.html (дата обращения: 30.05.2023).

383. Руфер Мустанг украсил «Родину-мать» в Киеве венком из маков / РБК : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/politics/08/05/2015/554ca8539a79474e9aa257f6 – (дата обращения: 28.05.2024).

384. Савельев, С. В. Созревание памяти / Газета «Завтра» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://zavtra.ru/books/s_v_savel_ev_sozrevanie_pamyati? (дата обращения: 27.05.2024).

385. Савин, Л. Кто придумал гибридную войну? / Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. Интернет-газета «Столетие» : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/kto_pridumal_gibridnuju_vojnu_615.htm (дата обращения: 28.05.2024).

386. Сидарчук, А. Фактор «Запада». Как в 1947 году семьи бандеровцев отправили на Восток / Аргументы и факты : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL:

https://aif.ru/society/history/faktor_zapada_kak_v_1947_godu_semi_banderovcev_otpravili_na_vostok?ysclid=lilw6rrbcm73783610 (дата обращения: 12.05.2023).

387. Сидоренко, А. Жизнь, отданная Отечеству // Спецназ России. – 2004. № 6. – Текст : электронный. – URL: http://www.specnaz.ru/article/?522 (дата обращения: 30.05.2022).

388. «Скрытая правда» / Канал в Телеграме. – Текст : электронный. – URL: http://t.me/+Y3vQMk4ayhViMmMy (дата обращения: 30.05.2022).

389. Советский Союз сокрушил фашизм / Министерство обороны РФ : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://stat.mil.ru (дата обращения: 09.10.2022).

390. Совместная пресс-конференция с Президентом Франции Эммануэлем Макроном / Сайт Президента РФ : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/events/presi-dent/news/54618 (дата обращения: 27.05.2024).

391. Создатель «Ватника» Антон Чадский: Как я стал русофобом / Сноб : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://snob.ru/selected/entry/82278/ (дата обращения: 27.05.2024).

392. Статистика: отношение россиян к истории / Имперский стяг: блог на Яндекс.Дзен : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://dzen.ru/a/ZC0RndBKOla2e2x7 (дата обращения: 04.07.2023).

393. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 / Сайт Президента Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 30.05.2022).

394. Сулакшин, С. С. Национальные угрозы России: когнитивное оружие: доклад на Общем собрании Академии военных наук, январь 2014 / Центр научной политической мысли и идеологии (Центр С. С. Сулакшина) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://rusrand.ru/docconf/natsionalnye-ugrozy-rossii-kognitivnoe-oruzhie (дата обращения: 09.04.2023).

395. Таджикского блогера задержали за оскорбительное фото на фоне храма в Москве / НТВ : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.ntv.ru/novosti/2613280/ (дата обращения 06.02.22).

396. У Комиссии по противодействию фальсификации истории будет много работы : официальный сайт / Российская Академия Наук: официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.ras.ru/news/showhews.aspx (дата обращения: 27.05.2024).

397. Украинцы приобрели церковь в городке Санлис под Парижем, где жила Анна Ярославна. : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://news.ugcc.ua/ru/news/ukraintsi_priobreli_tserkov_v_gorodke_sanlis_pod_parizhem_gde_zhila_anna_yaroslavna_67600.html (дата обращения: 27.05.2024).

398. Фурсов, А. И. Психоисторическая война / Достояние планеты : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://dostoyanieplaneti.ru/4145-Psihoistopicheskaya-voyna-Andpey-Fupsov (дата обращения: 26.05.2024).

399. «Хвосты» по декоммунизации. Вятрович рассказал о дальнейшей судьбе памятника «Родина-мать» // Главред : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://glavred.info/ukraine/487910-hvosty-po-dekommunizacii-vyatrovich-rasskazal-o-dalneyshey-sudbe-pamyatnika-rodina-mat.html. (дата обращения: 28.05.2024).

400. Церковь и общество : мониторинг / ВЦИОМ : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ (дата обращения: 28.05.2023).

401. Цитаты известных личностей : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/620195 (дата обращения: 04.09.2022 г.).

402. Цыбизов, Е. В чем смысл истории и ее значение? / Россия – Ноев ковчег : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://rnk-concept.ru/47385 (дата обращения: 10.09.2022).

403. Чадский, А. И. тебя вылечат / Newsland.com : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://newsland.com/community/politic/content/rossiia-bolna-voinoi/3115746 (дата обращения: 27.05.2024).

404. Что прикрыли крестьянским восстанием Пугачева? Полное разоблачение официальной версии / Youtube.com. – Видео. – Текст : электронный. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=rhk-DSnwb1nE (дата обращения: 21.03.2022).

405. Gloses marginales aux "Commentaires sur la société du spectacle" / Либертарианский блог : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://juralibertaire.over-blog.com/article-20137929.html – Текст : электронный (дата обращения: 27.05.2024).

406. Loffler, K. Syncretism / Католические ответы : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.catholic.com/ (дата обращения 21.09.2022).

407. Nolan, N. Memento Mori/ Esquire : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.esquire.com/entertainment/books/a1564/memento-mori-0301/ (дата обращения: 27.05.2024).

408. The National Military Strategy of the United States of America / Правительство США : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

409. The Slime Mould Collective: An international network of / for intelligent organisms / Портал для новаторских исследований и творческой практики: сайт. – Текст : электронный. – URL: http://slimoco.ning.com (дата обращения: 21.05.2022).

410. Theorie sociale-constructiviste de l’enlisement des guerres hybrides. // Texte préparé en vue de sa discussion aux Joint Sessions for Workshops, Grenoble, 6-11 Avril 2001 Workshop № 25 : Théories de la Guerre / Европейский консорциум политических исследований : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a4191549-4914-45e9-b258-12b621a82ef6.pdf (дата обращения: 21.05.2022).

Научные статьи

411. Барг, М. А. Историческое сознание как проблема историографии / М. А. Барг // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Общество интеллектуальной истории; под редакцией Л. П. Репиной. – Москва : – ИВИ РАН. – 2005. – 254 с.–ISBN 5-201-00487-3

412. Буданов, В. Г. Синергетические механизмы роста научного знания и культура / В. Г. Буданов // Философия науки. – Москва. – 1996. – № 2. – С. 198. – ISSN 1560-7488.

413. Герасимов, Г. И. История, создающая прошлое / Г. И. Герасимов // Социально-политические науки. – 2017. – № 6. – С. 141-142. – ISSN 2223-0092.

414. Глущенко, Г. Ю. История versus память: к проблеме взаимосвязи истории и памяти / Г. Ю. Глущенко // Философская мысль. – 2018. – № 1. – С. 38. – ISSN 2409-8728.

415. Ершов, Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик / Ю. М. Ершов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 52. – С. 245-256. – ISSN 1998-6645.

416. Зинченко, Я. И. Национальные ценности и идеалы как важнейшие составляющие национальной безопасности государства / Я. И. Зинченко // Молодой ученый. – 2023. – № 10 (457). – С. 84-86. – ISSN 1560–0580.

417. Игнатов, М. А. Номадология Ж. Делеза как версия сетевой методологии / М. А. Игнатов // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – Выпуск 3 (11). – С. 39-41. – ISSN 2782-4446.

418. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник МГУ. – Серия 7. Философия. – 1990. – № 2. – С. 61. – ISSN отсутствует.

419. Касумов, Т. К. Страхи в жизни и жизнь в страхе / Т. К. Касумов, Л. К. Гасанова // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С. 34-45. – ISSN 0042-8744.

420. Кафтан, В. В. Гуманитарные технологии ведения современной войны / В. В. Кафтан, В. В. Кафтан // Военный академический журнал. – 2017. – № 1 (13). – С. 84-91. – ISSN 2311-6668.

421. Кафтан, В. В. Информационно-коммуникативные технологии деконструкции ценности Великой Победы / В. В. Кафтан // Философия войны и мира. К 70-летию Великой Победы : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Философия войны и мира: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне». 28–29 апреля 2015 года. Москва, Институт философии РАН ; под редакцией В. Н. Шевченко. – Москва. : Российское философское общество, ООО «СиДиПрессАрт», – 2016. – С. 172-181. – ISBN 978-5-9907760-0-5.

422. Кафтан, В. В. Философско-методологические основания конструирования информационно-коммуникативных технологий искажения истории России / В. В. Кафтан // Военный академический журнал. – 2018. – № 1 (17). – С. 55-67. – ISSN 2311-6668.

423. Кикнадзе, В. Г. Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России / В. Г. Кикнадзе // Военно-исторический журнал. – 2022. – № 9. – С. 14-15. – ISSN 0321-0626.

424. Кон, И. С. Проблемы истории в истории философии / И. С. Кон // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Выпуск 4. – Томск. – 1986. – С. 15. – ISSN 0134 -885X.

425. Курочко, М. М. Онтологии проективности социального бытия / М. М. Курочко // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Философские науки. – 2009. – № 3. – С. 27-31. – ISSN 2310-7227.

426. Левин, М. Г. Англо-американский расизм / М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1949. – № 1. – С. 18-47. – ISSN отсутствует.

427. Леопа, А. В. Историческое сознание как метод научного познания / А. В. Леопа // Философия и культура. – 2012. – № 3 (51). – С. 109. – ISSN 2454-0757.

428. Лихачев, Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию / Д. С. Лихачев // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 35-36. – ISSN 0130-7673.

429. Мерзлякова, И. Л. Нравственные предпочтения как социокультурные константы исторического сознания личности / И. Л. Мерзлякова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9-3 (111). – С. 193. – ISSN 2227-6017.

430. Михник, А. Историческая политика, Российский вариант / А. Михник // Родина. – 2006. – № 6. – ISSN 0235-7089.

431. Моисеев, С. П. Концепты «масса» и «массовое поведение» в работах Б. А. Грушина / С. П. Моисеев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2. – С. 245. – ISSN 2219-5467.

432. Петрий, П. В. Ценностно-ориентирующая роль образовательного пространства современной России / П. В. Петрий, В. Б. Трипольский // Право и образование. – 2013. – № 1. – С. 66. – ISSN 1563-020X.

433. Пичугин, В. Г. Аксиологические аспекты исторического сознания / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – № 3А. Том 11. – С. 94-101. – ISSN 2223-5485.

434. Пичугин, В. Г. Влияние исторического сознания на формирование человеческого капитала / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – № 3А-4А. Том 12.– С. 59-66. – ISSN 2223-5485.

435. Пичугин, В. Г. Влияние цифровизации в образовании на историческое сознание общества / В. Г. Пичугин // Социология. – 2023. – № 5. – С. 249-254. – ISSN 1812-9226.

436. Пичугин, В. Г. Выявление онтологических компонентов личностного исторического сознания / В. Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 109-113. – ISSN 0869-8120.

437. Пичугин, В. Г. Детерминанты влияния на историческое сознание общества / В. Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. 2023. – № 9. – С. 101-105. – ISSN 0869-8120.

438. Пичугин, В. Г. История как основа стабильного развития социума / В. Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. 2023. – № 10. – С. 55-58. – ISSN 0869-8120.

439. Пичугин, В. Г. Историческое сознание общества: основные подходы к определению методологического статуса / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – № 3А. Том 11. – С. 86-93. – ISSN 2223-5485.

440. Пичугин, В. Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – № 1А. Том 12. – С. 285-292. – ISSN 2223-5485.

441. Пичугин, В. Г. Концепция информационной войны будущего / В. Г. Пичугин, Л. А. Годунова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 3-15. – ISSN 2071-6141.

442. Пичугин, В. Г. Механизм формирования симулятивных образов памяти в современном историческом сознании / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – № 3А-4А. Том 12, – С. 67-74. – ISSN 2223-5485.

443. Пичугин, В. Г. Недирективные методы внушения в ходе предвыборных кампаний / В. Г. Пичугин, Л. А. Годунова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 33-44. – ISSN 2071-6141.

444. Пичугин, В. Г. Основы теории социального конструирования исторического сознания / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – № 4-1. Том 11. – С. 127-140. – ISSN 2223-5485.

445. Пичугин, В. Г. Репрезентация образов прошлого в практиках социального конструирования / В. Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 10. – С. 89-92. – ISSN 0869-8120.

446. Пичугин, В. Г. Связь и взаимное влияние исторического и правового сознания общества / В. Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 11. – С. 124-129. – ISSN 0869-8120.

447. Пичугин, В. Г. Создание субъективной реальности средствами массовой информации проблемы организации и допустимости влияния / В. Г. Пичугин // Экономика. Бизнес. Банки. – 2018. – № S4. – С. 111-119. – ISSN 2304-9596.

448. Пичугин, В. Г. Социально-психологические аспекты формирования патриотизма личности / В. Г. Пичугин, Ж. В. Коробанова // Обзор педагогических исследований. – 2022. – № 5. Том 4. – С. 215-219. – ISSN отсутствует.

449. Пичугин, В. Г. Теоретические основания современных «войн памяти» / В. Г. Пичугин, В. В. Кафтан // Военный академический журнал. – 2022. № 2 (34). – С. 103-110. – ISSN 2223-0092.

450. Пичугин, В. Г. Феномен практик социального конструирования истории: сущность и специфика их проявления в современном социуме / В. Г. Пичугин, В. В. Кафтан // Социально-политические науки. – 2022. – № 1. Том 12. – С. 119-126. – ISSN 2223-0092.

451. Пичугин, В. Г. Формы психологического влияния в античной философии / В. Г. Пичугин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – № 3-1. Том 9. – С. 69-75. – ISSN 2223-5477.

452. Пичугин, В. Г. Функции модели системной защиты исторического сознания российского общества / В. Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 9. – С. 83-87. – ISSN 0869-8120.

453. Пичугин, В. Г. Язык как средство конструирования исторического сознания / В. Г. Пичугин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – № 1А. Том 12. – С. 293-301. – ISSN 2223-5485.

454. Поправко, Н. В. Генезис массового сознания / Н. В. Поправко, В. Н. Сыров. // Социологический журнал. – 1998. – № 1-2. – ISSN 1562-2495.

455. Репинецкая, Ю. С. К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» / Ю. С. Репинецкая // Самарский научный вестник. – 2017. – № 1 (18). Том 6. – С. 147. – ISSN 2309-4370.

456. Суходолов, А. П. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – № 2. Том 6. – С. 143-169. – ISSN 2308-6203.

457. Телен, Д. Изучение прошлого: индивидуальный опыт и воссоздание / Д. Телен // Indiana Magazine of History, – 2003. – Выпуск 2. Том. 99. – ISSN 1942-9711.

458. Удальцов, В. Г. Функции истории в жизни общества / В. Г. Удальцов // Государственная служба. – 2014. – № 3 (89). – ISSN отсутствует.

459. Утенков, В. М. Об историческом сознании студенческой молодежи / В. М. Утенков, А. С. Закалин // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 119. – ISSN 0132-1625.

460. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма; перевод В. И. Иванова / Ю. Хабермас // THESIS. – 1993. – Выпуск 2. – С. 127. – ISSN отсутствует.

461. Черняк, Е. Б. Западноевропейское масонство XVIII века / Е. Б. Черняк // Вопросы истории. – 1981. – № 12. – ISSN отсутствует.

462. Чернавин, Ю. А. Эволюция и крах СССР. Борьба проектов / Ю. А. Чернавин // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2023. – № 19. – С. 30-35. – ISSN отсутствует.

463. Шифферс, Е. Л. Излечиться от бреда / Е. Л. Шифферс // Российское аналитическое обозрение. – 1995. – № 1. – ISSN отсутствует.

464. Шнирельман, В. А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? / В. А. Шнирельман, С. А. Панарин // Вестник Евразии. – 2000. – № 3 (10). – С. 32-33. – ISSN 1727-1770.

Научные статьи на иностранном языке

465. Habermas, J. Eine Art Schadensabwicklung / Die Zeit. – DOI отсутствует. – Текст : электронный. – URL: https://www.zeit.de/1986/29/eine-art-schadensabwicklung (дата обращения: 27.05.2024).

466. Memory and Power in Post – War Europe: Studies in the Presence of the Past / J.–W. Muller. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 288 p. – ISBN отсутствует.

467. Nemeth, W. J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare / W. J. Nemeth // Thesis, Naval Postgraduate School. – California : Monterey. – 2002. – June. – ISBN 1650–1942.

468. Nolte E. Vergangenheit, die nichtvergehen / E. Nolte // The Journal of Historical Review. 1994. – Volume 14. № 1. – P. 15-22. – ISSN отсутствует.

469. Peters, R. The New Warrior Class / R. Peters // Parameters, Summer. 1994. – P. 16–26. – ISSN 2158-2106.

470. Пичугин, В. Applications with memory load for lexical activation in foreign language learning = Приложения с загрузкой памяти для лексической активации при изучении иностранного языка / V. Pichugin, A. Panfilov, E. Volkova // Frontiers in Education. – 2023. – Volume 8. –

ISSN 2504-284X. – Текст : электронный. – DOI 10.3389/feduc.2023.1278541. – URL: https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/feduc.2023.1278541/full (дата обращения: 19.01.2024).

471. Пичугин, В. Psychological support and strategies for raising motivation in fresh students = Психологическая поддержка и стратегии повышения мотивации у первокурсников / V. Pichugin, T. Li, I. Shaknmalova, N. Ismailova, S. Salimova // Frontiers in Psychology. – 2023. – Volume 13. – eISSN 1664–1078. – Текст : электронный. – DOI 10.3389/fpsyg.2022.1019653 – URL:https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.1019653/full (дата обращения: 19.01.2024).

472. Vanderstel, D. G. «And I thought Historians Only Taught»: Doing History Beyond the Classroom / D. G. Vanderstel // OAH Magazine of History. – 2002. – Volume 16. – Issue 2. – P. 5-7. – ISSN 0882-228X.